

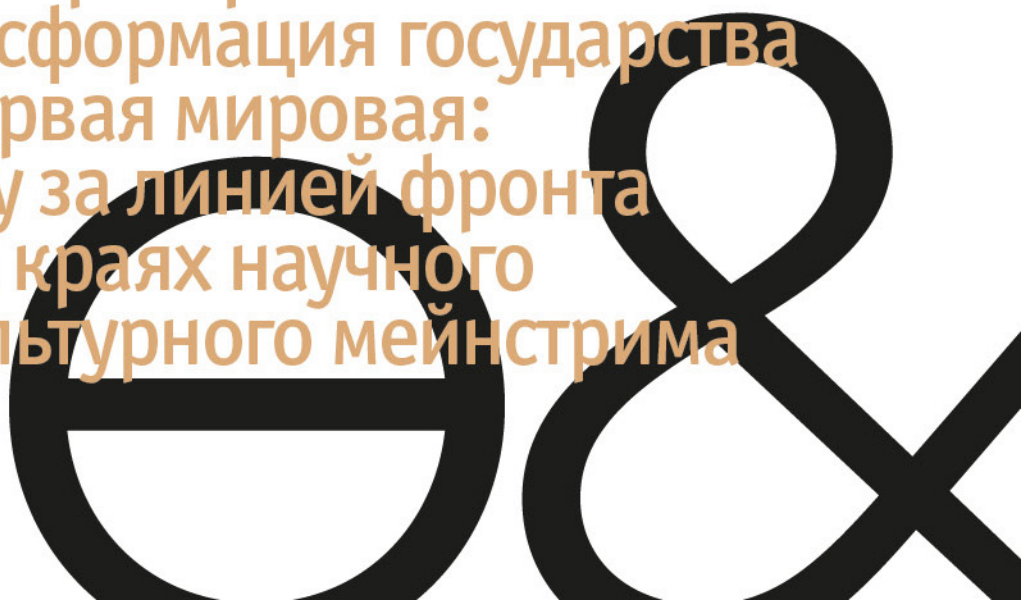

неприкосновенный
запас ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

2

154 2024

* авторитарная
трансформация государства
* первая мировая:
сразу за линией фронта
* на краях научного
и культурного мейнстрима

неприкосновенный запас 2 [154] 2024

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

АВТОРИТАРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ОТ «ЗАХВАТА ГОСУДАРСТВА» ДО РЕВОЛЮЦИИ В ЗАКОНО- ДАТЕЛЬСТВЕ	003	Государство авторитарное, но правовое: о юридических опытах наполеоновской Франции
	023	Халид аль-Азм. Времена парламентаризма в Сирии (фрагменты мемуаров)
	042	Анастасия Киричек. «Лови момент – захвати государство»: политика и коррупция в теории и на практике
АРХИВ «НЗ»	057	Максим Леруа. Уголовный кодекс и социальный вопрос
ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	068	Аргентинский маятник <i>Страницы</i> Татьяны Ворожейкиной
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	077	Появилось будущее <i>Страницы</i> Алексея Левинсона
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: СРАЗУ ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА. СВИДЕТЕЛЬСТВА	081	Шимон Айзенберг. Пыль войны. Отрывки из воспоминаний об исходе евреев из литовских земель в 1915 году
	096	Эллен Ла Мотт. На отливке войны (фрагменты)
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	113	Штефан Вейднер. Разногласия восприятий: экскурс в современные прочтения (и недопрочтения) Корана
НА КРАЯХ МЕЙНСТРИМА: СОЦИО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КУЛЬТУРНОГО И НАУЧНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА	135	Ян Сурман. К истории «науки меньшинств»
	138	Гёктуг Ипек. Турецкие университеты между демократизацией и гонениями на левых (1945–1950)
	148	Слава Герович. Кухня и дача: продуктивные пространства советской математики
	167	«Начинка неузнаваемого»: Игорь Кобылин беседует с уличным художником Синим Карандашом
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	190	Александр Писарев. От математики и кино до Агамбена: обзор российских интеллектуальных журналов
НОВЫЕ КНИГИ	205	Антон Сюткин. Затруднения с политической англелогией: дружеские разногласия с Владимиром Шалларем

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Анастасия Векшина
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekschina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2024

Государство авторитарное, но правовое: о юридических опытах наполеоновской Франции

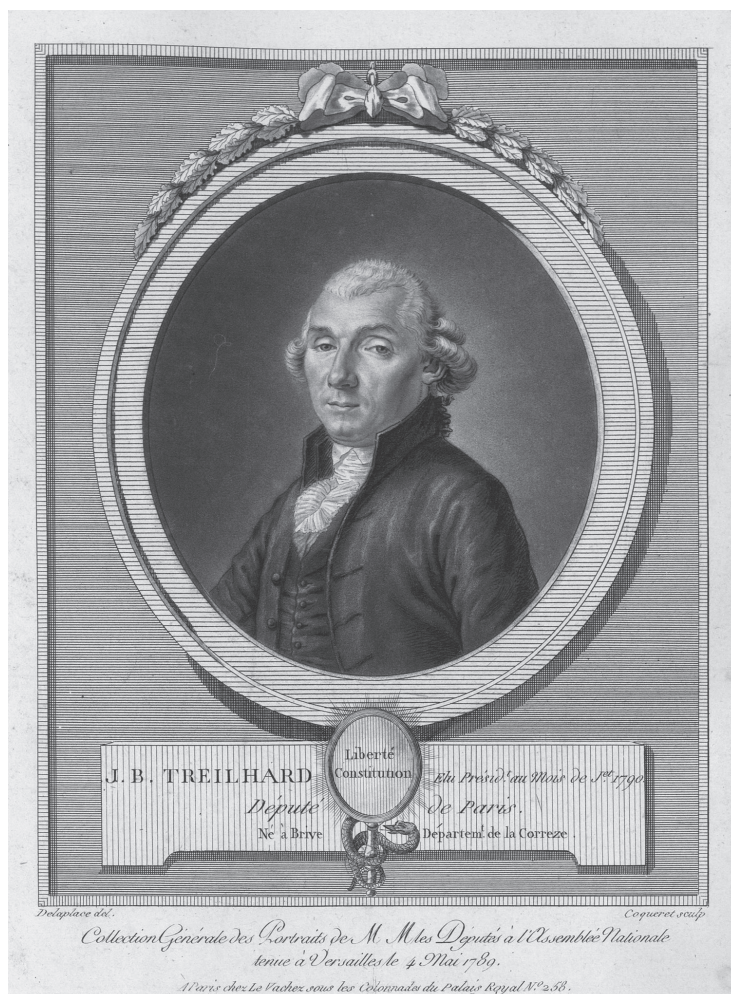
Великая французская революция выдвинула на политическую арену немало талантливых юристов, которые вдохновлялись идеями Шарля-Луи де Монтескьё, Чезаре Беккариа и других просветителей. Многие из них энергично отстаивали принципы уголовного законодательства, равно-го для всех – справедливого, систематизированного, понятно-го для граждан. Некоторым из этих энтузиастов удалось пере-жить сложные перипетии революции и террора, увековечив свое имя в истории права. Одним из таких стал адвокат Жан-Батист Трельяр (1742–1810) – депутат Генеральных шта-тов 1789 года, а потом и Национального собрания. В 1792-м, будучи депутатом Конвента и монтаньяром, он голосовал за казнь Людовика XVI, а с декабря того же года исполнял обязан-ности председателя Конвента. В 1793-м, в разгар революцион-ного террора, Трельяр был арестован и пробыл в заключении до свержения монтаньяров. С приходом Наполеона он в числе самых опытных юристов, работавших в Государственном со-вете – кузнице всех пяти знаменитых наполеоновских кодек-

**АВТОРИТАРНАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ:
ОТ «ЗАХВАТА
ГОСУДАРСТВА»
ДО РЕВОЛЮЦИИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

ГОСУДАРСТВО
АВТОРИТАРНОЕ,
НО ПРАВОВОЕ...

сов, – был привлечен к работе по кодификации французского законодательства, а в 1801-м вошел в комиссию по составлению уголовных законов. Результатом деятельности этого органа стали Кодекс уголовного следствия (1808) и Уголовный кодекс (1810), действовавшие во Франции до 1958-го и 1994 года соответственно. **[Антон Ишков]**

Жан-Батист Трельяр
(1742–1810).

Общее изложение теории Кодекса уголовного следствия, а также изложение мотивов и предварительных положений Первой книги Кодекса, сделанные господином Трельяром, государственным советником и представителем правительства Империи, на заседаниях Законодательного корпуса¹

ГОСУДАРСТВО
АВТОРИТАРНОЕ,
НО ПРАВОВОЕ...

7 ноября 1808 года

Господа, в ходе настоящего заседания все вы призваны правительством дать французскому народу Кодекс уголовного следствия². Сегодня мы представляем вам его первую книгу.

Недостаточно, чтобы наши законы о государственном устройстве давали надежду на значительное улучшение, подготавливая развитие добродетелей и талантов, которые природа вложила в человеческие сердца. Да, мудрые правила, вне всякого сомнения, обратят гражданина к исполнению его обязанностей, и он рано усвоит ту великую истину, согласно которой для тех, кто отклоняется от этой линии, не может быть ни настоящего процветания, ни прочного счастья. Тем не менее, когда барьеры, которые должны отделять нас от преступления, все-таки преодолеваются, приходится браться за злодеев, чтобы, где возможно, призвать их к порядку или, наказывая их, устроить всех, у кого возникает соблазн подражать им. Таковы, господа, цели уголовных законов: эти правовые твердыни, основы которых Его Величество возводит к разуму и философии, имея в виду счастье человечества, были бы несовершенны, если бы в них не предусматривались пути подавления правонарушителей.

Устанавливать нарушения общественного порядка, наказывать виновных, применять наказания – вот обязанность пра-

1 Перевод выполнен по: *Exposé général de la Théorie du Code d'Instruction criminelle, fait par M. le comte Treillard, dans les séances du 7 novembre et 9 novembre 1808* // LOCRÉ J.-G. *La législation civile, commerciale, et criminelle de la France, ou commentaire et complément des codes français*. Paris: Treuttel et Wuertz, 1831. P. 53–63, 231–247. Текст печатается с незначительными сокращениями. Здесь и далее – *примечания переводчика*.

2 Фактически речь идет об уголовно-процессуальном кодексе.

воприменителя. Обязанность же законодателя состоит в том, чтобы выработать для правоприменителя надежные правила, которые позволят ему быстро знакомиться с фактами. Затем законодатель установит в отношении каждого вида преступлений и проступков соразмерные им и справедливые наказания, достаточно суровые, но не крайне жестокие. Таким образом, французский народ прославит себя двумя кодексами, уголовным и процессуальным, которые вместе составят наше уголовное законодательство. В данный момент мы говорим только о первом, процессуальном, Кодексе.

Надо ли повторять, что ход уголовного следствия имеет совершенно иное значение, чем ход гражданского судопроизводства? В последнем двое граждан предстают перед судом по делу, которое интересует только их; один излагает свой иск, другой представляет свою защиту, стороны предъявляют свои доказательства, судья выносит решение. В уголовном же деле, напротив, необходимо защищать отнюдь не отдельного гражданина: реальной стороной здесь выступает общество – именно все общество, пострадавшее из-за нарушения общественного спокойствия и безопасности, настаивает на судебном разбирательстве и осуждении виновного. В гражданских делах публичная сторона всегда молчит; если она и проявляет себя, то это делается либо в интересах некоторых граждан, которые в силу возраста, здоровья, отсутствия лишены возможности действовать сами, либо когда стороной оказывается какой-то государственный орган, либо же для соблюдения некоторых полезных форм – но почти всегда это связано с особыми интересами. В уголовных делах, однако, всегда активно участвуют должностные лица, выступающие от имени государства: они расследуют, представляют обвинение в суде, ходатайствуют. Каждый шаг в разбирательстве уголовного дела является, по сути, актом должностного лица.

В любом подобном случае под угрозой находится не просто часть имущества гражданина, а все его существование: за совершенное преступление перед обществом отвечают жизнью и честью. Ошибка правоохранительных органов, оборачивающаяся либо осуждением невинного, либо освобождением виновного, всегда наносит огромный ущерб общественному порядку. Поэтому если для подготовки Гражданского процессуального кодекса, который вы уже приняли, потребовалось самое тщательное обсуждение, то при составлении Кодекса уголовного следствия понадобится не только глубокое размышление, но и поистине религиозное рвение. Все законы, из которых он составлен, имеют целью или ход разбирательства, или вынесение судебного решения, или приведение такого решения в исполнение.

Итак, кому будет поручено проведение следствия и какой орган власти будет выносить решения? Здесь мы имеем дело с важным различием факта и права. Обзаведемся ли мы людьми, которым специально и исключительно поручат высказываться по вопросам факта? Будет ли это право передано гражданам, выбранным из числа наиболее просвещенных и здравомыслящих, глубоко заинтересованным в поддержании общественного порядка и выгодах, которые он дает, – тем гражданам, наконец, чья общеизвестная нравственность сможет гарантировать обвиняемым то благотворное и постоянное внимание, которого каждый будет желать для себя, попав в их мучительное положение?

ГОСУДАРСТВО
АВТОРИТАРНОЕ,
НО ПРАВОВОЕ...

В уголовном деле необходимо защищать отнюдь не отдельного гражданина: реальной стороной здесь выступает общество – именно все общество, пострадавшее из-за нарушения общественного спокойствия и безопасности, настаивает на судебном разбирательстве и осуждении виновного.

Если бы присяжных невозможно было очистить от пороков, которыми они запятнали себя в мрачные времена³ – все еще слишком близкие, если считать только дни, но исчисляемые тысячами столетий, если рассматривать произошедшие с тех пор события, – то этот институт следовало бы запретить. Но если мы не забыли, что введение суда присяжных в свое время было вызвано общенациональным желанием, если мы помним благотворные последствия, которые он оказывал до тех пор, пока наши внутренние волнения не исказили его принцип, если мы не хотим скрывать от себя, что ни одно учреждение не избежало в ту пору рокового влияния, которое исказило деятельность присяжных, если мы, наконец, убеждены, как и должно, в том, что общество ныне полностью очистилось от тлетворной атмосферы, которая его окутывала, – иначе говоря, если мы увидим, что затмение принципов порядка и справедливости рассеивается повсеместно, то думающим людям будет трудно отказаться от института присяжных.

- 3** В 1793–1794 годах, когда находившиеся у власти якобинцы развязали массовые репрессии против политических противников, Революционный трибунал, работавший в ускоренном порядке и без должного следствия, вердиктами присяжных отправил на гильотину тысячи людей. Репутация института присяжных была испорчена, и поэтому при разработке Кодекса уголовного следствия необходимость его сохранения в правовой системе превратилась в один из самых спорных вопросов. В конечном счете, для его разрешения потребовалось личное вмешательство Наполеона. Подробнее см.: Михайлов П.Л. *Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация*. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

И почему бы нам снова не увидеть блеска, присущего первым дням работы этого установления? Стала ли французская нация сегодня менее ревностно относиться к своей гражданской свободе? Сделалась ли кровь гражданина для нас менее ценной? Ослабла ли ненависть к преступлению в наших душах? Неужели мы менее склонны жертвовать чем-либо, чтобы приобрести столь страстно желаемое? Неужто мы меньше любим правительство – вопреки тому, что мудрость его наблюдаем каждый день? И, когда великий гений, донесший славу Франции до самых краев света, предлагает доверить безопасность народа и судьбу будущих поколений институту присяжных, когда взоры и помыслы правителя устремлены на граждан, которые достойно выполняют свои обязанности, кто из нас готов отнестись к этому не с теплотой, а с неприятием?

Да, полезные реформы, напрашивавшиеся в нынешней практике этого учреждения, не вызывают сомнений. Необходимо было сузить круг, из которого выбираются присяжные, чтобы гарантировать нации правильный их отбор; необходимо было предоставить гражданам возможность давать им отводы, которые не являлись бы иллюзорными и безосновательными, и найти способ, который не позволил бы обвиняемым преждевременно знакомиться со своими присяжными; необходимо было с помощью мудро спланированной организации процесса предотвратить слишком частый вызов в коллегии присяжных одного и того же лица. Ведь повторное выполнение этой почетной функции имело бы двойной недостаток: во-первых, оно ослабило бы привычкой то глубокое почтение, которым должен проникаться присяжный, когда он вступает в святилище правосудия, и, во-вторых, оно стало бы обременительным, слишком часто отвлекая человека от привычных занятий. Наконец, взывая к совести присяжных, мы должны требовать от нее исключительно простого ответа, ясного по форме и вдохновляемого сугубо убежденностью.

Опыт диктовал нам, что нужно было делать, – и в итоге именно это было сделано. И пусть теперь нас перестанут укорять в том, что наши присяжные лишены правовых знаний и не осведомлены в судебных формальностях. Какая же, интересно, нужда у присяжных заседателей в знании права и процедуры? Разве им поручено следить за соблюдением форм и законов? А если им предстоит разбираться с фактами, то в этой сфере требуются гораздо более ценные качества: такие, как правильность ума, чистота сердца и знание жизни.

Они всегда будут выказывать то глубокое и благотворное внимание, которого никогда не бывает в избытке при исполнении священных обязанностей, совершаемом редко; они проникнутся священным уважением к несчастью обвиняемого

(ибо до вынесения приговора ничья вина не считается доказанной) – уважением, которое заметно ослабевает, когда мы каждый день видим перед собой зрелище несчастья. Прежде всего они не заразятся черствостью, порождаемой в нас всем тем злом, свидетелями которого нам, юристам, приходится быть⁴. В остальном, господа, мы уже давно высказали все, что могло быть произнесено за и против института присяжных; закон, касающийся этого вопроса, вскоре будет вам представлен.

Сохраняя коллегии присяжных, мы не должны были отказываться от другого института, потребность в котором стала очевидной в силу многолетнего опыта. Я имею в виду специальные суды, учрежденные для рассмотрения определенных преступлений, которые не влекут за собой слишком активного преследования, слишком оперативного разбирательства и слишком сурового наказания. Далее, общий порядок расследования не мог применяться ко всем видам преступлений или ко всем обстоятельствам, возникающим в ходе рассмотрения дела, и это тоже нужно было учесть. В частности, Кодекс устанавливает особые правила, касающиеся расследования подделки документов – преступления, которое наносит значительный ущерб общественному и частному имуществу и совершается в тени. Виновные в подделке документов скрываются с изощренным коварством; поэтому убежденность в виновности лица здесь обеспечивается всей пронизательностью и опытностью экспертов, ответственных за необходимые проверки и сравнения.

Также, господа, вы найдете в последующих законах, которые будут вам представлены⁵, и регулирование заочного рассмотрения дел, и правила восстановления изъятых или уничтоженных по чрезвычайным причинам материалов по уголовным делам, и порядок установления личности осужденных, которые сбежали, но были схвачены. Разумеется, вы понимаете, что мы не забудем обозначить правила работы судей и направления дел в другой суд, поскольку это те два средства правовой защиты, которые закон предоставляет гражданам для устранения любых сомнений в компетентности судейского корпуса. Далее, господа, вы также найдете в Кодексе способы обжалования решений, вынесенных по уголовным делам: либо в кассационном порядке из-за несоблюдения строго предписанных форм, влекущих недействительность процедуры, а также из-за явных нарушений закона, либо же в порядке ревизии в слу-

4 Речь идет о профессиональной деформации юриста, порой делающей исполнителей правосудия бездушными. Трельяр воспроизводит здесь тезис Чезаре Беккариа: БЕККАРИА Ч. *О преступлениях и наказаниях*. М.: ИНФРА-М, 2024.

5 Кодекс принимался по частям; он состоял из девяти законов, которые потом были объединены. Аналогичным образом принимались все пять кодексов наполеоновской эпохи.

чаях – к счастью, очень редких, – когда, например, человека осудили за убийство, жертва которого вдруг нашлась живой⁶.

Наконец, господа, существует класс граждан, который заслуживает совершенно особого внимания законодателей, ибо их поведение должно быть абсолютно свободным от упреков в силу того, что они сами несут ответственность за соблюдение законов. Я говорю о судьях. Необходимо гарантировать им защиту от страстей, которые порой вызываются принимаемыми ими решениями – нередко сугубо из-за того, что они лишь строго выполняют свои обязанности. Одновременно необходимо гарантировать обществу, что их собственные проступки ни в коем случае не останутся безнаказанными. Поэтому закон определяет способ расследования правонарушений, совершенных судьями при исполнении служебных обязанностей, а также за их рамками. Не стану вдаваться в дальнейшие подробности; достаточно сказать, что Кодекс уголовного следствия будет довольно полным. Граждане найдут там точно сформулированные процедуры для любых возникающих при рассмотрении уголовного дела ситуаций, а правоприменители – надежное регулирование для всей своей деятельности.

Последний из обсуждаемых законов будет посвящен некоему вопросу, представляющим особый общественный интерес и имеющим универсальное значение. Там будут содержаться правила реабилитации осужденных. Реабилитация! При этом слово душа готова воспрять. Преследовать обвиняемых и выносить приговоры виновным – тяжкая обязанность и суровое служение, поскольку перед глазами всегда тюрьма, кандалы, смерть. В свете столь печальных перспектив следует предусмотреть какие-то утешения. Будет ли человек, приговоренный к тюремному заключению или каторжным работам, навсегда потерян для общества? Неужели нет никакого способа очистить его от позора, каким он себя запятнал? И разве нельзя возродить его для добродетели? Не стану спорить, такая метаморфоза сложна, но давайте, однако, не будем отказываться от надежды. Порядок, который должен утвердиться в местах принудительного содержания преступников, может иметь большое значение для их преобразования.

Мы знаем, что все преступления порождаются недостатками воспитания, заразой дурных примеров и, конечно же, праздностью, справедливо провозглашенной матерью всех пороков. Так давайте же постараемся закрыть эти источники порчи! Пусть в исправительных учреждениях постоянно соблюдаются правила здоровой морали: будем подавать их обитателям

6 В российском праве пересмотр дела в порядке ревизии называется обжалованием приговоров по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Понятно, что, если жертва убийства вдруг оказалась живой, дело нужно пересматривать вне зависимости от того, насколько давно был вынесен приговор.

пример трудолюбивой жизни – и вскоре они начнут жить по-новому, сожалея о прошлом, что является первым предвестником уважения к своим гражданским обязанностям. И не думайте, господа, что я сейчас предаюсь напрасным иллюзиям. Учреждения того типа, который я описываю, уже существуют, причем, к счастью, на территории Империи их довольно много⁷. Еще немного времени – и организация всех мест заключения будет идеальной, ибо благие дела сегодня творятся с молниеносной быстротой. Таким образом, пребывание в печали и нужде превратится для осужденных в источник будущих надежных благ, формируя привычку к труду и любовь к профессии. Пережив свое горе, они будут выходить на свободу не так, как раньше – без средств к существованию и в полном одиночестве, опять на краю пропасти, из которой только что выбрались. Отныне у них будет запас имущества, накопленного за счет собственного труда, который позволит по крайней мере удовлетворять самые насущные потребности.

Это большой шаг к добродетели; но вопрос в том, сумеет ли человек, переживающий исправление, совершить его при наличии извечных и серьезных ограничений? Как он может добиваться самоуважения, если над ним по-прежнему довлечет бремя бесчестья? Вам не удалось бы заставить обратиться к добродетели человека, навсегда наделенного статусом преступника. О, если бы он действительно раскаялся, будущая кончина стала бы для него менее мучительной. Несомненно, мы не собираемся предлагать вам очистить его репутацию до тех пор, пока он не пройдет всех испытаний, предоставляющих обществу полную гарантию его исправления. Но, когда такая гарантия будет получена, вы, конечно, не откажетесь вернуть его семье и согражданам таким же, каким он был до своего падения. Вот в этом и заключается цель реабилитации: преимущества этого закона в дальнейшем будут раскрыты перед вами гораздо детальнее, чем я смог сейчас обозначить.

Я убежден, господа: только что прозвучавший общий обзор Кодекса уголовного следствия обязательно должен был предшествовать подробному изложению каждого закона, который будет в него включен.

9 ноября 1808 года

Господа, первый закон, который мы представляем вам сегодня, касается судебной полиции. Что такое судебная полиция и чем она отличается от административной полиции?

7 По-видимому, Трельяр говорит здесь о реформированных местах лишения свободы, созданных во Франции в соответствии со стандартами Уголовного кодекса 1791 года.

До тех пор, пока тот или иной умысел остается похороненным в сердце того, кто его формирует, и пока никакие внешние действия, письменные материалы, сказанные слова не проявили его, он будет всего лишь мыслью – и никто не вправе требовать его учета. Однако те люди, которые давно приучены следить за населением и вникать в самые потаенные его намерения, хотели бы предотвращать преступления с помощью полезной предусмотрительности и вытекающих из нее благотворных мер. Такова одна из первых забот административной полиции – полиции, в некотором роде невидимой, но тем более действенной, чем больше ее игнорируют. Мы же, остальные граждане, наслаждаемся предоставляемыми ею благами, не задумываясь о том, каких усилий и страданий это стоит.

Бдительность эффективно работающей полиции часто не оставляет злодею ни надежды преуспеть, ни возможности действовать, так как он сталкивается с ее служителями повсюду, нигде их не видя. Он вынужден преодолевать препятствия, которые, как ему кажется, порождает сама случайность – ничуть не подозревая, что за этим мнимым стечением обстоятельств таится глубокая мудрость. Итогом качественной деятельности административной полиции является то, что человек, намеревающийся совершить преступление, оказывается в ловушке при первом же своем шаге. Именно в такой момент судебная полиция может и должна проявить себя: ее агентам нельзя терять ни минуты, малейшее промедление приведет к исчезновению преступника и сокрытию следов преступления. Таким образом, необходимо, чтобы сотрудники судебной полиции были рассредоточены по всей территории Империи и имели возможность безопасно работать – ибо их деятельность не прекращается ни на минуту.

Закон, который мы вам представляем, точно определяет виды и обязанности всех этих должностных лиц, в нем излагается четко просчитанный ход расследования, вплоть до момента передачи обвиняемых в руки суда, которому предстоит заняться их судьбой. Не останавливаясь на моментах, которые не вызовут сколько-нибудь серьезных затруднений, я обращаю ваше внимание только на положения статей 5, 6 и 7.

Статья 5 закона гласит, что любой француз, совершивший за пределами Франции преступление, направленное против государственной безопасности, правил хранения государственной печати и обращения с национальной валютой или национальными ценными бумагами, может быть привлечен к уголовной ответственности, судим и наказан во Франции в соответствии с французским законодательством. Статья 6 применяет ту же норму к иностранцам, которые, будучи исполнителями или соучастниками тех же преступлений, будут арестованы во Фран-

ции или выдача которых французским властям будет обеспечена правительством. Статья 7 устанавливает, что каждый француз, виновный в преступлении против француза, совершенном вне территории Империи, по возвращении на родину может быть привлечен к ответственности и предан суду – в том случае, если он не привлекался к ответственности и не был судим за границей. Эти статьи были приняты после долгого и обстоятельного обсуждения, в подробности которого я не считаю нужным здесь вдаваться.

ГОСУДАРСТВО
АВТОРИТАРНОЕ,
НО ПРАВОВОЕ...

Бдительность эффективно работающей полиции часто не оставляет злодею ни надежды преуспеть, ни возможности действовать. Он вынужден преодолевать препятствия, которые, как ему кажется, порождает сама случайность – ничуть не подозревая, что за этим мнимым стечением обстоятельств таится глубокая мудрость.

Общий принцип в рассматриваемой сфере заключается в том, что право преследовать обвиняемого в судебном порядке принадлежит исключительно должностным лицам той территории, на которой преступление было совершено, или же территории, которую преступление затронуло. Те посягательства, которые упомянуты в статье 6, наносят ущерб безопасности всех государств, поэтому их общие интересы будут провоцировать преследование в тех ситуациях, когда преступник, преисполнившись наглости, объявится на территории, находящейся под юрисдикцией правительства, которому он собирался нанести урон. Что касается француза, который, находясь за пределами Империи, посягнул на жизнь другого француза, то очевидно, что он причинил ущерб законам своей страны. Не вызывает сомнения, что положения соответствующих статей справедливы и высоконравственны. Поэтому я спешу перейти к деталям закона о судебной полиции.

Нарушения законов бывают более или менее серьезными: если одни бросают вызов простым полицейским правилам, то другие нарушают нормы, находящиеся в ведении исполнительной полиции, а третьи и вовсе наносят прямой ущерб безопасности граждан. До сих пор все подобные деяния назывались преступлениями или проступками без всякого разбора, что зачастую приводило к путанице, которую полезно предотвратить на будущее. Отныне закон квалифицирует в качестве «преступлений» деяния, которые влекут за собой мучительное

или позорящее наказание; «проступками» он называет деяния, подпадающие под юрисдикцию исправительной полиции и наказуемые более или менее длительным заключением или серьезным штрафом; наконец, «нарушениями» в нем именуется деяния, караемые малым штрафом или краткосрочным тюремным сроком⁸.

Для выявления всех перечисленных видов правонарушений нужны должностные лица; они нужны повсюду – и прежде всего от них требуется быть активными, образованными, опытными. В первой главе закона сначала указываются задачи судебной полиции: она расследует преступления, проступки и нарушения; она собирает доказательства; она передает виновных судам, которым поручено их наказать. Затем закон определяет должностных лиц, которые обязаны осуществлять функции судебной полиции, причем назначение этих фигур не одинаково⁹. Одни отвечают за расследование нарушений полицейского свойства: это комиссары полиции, а в муниципалитетах, где таковых нет, – мэры или их заместители. Другие несут особую ответственность за расследование лесных и сельских правонарушений: это лесные и полевые стражники. Далее, мировые судьи, офицеры жандармерии и генеральные комиссары полиции¹⁰ получают сообщения о правонарушениях, совершенных в местах, где они выполняют свои обычные обязанности, и, поскольку средства защиты прав граждан должны оставаться максимально доступными, мэрам, а также помощникам мэров и комиссарам полиции также предоставлены полномочия по приему заявлений от населения. В руках имперского прокурора находится вся информация, собранная другими агентами судебной полиции; именно этот магистрат несет особую ответственность за расследование и судебное преследование всех преступлений и правонарушений, а остальные должностные лица, перечисленные выше, выступают лишь его помощниками. Наконец, еще один магистрат будет следить за ходом уголовного преследования и выполнением требований имперского прокурора.

Из всего сказанного видно, что ни одна часть Империи не будет безнадзорной и что ни одно преступление, ни один просту-

- 8 Для обозначения этих категорий в тексте используются термины *crimes, délits* и *contravention*. Если сопоставлять эту классификацию с современными категориями преступлений, представленными в Уголовном кодексе Российской Федерации, то первому разряду соответствуют тяжкие и особо тяжкие преступления, второй разряд соотносится с преступлениями средней и наименьшей тяжести, а третий разряд покрывает административные правонарушения.
- 9 Судебная полиция в наполеоновской Франции рассматривалась скорее не как совокупность должностных лиц, а как особый вид деятельности.
- 10 Генеральный комиссар полиции – должностное лицо, которое действует в городах с населением более 100 000 человек и которому подчиняются обычные комиссары полиции. Должность была учреждена имперским законом «Об административном делении французской территории», принятом 17 февраля 1800 года («Loi du 28 pluviôse an VIII concernant la division du territoire français et l'administration»).

пок, ни одно нарушение не останутся без судебного преследования. Взор гения, который знает, как привести в движение эту огромную машину, объемлет все – от него не ускользает ни одна деталь. Обязанности должностных лиц, о которых только что шла речь, изложены в различных главах закона. Я не собираюсь раскрывать здесь все положения, которые их касаются; чтобы понять их логику, достаточно со вниманием прочитать закон.

Первейшее требование закона состоит в том, чтобы о любом правонарушении становилось известно государству, – иначе говоря, чтобы оно преследовалось в судебном порядке, а виновные привлекались к ответственности. Исходя именно из этого функции судебной полиции поручаются множеству людей, и как раз поэтому мы хотели, чтобы высшие должностные лица государственной администрации, которых ни в коем случае не следует путать с сотрудниками судебной полиции, могли иногда требовать действий от полицейских агентов и даже лично совершать некоторые шаги, направленные на установление фактов преступлений.

Я уже говорил, что административная полиция предотвращает многие беды, проникая в тайные намерения людей: исходя из этого нетрудно понять, что порой служители закона сталкиваются с самой неотложной необходимостью схватить преступника и изъять орудия его преступления и что потерянное мгновение может оказаться невосполнимым. По этой причине было решено наделить подобным правом префектов, которые административными средствами иногда добиваются информации, способной обесцениться из-за задержки в связи с обращением к сотруднику судебной полиции. Таким образом, для них узакониваются действия, которые прежде рассматривались только как простое информирование и не считались существенной частью процедуры. Предоставив мэрам, заместителям мэров и комиссарам полиции право расследовать обычные нарушения, мы не преминули дать им понять, что они должны со всем усердием и тщанием оформлять протоколы, чтобы не упустить ничего, что могло бы свидетельствовать о характере деяния, его обстоятельствах, времени, месте, доказательствах и уликах – в том числе и свидетельствующих в пользу обвиняемого и способных его оправдать.

Для нас также было важно предотвратить возможный отказ комиссара полиции одного округа регистрировать правонарушения, совершенные в другом округе той же коммуны, так как подобные территориальные разграничения не означают сужения их полномочий; следовательно, когда один комиссар не имеет возможности действовать, его незамедлительно должен заменить другой, поскольку искоренение зла является первей-

шей потребностью общества. При установлении полномочий лесных и полевых стражников нельзя было обойтись без предоставления им права искать украденные вещи, но мудрая осмотрительность потребовала, чтобы входить в жилища и частные владения им было позволено только при содействии мирового судьи или мэра.

Мировые судьи, жандармские офицеры и генеральные комиссары полиции обязаны, как я уже сказал, получать донесения обо всех преступлениях и правонарушениях, совершенных в местах, где они выполняют свои повседневные обязанности, и незамедлительно передавать их имперскому прокурору. Но мы вынуждены были расширить их полномочия и юрисдикцию в отношении дел, касающихся явки с повинной: в таких случаях они не ограничиваются простой передачей информации, ибо здесь необходимо действовать незамедлительно.

Внезапное появление сотрудника судебной полиции иногда может предотвратить совершение тяжкого преступления в полном объеме; оно по крайней мере способно помешать побегу преступника или сокрытию улик. Все действия, которые мог бы произвести в такой момент следственный судья¹¹, имеют право осуществлять также мировые судьи, жандармские офицеры и генеральные комиссары полиции. Кроме того, в случаях, связанных с явкой с повинной, было сочтено полезным предоставить права и возложить обязанности комиссаров полиции и на мэров тоже.

Теперь я перехожу к другому должностному лицу судебной полиции, пользующемуся настолько большим доверием, облеченному настолько широкой властью и имеющим настолько сильное влияние, что я ничуть не преувеличу, сказав: именно его всегда упрекают первым, когда там, где оно выполняет свои обязанности, появляются жалобы на нарушения общественного порядка. Наверное, понятно, что речь идет об имперском прокуроре. Именно он несет особую ответственность за расследование всех преступлений и проступков и судебное преследование их виновников. Именно он должен, как только ему становится известно о нарушениях, сообщить о них генеральному прокурору; он постоянно пребывает в поле зрения генерального прокурора, поскольку последний является оком правительства. Именно в результате неустанного и тесного общения имперского прокурора с генеральным прокурором, а генерального прокурора с министром [юстиции] выходят наружу чиновничьи злоупотребления, а также мягкость и беспечность, которые простительны для частного лица, но недопустимы для должностного лица.

11 Речь идет о должностном лице, уполномоченном расследовать тяжкие преступления: это следователь, являющийся по своему статусу судьей.

Имперская прокуратура не ограничивается расследованием преступлений и преследованием обвиняемых – она также отвечает за самостоятельную фиксацию фактов в тех случаях, когда обвиняемый пойман с поличным на месте преступления. Как только прокурор узнает о преступлении, которое недавно совершилось, он должен без промедления прибыть на место, чтобы составить все необходимые протоколы для установления состава преступления, а также осмотреть место происшествия¹². Именно в этот первый момент имперский прокурор, намереваясь выявить все улики, должен заслушать показания присутствующих или иных лиц, способных предоставить ему какую-то информацию: он вызывает родственников, соседей, прислугу – всех тех, кто, по его разумению, способен снабдить его полезными сведениями. Он может настаивать на том, чтобы тот или иной человек не выходил из дома или не покидал место происшествия до тех пор, пока не будет составлен протокол; он может даже прибыть в жилище обвиняемого, произвести обыск, изъять документы и прочие вещественные улики, которые считает полезными для установления истины. Кроме того, закон наделяет его всеми необходимыми полномочиями для ареста обвиняемых (если таковые наличествуют) или для их доставки к нему (если они отсутствуют); ему вообще дозволяются любые действия, которые могли бы способствовать выявлению виновного. Мне нет необходимости говорить, что закон должен был установить формальности, которые придают большую силу и больший вес действиям имперского прокурора, а также, что он предписывает этому магистрату привлекать к расследованию экспертов, если присутствие последних необходимо для того, чтобы оценить характер и обстоятельства происшествия.

Имперский прокурор передает материалы следственному судье и требует от него всего, что сочтет нужным. Само по себе звание следственного судьи достаточно точно характеризует обязанности этого магистрата. Подобный судья ведет следствие, принимает жалобы, заслушивает свидетелей, собирает письменные и вещественные доказательства. Он может пересматривать акты, переданные сотрудниками судебной полиции, если они кажутся ему неполными. Наконец, он представляет свой отчет Советательной палате¹³. Наделяя имперского прокурора правом лично констатировать факт преступления в случаях, не терпящих отлагательства, мы, конечно, не име-

12 Речь идет о тяжких преступлениях, которые в общем порядке подведомственны следственному судье; при этом для совершения неотложных следственных действий специальными полномочиями наделяются и имперские прокуроры, о чем будет сказано ниже.

13 Советательная палата (Chambre du conseil) – отделение при императорском (апелляционном) суде, которое осуществляет надзор за предварительным расследованием тяжких преступлений.

ли в виду лишать такого же права следственного судью; последний, несомненно, может сам делать в подобных случаях все, что имперский прокурор сделал бы в его отсутствие. Поэтому имперскому прокурору поручено предупреждать следственного судью о своем прибытии на место преступления, и, если два магистрата встретятся вместе, каждому из них предписывается выполнять свою функцию: прокурор запрашивает следственные действия, а следственный судья выносит постановления по ходу расследования. Первейшее обязательство, налагаемое на следственного судью, состоит в том, чтобы не предпринимать никаких действий без предварительного уведомления имперского прокурора, который со своей стороны не может слишком быстро приступить к рассмотрению дела.

Из этого общего правила, однако, есть исключение, касающееся ордеров для привода или задержания обвиняемого, которые обычно выдаются в срочном порядке; следственный судья обладает правом выдать такой ордер, не дожидаясь заключения имперского прокурора. Кроме того, еще одна обязанность следственного судьи связана со случаями, когда или преступление совершалось не в его юрисдикции, или обвиняемый проживает за ее пределами и не найден по месту жительства; в подобных ситуациях он обязан поторопиться, чтобы передать дело тому судье, который должен его рассматривать.

Следствие производится по иску публичной стороны, но вместе с тем любое лицо, которое утверждает, что ему причинен вред, также имеет право подать жалобу и обратиться с гражданским иском, официально заявив об этом либо в ходе самой подачи жалобы, либо в более позднем акте, предшествующем вынесению судебного решения. В главе о следственных судьях, господа, вы найдете подробные правила подачи жалоб, а также гражданских исков, включая положения о заслушивании свидетелей, их обязанности являться в суд и мерах принуждения в отношении неявившихся, приносимых свидетелями клятвах, выездах судьи для заслушивания тех, кто не в состоянии явиться лично.

Непременной обязанностью следственного судьи выступает максимально тщательный сбор всего того, что может помочь установить виновного; иначе говоря, он должен будет выезжать по служебной надобности или по собственной инициативе – либо в дом подозреваемого, либо в иные места, где могут быть спрятаны улики, способствующие установлению истины. Наконец, следственный судья не должен упускать из виду абсолютно ничего из того, что может иметь отношение к цели, которой он руководствуется в своей деятельности.

Было бы невозможно вести расследование, если бы магистрат не имел полномочий принуждать обвиняемых или свиде-

телей предстать перед ним, когда он сочтет это необходимым. С этой целью он имеет право издавать акты, называемые ордерами¹⁴. Различают ордера на явку в суд, привод в суд, арест; закон устанавливает, насколько это возможно, те случаи, в которых может выдаваться каждый из упомянутых ордеров, – в зависимости от тяжести деяния он регулирует их формы, а также способы исполнения. Я также хотел бы указать на то, что закон предусмотрел для магистрата строгое обязательство без промедления допрашивать всех, кто предстанет перед ним согласно предписаниям упомянутых ордеров. Однако тут перед нами встает важнейший вопрос: должен ли каждый человек, в отношении которого выписан ордер на арест, ожидать суда исключительно в статусе арестованного? Мы отвечаем на него отрицательно. Господа, если для блага общества необходимо тщательно следить за тем, чтобы виновные не могли скрыться, не менее пристального внимания заслуживает и то, чтобы гражданин лишился свободы лишь в одном случае: когда есть серьезный риск, что он злоупотребит своей свободой во вред обществу. Таким образом, если обвинение не влечет за собой мучительного или позорящего наказания, то обвиняемый может быть освобожден под залог, хотя в этом праве необходимо полностью отказывать бродягам и рецидивистам, ибо их нравственный облик не дает нам никаких гарантий. В освобождении под залог также будет отказываться во всех случаях, когда обвиняемому грозит мучительное или позорящее наказание: ведь если бы здесь допускалось временное освобождение под залог, то возникли бы основания опасаться, что богатые люди так или иначе изыщут способы остаться безнаказанными. Между тем как раз они, по-видимому, заслуживают кары в наибольшей мере, чем другие граждане, поскольку, пользуясь всеми благами, предоставляемыми обществом, они гораздо больше других обязаны беречь социальную гармонию и не нарушать ее.

Наконец, следствие завершено: следственный судья выяснил все, что можно было узнать, заслушал свидетелей, собрал все доказательства и передал обвиняемых в руки правосудия. Теперь настало время решить, есть ли основания для предъявления обвинения, – и передать дело компетентному органу, который будет его рассматривать. Не станем скрывать, господа, что обвинительная коллегия присяжных в том виде, в каком она существует, не оправдала надежд, которые возлагались на это учреждение: слишком часто судебное преследование, которое не стоило прерывать, пресекалось снисходительным

14 В приводимом контексте термин *mandat* можно перевести и как «ордер», и как «постановление». Ордер, вызывающий гражданина в суд – *mandat de comparution*, – является аналогом российской повестки о явке в суд.

и необдуманым вердиктом. Средство, которое мы пытались противопоставить злу, само по себе не лишено недостатков – жалобы по этому поводу звучали много раз, и поэтому мы сочли необходимым организовать эту часть правосудия иначе¹⁵.

Те же самые люди, которые, будучи свидетелями всестороннего расследования, выносят качественный вердикт в силу своего глубокого убеждения, не всегда столь же склонны принимать решение о направлении обвиняемого в суд – неминуемо неполное, ибо перед глазами нет ни обвиняемых, ни свидетелей, – в зависимости от того, есть ли основания для предъявления обвинения. Судейское жюри выражает то, что оно чувствует, исходя из полного знания фактов, а обвинительное жюри, напротив, вынуждено исходить из того малого, что ему на момент предъявления обвинения известно – чтобы сформировать мнение о том, что еще не известно. Такой порядок удивляет людей, которые к нему непричастны, так как баланс между обвинителем и обвиняемым в этом случае удерживается не всегда. Необходимо было передать право заявлять о наличии или отсутствии оснований для предъявления обвинения в другое место – туда, где учитывались бы социальные и личные интересы обвиняемого.

Вы, конечно, знаете, господа, что этот важный вопрос заслужил личного внимания Его Величества – и это само по себе говорит о том, что он был решен эффективно. Следственный судья должен охватывать своей работой всю активность, исходящую из обязанности не упускать из виду ничего, во что было бы полезно углубиться. Далее, закон обязывает его не реже одного раза в неделю представлять в Совещательную палату отчет о делах, расследование которых завершено. Иногда может случиться так, что досконально проверенный факт не будет свидетельствовать ни о преступлении, ни о проступке, ни о нарушении. Если мнение судей окажется таким, то Палата объявит, что оснований для судебного преследования не имеется, – и постановит, что обвиняемый, если он был арестован, должен быть освобожден. В тех же случаях, когда рассматриваемое деяние представляет собой простое полицейское нарушение, обвиняемый должен быть передан в обычный полицейский суд, а в случае его задержания будет вынесено аналогичное постановление об освобождении. Если, наконец, проступок подлежит наказанию в виде исправительных мер, то обвиняемый будет передан в суд, который должен рассмотреть его дело.

15 На первом этапе революции, в 1791 году, французы скопировали у англичан двойной суд присяжных по тяжким преступлениям. Сначала одна коллегия – Большое (обвинительное) жюри – решала вопрос о направлении дела в суд, а уже по итогу судебного рассмотрения свой вердикт о виновности обвиняемого выносила более привычная нам коллегия из двенадцати присяжных, или Малое (судейское) жюри. После длительных дискуссий, сопровождавших подготовку наполеоновского кодекса, было принято решение отказаться от обвинительного жюри.

Но должны ли мы по-прежнему подвергать общество опасности из-за случайного решения остановить преследование за вполне реальное преступление на основании ложного предположения, будто данное деяние не представляет собой правонарушения, или, возможно, из-за того, что дело относится исключительно к компетенции других судов? Нет, господа, и мы должны были предотвратить это несчастье, потому что оно, несомненно, равнозначно безнаказанности.

Когда следственный судья делает свой отчет, Совещательная палата должна состоять не менее, чем из трех судей, включая докладчика. Если хотя бы один из этих судей независимо от мнения других сочтет, что рассматриваемое деяние заслуживает мучительного или позорящего наказания и что меры пресечения в отношении обвиняемого достаточно обоснованы, материалы будут переданы генеральному прокурору. Последний к тому моменту уже ознакомлен с делом исходя из тех данных, которые нижестоящий имперский прокурор обязан был ему предоставить. В таком случае начинается судебное рассмотрение дела, правила которого регулируются уже другим законом¹⁶.

В то же время имперский прокурор, всегда участвующий в такого рода делах, будет иметь право, если он не разделяет мнения, даже единодушного, судей Совещательной палаты, возражать против постановления, которое освободило бы обвиняемого. В подобном праве, имеющемся у публичной стороны, никак нельзя было отказать и потерпевшему (частной стороне), который также может заявить о своем несогласии на свой страх и риск; во всех случаях такого несогласия материалы по-прежнему обязательно передаются генеральному прокурору, и дело отправляется на следствие.

Господа, в другом законопроекте вы увидите, с какой мудростью было подготовлено тщательное, но быстрое рассмотрение и как обеспечивалось то, чтобы и прокурор, и потерпевший, и обвиняемый могли направлять свои жалобы без каких-либо задержек с принятием решений по ним. Эти подробности не входят в проект, который мне поручено представить; мы остановимся на этом моменте, когда дело дойдет до имперского суда.

Теперь позвольте, господа, кратко изложить весь пройденный нами путь. На первый взгляд он может показаться сложным, но на самом деле он очень прост. Сотрудники судебной полиции, рассеянные по всей территории Империи, неустанно обеспечивают пресечение преступлений, проступков и правонарушений: они констатируют факты, каждый в рамках своих полномочий, а имперский прокурор выступает тем центром,

16 Генеральный прокурор императорского суда по должности выше имперского прокурора, о полномочиях которого говорилось выше.

на котором все замыкается. Следственный судья собирает все доказательства любого рода и передает дело на рассмотрение палаты советников. Наконец, над первыми судами возвышается высококвалифицированный судебный корпус, не подверженный соблазнам и страхам, далекий от всяческих частных соображений, которые могли ввести в заблуждение первых магистратов. Именно здесь будет сформировано важное решение, если возникнет необходимость в предъявлении обвинения.

Я не думаю, господа, что в интересующей нас сфере можно было бы собрать больше гарантий общественной и частной безопасности. Несомненно, мы не льстим себе мыслью, будто нам удалось создать учреждение, полностью свободное от злоупотреблений, но мы предупредили их, насколько то было в наших силах. Должен сказать, правительству очень помог ваш Законодательный корпус. Надеюсь, вы согласитесь, что мы достигли той степени совершенства, на которую позволено претендовать слабым человеческим усилиям.

Подготовка материала и перевод с французского Антона Ишкова, старшего преподавателя кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва).

Времена парламентаризма в Сирии

Халид
аль-Азм

(фрагменты мемуаров)¹

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ

После свержения [военной диктатуры] Адиба Шишакли², в конце февраля 1954 года, президент республики, господин Хашим аль-Атаси³, вернулся к исполнению обязанностей. Было сформировано правительство под руководством господина Сабри аль-Асали⁴, [которое проработало до середины июня]. Власть в кабинете делили Народная партия и Национальная партия⁵, а также независимые политики из числа депутатов Учредительного собрания⁶. Было решено провести парламентские выборы⁷ под наблюдением нейтрального правительства, которым руководил Саид аль-Газзи. [...]

Выборы назначили на 20 августа. Кандидаты вступили в борьбу за голоса избирателей. [Поначалу] я сомневался, выставлять ли свою кандидатуру, но [дело решил] разговор между мной, начальником генерального штаба Шаукатом Шукейром⁸ и его

- 1 Перевод фрагментов воспоминаний Халида аль-Азма выполнен по: AL-AZM Кн. *Mudhakkirāt Khalid al-Azm, al-mujallad al-thānī*. Beirut, 1973. P. 285–289, 294–296, 299–300.
- 2 Адиб Шишакли (1909–1964) – сирийский военный и политический деятель, фактический руководитель Сирии с декабря 1949 года по февраль 1954-го, когда в армии начался мятеж, поддержанный начальником генштаба. Шишакли был вынужден покинуть Сирию. Убит в изгнании. Здесь и далее биографические данные приведены по: MOUVAÛED S. *Steel & Silk: Men & Women Who Shaped Syria, 1900–2000*. Seattle: Cune Press, 2006.
- 3 Хашим аль-Атаси (1873–1960) – сирийский политик, видный лидер движения за независимость от Франции в 1930-х. После свержения военного режима Хусни аз-Заима (март–август 1949 года) Хашим аль-Атаси стал президентом (до декабря 1951 года). Однако фактически влияние гражданских политиков в этот период было ограничено военными во главе с Адибом Шишакли.
- 4 Сабри аль-Асали (1903–1976) – политик из Дамаска, один из лидеров Национальной партии. В 1950-х четырежды возглавлял правительство.
- 5 Национальная и Народная партии были основаны лидерами движения за независимость после того, как французские войска покинули Сирию (1946). В Национальной партии доминировали политики из Дамаска. Партия поддерживала первого президента независимой Сирии Шукри аль-Куватли (1943–1949; 1955–1958), а во внешней политике обычно ориентировалась на Египет и Саудовскую Аравию. Народная партия считалась выразителем интересов элит Алеппо и стремилась к сближению с Ираком и Иорданией.
- 6 Выборы в Учредительное собрание прошли осенью 1949 года, после свержения военной диктатуры Хусни аз-Заима. На выборах победила Народная партия. Изначально предполагалось, что Учредительное собрание созывается, чтобы разработать новую Конституцию, однако депутаты продлили срок своих полномочий до четырех лет (как у обычного парламента).
- 7 Выборы 1954 года считаются самыми конкурентными в истории Сирии.
- 8 Шаукат Шукейр (1912–1982) стал начальником генерального штаба при Адибе Шишакли. Поскольку Шукейр был другом из Ливана, Шишакли не считал его серьезным конкурентом. Когда в феврале 1954-го в армии начался мятеж, Шаукат Шукейр перешел на сторону восставших. Это позволило ему сохранять пост начальника генштаба до 1956 года. Отслужив в сирийской армии, Шукейр вернулся в Ливан.

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ

ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

Халид аль-Азм (1903–1965) – сирийский политик, в 1940–1960-х неоднократно был министром и главой правительства, выдвигался в президенты. Принадлежал к одной из самых влиятельных и богатых семей Дамаска: в XVIII веке (при Османской империи) представители рода на протяжении десятилетий правили городом и одноименной провинцией. После военного переворота 1963 года, который привел к власти партию «Баас», как и многие представители старой элиты, отправился в изгнание, а его имущество было конфисковано. Последние годы жизни провел в Бейруте.

помощником, полковником по имени Тауфик Низам ад-Дин. [...] Суть в том, что армия сопротивлялась возвращению Народной партии к власти и была готова на военный переворот, если кто-то из членов этой партии станет президентом. Так что два полковника просили меня выдвинуться на этот пост. Они сказали, что не поддержат никого другого, и было необходимо, чтобы я как можно скорее избрался в парламент, готовя путь к своему успеху на президентских выборах.

Я советовался со множеством друзей-политиков, и все они единодушно подбадривали меня и убеждали последовать по этому пути. Меня посетили сыновья дяди по отцовской линии, и все они настаивали, чтобы я участвовал в выборах. Они демонстрировали готовность неустанно помогать мне. Во главе просителей были господа Бадиа аль-Муэййд, Аклиль аль-Муэййд и Абд аль-Кафир аль-Ази. Я поддался на их уговоры и официально заявил, что намерен баллотироваться.

Я приступил к предвыборной кампании, собрав под свои знамена родственников, друзей и прочих последователей. Мой дом, расположенный в районе [Дамаска] под названием Сук Саруджа, стал местом для собраний, куда приходили огромные толпы, в основном молодых парней. Я выступал перед ними с речами, публично разъясняя свои прогрессивные взгляды: моя политика, говорил я, будет свободна от консерватизма и страхов, которые сковывают старых деятелей. Эти политики не рассказывают широкой публике о кознях империалистических государств против арабских стран, потому что боятся их мощи. Как будто бы арабы еще не натерпелись от них за десятилетия [колониального правления] в Сирии, Египте, Ливане, Ираке, Иордании, Палестине и арабских странах в Африке!

Я говорил собравшимся, что обязуюсь освободить сирийскую и арабскую политику от этого страха, говорил о необходимости выбирать собственный путь, а не тот, который нам навязывают империалисты. Что касается экономической и социальной программы, ее содержание радовало слушателей, ведь она строилась вокруг идеи социальной справедливости и предполагала повышение уровня жизни в результате роста сельскохозяйственного и промышленного производства, базирующегося на эффективном экономическом планировании. Все эти идеи были вкратце изложены в предвыборной программе, которую я подготовил, напечатал и принялся распространять. [...]

Для своего избирательного списка – мы баллотировались от Дамаска – я выбрал доктора Сами Каббару. Мы с ним были министрами в правительстве Хашима аль-Атаси, а потом он дважды был министром в моих правительствах в 1950-м и 1952 годах. [...] У него было много сторонников, и в 1949 году они

сделали его депутатом. Тогда он получил большинство голосов от Дамаска, возглавляя собственный список.

Я также выбрал доктора Жоржа Шахлуба – врача с очень хорошей репутацией. У него были сторонники во всех политических кругах Дамаска. В прошлом он был членом Народной партии и стал министром общественных работ, но ушел и стал независимым политиком. [...]

Господин Нури аль-Хахим – популярный молодой человек – также присоединился к моему списку. Он был депутатом от Дамаска со множеством сторонников в районе аль-Майдан. [...]

В тот день было объявлено, что господин Шукри аль-Куватли, бывший президент республики, вернется в Дамаск. Сразу же поползли слухи, что армейские офицеры не дадут ему сойти с трапа. Мы попросили полковника Шукейра прояснить ситуацию. Он смутился и поспешил заверить нас, что это неправда. Но также он признал, что военные не рады прибытию [экс-президента], особенно на фоне выборов. Однако стоило Куватли вернуться, не прошло и дня, как Шукейр лично возглавил группу высокопоставленных офицеров, которые приехали к нему домой, чтобы поздравить того с возвращением. Это было неожиданностью для тех, кто помнил, как Куватли покидал Сирию после переворота 30 марта 1949 года, организованного армией, и как его месяц держали в тюрьме аль-Меззе, а на улицах Дамаска – по призыву военных – проходили демонстрации, приветствовавшие его свержение.

Приводились разные объяснения, почему армия, шесть лет мешавшая его возвращению, приветствовала Куватли. Шукейр сказал нам, что в армии есть две тенденции. Одни ненавидели Куватли и считали его ответственным за поражение в Палестинской войне – для них его возвращение к власти было неприемлемо. Другим Куватли нравился, и они говорили, что у него как гражданина есть право вернуться на родину, особенно если он не собирается заниматься политикой. Поэтому Шукейр как глава армии не мог позволить себе занять ни одну из сторон, опасаясь открытого раскола среди офицеров. В итоге он был вынужден собрать лидеров фракций и, возглавив их группу, посетить Куватли. Шукейр настоял, чтобы все согласились на уход Куватли с политической сцены. Если тот пойдет против этого решения, от него потребуют покинуть Сирию. [В 1955-м Шукри аль-Куватли стал президентом и занимал этот пост до объединения с Египтом в начале 1958 года.] [...]

Жители Дамаска славятся тем, что приветствуют всякого приезжающего. Дело дошло до того, что приходят приветствовать даже тех, кто выходит из тюрьмы! Не удивительно, что люди стали поодиночке и группами стекаться в дом матери Куватли в районе аль-Мухаджирин, где он и обосновался. Его

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ

ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

последователи принялись побуждать людей к подобным визитам. В ход шли любые методы, включая лесть, просьбы, настойчивые требования и угрозы.

Очень скоро стала ясна цель присутствия Куватли в Дамаске. Он призывал объединиться (разумеется, под своим лидерством), забыть о вражде и сообща противостоять угрозам [...] – и нашел отклик в реакционных политических кругах. Отдельные представители Национальной партии [сторонников Куватли] и Народной партии стали активно распространять этот призыв. Его подхватила часть независимых депутатов вроде Мунира аль-Аджлани и [религиозные] шейхи, наподобие аль-Каттани и Хаббанаке. И все, кто в период первого президентства аль-Куватли наслаждался привилегиями и назначениями для себя и родственников, стали подпевать ему – бесплатно или за мзду, – полагая, что былая слава вернулась к нему. [...]

Что касается сознательной молодежи, она с энтузиазмом восприняла мой политический курс, заключавшийся в борьбе с империализмом. К моей кампании также присоединились рабочие из профсоюзов – после того, как прочитали мою предвыборную декларацию и выслушали мои речи в поддержку их требований. Я ведь не льстил им и не охотился за их голосами, а искренне желал помочь.

Рабочие помнили, что я был первым, кто добился реализации их справедливого требования, когда в 1944 году внес проект закона о труде. Он ограничивал рабочий день восьмью часами и содержал множество новых правил, которые защищали права работников. [...]

Чиновники же в массе своей помнили, как в 1951 году я подал законопроект, который сделал бы их жизнь проще и улучшил бы их положение, но Народная партия выступила тогда против, и мое предложение кануло в Лету.

Что же до простого народа, у меня было множество связей с лидерами кварталов – или напрямую, или через друзей и родственников.

Объединившись, все эти силы свели на нет козни моих врагов, несмотря на колоссальные усилия и большие суммы, которые те щедро тратили, чтобы убрать с дороги именно меня. Я же ограничивался встречами у себя дома, где мои соратники выступали с речами. [...] Из тех, кто вызвался выступить, я помню таких людей, как шейх Абд ар-Рауф Абу Таук, Казим ад-Дагестани, Назих аль-Муэййд, Камиль аль-Бани и не только. Мои же коллеги по избирательному списку довольствовались молчаливым присутствием. Это способствовало их поражению в первом туре.

Я также принимал приглашения спортивных клубов, которые устраивали мероприятия в мою честь. Я приезжал с группой друзей и сторонников на больших и маленьких машинах. Как

на демонстрациях, повсюду скандировались лозунги: «В президенты, Халид-бей! В лидеры, Халид-бей! В депутаты, Халид-бей!» – и так далее. Это злило тех, кто сам метил в президенты и вожди. Из толпы стреляли в воздух, выражая энтузиазм и восторг. Все это происходило, несмотря на то, что я настаивал, чтобы любители громко покричать и люди с пистолетами воздерживались от своего привычного поведения.

Я стал экспертом в боксе, единоборствах, баскетболе – до того часто присутствовал на подобных спортивных мероприятиях. Один из лидеров клуба «аль-Хамам» пригласил меня на прием в мою честь и настоял, чтобы я приехал. Когда я прибыл в назначенный срок, меня ждали лишь посол Египта и еще два человека. Остальные сиденья пустовали, так что я подумал, что кто-то опаздывает. Но потом понял, что они хотели скомпрометировать вечеринку в мою честь. Ведь главой этого клуба был Сухейль аль-Хури – кандидат [в депутаты] от Национальной партии, сын моего наставника и друга Фариса аль-Хури.

Моя предвыборная кампания отличалась тем, что мы не покупали ни голоса людей, ни их совесть. Все, что мы делали – предлагали гостям наших мероприятий бесплатный кофе; арендовали автомобили для тех, кто вместе со мной посещал спортивные мероприятия; покупали билеты в эти клубы. Со мной даже связывались лидеры местных сообществ, чтобы рассказать, сколько предлагает лидер той или иной партии или такой-то кандидат, – в надежде, что я присоединюсь к торгам. И каждый раз я четко давал понять, что они не получают от меня ни денег, ни обещаний назначить на должность или помочь в суде! [...]

Активны были и женские организации: они тоже принимали у себя кандидатов. Закон о выборах не позволял женщинам заседать в парламенте. Поэтому они боролись за [то, чтобы получить] право баллотироваться, а не за право голосовать [которое у них уже было]. Женские организации обещали поддержать тех, кто попытается реализовать их требования в новом парламенте. [...]

Если учесть, что, помимо фактора [введения] кабинки для голосования, был фактор избрания в один тур вместо двух туров, как раньше, становится ясно, почему [часть] мандатов консервативного класса перешла к классу прогрессивно-освободительному. Несомненно, прогрессивные силы так и не получили парламентского большинства. Причиной тому были влиятельные консервативно настроенные землевладельцы из провинций. Но ситуация менялась быстро, и шанс на перемены увеличивался. [...]

Со мной в первом туре победили Сухейль аль-Хури, [один из лидеров Национальной партии] Сабри аль-Асали, [генеральный секретарь Коммунистической партии] Халид Багдаш и Му-

нир аль-Аджлани⁹. Те, кто получил 10% и больше, участвовали во втором туре. Остальные [в Дамаске] проиграли.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Вскоре после того, как я стал министром обороны в начале 1957 года, мы провели серию встреч с начальником генштаба, его помощниками и командирами дивизий. На них среди прочего обсуждался вопрос военного снаряжения, которое министерство закупило у Советского Союза, Чехословакии и Польши. Говорили также обо всем необходимом: например, о дополнительных поставках оружия и новых ангарах для тяжелой техники вроде танков, а также боеприпасах, форме и так далее. Поднимались и вопросы, связанные с увеличением армии и потребностью в новых казармах. [...]

Нет сомнений, что сделки о поставках оружия в Сирию из Советского Союза и Чехословакии были своего рода помощью. Нет, они были не бесплатными, но цены на вооружение были низкие, а выплата предусматривалась с рассрочкой. Беспристрастный человек не может обвинить Сирию и Египет, подписавших такие сделки, в том, что они отказались от части суверенитета или что они связали себя какими-то обязательствами перед поставщиками¹⁰. Эти контракты сделали армии Сирии и Египта сильнее, чем когда-либо в прошлом. [...]

Что касается наших отношений с Восточным блоком, прежде всего следует упомянуть, что восточноевропейские страны никогда ничего не навязывали Сирии и не требовали от нее заключения союза или договора. [...]

В сущности, и у нас не было желания связывать себя соглашениями с коммунистическими государствами, поскольку это сделало бы нашу внешнюю, внутреннюю и социальную политику зависящей от их собственного курса.

Мы же по-прежнему верили в арабский национализм, и все, что происходило в мире, рассматривали с точки зрения влияния на наше существование, нашу независимость и нашу нацию. Что же до коммунистической идеологии, то она – несмотря на какое-то количество ее сторонников в стране – в Сирии

9 Мунир аль-Аджлани (1912–2004) – политик и юрист из Дамаска, преподавал право в Университете Дамаска и был депутатом. Поддерживал сближение Сирии с монархиями Ирака и Иордании. 2 августа 1950 года, выступая в парламенте, раскритиковал вмешательство военных в политику. В 1956-м обвинен в подготовке переворота при поддержке Ирака. До 1961-го находился в заключении, после переворота, организованного «Баас» (1963), покинул Сирию.

10 В 1950-х США настаивали, чтобы в обмен на поставки оружия Египет и Сирия присоединились к прозападному Багдадскому пакту, куда входили Турция, Ирак, Иран, Пакистан и Великобритания. Арабские националисты считали это продолжением империалистического курса и выступали против Багдадского пакта.

не была популярна ни среди класса крупных землевладельцев, ни среди социалистов и представителей других течений.

Возвращаясь к соглашениям о получении экономической помощи из-за границы, надо определенно сказать: чтобы развивать нашу страну, у нас не было выбора, кроме как обратиться к Советскому Союзу. Нашим условием было, чтобы эта помощь не стала предлогом для вмешательства в наши внутренние дела и не подрывала нашей независимости и свободы.

Обдумав все как следует, я решил, что необходимо провести переговоры с советским правительством, чтобы получить от него экономическую помощь, а также заключить сделки о поставках оружия. Необходимо было продолжать эти закупки, чтобы поддерживать мощь армии и снабжать ее современным оружием.

Я поговорил с послом СССР и попросил уведомить его правительство, что хотел бы посетить Москву и обсудить перспективы получения экономической помощи и поставки военного снаряжения.

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ

ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

Мы верили в арабский национализм, и все, что происходило в мире, рассматривали с точки зрения влияния на наше существование. Что же до коммунистической идеологии, то она в Сирии не была популярна ни среди класса крупных землевладельцев, ни среди социалистов и представителей других течений.

Ответа пришлось ждать больше двух месяцев. В один из июньских дней 1957 года посол пришел ко мне и сообщил, что советское правительство будет радо принять меня с визитом. Он также попросил сказать, какие вопросы я собираюсь поднять в Москве. Я ответил, что подробности знают эксперты и чиновники, а мое дело – добиться принципиального соглашения в общих чертах; в связи с этим я считаю необходимым провести официальные переговоры в Москве.

В конце июня мне сообщили, что [правительство СССР] согласно на встречу в Москве. Мы согласовали дату на последнюю неделю июля.

Когда я докладывал об этом Совету министров, то упомянул, что также собираюсь воспользоваться случаем и, проезжая через Прагу, встретиться с руководителями чехословацкого правительства. Я хотел добиться переноса выплат по оружейной сделке на десять лет, поскольку казна была не в состоянии оплатить ее.

Совет министров одобрил мою идею, но не издал никаких письменных распоряжений, чтобы оставить поездку в секрете. Я также договорился с министром общественных работ и коммуникаций, господином Фахиром аль-Кайяли, что он подготовит заключения его министерства для моей поездки в Москву.

4 июля я направился в Рим. В Италии я собирался провести праздники и отдохнуть, а затем 23 июля встретиться в Праге с начальником нашего генштаба Тауфиком Низам ад-Дином и другими членами военной делегации, которым предстояло ехать со мной в Москву. [...]

После Рима я поехал в Бонн, столицу Западной Германии, и встретился с генеральным директором министерства экономики. Я объяснил, в какой экономической помощи нуждается Сирия, какие займы и какая техническая и финансовая помощь нужны для реализации промышленных и сельскохозяйственных проектов, а также для строительства железных дорог. Я сообщил ему, что мы будем рады договориться с иностранными предпринимателями о долгосрочных займах или об инвестициях в компании, которые реализуют эти проекты. Генеральный директор и его помощники слушали с интересом, но дали понять, что их правительство не готово предоставить нам заем, а немецкий бизнес не горит желанием сотрудничать с сирийским капиталом. Однако они готовы продать нам необходимую технику при условии, что она будет оплачена в течение года. Разумеется, наш ответ был отрицательным. США, которые определяют политику ФРГ, и евреи, контролирующие их экономики, не позволяли помочь Сирии и облегчить ее участь, если она не склонится перед ними. [...]

Полет в Москву из Праги длился два часа пятнадцать минут. В аэропорту нас встречали министр обороны Георгий Жуков, вице-премьер [Иосиф] Кузьмин¹¹ и несколько министров и послов, включая нашего посла, господина Джамала аль-Фарра, и сотрудников посольства. Там было множество офицеров и чиновников, а также группа сирийской молодежи, которая приехала в Москву на [VI Всемирный] фестиваль [молодежи и студентов]. Спустившись с трапа и поздоровавшись с встречающими, мы с министром обороны поднялись на трибуну, над которой реяли сирийский и советский флаги. Заиграли национальные гимны. [...] Потом, следуя за принимающей стороной, мы направились в подготовленный к нашему приезду дом на улице Алексея Толстого. [Советский] МИД подготовил его для гостей, и там были спальни, гостиные, столовые залы, кинотеатр и бильярд. Этот дом был предоставлен нам – министру аль-Кайяли, мне и моей супруге. Офицеры же остановились в гостинице в качестве гостей советского правительства.

11 Иосиф Иосифович Кузьмин (1910–1996), в 1957 году – первый заместитель председателя Совета министров СССР.

После прибытия я немедленно встретился с [бывшим] послом [СССР в Сирии Даниилом] Солодом¹², которого МИД назначил сопровождать нашу делегацию. Это был старый друг, который занял пост представителя СССР в Дамаске в 1944 году [и занимал его до 1950-го], а потом был назначен послом в Каир. Там мы с ним и встретились в 1955-м. Мы – я и глава генштаба, полковник Шаукат Шукейр, – попросили Солода сообщить советскому правительству, что нам бы хотелось купить русское оружие.

Меня обрадовало, что посла Солода выбрали для сопровождения нашей делегации в Москве. Я знал, что он любит нашу страну, к тому же приветлив и мягок характером.

Посол Солод объяснил мне, что со стороны русских переговоры будет вести господин [Алексей] Косыгин – заместитель премьер-министра и представитель талантливой молодежи, которой предстояло занять высочайшие посты в будущем. Я встревожился, не говорит ли это об отсутствии интереса к нам, и спросил, почему переговоры будет вести не маршал [и глава правительства Николай] Булганин или Никита Хрущев. Солод ответил, что протокол позволяет вести переговоры только с людьми того же ранга, то есть с премьер-министром. И добавил, что правительство и так нарушило протокол, поскольку его делегацию возглавляет один из вице-премьеров, а мы с аль-Кайяли были просто министрами. Таким образом, СССР выражал свою заинтересованность.

Меня удивило, сколько значения они придают вопросам, о которых у нас в Сирии особо не задумываются. У нас президент республики встречается со всяким [важным] гостем, который приезжает из-за рубежа, сам принимает его и устраивает банкет в его честь. [...] Я настаивал, что встреча с двумя упомянутыми лидерами необходима, и Солод пообещал добиться, чтобы для нас нашли время.

Переговоры стартовали на следующий день, когда мы пришли в офис к заместителю главы правительства, господину Косыгину. [...] Разговор начался с благодарностей за радушный прием. Я заявил, что вопросы, которые мы хотели бы обсудить, делятся на две группы – экономические и военные. Я попросил согласия на то, чтобы разделить эти темы и создать две комиссии, которым предстояло детально обсудить каждый из этих аспектов. Косыгин поблагодарил нашу делегацию за визит, пустился в неумеренное прославление свободной Сирии и объявил, что его правительство готово внимательно рассмотреть все интересующие нас темы. Он согласился, чтобы офицеры обсуждали военные вопросы с Министерством обороны, пока мы (я, министр Кайяли и посол Джамаль аль-Фарра) гово-

12 Даниил Семенович Солод (1908–1988), в 1957 году – заместитель заведующего Отделом стран Ближнего Востока МИД СССР.

рим об экономике с ним и господином Никитиным – замглавы Специального экономического совета. Потом я объяснил, зачем мы приехали в Москву:

«Глава сирийского правительства [Сабри аль-Асали] поручил нам поблагодарить вас за дружественную позицию, которую заняло правительство СССР по отношению к арабским проблемам в целом – и особенно в вопросах, связанных с Сирией. Благодаря этой позиции, каждый сирийский гражданин и каждый араб испытывает признательность и братскую любовь к народу Советского Союза, а также верность и благодарность. И он не забудет черных дней, через которые прошла арабская нация во время Суэцкого кризиса, не забудет сильной поддержки, которую оказало правительство СССР, особенно его великий председатель, маршал Булганин. Мы убеждены, что эта помощь внесла решающий вклад в срыв планов империалистов, которые стремились нанести удар по арабской идее, свергнуть свободные арабские правительства и покорить Ближний Восток. [...]

Нынешнее сирийское правительство, стоя бок о бок с Египтом, сосредоточено на сопротивлении империализму и сионизму, на защите нашего существования, наших независимости, свободы и территориальной целостности перед лицом всех, кто желает нам зла. Сейчас сирийское правительство подвергается сильному давлению, несмотря на то, что оно заявило о следовании принципу положительного нейтралитета во внешней политике. Однако империалистические державы считают, что наш курс противоречит их устремлениям на Востоке, и не жалеют усилий в попытках сместить это правительство, дабы изменить внешнюю политику Сирии, как это случилось, например, в Иордании. [...]

Мы считаем, что решения, которые позволяют сопротивляться проискам империалистов, должны предусматривать следующее. Во-первых, дальнейшее усиление сирийской армии, обеспечение ее всем необходимым снаряжением, строительство казарм, складов, госпиталей и не только. Во-вторых, строительные проекты, которые увеличат национальный доход и общее благосостояние. В-третьих, открытие для нас иностранных рынков, чтобы Сирия могла экспортировать свою продукцию.

Опорой этих проектов может послужить только советская помощь в следующих вопросах. Во-первых, отсрочка платежей по оружейным сделкам с Россией, Чехословакией и Польшей до десяти лет. Во-вторых, реализация строительных проектов (железные дороги, плотины и так далее) на основе соглашений о строительстве и кредитовании. В-третьих, реализация строительных проектов армии за счет договоренностей о финансировании в рассрочку. В-четвертых, содействие сирийскому правительству в торговом обмене со странами Восточной Европы, особенно в том, что касается сельхозпродукции. И если советское правительство согласится на общие принципы, то эксперты могут приступить к работе, начиная с обсуждения частных вопросов».

Господин Косыгин сказал, что его правительство, в принципе, готово предоставить возможную помощь, однако следует подробнее изучить детали, чтобы дать однозначный ответ. [...]

Затем мы провели еще одну встречу с комитетом, сформированным под руководством господина Никитина, в Министерстве внешней торговли и продолжали общие обсуждения. Противоположная сторона задавала множество технических вопросов, на которые мы не могли ответить. Так что ограничились тем, что определили количество проектов. Русская делегация попросила пять дней, чтобы изучить вопрос и дать ответ. [...]

Естественно, что мы обратились к Советскому Союзу за экономической помощью. Это соответствовало нашему курсу на решение проблем армии за счет поставок из стран социалистического блока. И мы рассчитывали на их поддержку в нашей борьбе с устремлениями колониализма в нашей стране. Мы встали на этот путь лишь после того, как ощутили угрозу экономической блокады, которую хотели устроить западные страны – так они хотели вынудить нас подчиниться им. Разве мы могли получить экономическую помощь от этих государств? Ведь Америка дает Израилю то, что он просит, но не позволяет оказывать помощь Египту. Британия и Франция помогают Израилю и сражаются вместе с ним [во время Суэцкого кризиса 1956 года]. Разве мы могли надеяться на их помощь? Германия, Италия, Бельгия и другие страны Европы следовали за США и Британией и отказывались помогать нам и продавать оружие.

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ

ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СИРИИ

Сирийские партии, по сути, не были объединениями людей с общей идеологией или хотя бы похожими взглядами, создаваемыми для воплощения определенных принципов или проведения какой-то политики. И если Партия арабского социалистического возрождения [«Баас»] поначалу и отличалась от остальных, то даже в ней было мало людей, которые действительно руководствовались бы идеологией. Большинство же вступало в нее исходя из собственных персональных желаний и устремлений.

Если мы рассмотрим историю этих партий и причины их появления, то обнаружим, что это были всего лишь объединения вокруг человека или группы лиц. [...]

Так появилась Народная партия. Ее лидерами были Рушди аль-Кихья и Назим аль-Кудси¹³. Они стремились собрать вокруг

13 Политики из Алеппо, занимавшие ряд высоких постов. В частности, Рушди аль-Кихья в 1949 году был избран спикером Учредительного собрания, а Назим аль-Кудси впоследствии занимал пост президента (1961–1963) (свергнут офицерами-баасистами).

себя группу депутатов и сумели привлечь молодых парламентариев, которым хотелось заявить о себе и получить ключевые министерские портфели. Среди них были [будущие министры] Аднан аль-Атаси, Файди аль-Атаси и Хани ас-Сибай. Так появилась Народная партия, базирующаяся в Алеппо. Потом у нее появились отделения в других городах.

Национальная же партия появилась из остатков Национального блока¹⁴, к которым присоединилась молодежь, желавшая попасть в парламент. По приглашению господина Набиха аль-Азме была основана партия, к которой присоединились Лютфи аль-Хаффар, Сабри аль-Асали, доктор Абд ар-Рахман аль-Кайяли, Наджиб аль-Барази, Ас'яд Харун и другие.

Сирийские партии не были объединениями людей с общей идеологией или хотя бы похожими взглядами, создаваемыми для проведения какой-то политики.

Что касается Кооперативной социалистической партии, ее основал Фейсал аль-Асали. Он организовал ее по образцу фашистских и гитлеровской организаций, ее члены обучались навыкам обращения с огнестрельным оружием. Аль-Асали приказывал и запрещал, будто он командир в армии, а его последователи безропотно исполняли «его волю» и приветствовали его стоя. Он собирал деньги со сторонников и растрачивал их на собственные прихоти. Президент Шукри аль-Куватли опирался на эту партию в 1948 году, пытаясь при ее поддержке продлить свои полномочия. Затем он отвернулся от нее и попытался ликвидировать.

Племенной блок [в парламенте] появился для того, чтобы защищать интересы верхушки основных племен Сирии. Я не сомневаюсь, что к финансированию этих депутатов приложила руку (а может и обе) Саудовская Аравия. Эта организация выступала противником нашего курса, направленного на избавление от империализма. Фракция служила империализму, хотела она того или нет.

Конституционный блок объединил людей вроде Мунира аль-Аджлани, которые не были готовы вступить в Племенной блок, несмотря на общие цели и источники финансирования. В этой фракции состояли Сухейль аль-Хури и другие.

Наш Демократический блок был основан с той же целью, что и другие фракции. Депутаты группировались вокруг одного человека, поддерживали его в парламенте, затем пытались

14 Национальный блок объединял ведущих политиков, боровшихся за независимость от Франции.

добиться его назначения президентом или министром и в случае успеха питались крошками с его стола.

Хотя все партии и фракции были такими, некоторые из их членов желали только добра и руки их были чисты. Но они составляли лишь незначительное меньшинство, неспособное изменить положение вещей.

Что же до политических принципов, то Народная партия изображала себя как верную защитницу демократии. Сколько раз ее депутаты поднимали вопли в зале заседаний, оплакивая свободу и Конституцию, сколько раз обвиняли министров в нарушении Конституции и ее священных правил! Сколько раз они требовали сформировать комиссию для парламентского расследования хищений и злоупотреблений, в которых они обвиняли других – иногда справедливо, иногда бездоказательно.

Однако большинство их министров совершали поступки, аналогичные тем, в которых они обвиняли своих политических оппонентов. При этом министры действовали сообща с членами партии и близкими к ней людьми. Будто бы этого было недостаточно, они принуждали чиновников вступать в партию, если те хотели продвигаться по службе и получать премии, а не быть уволенными. [...] Нередко чиновник был вынужден платить за повышение, отдавая за него месячное жалование. Даже за назначение на невысокий пост – жандарма или полицейского – нужно было заплатить не меньше 50 сирийских лир.

Что же до политической ориентации партии, то она менялась в зависимости от обстоятельств. Главным для лидеров партии было остаться у власти и таким образом продолжать обогащаться. Некоторые из них призывали власти Ирака к объединению с Сирией, что помогло бы им самим прийти к власти. Другие молчали о перевороте Хусни аз-Заима [30 марта 1949 года], ведь он избавил их от [президента] Шукри аль-Куватли и от враждебного им парламента. Потом [лидеры Народной партии] приняли бразды правления из рук [лидера военного переворота 14 августа 1949 года Сами] аль-Хиннави¹⁵, который вручил им всю полноту власти. Партия хотела присоединиться к империалистическому Багдадскому пакту и была против соглашения [об альтернативном союзе] с Египтом и Саудовской Аравией, потому что [неоднократно занимавший должность премьер-министра монархического Ирака] Нури ас-Саид осыпал большинство из них деньгами и обещаниями. [...]

Национальная партия была не менее аморфной и непоследовательной. Ее деятельность началась с поддержки Шукри аль-Куватли и его стиля правления, затем партия тайно проти-

15 В отличие от Хусни аз-Заима и Адиба Шишакли, аль-Хиннави не имел политических амбиций. После переворота он передал власть гражданскому правительству, в котором ключевые министерства получила Народная партия.

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ

ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

востояла ему, не получив его содействия на [парламентских] выборах 1947 года в [избирательных округах] Алеппо. Партия была готова работать под началом Хусни аз-Заима, и [лидер Национальной партии] Сабри аль-Асали сформировал бы правительство, если бы Заима не убили [в ходе военного переворота] 14 августа 1949 года. Партия изменила свой устав, признав в качестве желаемой монархическую форму правления вместо республиканской. Это было подготовкой к объединению с [монархическим] Ираком. Они работали над этим вместе с Народной партией. Затем [Национальная] партия вернулась к республиканизму и время от времени сотрудничала с [военным диктатором Адибом] Шишакли [– противником сближения с Багдадом –], а потом отвернулась от него.

Вместе с остальными партиями она поддержала возвращение к конституционной жизни [после свержения Шишакли в 1954-м] – после того, как ее лидеры получили деньги из Ирака. В 1954 году Национальная партия работала в правительстве вместе с Народной партией. А потом [Национальная] партия не преминула развалить правительство, отозвав своих министров, и смело вступила в союз с нами и Партией [арабского] социалистического возрождения [«Баас»]. Вслед за этим [партию] покинули некоторые ее члены, в том числе Лютфи аль-Хаффар, Сухейль аль-Хури и Хабиб Кахале. Затем партия поддержала кандидатуру аль-Куватли на пост президента, хотя [генеральный секретарь Национальной партии Сабри] аль-Асали мечтал об этой должности. На его пути стоял лишь любимый коллега Михаил Ильян, который интриговал – сообщая с Ираком и империалистическими державами – и добивался избрания аль-Куватли. Позиция партии по Багдадскому пакту была предметом насмешек и осуждения. Хотя аль-Асали явно был против, он не осмелился пойти наперекор Ильяну. Партия раскололась на два крыла, которые пререкались на протяжении всей работы этого правительства. Стоило пакту развалиться, как они примирились. Но согласие царило недолго: осенью 1956 года партию потрясло известие о британо-иракском заговоре (они планировали устроить переворот в Сирии одновременно с началом франко-британской агрессии против Египта). Михаил Ильян бежал в Бейрут, так что Сабри аль-Асали избавился от его влияния. [...] Однако члены Национальной партии по-разному отреагировали на новый курс, которого хотел Сабри аль-Асали, и из партии среди прочих ушли Бадави аль-Джабаль и Леон Замарая.

Это краткое изложение истории Национальной партии демонстрирует, что их политика колебалась то вправо, то влево: они то республиканцы, то монархисты, то проиракские, то проегипетские, временами тяготели к социализму, а временами выступали как консерваторы-реакционеры!

Что же то Партии [арабского] социалистического возрождения [«Баас»], [...] резюмируя, можно сказать, что, по сути, она не отличалась от Коммунистической партии ни своими принципами, ни взглядами на устройство общества, ни внешней политикой. И та и другая хочет править, сосредоточив всю власть в своих руках. Это сходство привело сначала к отчуждению, потом к вражде, а затем одна из партий принялась преследовать другую.

Партия [арабского] социалистического возрождения долго сотрудничала с компартией во всех сферах. Дошло до того, что [один из лидеров баасистов Акрам] аль-Хаурани и его фракция стали опасаться, что лидерство [среди левых] перехватят [генеральный секретарь компартии Халид] Багдаш и его последователи. Так что в 1957 году они принялись бороться с коммунистами и атаковать их. Генерал Афиф аль-Бизри¹⁶ пригласил лидеров обеих групп на примирительную встречу, где присутствовал и я. [Коммунист] Мустафа Амин¹⁷ демонстрировал искреннее желание разрешить противоречия и жаловался на повсеместные атаки баасистов на коммунистов. Хаурани же хитрил. Когда аль-Бизри предложил сформировать комитет из представителей обеих партий, чтобы посетить город за городом и покончить с недопониманиями между сторонниками [партий], Хаурани не принял этого предложения, но сделал это так, чтобы избежать обвинений в срыве соглашения. При этом присутствующие чувствовали, что он и на самом деле не хочет примирения.

По сути, Партия [арабского] социалистического возрождения состояла из двух: Партии арабского возрождения и Социалистической партии. Партия возрождения была основана [в 1940-х] молодыми интеллигентами в Дамаске, и ее активность ограничивалась студенческой средой. В ней также была группа, которая занималась философскими теориями. У этой партии не было политического влияния в Дамаске – при том, что город оставался центром ее активности. Показательно, что лидер партии Мишель Афляк проиграл на выборах в Учредительное собрание в 1949 году, несмотря на то, что был членом правительства, которое проводило голосование. Эта партия была мишенью непрекращающихся атак и ожесточенных кампаний, которые устраивали богословы со своими многочисленными организациями и ассоциациями. Под удар попадала

16 Афиф аль-Бизри (1914–1994) – сирийский офицер-коммунист, известный симпатией к египетскому президенту Гамалю Абдель Насеру. В 1957 году назначен начальником генштаба сирийской армии, в начале 1958-го возглавил делегацию сирийских офицеров, которая инициировала объединение Сирии и Египта в Объединенную Арабскую Республику (1958–1961).

17 Мустафа Амин (1921–2014) – член сирийской компартии, входил в партийное руководство в Дамаске. Был видным деятелем в просоветском движении за мир.

как сама партия, так и отдельные ее члены. Их обвиняли в том, что они еретики и борются с религией.

Что же до [Арабской] социалистической партии, она строилась вокруг фигуры Акрама аль-Хаурани, который официально основал партию в 1949 году, будучи министром в правительстве Хашима аль-Атаси накануне выборов в Учредительное собрание. Партия родилась из политической ассоциации, которую основали несколько молодых людей в городе Хама, под названием «Молодежная лига». Это было в начале Второй мировой войны. [...] Впоследствии Хаурани продемонстрировал, что он заклятый враг [землевладельца и политика] Фарид-бея [аль-Азма], его детей и всех богатых людей в Хаме и других городах. Ему доставляло удовольствие обращать богатых в бедных, лишая их влияния и унижать.

У Хаурани были очень тесные связи с офицерами сирийской армии из-за общих взглядов на политику и общество. С помощью этих офицеров он сумел распространить свое влияние на военное училище в Хомсе, которое ежегодно выпускало по меньшей мере сотню молодых офицеров. Большинство учеников, которые не справились с обучением в старшей школе, шли в военное училище, куда попадали лодыри, на протяжении учебы в обычных школах протиравшие штаны. Там им предстояло отмучиться всего два года, по итогам которых они выпускались младшими лейтенантами. Затем они продвигались в чинах с фантастической скоростью, так что до полковника или генерала можно было дослужиться меньше, чем за десять лет. Их восхищал вид военной формы, и они самодовольно расхаживали перед сверстниками, которые все еще учились и сидели за партами, в то время как [молодой] офицер уже имел мягкий стул в штабе и раздавал приказы многочисленным солдатам и офицерам.

И все это мелочи по сравнению с тем, какую роль офицер может играть в политике своей страны, в определении ее внутреннего и внешнего курса. Из-за военных переворотов, от которых страдала страна, у людей лишь прибавилось желания поступать в военное училище. Для офицеров путч каждый раз заканчивался серией повышений по службе, о которых не может мечтать никакой офицер в обычных условиях – не говоря уже о влиянии и власти.

Усилия Хаурани были направлены на то, чтобы в военное училище поступало как можно больше молодых парней, связанных с ним, и чтобы они агитировали других учащихся вступить в его партию. Ему помогали и руководители училища, и преподаватели, и даже армейский генштаб. Не прошло и семи или восьми лет, как большинство офицеров оказались связанными с Партией социалистического возрождения.

В целом Хаурани опирался на три элемента: на офицеров, студентов и крестьян. [...]

Кооперативную социалистическую партию ее «вождь» Фейсал аль-Асали сколотил из радикальной молодежи разных взглядов, с разным уровнем воспитания и образования. Большинство из них следовали за отважным лидером, который пробуждал в них примитивные инстинкты и подстрекал к чудовищному поведению. Зачастую это приводило к потасовкам, увечьям, убийствам, нападениям, поджогам и иным актам насилия. Все это творилось отнюдь не во имя политических принципов или социальных целей. [...]

Хотя по своим методам партия Фейсала аль-Асали напоминала фашистов, нацистов и подобных им сторонников насилия, ключевое отличие заключается в том, что у фашистов и нацистов были более ясные программы, которые они реализовывали. Что же до кооперативщиков, их принципы были смесью идей, кои заимствовались из всевозможных социальных теорий со всего мира. Они полагали, что этого достаточно, чтобы подавать себя как прогрессивно-социалистическую силу. В то же время лидер партии аль-Асали был всего лишь молодым человеком, который пытался любыми средствами прийти к власти и был согласен получать деньги и поддержку от любых стран. Он жаждал славы, хотел стать популярным и был готов добиться своего любыми методами.

Окончив Юридический институт в Дамаске, аль-Асали был назначен в судебные органы. Он рассматривал дело об убийстве и воспользовался этим: стал общаться с прессой, раздувать значимость дела и даже клеветать на невиновных, чтобы привлечь максимум внимания. А когда его назначили инспектором в продовольственной сфере, принялся устраивать на работу членов партии и сколотил из них банду, которая начала терроризировать города и деревни, готовясь к грядущим парламентским выборам.

Затем аль-Асали примкнул к [тогдашнему президенту] Шукри аль-Куватли и в 1948 году стал призывать к его переизбранию. Как-то раз на шумной демонстрации он шел за погребальными носилками, утверждая, что на них труп его сторонника, убитого полицией. Но носилки перевернулись, и обман раскрылся.

Вместе со своими последователями аль-Асали напал на склады торговцев и поджигал их. Потом они среди бела дня убили молодого парня. Правительство обо всем знало, но ничего не предприняло. Но стоило [аль-Асали] пойти против Шукри аль-Куватли, как последний потребовал от меня¹⁸ задержать его и бросить в тюрьму – не из-за упомянутого убий-

18 Вероятно, речь идет о периоде с декабря 1948-го по март 1949 года, когда Халид аль-Азм был премьер-министром.

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ

ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

ства, а из-за политической активности, которая не нравилась президенту!

Он [аль-Асали] был среди ближайших друзей Хусни аз-Заима, но потом принялся яростно критиковать его в парламенте, обвиняя в измене [из-за неудачной войны с Израилем и коррупции в армии]. Эти нападки были важнейшим из факторов, подтолкнувших Хусни аз-Заима к перевороту 30 марта 1949 года. Аз-Заим арестовал аль-Асали и бросил его в тюрьму аль-Меззе.

Затем Фейсал примкнул к своему двоюродному брату [лидеру Национальной партии] Сабри аль-Асали и обхитрил его на выборах [в Учредительное собрание] в 1949 году. Хотя они работали вместе, Фейсал аль-Асали получил голоса благодаря Национальной партии, а сам ей, в сущности, не помог.

Потом он брал солидные суммы от посла Египта в Дамаске и стал египетским агентом, навещал [начальника египетской разведки] майора Салаха Салема и призывал к соглашению с Египтом. Но в 1956 году, накануне тройственной агрессии, он пошел против Египта, связался с участниками англо-американского заговора против Сирии и в итоге бежал из страны. [...]

Что касается Сирийской [социальной] националистической партии, то ее основатель Антун Сааде работал сначала на немцев, а потом на США. Ему удалось привлечь немало образованной молодежи в Сирии и Ливане. Они подчинялись его приказам и следовали за ним, как это происходит в фашистских и нацистских партиях. Идеология и цели партии заключались в создании единого государства в Сирии, Ливане и Иордании и отрицании арабского характера этих стран¹⁹.

Сааде примкнул к Хусни аз-Заиму, стал брать деньги и оружие, чтобы устроить революцию в Ливане и установить там правительство, связанное с Сирией, в соответствии с принципами партии. Но [премьер-министр Ливана] Рияд ас-Сольх²⁰ и [президент] Бишара аль-Хури знали об опасности и, подготовившись, жестко подавили выступление. Когда Сааде бежал в Дамаск, то стал жертвой предательства со стороны Хусни аз-Заима: тот на определенных условиях передал его ливанскому правительству. За одну ночь его осудили и приговорили к смерти, а ранним утром расстреляли, приведя приговор в исполнение.

19 Идеология Сирийской социальной националистической партии возводит истоки сирийской нации к народам и государствам древнего Ближнего Востока. Ключевым ее элементом также является секуляризм. Исторически партия пользовалась заметной популярностью у представителей конфессиональных меньшинств: христиан (особенно греко-православных), шиитов, друзов и алавитов. В 1940-х у нее также было определенное влияние среди офицеров сирийской армии.

20 Рияд ас-Сольх (1894–1951) – первый премьер-министр независимого Ливана. Убит сторонниками Сирийской социальной националистической партии во время визита в Иорданию.

Однако смерть вождя не погубила партию, а лишь временно ослабила. [...] Партийцы стали тайно работать против Сирии совместно с американскими агентами. От их рук на стадионе Дамаска пал полковник-[бааист] Аднан аль-Малики, и это убийство было лишь первым ударом по армии и ее руководителям. Однако заговор провалился, его участники были арестованы. Трех казнили, а остальных посадили. Все госслужащие, связанные с партией, были уволены, и у партии не осталось никаких структур в Сирии.

Что касается Коммунистической партии, то следует сказать, что количество ее представителей в парламенте – один только [генеральный секретарь] Халид Багдаш – не отражало числа ее сторонников в стране. С одной стороны, для многих избирателей идеи коммунизма были неприемлемы, а с другой, у партии не получалось делиться голосами [формировать совместные списки] ни с какой другой группой, как это делали другие кандидаты. Причина в том, что все держались подальше от того, что может навредить на выборах. А у компартии в Сирии были связи с коммунистическими партиями по всему миру. К тому же многие были убеждены, что за партией стоит Москва, и это побуждало избирателей не голосовать за кандидатов-коммунистов.

Коммунисты понимали все это и выдвигали кандидатов только в Дамаске и Алеппо, где сосредоточены интеллигенция и рабочие, состоящие в партии. Против них выступали религиозные деятели, обвинявшие коммунистов в атеизме, в то время как социалисты соперничали с ними в профсоюзах и в среде интеллигенции.

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко.

ХАЛИД АЛЬ-АЗМ
ВРЕМЕНА
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В СИРИИ...

«Лови момент – захвати государство»: политика и коррупция в теории и на практике

Анастасия Антоновна Киричек (р. 2001) – политолог, студентка магистратуры Европейского университета в Санкт-Петербурге.

22 июня 2022 года в Южно-Африканской Республике была обнародована последняя часть отчета Судебной комиссии по расследованию «захвата государства», более известной как «комиссия Зондо»¹. Всего вышли шесть частей отчета, касающегося «присвоения государства» в ЮАР частными акторами, хотя первоначально расследователи намеревались ограничиться только тремя². В них были преданы гласности обстоятельства и последствия многомиллионных хищений государственных средств, превышения должностных полномочий, практик фаворитизма и nepотизма в период пребывания у власти в 2009–2018 годах президента Джейкоба Зумы.

Первые публичные обвинения в «захвате государства» этому деятелю предъявили еще в октябре 2016 года, когда общественная защитница Тули Мадонсела³ опубликовала доклад «Государство захвата», в котором настаивала на том, что президент причастен к растрате государственных средств, а также демонстрировала его неподобающие связи с бизнес-конгломератами, включая предоставление последним необоснованных государственных привилегий⁴. Ознакомившись с документом, Зума назвал его «политической пропагандой» и пообещал оспорить в Верховном суде страны. Глава государства и прежде оказывался участником коррупционных скандалов, однако таких масштабных историй за всю его деятельность еще не

- 1 См.: *Judicial Commission of Inquiry into State Capture Report* (www.gov.za/documents/other/judicial-commission-inquiry-state-capture-report-part-6-volume-4-22-Jun-2022).
- 2 См.: MOLOI T., PITSO N. *Zondo Report, Part 1 and 2: A Short Overview* // *The Mail & Guardian*. 2022. February 25 (<https://mg.co.za/news/2022-02-25-zondo-report-part-1-and-2-a-short-overview/>).
- 3 Институт общественного защитника, предназначенный для поддержки демократии, закреплён в действующей Конституции ЮАР. Общественный защитник имеет право по своей инициативе расследовать факты ненадлежащего государственного управления или должностного поведения в любых органах, за исключением судебной системы.
- 4 См. полный текст документа: PUBLIC PROTECTOR SOUTH AFRICA. *State of Capture: Report on an Investigation into Alleged Improper and Unethical Conduct by the President and Other State Functionaries Relating to Alleged Improper Relationships and Involvement of the Gupta Family in the Removal and Appointment of Ministers and Directors of State-Owned Enterprises Resulting in Improper and Possibly Corrupt Award of State Contracts and Benefits to the Gupta Family's Businesses. Report № 6 of 2016/17.*

было. Судьи, однако, отказали президенту в иске, обязав его, вместо этого, создать упомянутую выше Судебную комиссию. Орган был учрежден Зумой 9 января 2018 года – за месяц до ухода в отставку⁵.

Бывшего лидера Африканского национального конгресса и борца с апартеидом обвиняют не просто в коррупции: среди предъявляемых ему претензий есть незаконные поставки оружия, отмыwanie денег, взяточничество, мошенничество, превышение должностных полномочий, вымогательство. Обвинения затрагивают не одного Зуму, но еще 1438 лиц и организаций, причастных, по мнению судей, к указанным преступлениям. В этом ряду среди прочих – правящая партия Африканского национального конгресса, электроэнергетическая компания «Eskom», оружейная компания «Denel Dynamics», алмазодобывающая компания «Alexkor». Как следовало из документов, Зума фактически поставил государственный аппарат на службу себе и своему ближайшему окружению – в частности, предпринимательскому клану Гупта, связанному с добычей алмазов⁶. Президент назначал новых министров и других высокопоставленных госслужащих, обуславливая допуск к должности тем, чтобы они безальтернативно заключали контракты с фирмами, аффилированными с семьей Гупта⁷. Извлечением ренты из функционирования государственных институтов занималась обширная клиентела, патронируемая президентской администрацией.

Именно такого рода впечатляющая и вдохновляемая самим государством коррупция и называется «захватом государства». Важно, однако, что в данном случае мы имеем дело не только с метафорой, но и с аналитическим концептом, который помогает изучать динамику гибридных режимов.

РАЗВЕ КОРРУПЦИЯ – ЭТО ПРОБЛЕМА?

Не вдаваясь в запутанные перипетии южноафриканской истории, этот текст будет сосредоточен на разьяснении того, чем конкретно является «захват государства», глубоко проникший в публичный и политический дискурс многих стран мира, включая ЮАР. Для решения этой задачи необходимо: (а) показать,

- 5 См.: *President Jacob Zuma on the Establishment of the Commission of Inquiry into State of Capture, January 9, 2018* (www.gov.za/news/media-statements/president-jacob-zuma-establishment-commission-inquiry-state-capture-09-jan).
- 6 См., например: Целунов А. *Экс-президент ЮАР расколол страну* // Коммерсант. 2021. 15 июля (www.kommersant.ru/doc/4900620).
- 7 Подробнее см.: HARB M., GAMBRELL J. *Dubai Arrests 2 Gupta Brothers over South African Fraud Case* // The Associated Press. 2022. June 7 (<https://apnews.com/article/politics-united-arab-emirates-middle-east-south-africa-dubai-c323649ff0f1799247dca4c4b6671976>).

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК
«ЛОВИ МОМЕНТ – ЗАХВАТИ
ГОСУДАРСТВО»...

в каких условиях рождалась идея о том, что государство можно «захватить»; (б) определить, что включает в себя соответствующее понятие; (в) проанализировать, как «захват государства» раскрывает себя в политических процессах разных стран. Рассмотрим каждый из этих пунктов по отдельности.

В конце августа 2018 года перед «комиссией Зондо» в Йоханнесбурге выступали Даниэль Кауфманн и Джоэл Хеллман, авторы первых аналитических работ о «захвате государства»⁸. Им было предложено представить ее членам экспертный комментарий относительно того, что представляет собой это явление. Именно упомянутые эксперты первыми предложили разбираемый здесь термин, сделав это в тексте «“Лови момент – захвати государство”: захват государства, коррупция и влияние в переходный период», написанном в конце 1990-х под эгидой Всемирного банка. «Захват» в нем понимался так:

«Формирование основных “правил игры”, то есть законов, постановлений, декретов и других инструментов государственной политики в результате незаконного и непрозрачного предоставления частных льгот государственным должностным лицам»⁹.

Интересно, что само понимание того, как «захватывается» государство, в данном контексте весьма специфично. Действо генерируется изнутри, без применения силы и вполне элементарным путем: просто государственные служащие, благодаря использованию коррупционных практик, начинают распределять общественные блага исходя из частных выгод, а не общественных интересов.

Возрожденное внимание к идее «общественного блага», заинтересованность в прозрачности государственных институтов, а также восприятие коррупции как однозначно отрицательного феномена – все это отвечало общественно-политическим трендам конца 1990-х. Интеллектуальные сдвиги, сопровождавшие указанные процессы, повлекли за собой появление антикоррупционного дискурса, быстро распространившегося по всему миру. Несмотря на то, что сам Даниэль Кауфманн усматривал первые задокументированные примеры коррупции еще в древнеиндийской «Артхашастре»¹⁰, а Лесли Холмс говорил, что «коррупция существует и является проблемой с самого начала

8 См.: NATURAL RESOURCE GOVERNANCE INSTITUTE. *Georgetown University School of Foreign Service Dean Joel Hellman and Daniel Kaufmann Testify at the South Africa State Capture Inquiry, 31 August 2018* (<https://resourcegovernance.org/events/georgetown-university-school-foreign-service-dean-joel-hellman-and-daniel-kaufmann-testify>).

9 HELLMAN J., JONES G., KAUFMANN D. *Seize the State, Seize the Day – State Capture, Corruption, and Influence in Transition Economies*. World Bank Policy Research Working Paper № 2444. Washington, D.C.: World Bank, 2000. P. 3.

10 KAUFMANN D. *Research on Corruption: Critical Empirical Issues* // JAIN A.K. (Ed.). *Economics of Corruption*. Boston: Springer, 1998. P. 129–176.

человеческой истории»¹¹, она далеко не всегда воспринималась в качестве проблемы глобального масштаба. В таком ключе ее начали оценивать всего несколько десятилетий назад. До конца прошлого века коррупция не заботила специалистов по государственному управлению, а международные организации не проявляли к ней никакого интереса. Соответственно, она не занимала сколько-нибудь значимого места и в международной политике¹². Всемирный банк, например, долгое время не принимал коррупцию в расчет, поскольку она считалась заботой внутривнутриполитического свойства, а в основе исследовательских стратегий этой институции лежало четкое размежевание политической и экономической сфер¹³. Во многом подобные установки объяснялись тем, что членами Всемирного банка являлись государства, правительства которых не хотели, чтобы международные организации влияли на проводимую ими политику. В итоге среди приоритетов этой структуры в Азии, Африке и Латинской Америке борьба с бедностью заметно превосходила борьбу с коррупцией.

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК

«ЛОВИ МОМЕНТ – ЗАХВАТИ ГОСУДАРСТВО»...

До конца прошлого века коррупция не заботила }
специалистов по государственному управлению, }
а международные организации не проявляли к ней }
никакого интереса. }

В тот период мнение, что коррупция не слишком желательна, но вместе с тем неизбежна, разделялось и значительной частью исследователей. Например, в одном из посвященных ей тематических сборников во многих статьях отстаивалась позиция, согласно которой коррупция способна стимулировать модернизацию не только спорадически, но и системно¹⁴. Авторы этой коллективной работы среди прочего утверждали, что она может способствовать как экономическому развитию, так и государственному строительству. Размышляя похожим образом, Сэмюэл Хантингтон писал даже, что некоторые коррупционные процессы идут во благо политической структуре общества: «Если правительственная бюрократия подвергается коррупции в интересах политических партий, это скорее полезно, чем вредно, для политического развития»¹⁵.

11 Холмс Л. *Коррупция: очень краткое введение*. М.: Дело, 2021. С. 15.

12 См., например: HARTMANN T. *Corruption as a Development Policy Issue: Tracing the Formulation and Implementation of Theories of Change*. PhD Thesis. Berlin: Hertie School, 2021. P. 62.

13 Подробнее см.: POLZER T. *Corruption: Deconstructing the World Bank Discourse*. LSE Working Paper Series. London: London School of Economics, 2001.

14 См.: HEIDENHEIMER A. (Ed.). *Political Corruption: Readings in Comparative Analysis*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1970.

15 ХАНТИНГТОН С. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 94.

Ситуация начала меняться в 1970-е, когда целый комплекс новых явлений – острейший нефтяной кризис, расширение коммерческого страхования, внедрение неолиберальных управленческих практик – убедил руководителей Всемирного банка, что некоторые подходы, успевшие стать для учреждения привычными, необходимо скорректировать. В конечном счете, к началу 1980-х организация отошла от прежних трактовок социально-политического развития, а борьба с бедностью перестала быть для нее приоритетом¹⁶. Кадровое обновление исследовательского отдела Всемирного банка спровоцировало изменение исследовательского фокуса и теоретической оптики. Когда главой аналитической службы назначили Энн Крюгер, видную представительницу теории общественного выбора, под ее началом стали трудиться Питер Бауэр, Дипак Лал и другие экономисты неолиберального толка. Совокупность привнесенных ими изменений вскоре получила название «политики Вашингтонского консенсуса»¹⁷.

В 1970–1980-х категорию коррупции начинают привлекать для объяснения провалов «большого государства» и неэффективности его бюрократии. Понятие «коррупционной ренты», разработанное Энн Крюгер и Гордоном Таллоком, обосновывало недоверие экономистов к современному государству и его служащим¹⁸. Тем не менее к тому моменту борьба с коррупцией еще не вылилась в конкретные программы действий на международном уровне. Важным рубежом в переосмыслении рассматриваемого здесь феномена стал 1996 год, когда ответственные лица Всемирного банка впервые обратились к яркой метафоре «рака коррупции»; теперь в этом явлении предлагалось видеть экономическую проблему *par excellence*. Рассмотрение коррупционных практик с экономической точки зрения открыло их для системного эконометрического анализа, минимизировав влияние моральных, а также политических оценок¹⁹. Резкий поворот в отношении к коррупции произошел на удивление неожиданно: из неприятного, но терпимого явления она в одночасье превратилась в главную международную проблему. В 1997 году Всемирный банк обнародовал доклад «Помогаю странам бороться с коррупцией: роль Всемирного

16 Подробнее см.: BERGER M., BEESON M. *Lineages of Liberalism and Miracles of Modernization: The World Bank, The East Asian Trajectory and The International Development Debate* // Third World Quarterly. 1998. Vol. 19. № 3. P. 487–504.

17 CARROLL T. *Delusions of Development: The World Bank and the Post-Washington Consensus in Southeast Asia*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 41; WILLIAMSON J. *A Short History of The Washington Consensus* // SERRA N., STIGLITZ J. (Eds.). *The Washington Consensus Reconsidered*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 14–30.

18 См.: ВУКОВАНСКИЙ М. *The Hollowness of Anti-Corruption Discourse* // Review of International Political Economy. 2006. Vol. 13. № 2. P. 181–209.

19 POLZER T. *Op. cit.*; ROTHSTEIN B. *The Quality of Government: Corruption, Social Trust, and Inequality in International Perspective*. Chicago: University of Chicago Press, 2011. P. 15.

банка»²⁰, в котором говорилось, что отныне проекты, направленные на борьбу с коррупцией и ее предотвращение, становятся для учреждения приоритетными. Одновременно проблемой коррупции озаботился и Международный валютный фонд. При его финансировании и участии начали выходить работы, в которых доказывалось негативное влияние коррупционных практик на инвестиционную активность и экономический рост²¹.

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК

«ЛОВИ МОМЕНТ – ЗАХВАТИ ГОСУДАРСТВО»...

Резкий поворот в отношении к коррупции произошел на удивление неожиданно: из неприятного, но терпимого явления она в одночасье превратилась в главную международную проблему.

Одной из причин повышенного внимания международных финансовых институтов к коррупционным явлениям стало то, что надежды на быструю модернизацию стран, избавившихся от авторитарных режимов, включая и государства бывшего советского блока, очевидным образом не оправдывались. Именно в этой связи начался поиск новых, не учтенных ранее факторов, потенциально блокирующих построение стабильной рыночной экономики и либеральных демократических институтов²². В результате оформилось единодушие по поводу того, что коррупция вредит не только иностранным инвестициям и экономическому росту, но и демократическим порядкам. Именно в таком контексте в конце 1990-х специалисты Всемирного банка выдвинули концепцию «захвата государства», в которой попытались предусмотреть инструментарий, способный улучшить управленческие практики в странах, переживающих транзит.

РЕГУЛИРУЙ – ХВАТАЙ – ПОБЕЖДАЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ «ЗАХВАТА»

Метафора «захвата» как концептуального понятия не была нововведением исследователей из Всемирного банка. До них, в 1970-х, термин «захват» в сходном контексте употреблял экономист и будущий Нобелевский лауреат Джордж Стиглер²³.

20 *Helping Countries Combat Corruption: The Role of the World Bank. A Report of the Poverty Reduction and Economic Management Network.* Washington, D.C.: World Bank, 1997 (<https://documents1.worldbank.org/curated/en/799831538245192753>).

21 См.: ADES A., DI TELLA R. *The New Economics of Corruption: A Survey and Some New Results* // *Political Studies*. 1997. Vol. 45. № 3. P. 496–515; SHLEIFER A., VISHNY R. *Corruption* // *The Quarterly Journal of Economics*. 1993. Vol. 108. № 3. P. 599–617.

22 ВУКОВАНСКИЙ М. *Op. cit.*

23 См.: STIGLER G.J. *The Theory of Economic Regulation* // *The Bell Journal of Economics and Management Science*. 1971. Vol. 2. № 1. P. 3–21.

В его концепции термином «регуляторный захват» описывались непреднамеренные последствия государственного регулирования, а также характеризовалось нецелесообразное вмешательство власти в экономические процессы. Главные игроки «регуляторного захвата» – группы интересов, которые стараются установить контроль над входом на рынок, а также политики, своеобразные «поставщики регулирования», которые ставят собственные интересы выше общественного блага²⁴. Бизнес-структуры, как ключевая группа интересов, стремятся воздействовать на регулирующие инстанции и в результате обзавестись бонусами в виде субсидий, квот, монополий и тому подобного²⁵. «Регуляторный захват» можно рассматривать в качестве теоретического предшественника «захвата государства».

Парадоксальным образом понятие «захват государства» одновременно и шире, и уже «регуляторного захвата». С одной стороны, продвигающие его ученые идут дальше Стиглера, так как сосредотачиваются не только на сфере регулирования, но и на том, как и кем формируются «правила игры» в разнообразных государственных институтах. С другой стороны, концепт «захвата государства» сфокусирован исключительно на незаконных и непрозрачных средствах влияния, что делает его более узким, нежели «регуляторный захват», концентрирующийся на более обширном наборе форм влияния, включая как легальные, так и нелегальные²⁶.

В своей работе «Лови момент – захвати государство» Кауфманн, Хеллман и Джонс говорят, что их внимание сконцентрировано на том, «как государство взаимодействует с частными организациями (фирмами) и влияет на них», а не на том, как «фирмы и организации влияют на государство»²⁷. Они расширяют привычные трактовки взаимодействий хозяйствующих субъектов и государственных органов, рассматривая экономических субъектов, опирающихся на частный капитал, в качестве таких игроков, которые способны влиять на формулирование «правил игры» и/или на правоприменение. Ключевой тезис этих авторов состоит в том, что фирмы и организации могут эффективно подчинять себе государственных служащих и государственные институты.

Отталкиваясь от образа «хватаящей руки» (*grabbing hand*), предложенного Андреем Шлейфером и Робертом Вишны – авторами, которые тоже сосредотачиваются на влиянии государст-

24 DAL BÓ E. *Regulatory Capture: A Review* // Oxford Review of Economic Policy. 2006. Vol. 22. № 2. P. 203–225.

25 ЭЛЬМУРЗАЕВА Р.А. *Регуляторный захват: теория и политика* // Вестник Томского государственного университета. Серия «Экономика». 2017. № 37. С. 52–68.

26 ANDERSON J. ET AL. *Anticorruption in Transition: A Contribution to the Policy Debate*. Washington, D.C.: World Bank, 2000. P. 3.

27 HELLMAN J., JONES G., KAUFMANN D. *Op. cit.*

венных органов на коммерческие организации и подчеркивают, что государство предпочитает фирмы, обладающие высоким переговорным потенциалом, и дискриминирует фирмы, его не имеющие, поскольку оно стремится максимизировать частные выгоды политиков и бюрократов²⁸, – сторонники «захвата» пытаются упорядочить формы влияния представителей бизнеса на госслужащих. Они не отвергают «хватающую руку», которая в их типологии соотносится с административной коррупцией. Тем не менее последняя кажется им недостаточной и потому дополняется еще двумя формами взаимодействия между фирмами и государственными агентами: «влиянием» и «захватом». Различие между ними обусловлено разными источниками ренты²⁹.

Административная коррупция означает корректировку правоприменения посредством незаконных частных выплат государственным служащим³⁰. Этот вид коррупции ближе всего к «хватающей руке», так как вся рента в подобных случаях достается именно коррумпированным должностным лицам – на том основании, что они обладают властью осуществлять правоприменение. Фирмы здесь по большей части выступают в роли подчиненных субъектов, так как они не способны самостоятельно фиксировать за собой те или иные привилегии. Если же говорить о «захвате государства» – способности менять «правила игры» с помощью незаконных платежей, – то тут рента делится между коррупционерами-чиновниками и фирмами благодаря потенции последних закреплять привилегии в «правилах игры». Наконец, в ситуациях влияния – способности менять правила без незаконных платежей – рента поступает только к коммерческой структуре, поскольку воздействие здесь одностороннее и чиновничья сторона не получает никакого «поощрения»³¹.

Формирование «правил игры» тесно связано с особенностями политических реформ и складывания политического режима. В концепции «захвата государства» задается вполне определенная политическая темпоральность: развитие государственности представлено в ней в линейной перспективе, разворачивающейся от монопольной командной системы к соревновательной рыночной экономике. В такой оптике «захваченное» государство, оставаясь одним из возможных исходов реформ, предстает девиацией, отклонением от «должной» политической эволюции. Как считают теоретики «захвата государства», страны, переживающие экономический и полити-

28 См.: SHLEIFER A., VISHNY R. *The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures*. Cambridge: Harvard University Press, 1998.

29 HELLMAN J., JONES G., KAUFMANN D. *Op. cit.* P. 7.

30 *Ibid.* P. 3.

31 *Ibid.* P. 7.

ческий транзит, с высокой вероятностью будут подвержены риску того, что те или иные группы, неожиданно обзаводящиеся властью, влиянием и ресурсами, в какой-то момент начнут менять «правила игры» в своих интересах³². Такая логика хорошо вписывается в сформулированное Хеллманом видение «частичных реформ», представленное в статье «Победители получают все»³³.

Хеллман подвергает ревизии общепринятую в 1990-х гипотезу, что главными противниками реформ неизменно оказываются те, кому они причинили наиболее ощутимый урон, – так называемые «краткосрочные проигравшие». По его словам, обращение к эмпирическому материалу посткоммунистических государств не подтверждает это допущение. Более того, дело, вероятно, обстоит прямо противоположным образом: самыми могущественными врагами преобразований становятся те, кто извлек из них немедленную выгоду, – «краткосрочные победители», заинтересованные в максимально долгом поддержании баланса частичных, половинчатых реформ и резервировании за собой источников ренты, которые появились у них в результате неполноценного реформирования³⁴. При этом степень «захвата» увязывается с темпами прохождения переходного периода, отделяющего плановую экономику от рыночной. Опираясь на систему индикаторов, разработанных Всемирным банком³⁵, Хеллман и его последователи систематизируют уровни «захвата государства» и административной коррупции, подразделяя страны бывшего Советского Союза на несколько категорий: от средних уровней, где оба типа коррупции находятся в управляемом состоянии, до высоких, отмеченных наличием серьезных проблем как с административной коррупцией, так и с государственной состоятельностью, поскольку государство оказалось «захваченным»³⁶.

Теория «захвата государства» позволяет эмпирически проанализировать механизмы, посредством которых организации «краткосрочных победителей» пытаются влиять на государство, добиваясь, как пишет Хеллман, «блокировки дальнейшего реформирования, способного исправить те самые искажения, на которых основывались их первоначальные успехи». По сути, продолжает он, «они стремятся продлить период неполноценных и незавершенных реформ, чтобы сохранить за собой, пусть даже со значительными социальными издержками,

32 ANDERSON J. ET AL. *Op. cit.* P. 25.

33 HELLMAN J. *Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions* // World Politics. 1998. Vol. 50. № 2. P. 203–234.

34 Ibid.

35 Речь идет об исследовании «Business Environment and Enterprise Performance Survey» (BEEPS), проведенном в 1999 году для оценки качества управления в двадцати странах Центральной и Восточной Европы.

36 ANDERSON J. ET AL. *Op. cit.* P. 58–74.

первоначальный поток ренты»³⁷. Именно такая диспозиция порождает «экономику захвата», в которой государственные служащие и политические деятели в частном порядке предоставляют отдельным фирмам блага и преимущества, гарантирующие дальнейшее извлечение ренты»³⁸.

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК

«ЛОВИ МОМЕНТ – ЗАХВАТИ ГОСУДАРСТВО»...

«ЗАХВАТНИЧЕСКИЙ» КАЛЕЙДОСКОП

Если на первых этапах концептуализации «захват» преимущественно трактовали – во многом из-за эмпирических ограничений – как влияние корпоративного сектора на сектор политический, то впоследствии внимание ученых сосредоточилось на более широком спектре вовлеченных в него институтов и организаций. Произошло это не столько из-за естественного пути теоретических изысканий, сколько в силу изменения политических реалий. «Война с олигархами» в России, институционализация коррупции в ЮАР, а также похожие политико-экономические процессы в других странах заставили по-новому взглянуть на дефиницию «захвата государства», фокусируя ее не только на деятельности частных компаний, но и на функционировании институтов исполнительной, законодательной, судебной и муниципальной власти³⁹. Вместо бизнесменов и фирм в роли главных «захватчиков» теперь предстали политики, причем соответствующим образом видоизменились и предметы «захвата». Так, сербские политологи Соня Гаич и Душан Павлович проанализировали «захват» органов безопасности, показав, что, во-первых, подчинение этого сектора имеет первостепенную значимость для легитимизации авторитарных политических режимов, а во-вторых, присвоение силовых структур позволяет укрепить монополию на политическую и экономическую власть⁴⁰. «Захват» сектора безопасности зачастую не слишком очевиден для обывателей, так как власти всеми силами стремятся убедить общество в неизменном профессионализме силового блока, но тем не менее практика показывает, что институты безопасности в переходных обществах вполне способны перепрофилироваться из органов, обеспечивающих защиту граждан, в органы, обслуживающие искателей ренты.

Сектор безопасности могут использовать как политические лидеры, преследующие оппозицию, так и криминальные акто-

37 HELLMAN J. *Op. cit.* P. 233.

38 HELLMAN J., JONES G., KAUFMANN D. *Op. cit.* P. 35.

39 См., например: YAKOVLEV E., ZHURAVSKAYA E. *State Capture: From Yeltsin to Putin* // KORNAI J., MÁTYÁS L., ROLAND G. (Eds.). *Corruption, Development and Institutional Design*. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 24–36.

40 См.: GAJIĆ S., PAVLOVIĆ D. *State Capture, Hybrid Regimes, and Security Sector Reform* // *Journal of Regional Security*. 2021. Vol. 16. № 2. P. 89–125.

ры, воюющие с конкурентами. Иногда обе функции накладываются друг на друга. В частности, во время мексиканских нарковоин 2007–2012 годов местные силовые структуры выступали инструментом, который применялся как президентом Фелипе Кальдероном, так и наркокартелями. В первом случае это было результатом противостояния между правым президентом и левыми губернаторами: возглавляемые ими штаты в ходе войн с наркомафией избирательно выводились из-под защиты силовиков, что делало чиновников и активистов, и без того регулярно атакуемых федеральными правоохранительными органами, уязвимыми перед лицом преступных группировок. Во втором случае муниципальная полиция в некоторых штатах оказывалась под прямым контролем наркокартелей, которые организовывали покушения на мэров, советников и активистов при ее попустительстве или даже с ее непосредственной помощью⁴¹.

**Институты безопасности в переходных обществах
вполне способны перепрофилироваться из органов,
обеспечивающих защиту граждан, в органы,
обслуживающие искателей ренты.**

Внимание, проявляемое к «захвату» политиками, партиями и прочими агентами, позволяет дифференцировать его типы. Сегодня аналитически принято выделять несколько базовых стратегий «захвата государства»: в этом ряду, в частности, клиентелизм, слияние, эксплуатация и хищничество⁴². Каждая из них имеет свою специфику. Если клиентелизм основывается на иерархических взаимоотношениях между двумя рационально действующими акторами – патроном и клиентом, сотрудничество которых подразумевает предоставление доступа к экономическим благам или политическим должностям в обмен на политическую и/или экономическую поддержку, – то слияние обозначает сращивание политической партии с государственным аппаратом, обеспечивающее партийной верхушке извлечение ренты посредством государства. В то время, как эксплуатация описывает преднамеренное выстраивание формальных институтов, предназначенных для прямого извлечения выгод и закрепления неформальных практик, хищничество, наоборот, предполагает сокращение государственных институтов до ми-

41 Подробнее см.: TREJO G., LEY S. *High-Profile Criminal Violence: Why Drug Cartels Murder Government Officials and Party Candidates in Mexico* // *British Journal of Political Science*. 2021. Vol. 51. № 1. P. 203–229.

42 STOYANOV A., GERGANOV A., YALAMOV T. *State Capture Assessment Diagnostics*. Sofia: Center for the Study of Democracy, 2019. P. 36–37.

нимума, позволяющее очень ограниченной группе лиц установить над их остатками полный контроль.

Подобные стратегии редко используются по отдельности и обычно комбинируются в разных вариантах. Например, сочетание клиентелизма с эксплуатацией институтов может оборачиваться раздуванием определенных бюджетных статей с целью последующего расхищения государственных средств; яркий пример такого рода предлагает недавний кенийский кейс⁴³. Столь же успешно обе стратегии совмещались в ЮАР при президенте Зуме: создание и/или перепрофилирование государственных институтов, производимое для более эффективного извлечения ренты, дополнялось продвижением братьев Гупта и назначением «своих людей» в Африканский национальный конгресс⁴⁴. Хорошим примером комбинирования практик слияния и эксплуатации выступает современная Венгрия, которую некоторые специалисты называют «мафиозным государством». В ней, по утверждению Балинта Мадьяра, царит своеобразный пирамидальный порядок, венчаемый «властным иерархическим образованием с единым центром», цементируемым посредством «личных и семейных связей». В венгерском «мафиозном государстве» подставным лицом правящей «семьи» оказывается политическая партия, которая легитимирует «семейные» интересы и ориентирует на их отстаивание органы государственной власти⁴⁵. Наконец, «захват» может включать в себя разнообразные вариации иных инструментов и способов: среди них произвольное изменение правил политической игры, избирательное и/или специфическое правоприменение, ограничение доступа к общественным ресурсам и СМИ, политический контроль над внешней и/или внутренней политикой⁴⁶.

Изучение микроуровня «захватов» позволяет выделить некоторые неочевидные обыкновения, присущие авторитарным режимам. Так, исследование динамики государственных закупок в Венгрии в 2009–2012 годы (в этот период у власти находились сначала социалисты, а потом консерваторы) показало, что консолидация венгерской элиты с приходом правительства Виктора Орбана шла параллельно с «захватом государства»⁴⁷. Под началом консервативного кабинета система госзакупок

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК

«ЛОВИ МОМЕНТ – ЗАХВАТИ ГОСУДАРСТВО»...

43 См.: NDI D. *Highway Robbery: "Budgeted Corruption" as State Capture. A Case Study of Infrastructure Spending under the Jubilee Administration*. Nairobi: The Africa Centre for Open Governance, 2020.

44 См.: GODINHO C., HERMANUS L. (Re)Conceptualising State Capture – With a Case Study of South African Power Company Eskom. *Conference Paper Prepared for the Public Affairs Research Institute's State Capture and Its Aftermath: Building Responsiveness through State Reform, Johannesburg, 22–24 October 2018*.

45 См.: МАДЬЯР Б. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии*. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 66, 95, 184.

46 STOYANOV A., GERGANOV A., YALAMOV T. *Op. cit.* P. 35.

47 См.: FAZEKAS M., TÓTH I. *From Corruption to State Capture: A New Analytical Framework with Empirical Applications from Hungary* // *Political Research Quarterly*. 2016. Vol. 69. № 2. P. 320–334.

централизовалась как формально, так и неформально: с одной стороны, центры управления закупочными процедурами переместились с местных уровней на общенациональный; с другой стороны, сам рынок госзакупок подвергся реструктуризации. После смены правительства изменился набор компаний, занимающихся госзакупками: те из них, которые связывались исследователями с коррупционными рисками, вышли на привилегированные места в закупочной сети, взяв под контроль около 60% всего рынка госзакупок.

«Захват государства» может проводиться как «снизу вверх», так и «сверху вниз». В первом случае «частные акторы внутри элит вступают в сговор с административными служащими и государственными акторами, также принадлежащими к элите, для проведения принудительных коррупционных сделок время от времени или на постоянной основе»⁴⁸. Такая модель «захвата» полностью соответствует хрестоматийному описанию, которое в свое время предложили Кауфманн и Хеллман. Что касается «захвата сверху вниз», то под ним понимается «тип коррупции, при котором государственные акторы вступают в сговор с экономическими акторами, используя аппарат управления, и систематически или время от времени заключают с ними принудительные коррупционные сделки»⁴⁹. Подобный тип «захвата» можно обнаружить в тех странах, где распределение ренты происходит под строгим контролем властной вертикали. В случае «захвата сверху вниз» коррупция институционализируется на государственном уровне, становясь неотъемлемой частью политической системы⁵⁰.

«Захват государства» не одномоментное событие, но постоянно идущий процесс, суть которого в неуклонном сближении экономической и политической сфер⁵¹. В экономическом плане по мере его развертывания конвенциональные формы влияния подменяются неконвенциональными: теневым лоббизмом, непрозрачными выплатами госслужащим и так далее. В политическом плане его углубление приводит к тому, что монопольное удержание власти господствующей коалицией становится главной целью, во имя которой корректируются или коренным образом изменяются любые «правила игры». В результате укрепляются коррупционные и/или патримониальные политичес-

48 Мадьяр Б., Мадлович Б. *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Т. 2. С. 46.

49 Там же. С. 50.

50 См. обоснование этого тезиса на венгерском материале: MARTIN J. *Resource Reallocation and Ambiguous Economic Performance in a Captured State: The Case of Hungary* // PIROSKA D., ROSTA M. (Eds.). *Systems, Institutions, and Values in East and West: Engaging with János Kornai's Scholarship*. Budapest; New York: Central European University Press, 2020. P. 173–202.

51 См.: ВОРОБЬЕВ А.Н. «Захват государства»: качество институтов и режимные деформации (поиск подхода и операционализация) // *Общественные науки и современность*. 2014. № 5. С. 76–87.

кие режимы, которым присущи слабый демократический надзор и некачественные практики управления.

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК

«ЛОВИ МОМЕНТ – ЗАХВАТИ ГОСУДАРСТВО»...

* * *

В июне 2021 года Джейкоба Зуму приговорили к пятнадцати месяцам лишения свободы за неуважение к суду и отказ от дачи показаний «комиссии Зондо». Бывший президент провел в заключении два месяца, после чего был отпущен по состоянию здоровья⁵². 11 августа 2023 года он явился для отбытия оставшихся тринадцати месяцев заключения в тюрьму своей родной провинции Квазулу-Натал, но уже через два часа вновь вышел на свободу: бывший глава государства попал под действие государственной программы, предусматривающей досрочное освобождение преступников «с низким уровнем общественной опасности»⁵³. Многие из обвиняемых по тому же делу тоже не понесли никаких наказаний⁵⁴.

Немощь демократии, выливающаяся в неэффективность государственного управления, ведет к тому, что государство начинает работать не на общее благо, а во имя частной корысти.

История Южно-Африканской Республики, с которой начинался этот текст, повествует не только о коррупции, но и о сложности выстраивания сильных демократических институтов после долгих лет авторитарного правления. Между тем немощь демократии, выливающаяся в неэффективность государственного управления, ведет к тому, что государство начинает работать не на общее благо, а во имя частной корысти. Изучение патримониальных режимов показывает, что они способны выживать только в случае постоянного использования государственных институтов и государственных средств в интересах возглавляющих их лиц.

«Захват государства» – альтернативный и, к сожалению, наиболее вероятный путь, который открывается перед молодыми демократиями, обремененными долгим авторитарным про-

52 См.: ISILOU H. *Ex-South African President Zuma Completes 15-Month Contempt of Court Sentence* // Anadolu Agency. 2022. October 7 (www.aa.com.tr/en/africa/ex-south-african-president-zuma-completes-15-month-contempt-of-court-sentence/2705532).

53 См.: ELIGON J. *Jacob Zuma Released after Brief Return to Prison in South Africa* // The New York Times. 2023. August 11 (www.nytimes.com/2023/08/11/world/africa/jacob-zuma-released-south-africa.html).

54 См.: DEMOCRATIC ALLIANCE. *Track The Consequences of Zondo's State Capture Reports* (www.da.org.za/statecaptureconsequences).

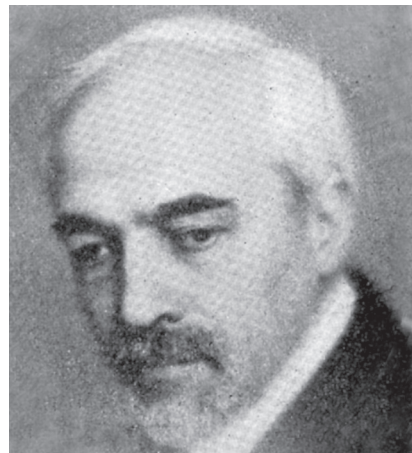

шлым. Теория «захвата», используемая в эвристических целях, переводит фокус исследований авторитаризма со стандартных политических практик вроде работы электоральной машины или функционирования парламентских учреждений на присвоение государственного управления⁵⁵. Иначе говоря, в концепции «захвата государства» на первый план выдвигаются не особенности политического режима, но специфические управленческие приемы, предназначенные для приватизации государственных институтов, контроля над распределением ренты и пресечения политической конкуренции. Для тех, кто ищет способы, позволяющие избавиться от «недостойного правления», заложенная в описанной теории исследовательская программа выглядит весьма многообещающей.

Уголовный кодекс и социальный вопрос

МАКСИМ
ЛЕРУА

Очерк Максима Леруа «Дух наполеоновского законодательства: критическое исследование»¹ представляет собой докторскую диссертацию, защищенную автором на юридическом факультете Университета Нанси в конце 1890-х. Ставшая классической работа посвящена прежде всего идеям и началам, на которых базировались наполеоновские кодексы. Великая французская революция создала во Франции новую правовую систему – либеральную, рациональную, просвещенную. Равенство граждан перед законом и судом; разделение властей; гласность и состязательность процесса; гуманизация наказаний; отмена пыток; введение презумпции невиновности и суда присяжных; свободная оценка доказательств и полная кодификация – вот лишь немногие принципы, которые легли в основу революционного уголовного законодательства. Вместе с тем масштабная наполеоновская кодификация права, сохранив многие революционные принципы, в некоторых отношениях все же отступила к дореволюционным концепциям. Это было связано с укреплением единоличной власти Наполеона и желанием вернуться к «твердой руке» после хаоса революционной эпохи. Когда

Максим Леруа
(1873–1957) – французский правовед и историк.

1 LEROY M. *L'esprit de la législation napoléonienne esquisse d'une étude critique*. Nancy: A. Crépin-Leblond, 1898. Публикуемый фрагмент: Р. 161–177. Все примечания в настоящем тексте, за исключением специально оговоренных случаев, сделаны переводчиком. Название публикации дано редакцией. – *Примеч. ред.*

АРХИВ «НЗ»

Леруа написал эту работу, ему было всего 27 лет: став первым научным трудом молодого автора, она открыла ему дорогу в большую науку². Ниже публикуется фрагмент главы, посвященной Уголовному кодексу 1810 года. [Антон Ишков]

В законодательстве Старого режима примитивная месть постепенно приобрела социальную и религиозную природу. На смену ей в идеях мыслителей второй половины XVIII века пришла новая концепция, носившая ярко выраженный светский характер. Но, несмотря на то, что она заметно отличалась от предыдущей и не ограничивалась простой сменой названия, эту концепцию, как нам кажется, все же трудно признать глубокой трансформацией ранее принятых представлений. Реальным и эффективным преобразованиям суждено было начаться лишь позже. В нынешней теории Уголовного кодекса мы хотели бы видеть мост между теократическими идеями прошлых веков и социально-психологической теорией более позднего периода. Идея Бога сегодня заменена понятием абстрактной свободы: сказанное верно как для Уголовного, так и для Гражданского кодекса. На смену божественной мести идет защита общественных интересов.

«Несомненно, наказание – это не месть», – заявил Тарже во время обсуждения Уголовного кодекса³. Впервые эту идею высказал Беккариа:

«Чтобы наказание было справедливым, оно должно иметь только ту степень интенсивности, которой достаточно, чтобы удерживать людей от преступления. [...] Истинная мера тяжести преступления – это ущерб, который оно наносит обществу»⁴.

Именно этот общественный интерес и принимается во внимание независимо от намерения причинить вред – как в случае причинения смерти по неосторожности, так и в менее тяжких преступлениях. При этом частный интерес и частный ущерб не учитываются – как, например, в случаях попытки за-

2 На русский язык переведены лишь немногие сочинения автора, см., например: Леруа М. *Эволюция государственной власти (синдикаты чиновников)*. СПб.: Общественная польза, 1907; Он же. *Старое и новое право (к столетию Кодекса Наполеона)*. СПб.: Издание Н. Глаголева, б.г. – *Примеч. ред.*

3 Ги-Жан-Батист Тарже (1733–1806) – адвокат и публицист, член комиссии Государственного совета по составлению уголовного законодательства, один из авторов Уголовного кодекса 1810 года и Кодекса уголовного следствия 1808 года.

4 Труд Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» был опубликован в 1764-м, а уже через два года его перевели на французский язык. Произведение пользовалось во Франции огромной популярностью: с 1764-го по 1807 год его переиздали двадцать раз. В России книга тоже многократно переиздавалась. Цит. по: БЕККАРИА Ч. *О преступлениях и наказаниях*. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. С. 226.

говора (статьи 89 и 91 Уголовного кодекса) или ношения запрещенного оружия (статья 314 Уголовного кодекса).

В соответствии с новым правом человек, совершивший правонарушение, осуждается во имя своей личной свободы – а также потому, что правонарушение представляет собой покушение на существующий общественный порядок. На смену Богу и сакральному порядку пришли свобода и социальный порядок. Иначе говоря, люди несут ответственность перед общественным порядком во имя своей свободы. Принцип уголовной ответственности будет опираться на обе эти идеи.

В целом Уголовный кодекс исходит из человеческой свободы: его положения не принимают во внимание субъективную сторону преступления, будь то абсолютная неосведомленность в совершаемом правонарушении или же, напротив, его полнейшее осознание. Поэтому закон, если можно так выразиться, почти не делает уступок субъективности, всесторонне заботясь о самом факте преступления и пренебрегая личностью преступника. Действительно, в отношении установленного правонарушения Уголовный кодекс редко допускает смягчение уголовной ответственности. Но имеются, однако, исключения: это ситуации, в которых обвиняемое лицо либо вообще не подлежит ответственности, либо располагает должными извинениями⁵, либо может воспользоваться оправдывающими и смягчающими обстоятельствами. В частности, совершение преступления людьми несовершеннолетними, слабоумными, находящимися под физическим или моральным принуждением, составляет такие случаи невинности, где правонарушение просто не принимается во внимание: здесь отрицается вменяемость обвиняемого⁶. Приведенные примеры примечательны тем, что по контрасту с ними в дореволюционном уголовном праве психология играла гораздо меньшую роль: достаточно вспомнить судебные процессы над душевнобольными, животными, мертвыми. Уголовная теория тогда была более «материальна», в значительной мере игнорируя сознание обвиняемого.

Под извинениями понимаются конкретные факты, установленные законодателем, которые, оставляя вину в силе, приводят к освобождению от наказания или смягчению наказания. Какие-то из них вообще исключают ответственность, а другие облегчают ее. Первые мы оставляем в стороне; если же го-

5 Извинения – юридический термин, отсылающий к оправдывающим, то есть исключаящим вину, обстоятельствам; в правовых системах Нового времени поначалу сохранялся в качестве средневекового рудимента, позже исчез.

6 Современные уголовно-правовые представления о вменяемости обвиняемого как способности контролировать свои действия и осознавать их последствия в начале XIX века еще не до конца сложились, и поэтому невменяемость рассматривалась как значительно более широкое понятие, чем сегодня.

ворить о вторых, то ими будут совершение преступления до шестнадцати лет (когда обвиняемый действовал разумно⁷) и провокация со стороны потерпевшего. Ссылка на них призвана уменьшить наказание. Смягчающими обстоятельствами служат неопределенные факты, полностью оставленные на усмотрение судей или присяжных, которые в зависимости от деталей конкретного дела приводят к изменению индивидуальной вины и сокращению или даже отмене наказания. Последнее заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее, поскольку, на наш взгляд, именно оно придает Уголовному кодексу его подлинный облик.

Считается, что в дореволюционном праве наказание было произвольным. Это прилагательное, однако, вводит в заблуждение, поскольку судьи не имели права назначать наказания, а могли только выбирать между ними. Вместе с тем все варианты были одинаково свирепы, так что спектр выбора оказывался небогатым. Кроме того, они оставались неизменными, не имея ни минимума, ни максимума. Уголовный кодекс (1791) и Кодекс о преступлениях и наказаниях (1795) установили фиксированные наказания за каждое правонарушение, дополнительно предоставив судьям право выбирать между минимальной и максимальной степенью, предусмотренной для каждого наказания. Это было противоположностью прежним теориям, пусть даже пока еще лишь кажущейся. Понятно, что составители рассчитывали учесть степень порочности преступника: они хотели решительно выступить против ранее действовавших норм, которые, не оставляя судье никакой свободы действий, объединяли в неизменной комбинации наказание и проступок.

Уголовный кодекс Наполеона продолжил революционную традицию. Следование ей, по идее, вроде бы позволяло учитывать психологические нюансы ответственности, однако дело обстоит не так: подобная иллюзия развеивается даже после поверхностного изучения вопроса. Некоторые уголовные проступки⁸ – в частности, бродяжничество, – а также многие тяжкие преступления, особенно влекущие за собой смертную казнь и пожизненное заключение, по-прежнему караются жестко фиксированными наказаниями. Что же касается смягчающих обстоятельств, то они предъявляются только в отношении проступков, караемых тюремным заключением, и только в тех случаях, когда ущерб не превышает 25 франков. По сути, в этом просматривается бессознательный пережиток старых принципов уголовного права: правонарушение предполагает моральную

7 Здесь упоминается оценочная категория, подлежащая установлению судьей в ходе выяснения конкретных обстоятельств дела.

8 Речь идет о преступлениях средней и малой тяжести, которые рассматривались исправительными судами. Им были посвящены статьи 198, 281, 289 Уголовного кодекса.

вину – оно нарушает общественный порядок – оно неизбежно влечет наказание. Поскольку психологическое обследование на законных основаниях тут не предусмотрено, отсутствует и заметная разница между обстоятельствами, исключаящими или смягчающими вину. Понятно, что она возможна только при безгранично расширенных смягчающих обстоятельствах.

Смягчающие обстоятельства – именно по той причине, что они неопределенны, – действительно позволяют судье устанавливать меру наказания в зависимости от нюансов, выходящих за рамки вины; он может немного отойти от изолированного рассмотрения правонарушения, чтобы обратиться к совести и личности обвиняемого. Обращаясь к ним, легче восстановить условия и истоки правонарушения. В итоге мы видим, как нынешнее уголовное право с широко внедренной системой смягчающих обстоятельств становится эластичным, а следовательно, более справедливым и более гуманным. Между тем до революционному праву, как и Уголовному кодексу 1810 года, не хватало подобной гибкости – в них мало внимания уделяется человеку и социальным обстоятельствам его жизни. Только с 1832 года давняя критика начала проникать в уголовное право и, в конечном счете, привела к его обновлению.

Только апеллируя к смягчающим обстоятельствам, судья может принять во внимание все факторы, способствующие совершению преступления. Некоторые из них отнюдь не указывают на какую-то извращенность сознания – за ними стоит лишь человеческое нежелание умирать. Причем, допуская самооборону и регулируя реакцию на провоцирование, закон уже дал этому нежеланию определенное удовлетворение. Но сделанного недостаточно: помимо того, мы должны говорить о нищете и голоде, которые оправдывают многие преступления, а также о естественном стремлении рабочих мстить своим нанимателям. Бесспорно, мы должны протестовать против любого насилия и требовать, чтобы люди отстаивали свои интересы только посредством идей. Насилие, увы, часто порождает насилие. Было бы справедливо учитывать обстоятельства, оправдывающие или смягчающие вину, которые прямо не предусмотрены законом и которым некоторые судебные решения все-таки пытаются придать силу. Мы должны выступать не столько против насилия или против пороков, сколько против среды, которая их фатально порождает: бороться с голодом, безрассудством, невежеством, низменными обидами. Именно их необходимо устранять в первую очередь, поскольку они и являются причинами преступлений; кстати, так думал и Беккариа еще в прошлом веке.

Все церковные авторы признавали и до сих пор признают (хотя и не говорят об этом слишком громко), что человек, до-

веденный до крайней нищеты, имеет право брать то, что необходимо для пропитания. Эту мысль разделял, например, Лютер. Подобные идеи проникли и в позитивное законодательство. Так, в дореволюционном французском праве «самоубийство перестает быть преступлением, если оно совершено душевнобольным или вызвано нуждой»⁹. Здесь мы имеем дело с рудиментом определенного права, предоставленного неумощному: юридическая норма склоняется в его пользу. Более того, «Бомануар признавал, что дети имеют право грабить своих родителей ради пропитания – то есть ради того, чтобы добыть себе пропитание, – но никак не иначе; следовательно, в таких случаях не было бы никакого преступления»¹⁰. В Уголовном кодексе кража, совершенная детьми у родителей, составляет основание для оправдания: иными словами, закон, оставляя вину в силе, отменяет только наказание (статья 380). Это более чем существенный нюанс¹¹. Как представляется, мы могли бы вернуть к жизни некоторые сохранившиеся в Уголовном кодексе пережитки древнего права и старой христианской теории, а также возобновить общинные традиции, которые наполеоновское законодательство до конца так и не уничтожило. Отправной точкой для новой теории, справедливо рассматривающей голод, нищету, невежество в качестве неизбежных императивов дурных поступков, вполне могла бы стать статья 64 Уголовного кодекса, согласно которой «не существует преступления или проступка там, где обвиняемый находился в состоянии слабоумия или где его принуждала сила, которой он не мог сопротивляться».

Согласно общепринятой доктрине, принуждение учитывается в уголовном праве только в том случае, если имело место насилие – будь то моральное или физическое – одного человека над другим или же принуждение со стороны сил природы, когда, например, кто-то не в состоянии выполнить долг присяжного заседателя из-за наводнения. Однако в определенных ситуациях сущность обоих упомянутых факторов оказывается одной и той же. Рассмотрим следующий пример: некоего мужчину под дулом револьвера заставляют украсть из пекарни буханку хлеба. Он, безусловно, оказывается вором; однако если ему удастся доказать, что он не мог поступить иначе, то его

9 Автор цитирует «Историю права и институтов Франции» Эрнеста Глассона (1837–1907) – юриста и историка права: GLASSON E. *Histoire du droit et des institutions de la France*. Paris: F. Pichon, 1895. Vol. 6. P. 649.

10 Автор вновь цитирует здесь Глассона (*Ibid.* P. 655), который в свою очередь ссылается на сборник обычаев средневекового французского права «Кутюмы Бовези», составленный судьей Филиппом де Бомануаром во второй половине XIII века.

11 Автор допускает неточность. Кража детьми имущества своих родителей, согласно упомянутой статье Уголовного кодекса 1810 года, в принципе не предусматривала уголовной ответственности; вместо этого она влекла лишь гражданскую ответственность, предполагающую возмещение ущерба.

признают невиновным. В данном случае мы руководствуемся доктринальным толкованием статьи 64 Уголовного кодекса. Если человек в описанной ситуации совершил кражу, то, значит, он боялся смерти; страх – единственная причина, которая оправдывает его проступок с юридической точки зрения. Но если он ворует из-за того, что голоден, то закон также должен применить к нему преимущества статьи 64. Голод и револьвер есть подлинные возбудители описанного акта: в волевом смысле я не вижу между этими началами какой-либо разницы. И там и здесь речь идет о непреодолимом желании избежать смерти. Требование сохранить жизнь должно оставаться императивным как в одном, так и в другом случае.

МАКСИМ ЛЕРУА
УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС
И СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Мы должны выступать не столько против насилия или против пороков, сколько против среды, которая их фатально порождает: бороться с голодом, безрассудством, невежеством, низменными обидами. Именно их необходимо устранять в первую очередь, поскольку они и являются причинами преступлений.

Правда, когда речь заходит о втором факторе из приведенного выше примера, а именно – о голоде, судебное доказывание осложняется, поскольку объектом доказательства выступает, если можно так выразиться, отрицательный факт. Воздействие револьвера или иных обстоятельств подобного рода легко поддается проверке; но, когда разговор заходит о голоде, обвиняемый будет обязан убедить суд в предпринятых им усилиях, направленных на избежание крайней необходимости. Здесь от судьи потребуются глубокий моральный анализ, которому обязательно должно сопутствовать изучение предшествующих событий, окружающей обстановки, прочих обстоятельств, сопровождавших преступление. К сказанному стоит добавить, что состояние голода порождает специфические галлюцинации, способные влиять на свободу воли. В частности, этот тезис поддерживается правоведами в Бельгии. Так, в своем комментарии к бельгийскому Уголовному кодексу один из его авторов, профессор Льежского университета Нипельс, отмечает, что «голод оправдывает несчастного, который крадет продукты, чтобы поддержать свое существование». Наконец, статья 116 Уголовно-судебного уложения Священной Римской империи («Каролина»)¹², которое регулировало преступления

12 Автор ошибается; речь идет о статье 166, а не 116.

и наказания на большей части Европы, касаясь той же темы, гласит:

«Если кто-либо по прямой голодной нужде, от которой страдал он сам, его жена и дети, был вынужден украсть что-либо из съестных припасов, притом такая кража была незначительна и стала известна, то в таком случае судьи должны запросить указаний сведущих правоведов. Если, однако, подобный вор будет безнаказанно отпущен, то истец не должен отвечать перед ним за предъявленное по сему поводу обвинение»¹³.

В те времена, когда моральная и экономическая власть церкви и сеньоров только что сошла на нет и когда еще ничто не заменило той благотворительной деятельности, которую они вели в дореволюционной Франции, с поддерживаемым выше тезисом нельзя было не соглашаться. В рамках системы, выстроенной Уголовным кодексом, только благотворительность обеспечивала юридические предписания, которые позволяли учесть одну из наиболее частых причин правонарушения, а именно – людские страдания, вызываемые рыночной конкуренцией. И действительно, бесспорной язвой времени стало бродяжничество – признанная причина многих преступлений, в том числе и по мнению самих составителей Уголовного кодекса. Светские благотворительные организации тогда еще не были созданы, цеховая система ученичества разрушилась¹⁴, индустрия переживала финансовые потрясения, а в рабочих мастерских постоянно вспыхивали беспорядки, которые Директория пыталась гасить, применяя революционные законы о рабочих союзах, – вот какой была совокупность обстоятельств, которые требовали от закона чего-то большего, нежели чистое подавление. Вместе с тем сегодня поддерживаемый мной тезис звучит менее жестко: бесплатные бюро по трудоустройству, ночлежки и пункты обогрева, столовые и ясли, пенсионные фонды – все перечисленное составило совокупность институтов, посредством которых смягчаются негативные последствия [капиталистической] конкуренции. По сути, это примерно та же благотворительность, что и при Старом режиме.

Весь этот институциональный набор имеет непосредственное отношение к уголовному праву нашей страны: лишь с его помощью можно практически реализовать положения статьи 64

13 Цит. по: *Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т.* / Ответ. ред. Н.А. Крашенинникова. М.: Норма, 2009. Т. 1 («Древний мир и Средние века»). С. 712.

14 Словные обыкновения дореволюционной Франции предполагали, что сын наследует профессию (и, соответственно, статус) отца. Это позволяло обеспечивать общество нужными специалистами без поддерживаемой государством системы профессионального образования. Поскольку революция разрушила такой порядок, а школьная система еще не сложилась, в стране заметно выросла подростковая преступность. Автор ссылается здесь на работу Анри Жоли «Криминальная Франция»: JOLY H. *La France criminelle*. Paris: L. Cerf, 1889.

Уголовного кодекса 1808 года. Именно им обеспечиваются профилактические меры против угроз, блокирующих удовлетворение базовых физиологических потребностей – например, потребности в пище или крыше над головой. Нам необходимо бороться не только с преступлением как таковым, рассматриваемым в изоляции от его причин, а с самими этими причинами: с нуждой, невежеством, безнравственностью. Новое законодательство, если можно так выразиться, закрепляло несправедливость, с которой мы согласились и которую приняли; тем не менее, пока люди все еще бедствуют, голодают, лишаются работы – что случается во Франции каждый день, – необходимо добиваться расширения статьи 64. Уместно напомнить, просто для справки, что еще совсем недавно, в 1853–1854 годах, некоторые суды присяжных трактовали нужду как порок воли¹⁵. Следует также сказать, что мы распространяем на уголовное право тезис, который безуспешно пытались внедрить в гражданское право.

В теоретическом плане два аргумента способны поколебать представляемый здесь взгляд на вещи. Во-первых, нам укажут на несправедливость ситуаций, в которых один из членов сообщества – а именно, обворованный – должен платить за всех остальных. Мы готовы с этим согласиться. Но этот недостаток можно исправить: в тех случаях, когда вор неспособен компенсировать причиненный им ущерб своей последующей работой, надо предусмотреть для потерпевшего возможность обращения за государственной помощью. Во-вторых, будет сказано и о соображениях социального порядка – а конкретно о том, что наш тезис сводится к косвенному установлению права на кражу. Возможно, здесь есть зерно истины. Однако в указанном случае в краже следует видеть просьбу о помощи и попытку самостоятельно добиться справедливости.

Нет такого слова, которым политические деятели злоупотребляли бы больше, чем слово «порядок». Любое правительство, возникшее в результате государственного переворота – от Октавиана Августа, принцепса римлян, до Наполеона III, императора французов, – стремилось мыслить и действовать, опираясь сугубо на него. Именно ради восстановления «порядка» оба наших Бонапарта изгнали своих противников, закончили с демократической жизнью и заменили ее деспотизмом единовластия. В идеале, как предполагалось, правительство устанавливает «порядок» и заставляет граждан мыслить и действовать единообразно сугубо для того, чтобы силы Отечества не растрачивались в изолированных и противонаправ-

15 Порок воли означает положение, в котором принятое человеком юридически значимое решение объявляется недействительным и не влечет за собой правовых последствий. Типичные примеры порока воли – принуждение, обман, заблуждение и так далее.

ленных усилиях, а сливались в единый и мощный поток. Но трудно представить себе другое такое же слово, которое более искусно скрывало бы ненависть к свободе. На деле это своего рода волшебная формула, которая служит тому, чтобы заставить свободу исчезнуть навсегда. Вот что думал по этому поводу де Монтескьё:

«Август восстановил порядок, то есть постоянное рабство, ибо в свободном государстве, где захватчик только что овладел верховной властью, называют порядком все то, что может укрепить неограниченный авторитет одного человека; смутой же, раздором и плохим правлением называют все то, что может поддержать благородную свободу подданных»¹⁶.

По нашему мнению, эта идея не должна механически прилагаться к тем или иным политическим формам: ее надо рассматривать применительно к жизням конкретных граждан. Каждый человек имеет право и обязанность развиваться, и ни один закон не должен противоречить этому высшему и неизбежному долгу. Во имя так называемых «общественных интересов» никакая жизнь не должна приноситься в жертву; диалектика законов должна обеспечивать социальную гармонию – недопустимо позволять ей потакать естественным слабостям. В противном же случае мы будем довольствоваться лишь внешним порядком, который, по сути, воспроизводит описанный Дарвином порядок природы и предполагает принесение слабых в жертву сильным.

Сейчас на наших глазах оформляется новая система правовых представлений: законы все больше принимаются в интересах каждого отдельного человека – исходя при этом из особенностей различных групп населения. Законодательство заботится о личности, индивидуальных несчастьях и слабостях, других нематериальных благах, а также масштабном расширении социальной помощи во всех ее формах. «Угнетение всего общественного союза есть угнетение каждого члена в отдельности», – говорилось в декларации 1793 года¹⁷. Социальный вопрос представляется нам вопросом индивидуальной природы: общественный порядок не должен противоречить никакому индивидуальному развитию – при условии, что последнее не мешает развитию других людей. Таким образом, мы не сводим идею социального порядка к какой-то априорной формуле – которой, кстати, никто не знает, – а трактуем ее

16 МОНТЕСКЬЁ Ш.-Л. ДЕ. *Размышления о причинах величия и падения римлян* // Он же. *Персидские письма*. Размышления о причинах величия и падения римлян. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2002. С. 326.

17 Автор цитирует Декларацию прав человека и гражданина – составную часть Конституции Французской Республики 1793 года. См.: *Документы истории Великой французской революции* / Ответ. ред. А.В. Адо. М.: Издательство Московского университета, 1990. Т. 1. С. 218. – *Примеч. ред.*

в качестве живой и пластичной. Не вызывает сомнения, что старая общественная модель распадается: ее авторитарный и патриархальный характер несовместим с современным видением. В основе всего этого процесса – трансформация, а не возвращение. Наш тезис соответствует современному этапу развития права, которое отводит все более важное место взаимопомощи и благотворительности во всех их возможных формах.

Совсем недавно эта идея была поддержана судом коммуны Шато-Тьерри¹⁸, соображения которого мы воспроизводим ниже:

«Принимая во внимание, что к тому времени, когда обвиняемая украла хлеб у пекаря П., [...] у нее не имелось денег, а продукты, которые она ранее приобрела, были на исходе; что ни она, ни ее мать не ели в течение 36 часов, оставляя для ребенка те несколько глотков молока, которые были в доме; [...] что нищета и голод могут отнять у каждого человека часть его свободной воли и подорвать представления о добре и зле; что предосудительный поступок во многом теряет свой мошеннический характер, когда тот, кто его совершает, действует только под влиянием настоятельной потребности добыть себе пищу, без которой природа отказывает в работе телу; что недобросовестные намерения еще более смягчаются, когда к острым пыткам голодом присоединяется, как в данном случае, естественное желание матери избавить от страданий свое дитя; [...] что подсудимая М. обещала пекарю П. вернуть долг после первого же полученного ею заработка и что, следовательно, есть основания освободить ее от судебного преследования, – суд постановляет освободить М. от судебного преследования без каких-либо взысканий».

Подготовка материала и перевод с французского Антона Ишкова, старшего преподавателя кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва)

18 Судебное постановление, на которое ссылается автор, было вынесено 4 марта 1898 года; позже оно было подтверждено в апелляции.

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Аргентинский маятник

С 1930 года Аргентина вступила в длительный период политической нестабильности, чередования военных диктатур и кратковременных, неустойчивых демократических правительств, который продлился следующие полвека – до 1983-го. За это время девятнадцать лет у власти находились военные, тринадцать – перонистский корпоративистский режим, и еще девятнадцать пришлось на ограниченную демократию, когда сохранялись некоторые конституционные нормы, но были запрещены партии большинства: Гражданский радикальный союз (Unión Cívica Radical) – в 1930-е и Перонистская (Partido Peronista) – в 1960-е. В этот период почти все избранные на всеобщих выборах президенты были свергнуты в результате военных переворотов: после 1928 года следующая

ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА

передача власти от одного избранного на всеобщих выборах президента к другому, которая происходила в условиях либерально-демократического режима, состоялась только в 1989-м, когда радикал Рауль Альфонсин передавал власть перонисту Карлосу Менему¹.

Подобные колебания политического маятника были чрезмерными даже по латиноамериканским меркам. Тем более удивительными они кажутся для страны, население которой на протяжении большей части своей истории с презрением и свысока смотрело на своих соседей, считая себя, по выражению Хорхе Луиса Борхеса, «европейцами в изгнании»². Как ни парадоксально, именно с этим, более высоким по сравнению с другими латиноамериканскими странами, уровнем социально-экономического развития Аргентины в первой половине XX века во многом связана указанная глубинная нестабильность. Аргентина одной из первых на континенте столкнулась с внутренним барьером индустриализации и исчерпанием к середине 1950-х той модели экономического развития, которая лежала в основе динамизма популистского режима.

«Насыщение внутреннего рынка для простой продукции обрабатывающей промышленности существенно ограничило возможности дальнейшей промышленной экспансии. Кроме того, первоначальная фаза индустриализации, хотя и сократила зависимость от импорта потребительских

товаров, привела к росту стоимости импорта полуфабрикатов и капитального оборудования, необходимого для производства потребительских товаров. Результатом стали растущий дефицит платежного баланса, внешняя задолженность и инфляция»³.

Выход из этого кризиса все больше представителей правящих и господствующих групп видели в вертикальной интеграции или углублении индустриализации посредством перехода к собственному производству промежуточных товаров и капитального оборудования. Это требовало резкого увеличения нормы накопления в экономике и создания высокоэффективных капиталоемких производств, как правило, при участии транснациональных корпораций, которые именно в это время начали инвестировать в латиноамериканские рынки⁴.

Такую структурную перестройку было невозможно совместить с сохранением популистской коалиции, основанной на активной социальной политике государства и перераспределении национального богатства в пользу групп трудящихся с низкими доходами, которые составляли массовый внутренний рынок для «легкой» фазы индустриализации⁵. Коалиция начала быстро распадаться со второй половины 1950-х, поскольку государство больше было не способно сочетать расходящиеся интересы «народного сектора» (городские трудящиеся и средние слои) и более динамичного

- 1 WAISMAN C. H. *Counterrevolution and Structural Change: The Case of Argentina* // International Political Science Review. 1989. Vol. 10. № 2. P. 161–162.
- 2 Борхес воспроизвел высказывание аргентинского мыслителя XIX века, автора либеральной Конституции 1853 года Хуана Баутисты Альберди: «Мы – европейцы, пересаженные [trasplantados] в Америку»: ARENES C. *Los olvidos de la memoria* // La Nación. 2017. 30 de enero (www.lanacion.com.ar/opinion/los-olvidos-de-la-memoria-nid1980073/).
- 3 COLLIER D. *Overview of the Bureaucratic-Authoritarian Model* // IDEM (Ed.). *The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton: Princeton University Press, 1979. P. 26.
- 4 Подробнее см.: Ворожейкина Т. *Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия* // Вестник общественного мнения. 2009. № 4(102). С. 60–61.
- 5 Подробнее см.: Она же. *Генерал Перон и справедливость без свободы* // Неприкосновенный запас. 2024. № 1(153). С. 178.

сложения предпринимателей, как это было при Пероне.

Новая экономическая модель требовала деактивации «народного сектора», демонтажа механизмов и каналов социального и политического действия, которые эффективно использовались им для отстаивания своих интересов в рамках популистского режима – прежде всего перонистских профсоюзов и Хустисалистской партии. Это в свою очередь оказалось несовместимым с сохранением институтов политической демократии, поскольку сила и организованность «народного сектора» были столь велики, что без его участия любые попытки демократического выхода из кризиса оказались бы заблокированными.

Могущество и укорененность перонизма среди трудящихся и нижних средних слоев, равно как и уровень его отторжения со стороны основной части средних и высших классов, были настолько высоки, что это привело к глубочайшему социальному и политическому «пату», равновесию сил, которое в течение двух десятилетий (1956–1976) порождало маятниковое движение между двумя противостоящими экономическими проектами. Социальная и политическая коалиция, поддержавшая в 1955 году свержение Перона военными, имела единственную общую цель: демонтировать созданную перонистами систему авторитарного контроля. В части позитивной программы интересы участников этой коалиции существенно расходились.

В ходе дискуссий, которые последовали за свержением Перона, позиция представителей старой элиты, связанной с сельским хозяйством и экспортной торговлей, была простой и жесткой:

корень всех проблем заключается в ошибочной, по их мнению, попытке перонизма подорвать «естественную» экономику Аргентины. Эта часть господствующих групп предлагала начать с «чистого листа» и отказаться от стратегии, приведшей к созданию излишне защищенной промышленной инфраструктуры, которая легла тяжелым бременем на сельскохозяйственное производство и поощряла преждевременное и чрезмерное, с их точки зрения, включение трудящихся в потребительский рынок. Старая элита выступала за возвращение к свободному рынку и опору на относительные преимущества аграрно-экспортного сектора, которые обеспечивали устойчивый экономический рост Аргентины до 1929 года.

В краткосрочном плане приоритетные цели традиционной элиты заключались в следующем: во-первых, осуществить экономическую стабилизацию и компенсировать растущий дефицит платежного баланса путем жесткой девальвации с тем, чтобы сократить импорт и стимулировать экспорт сельскохозяйственной продукции; во-вторых, ввести жесткие ограничения кредитно-денежной политики; в-третьих, понизить уровень заработной платы для того, чтобы привести уровень внутреннего потребления в соответствие с финансовыми возможностями страны. Долгосрочная цель заключалась в том, чтобы воссоздать структуру экономики и характер социально-политического равновесия, которые существовали в стране до Второй мировой войны⁶.

Однако после десятилетия промышленного роста и перераспределения доходов, социальной мобильности и расширения политического участия этот

6 LYNCH J., CORTÉS CONDE R., GALLO E., ROCK D., TORRE J.C., DE RIZ L. *Historia de la Argentina*. Buenos Aires: Editorial Crítica, 2002. P. 239.

проект был нереализуем. Не только политика перонистского режима радикально изменила старый порядок – в не меньшей мере он был подточен развитием промышленности, модернизацией трудовых отношений, распространением культуры и образования в народных массах. Политика перонистского режима сделала экономическую и социальную структуру более дифференцированной: рядом с землевладельческим сектором, крупным иностранным капиталом, сельскохозяйственными экспортерами, старым торговым средним классом и бюрократией возник и укрепился крупный промышленный сектор. Он был экономически слабым, зависимым от государства, от импорта сырья и капитального оборудования, но в обеспечении занятости, в организации городской экономики его социальная роль была исключительно важной.

Когда в 1955 году представители старой элиты попытались «вернуться в прошлое», они столкнулись с жестким, хотя и плохо координированным сопротивлением со стороны городского промышленного комплекса, который вырос за счет перераспределения доходов от экспорта. Если в начале 1950-х стало ясно, что легкая промышленность, ориентированная на внутренний рынок, теряет потенциал своего роста, то в 1955-м стало не менее очевидно, что попытка возврата к Аргентине, какой она была до Второй мировой войны, несостоятельна с политической точки зрения.

Изменения в обществе и экономике не уничтожили старые иерархии – скорее они наложили поверх них новый, индустриальный, порядок и связанное с ним политическое участие. В результате возникло сложное переплетение интересов землевладельцев, промыш-

ленных, средних слоев, рабочего класса, за каждым из которых стояли собственные институты. И, хотя ни один из этих секторов не мог самостоятельно осуществить трансформацию, каждый из них был достаточно влиятелен, чтобы помешать это сделать другим. После 1955 года все политические проекты в Аргентине развивались в контексте этого «негативного плюрализма»⁷.

Пришедшие к власти в сентябре 1955 года военные в идеологическом отношении отнюдь не представляли собой единой корпорации. Среди них были националистически настроенные сторонники примирения с поверженным противником. Были и те, кто решительно выступал против каких-либо сделок с «врагами демократии», которыми считались последователи Перона. После нескольких месяцев борьбы внутри «Освободительной Революции» (*Revolución Libertadora*), как торжественно был именован этот военный переворот, верх одержали сторонники «демократического возрождения» во главе с новым *de facto* президентом – генералом Педро Еухенио Арамбуру (1955–1958). Свою главную задачу он видел в том, чтобы вернуть обманутые перонистской демагогией массы в лоно демократии.

На первых порах эта задача решалась с помощью репрессий и проскрипций: после неудачной попытки объявить национальную забастовку военное правительство взяло под контроль главный перонистский профцентр, Всеобщую конфедерацию труда (*Confederación General de Trabajo*) и основные профсоюзы, официально распустило перонистскую партию и особым декретом запретило использование перонистских символов и даже упоминание имени того, кто

7 Ibid.

и в изгнании оставался бесспорным лидером движения⁸. Вместе с тем правительство Арамбуру не подавляло активность профсоюзов и не вмешивалось в коллективные переговоры с работодателями: главным образом оно стремилось изгнать перонистских профсоюзных лидеров, запретив им занимать руководящие посты, чтобы затем вернуть профсоюзы трудящимся. Из этой затеи, однако, ничего не вышло: уже на первых профсоюзных выборах, проведенных правительством в 1957 году, альянс перонистов и коммунистов получил большинство. А после того, как власти аннулировали результаты выборов, была создана новая перонистская профсоюзная конфедерация «62 организации» («62 Organizaciones»), которая стала главным действующим лицом аргентинской политики.

Миссию возвращения перонистских масс к демократии взял на себя Гражданский радикальный союз, точнее, его «непримиримая» (*intransigente*) фракция под руководством Артуро Фрондиси⁹. В 1957 году его стратегия состояла в том, чтобы предстать, с одной стороны, наследником демократических принципов «Освободительной Революции», а с другой стороны – представить сторонникам запрещенного перонизма жизнеспособную политическую альтернативу. С первых дней правительства Арамбуру «непримиримые» радикалы встали к нему в оппозицию, критикуя экономическую политику военного режима как антинародную и ориентированную на интере-

сы олигархии и империализма, а также требуя прекращения проскрипций в отношении перонистских профсоюзов.

Фрондиси стремился реформативировать политическую повестку, утверждая, что аргентинская дилемма заключается не в противостоянии перонизма и антиперонизма, а в выборе между индустриализацией и отсталостью. Он призывал к созданию национального народного фронта, в который вошли бы рабочие, национальная буржуазия, армия и католическая церковь – с тем, чтобы, объединив страну, выйти из тупика, покончить с политическим расколом и осуществить рывок в экономическом развитии.

23 февраля 1958 года при решающей поддержке Перона, призвавшего своих сторонников голосовать за Фрондиси, тот выигрывает президентские выборы, набрав 49,5% голосов. Таким образом, через два с половиной года после потери власти, находясь в эмиграции, Перон по-прежнему остается решающей фигурой, обеспечивающей политическое равновесие в Аргентине. Роль главного арбитра политической жизни страны, несмотря на все старания военных и радикалов, сохранится за вождем перонизма на протяжении всего восемнадцатилетнего изгнания.

Ключевая роль Перона в победе Фрондиси вызвала очевидное недовольство военных, которые начали было намекать, что вооруженные силы не признают легитимным президента, избранного голосами перонистов. Однако Арамбуру поспешил поздравить Фрондиси с побе-

- 8** Перона в течение его эмиграции 1955–1973 годов последовательно принимали страны с диктаторскими режимами, в том числе и наиболее одиозными: Парагвай Альфредо Стресснера, Венесуэла Маркоса Переса Хименеса, Доминиканская Республика Рафаэля Леонидаса Трухильо – наконец, в 1960-м он перебрался во франкистскую Испанию, где оставался до своего окончательного возвращения в Аргентину в 1973-м.
- 9** В начале 1957 года от Гражданского радикального союза откалывается более консервативный и умеренный Гражданский радикальный союз народа (*Unión Crítica Radical del Pueblo*) под руководством соперника Перона на президентских выборах 1951 года Рикардо Бальбина. Но большинство членов партии остались на стороне Гражданского радикального союза непримиримых (*Unión Crítica Radical Intransigente*) во главе с Артуро Фрондиси.

дой уже в день объявления результатов, подчеркнув тем самым, что он верен обещанию «революционеров 1955 года» привести страну к демократии. В 1955-м военные были уверены, что перонизм не выживет как политическая сила после свержения Перона; в 1958-м они вынуждены были смириться с политической реальностью и вернуться в казармы с тем, чтобы оттуда влиять на будущую администрацию. Так в Аргентине возникает режим ограниченной, охраняемой демократии, который просуществует до 1966 года.

В течение четырех лет своего президентства (1958–1962) Фрондиси был вынужден постоянно балансировать между двумя полюсами силы – перонистами и военными. Двухединой целью его программы было инкорпорирование перонистских масс в политическую систему и осуществление экономической трансформации. Вступив в должность, он выполняет данное Перону обещание: отменяет запрет на деятельность перонистов, объявляет амнистию, возвращает Всеобщую конфедерацию труда и важнейшие профсоюзы, взятые под контроль военным правительством, избранным перонистским руководителем, восстанавливает существовавшую до 1955 года профсоюзную монополию¹⁰ и проводит общее повышение заработной платы. Единственное, чего он не решает сделать – это отменить декрет, которым «Освободительная Революция» распустила Перонистскую партию. Поэтому перонисты, которые теперь имели возможность действовать открыто, не могли участвовать в выборах под собственными знаменами и выдвигать своих кандидатов.

В экономическом отношении Фрондиси, до выборов выступавший с националистических позиций, начал с того, на чем остановился Перон в 1952 году¹¹. Несмотря на существенный рост легкой промышленности, Аргентина в конце 1950-х все еще оставалась производителем продуктов питания и импортером горючего, капитального оборудования и промежуточных товаров для нужд своей обрабатывающей промышленности. Фрондиси стремился финансировать индустриальный рывок с помощью иностранного капитала, чтобы провести форсированную модернизацию в металлургии, нефтепереработке и нефтехимии – и покончить с моделью развития, основанной на сырьевом экспорте. Правительство Фрондиси привлекало на аргентинский рынок транснациональные корпорации, но при этом сам рынок был защищен высокими протекционистскими барьерами, что создавало оптимальные условия для экспансии этих компаний, гарантированной накопленным спросом, с одной стороны, и олигополистическим контролем, с другой¹².

Одновременно с привлечением иностранных инвестиций правительству нужны были ресурсы, чтобы развивать инфраструктуру и субсидировать промышленность. Способ, использованный Пероном – извлекать средства из аграрного сектора, – уже не годился; напротив, этот сектор как единственный источник валютных поступлений следовало укреплять, поддерживая высокие цены на его продукцию. В этой ситуации вопрос, за чей счет будет осуществлен намеченный Фрондиси индустриальный рывок, был решен однозначно: путем сокращения зара-

10 Профсоюзная монополия означает, что профсоюз или профцентр полностью контролирует предложение на рынке труда со стороны своих членов.

11 См.: Ворожейкина Т. *Генерал Перон и справедливость без свободы*. С. 180.

12 LYNCH J. ET AL. *Op. cit.* P. 247.

ботной платы. Способ оказался эффективным: в государственном секторе снижение расходов на заработную плату позволяло увеличивать капиталовложения, а в частном секторе оно повышало прибыли. Проект Фрондиси основывался на допущении, что растущие прибыли будут вести к росту капиталовложений и повышению производительности труда, что в дальнейшем позволит восстановить уровень оплаты платы. В макроэкономическом плане целью этой программы была передача ресурсов из потребления в инвестиции: доля последних в ВВП увеличилась с 17,5% в 1958 году до 21,7% в 1961-м¹³.

Так Фрондиси, который пришел к власти как лидер националистического толка, стремившийся возродить под своим руководством перонистскую социальную коалицию и перетянуть на свою сторону ее сторонников, сделал выбор в пользу противоположного экономического проекта. В декабре 1958 года правительство объявляет согласованный с МВФ план стабилизации экономики, направленный на получение финансовой помощи и уменьшение отрицательного сальдо платежного баланса, унаследованного Фрондиси от предыдущего режима и усугубленного его собственными десарольистскими проектами¹⁴. В июне 1959-го Фрондиси окончательно отстраняет прежнего руководителя экономической политики правительства, сторонника десарольизма Рохелио Фрихерио, и заменяет его человеком прямо противоположных взглядов – Альваро Альсогараем, ярым

защитником частного предпринимательства и рыночной экономики.

Кандидатура Альсогарая, казавшаяся совершенно невозможной для Фрондиси при всей его сверхъестественной политической гибкости и способности постоянно маневрировать между противоположными интересами, послужила очередным доказательством политической беспринципности президента как для его сторонников, так и для противников. В результате изменения экономической политики кризис и рецессия 1959 года привели к сокращению уровня заработной платы на 30% (она восстановится только через десять лет) и вернули частному сектору экономические стимулы, которых он был лишен в течение десяти лет перонистского перераспределения¹⁵.

В этой ситуации важнейшей проблемой для правительства Фрондиси оставались отношения с профсоюзами. После изгнания Перона и в отсутствие легальной политической партии профсоюзные организации превратились в главных и единственных выразителей интересов перонистских масс. По сути, профсоюзы взяли на себя функцию политического представительства перонизма, что наложило отпечаток на всю дальнейшую историю политических институтов и гражданского общества в Аргентине.

В соответствии со своим первоначальным планом Фрондиси пошел навстречу профсоюзам, восстановив на своих постах избранных лидеров и повысив заработную плату. Однако

13 Ibid. P. 254.

14 Десарольизм (от исп. *desarrollo* – развитие) – направление экономической мысли, оформившееся в Латинской Америке в начале 1950-х и связанное с именем аргентинского экономиста Рауля Пребиша, который с 1950-го по 1963 год возглавлял Экономическую комиссию ООН для Латинской Америки. Согласно этой теории, чтобы покончить с отсталостью, периферийные страны мировой экономики должны осуществить индустриализацию под эгидой сильного государства и прибегать к протекционистским мерам на внутреннем рынке.

15 Ibid. P. 250.

с началом экономического кризиса и радикальным изменением экономической политики правительства его требование о замораживании на год заработной платы и «трудоустройстве» оказалось чрезмерным для «62 организаций». Кроме того, каждая попытка Фрондиси умиротворить перонистские профсоюзы вызывала бурные протесты его гражданских и военных противников. Поэтому он попытался совместить стремление к «трудоустройству» с показательными репрессиями, призванными продемонстрировать политическую твердость.

Забастовка рабочих-нефтяников в Мендосе была подавлена силой, Фрондиси ввел военное положение на тридцать дней, многие рабочие активисты оказались в тюрьме. В ответ «62 организации» призвали к 48-часовой всеобщей забастовке, которую, однако, сами и отменили. Профсоюзные лидеры отдавали себе отчет в хрупкости политической ситуации в стране и старались не доводить дело до открытого столкновения с правительством, чтобы сохранить конституционный порядок и консолидировать свои корпоративные позиции. Позднее, жесткая монетаристская политика Альсогарая, репрессии и экономические тяготы привели к частичной демобилизации и деморализации перонистского ядра профсоюзных активистов.

Другой составляющей политического равновесия, которое должен был поддерживать Фрондиси, были военные. На первых порах президент со свойственной ему политической решительностью попытался изменить соотношение сил внутри военной корпорации и привлечь на свою сторону тех националистически настроенных офицеров, которые стали жертвами чисток в вооруженных

силах при Арамбуру. Это вызвало столь мощный отпор со стороны военного руководства и высших офицеров, что Фрондиси вынужден был отступить и признать существующее соотношение сил в армии, от которого решающим образом зависела стабильность его правительства. После этого уступки нарастающим требованиям военных стали константой политики правительства. В 1960 году Фрондиси капитулировал и под их давлением передал контроль над полицейскими операциями в провинциях в руки вооруженных сил, а также санкционировал военные трибуналы в отношении гражданских лиц, обвиняемых в террористических действиях.

Необходимо напомнить, что начало 1960-х – это время победы кубинской революции и ее растущего влияния на массы, что надолго сделало ее определяющим фактором внутренней политики большинства латиноамериканских стран, в том числе и Аргентины. Фрондиси сначала пытался выступить в роли нейтрального посредника между Кубой и США. В августе 1961 года состоялась его секретная встреча в президентской резиденции в Буэнос-Айресе с Эрнесто Че Геварой. В январе 1962-го на конференции в Пунта-дель-Эсте Аргентина (вместе с Бразилией, Мексикой, Чили, Боливией и Эквадором) воздержалась при голосовании за резолюцию об исключении Кубы из Организации американских государств, что вызвало единодушное осуждение со стороны аргентинских военных и фактически внутренний кризис в Аргентине. После трех суток напряженных переговоров с военными и нарастающего брожения в казармах Фрондиси в очередной раз сдался и подписал декрет о разрыве дипломатических отношений с Гаваной¹⁶.

16 Еще одним внешнеполитическим провалом, пришедшим на годы правления Фрондиси, стало похищение в Буэнос-Айресе нацистского преступника Адольфа Эйхмана, осуществленное «Моссад» в мае 1960 года.

Недоверие военных к политике и личности Фрондиси усиливалось на протяжении всех четырех лет его правления. Атмосфера военно-гражданского заговора, подобная той, которая сложилась накануне свержения Перона, вновь стала сгущаться в Аргентине. Как и Перон, Фрондиси сам дал повод для окончательной развязки. В марте 1962 года состоялись выборы в Палату депутатов Национального конгресса и половины губернаторов провинций. Фрондиси надеялся, что сможет одержать победу, достаточно убедительную для того, чтобы освободиться, наконец, от опеки военных. Для этого он пошел на самый смелый за все время своего правления шаг: частичную отмену проскрипций в отношении перонистов, допуская их участие в выборах под прикрытием провинциальных партий. Одержав победу в честной игре, Фрондиси мог бы рассчитывать, что его партия, Гражданский радикальный союз непримиримых, превратится в реальную альтернативу внушающему всеобщий страх возвращению перонистов к власти. Фрондиси необходим был референдум, из которого он вышел бы гарантом сохранения социального мира и экономического прогресса.

Но этого не произошло. После семи лет проскрипций перонизм вновь подтвердил свой статус главной электоральной силы, завоевав 32% голосов и девять из четырнадцати губернаторских постов,

включая важнейший – пост губернатора провинции Буэнос-Айрес, который выиграл профсоюзный лидер Андрес Фрамини. Реакция командования вооруженных сил не заставила себя ждать: уже на следующий день после выборов, 19 марта 1962 года, они заставили Фрондиси отменить своим декретом результаты голосования в тех округах, где победу одержали перонисты. Тем самым Фрондиси нарушил конституционную присягу и сам подорвал законность собственного пребывания у власти. Через десять дней он был свергнут в результате военного переворота.

Так 29 марта 1962 года «в атмосфере всеобщего безразличия закончилась самая смелая и новаторская попытка решить проблемы Аргентины после Перона; за четыре бурных года Фрондиси стремился повторно инкорпорировать перонистские массы в политическую жизнь и запустить новую фазу индустриализации»¹⁷. Проекты, которые Фрондиси продвигал в промышленности, образовании, культуре, положили начало модернизационным сдвигам в аргентинской экономике и обществе. Но одновременно, как показала последующая история Аргентины, закрылось последнее окно возможностей для того, чтобы осуществить переход к «тяжелой» фазе индустриализации в условиях хотя и ограниченной, но демократии. Дальше эту задачу пытались решать военные диктатуры.

То, что для Израиля выглядело как справедливое возмездие за преступления против человечности, в Аргентине было воспринято как недопустимое и унижающее нарушение суверенитета страны, даже не поставленной в известность об акции, которая проводилась на ее территории.

17 Ibid. P. 254.

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Появилось будущее¹

Почти весь XXI век, он же – путинский период российской истории, россияне – не как частные лица, а как общественность – жили в непривычной для себя временной системе. В ней отсутствовало будущее. Одних это заботило и даже пугало – куда мы идем? что строим? Большинство же, шокированное перестройкой и реформами, приняло это обстоятельство и, как стали говорить, «не парилось» по данному поводу. Вместо будущего было неопределенное, но приемлемое настоящее, главной чертой которого считали стабильность. Смысл этого слова был такой: «Живем? – Живем, и слава богу!» Сложилась многообразные формы адаптации к этой действительности.

1 В статье использованы результаты исследований, проведенных «Левада-центром» совместно с Лабораторией будущего при «Новой газете». АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

В качестве подпорок к такому настоящему использовали различные сюжеты из прошлого, которые тешили национальное самолюбие: что-то из царских времен, что-то из советских. Потом зажгли главную звезду нашей истории – Великую Победу, – а ее рифмой сделали победу свою собственную – Крым. Еще немного воевали, но такой большой стране, великой державе это полагается.

Тут бы вздохнуть с облегчением: как все складно устроилось, жить бы так и жить и никакого особенного будущего не надо. Публика явно собиралась так и поступить, но оказалось, что среди правящих элит нашлись те, кто решил накопленным национальным ресурсом распорядиться совершенно иначе. Надо воевать!

Начали воевать, и страна немедленно обрела будущее. Одним оно показалось ужасным – кто-то бросился бежать от него, кто-то остался. Остальные начали с ним осваиваться. Наши исследования показывают, что одна из основных форм такого освоения – это принятие военной перспективы как единственно возможной, как главной, обусловленной всей нашей историей, и, наконец, как желанной. Остается недоумевать: где, в каких углах массового сознания или подсознания хранилась эта удаля, это мнение-ощущение, что предназначение нашей страны и ее истории именно таково: ковать мечи и воевать?

Понятно, что такой взгляд на себя и свою страну существует у многих из тех, кого у нас зовут «военными», у их родителей, жен и детей. Это немалое число россиян. Но откуда оно у пожилых, особенно у куда более многочисленных среди них женщин, находящихся на пенсии и не связанных ни с воинской

службой, ни с военно-промышленным комплексом? Их же не учили в школах тому, что сейчас преподают на уроках патриотизма. И заполошные провоенные вопли по телевизору они с детства не слушали – их там тогда не было. Ответа нет, но видно, как в их головах собираются в единую конструкцию ксенофобия, фрагменты старых геополитических доктрин, представления о России как о века существующей империи и ее месте в мировой истории.

Красивое слово «империя» имеет здесь сугубо положительное значение. Империя – это хорошо потому что это власть России над какой-то большой частью мира; это российская (русская) власть над территориями в пределах ее границ. Россия хотела бы управлять ими мирно, но многие не соглашались, сопротивляются – и приходится применять силу. В империи все живут дружно, поскольку всем тут хорошо. А вот окружение к России враждебно. «Иностранный» – значит чужой, вредный²; среди чужих не может быть ни друзей, ни союзников. В этой среде с особенным удовольствием ссылаются на формулу Александра III: мол, у России союзники – только армия и флот. Вообще ощущать себя совершенно одинокими в мире, наполненном исключительно врагами, – это особое упоение, позволяющее слабым воображать себя могучей силой.

Вытекающий из этих идей образ будущего закономерно сводится к расширению гегемонии России вплоть до того, что в мире останется только она одна. Полагая военную мощь России самой большой в мире, многие считают, что другие страны покорятся без войны, просто признав ее силу. Побеждать же в войне США и Китай не будет необхо-

2 Поэтому, кстати, в описываемой среде с полным пониманием встречают чекистскую формулу «иностранный агент».

димости: они просто исчезнут в силу неких внутренних пороков, которые их разрушат полностью и очень скоро. Эта картина, где прошлое заместило будущее, напоминает коллективную иллюзию, за которую держатся миллионы россиян. Ради того, чтобы ее не лишиться, они готовы поддержать самые суровые меры в отношении тех, кто может ее нарушить, например, рассказами о том, что действительно происходит в мире или в Украине.

Описанные выше представления в менее выраженной форме можно встретить у гораздо более многочисленной части нашего населения. Они лояльны России как некоторому непреложному порядку вещей: верховная власть – часть этого порядка, затеянная ею СВО – тоже. Единственной альтернативой такому порядку считается «хаос 1990-х» – ничего другого они не видели, – и его возвращения, разумеется, не хотят.

Их представления о будущем обычно сводятся к двум вариантам. Первый: будущее – это точная копия настоящего. Но если основную часть путинского правления представлений о будущем не было вообще – его заменяло настоящее, – то теперь образ будущего есть, и он полностью совпадает с настоящим. Второй вариант схож с первым в том, что социальный порядок в России будущего, разумеется, остается таким же, какой он сейчас (то есть с февраля 2022 года). Но к нему добавляются детали, связанные с научно-техническим прогрессом. Правда, эти технические достижения будущего отдают 1980-ми (всюду роботы и летающие автомобили) – получается такой своеобразный стим-панк.

Надо заметить, что будущее не является предметом заботы указанной части населения. В картине мира этих людей будущее осуществится само – в силу не-

предложного существования сегодняшней России, – но при этом они говорят, что некие силы хотят (и могут) Россию погубить. Некоторое время назад была распространена тема «распада России» как самого страшного варианта конца ее истории. Дознаться о причинах распада не удавалось – это был отдельный, изолированный кошмар сознания. В последнее время он резко ослаб. Как ни странно, ослаб и страх мировой ядерной войны как другого варианта конца света. (Возможно, тому способствовали разговоры о применении тактического ядерного оружия.) Страх прихода войны на нашу территорию существует, но он не связан с опасениями, что в результате этого Россия перестанет существовать. Вообще идея поражения России в СВО почти не встречалась в наших исследованиях среди россиян, живущих в России. Разве что в такой форме: «Отдать территории – это будет означать поражение России, а это невозможно».

Но активно обсуждается другой вариант возможной гибели России. Он может наступить, если странам Европы удастся навязать ей свою толерантность. Под этим словом подразумевается навязывание России однопольных отношений и, в частности, соответствующих браков. Если они у нас распространятся, по словам излагающих эти взгляды, то рождаемость сократится или вообще прекратится и Россия вымрет. Сюда же примешивается страх нашествия в Россию мигрантов. Помимо опасения, что их придет столько, что они станут большинством, есть и другой, реже артикулируемый страх. Люди иногда «проговариваются», что, поскольку у приезжих из «бывшей нашей Средней Азии» рождаемость гораздо выше, чем у русских, то последние в результате окажутся в меньшинстве (как – по их мнению –

французы во Франции или англичане в Англии), а затем исчезнут.

Отметим, что эти апокалиптические соображения не ставятся ни в какую связь с перспективами развития государства, его экономики и политики. Они сродни страхам, что возникнет новая эпидемия, приход которой не зависит ни от каких социально-экономических или общественно-политических обстоятельств. Также характерно, что в разговорах о будущем россияне не затрагивают темы экологии и изменения климата (в отличие, например, от европейцев). Такое ощущение, что с началом СВО многие сограждане с облегчением отставили эту тематику, если не

считать высказываемых иногда надежд, что с подъемом уровня мирового океана (вследствие таянья льдов) затопит США, а может быть, и Европу, избавив Россию от этих неприятных оппонентов.

Описанные – порой причудливые – феномены массового сознания россиян говорят о том, что фиксируемые нашими массовыми же опросами стабильно высокие показатели одобрения властей и их действий – это поверхность, под которой действуют значительные, достаточно темные и иррациональные, силы. Это возлагает на носителей рационального и морального сознания особую ответственность за перспективы движения страны, когда они окажутся открытыми.

Пыль войны. Отрывки из воспоминаний об исходе евреев из литовских земель в 1915 году¹

ШИМОН
АЙЗЕНБЕРГ

О Шимоне Зееве Айзенберге (годы жизни не известны) информации практически не сохранилось. В своем единственном произведении «Пыль войны. Воспоминания беженца из Литвы, 1915–1917» автор рассказывает об испытаниях, которые пришлось пережить ему и его семье в годы Первой мировой войны. В 1917-м семья Айзенберга добралась до Москвы, откуда вскоре переехала в Южную Африку (город Клерксдорд). Остаток своей жизни Айзенберг занимался ритуальным забоем животных.

Свою единственную книгу Айзенберг написал в 1935-м, уже находясь в Трансваале. Автор планировал написать вторую книгу о революции 1917 года и отъезде в Южную Африку, однако эти планы не осуществились.

«Пыль войны» – автобиографическое повествование о скитаниях еврейской семьи в годы Первой мировой. Айзенберг разделил участь около 600 тысяч еврейских беженцев, высланных из своих домов. Весной 1915 года русское командование реши-

1 Перевод выполнен по изданию: EISENBERG S.Z. *Milhome-shtoyb. Zikhroynes fun a litvishn polet (1915–1917)*. Vilne: Ram, [S. I.].

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ:
СРАЗУ ЗА ЛИНИЕЙ
ФРОНТА.
СВИДЕТЕЛЬСТВА**

ло депортировать еврейское население с прифронтовых территорий как потенциально ненадежное: в связи со сходством идиша и немецкого языка, а также наличия разветвленной еврейской диаспоры по всему миру евреев подозревали в шпионаже в пользу Германии. Наступление немцев в 1915 году подтолкнуло русское общество к поиску внутренних врагов, одним из которых оказались евреи. Переселение евреев из западных губерний Российской империи фактически означало упразднение черты оседлости, официально отмененной в 1917-м.

Выселение стало трагедией для евреев: на сборы зачастую отводилось не больше суток, количество еды и вещей, которые еврейские семьи могли взять в дорогу, было небольшим, окружающее население по отношению к предполагаемым шпионам было настроено резко негативно, а впереди была долгая и опасная дорога в неизвестность. Айзенберг красочно описывает ситуацию, в которой оказались еврейские беженцы в годы Первой мировой: он и его семья скитаются по прифронтовым районам «меж двух огней» – одинаково опасаясь и немцев, и русских. Не лучше было и отношение со стороны местных крестьян: те зачастую были рады избавиться от еврейских соседей, получив возможность пожить их имуществом. **[Ася Лейдерман]**

НЕМЦЫ В МЕСТЕЧКЕ

22 апреля 1915 года наше местечко бурлило, как котел. Медленно тянулись обозы, запряженные исхудавшими лошадьми. С рюкзаками за спиной плелись уставшие оборванные солдаты. У них не было сил стоять на ногах. Они несколько минут переводили дух и шли дальше.

Положение становилось серьезным. Сердце ныло. По нашему местечку, не останавливаясь, проходила вереница незнакомых людей. Я стою возле дома и думаю, что с нами будет: придется ли и нам покинуть свои дома, оставить все, что нам дорого? На этом месте я прожил много лет. У каждого был дом, полный разной утвари. Мы любим это местечко. Мы все живем сообща, как одна большая семья. Я смотрю на свой дом, и сердце подсказывает мне, что скоро придется с ним прощаться. Я бы хотел поцеловать каждый его камушек. Кто знает, как скоро мы отделимся друг от друга, видимо, нам остается провести здесь считанные дни.

Небо хмурится. Черные тучи заслоняют солнце, дует холодный ветер. Суэта вокруг усиливается. Вскоре через местечко с территорий, занятых немцами, проехали казаки и полиция.

Единственный оставшийся путь проходил через наше местечко. Дорога из Келма² в Шавль³ уже была занята немцами. Оставались только обходные маршруты через Ворне⁴, Куршан⁵, Гурзд⁶, Янишок⁷ и дороги Митава⁸–Рига. По ним передвигались беженцы, в том числе и евреи. Среди них был российский раввин Абрамович. Он рассказал мне, что был в числе делегатов из Петрограда, которые приехали в Ворне, чтобы помочь лишившимся крова беженцам с германской границы. Немцы пришли так быстро, что они едва успели уйти. Они не хотели надолго задерживаться в нашем местечке, рассчитывая поймать поезд до Петрограда. Один из них сказал мне: «Немцы придут со дня на день». [...]

Беженцы, которые проходили через наше местечко, просили только хлеба и брели дальше. Нам кусок не лез в горло, а они все просили еды, и, сколько ни дашь, было мало. Мимо меня прошел пожилой еврей с котомкой за плечами и сказал мне:

– Чего же вы ждете? Почему не бежите?

– А как бежать? – отвечаю я. – Вот так просто уйти и оставить свой дом, как вы? Нет, этого я не сделаю.

– Если вы сейчас не уйдете, шанса может уже не быть. Дальше будет только хуже.

Я не понимал, что значит война, каково это рыть траншеи и находиться под обстрелом.

Люди проходили мимо, а мы сидели, как будто не было никакой войны. Толкотня становилась все больше, вели раненых солдат. Солнце уже клонилось к закату. Темнело. Тянулись обозы, за ними шли солдаты с полевыми кухнями.

Вечером мы начали собирать вещи. Кто знает, может, и нам скоро придется уехать из местечка? Нужно подготовиться, как это делают другие. Ночью был слышен шум, стрельба усилилась. Я подошел к окну посмотреть, что происходит на улице. [...]

* * *

В пятницу утром над нашим местечком показались немецкие аэропланы. Беженцев уже не было, проезжали только казаки. Немного позднее мы увидели вдалеке солдат в касках. Была перестрелка между немцами и русскими. Нам было все страшнее и страшнее. Мы начали искать, куда можно спрятаться. Однако

2 Совр. лит. Кельме.

3 Совр. лит. Шяуляй.

4 Совр. лит. Варняй.

5 Совр. лит. Куршенай.

6 Совр. лит. Гаргджай.

7 Совр. лит. Йонишкелис.

8 Совр. лат. Елгава.

стрельба длилась недолго. Русские отступили на Йонишкисскую дорогу. Показались первые немецкие всадники, и с каждой минутой их становилось все больше и больше.

Спустя какое-то время немцы начали ходить по домам в поисках еды. Они брали все, что могли найти – хлеб, мясо, сало, – благодаря за продукты. Но их благодарность грозила нам голодом. Мы спрятали нашу еду.

Немцы стали хозяевами в местечке. Они вели себя как хотели. Для них все было трофеями: девушки, красивые вещи. От них только и было слышно, что все это для их родины... Самую тяжелую работу должны были выполнять парни нашего местечка. Скот, лошади и все, что они считали нужным, увозилось в Германию.

С каждой минутой становилось хуже. На всех дорогах появились заграждения из проволоки.

Проходили тысячи немецких солдат с артиллерией. Вечером они привезли своих раненых с Йонишкисской дороги. Они носились, как разъяренные животные. На улицу нельзя было выйти. Мы сидели в страхе по домам. Посреди ночи стучали в дома, приказывая всем держать двери открытыми, чтобы немецкие офицеры и солдаты могли зайти за едой. Что у нас было, мы отдавали им. Солдат дал мне часы и сказал, чтобы я разбудил их в три часа ночи, не позже. Они улеглись на полу и захрапели; их храп был слышен с улицы. Я сидел до трех и смотрел на часы, чтобы, не дай бог, не опоздать.

В три ночи я подошел к солдату, который приказал мне следить за часами. Я начал его будить, говоря, что уже три. Он не двигался с места. «Иди к черту!» – сказал он мне. Я потащил его за ноги с большим трудом, но я его разбудил. Он помог мне разбудить остальных солдат. Они были злы. Между собой они говорили: «У нас больше нет сил идти дальше. Когда, наконец, эта проклятая война закончится?»

Офицер поднялся. Он попросил лампу и приказал мне идти с ним. Я спросил, что он собирается делать. Он начал осматривать каждую комнату. На втором этаже дверь была закрыта, жители уехали в Петроград. Я пытался объяснить ему, что там никого нет, но это не помогло. Он сломал замок. Так я крутился с ним до утра. Перед отъездом он дружелюбно меня поблагодарил.

* * *

Несколько дней спустя немцы привели пять тысяч пленных русских солдат, трофейные пушки и обозы. Они выглядели измученными и отощавшими. Всех их заперли в католическом монастыре. О пленных немцы не говорили. Еду им не давали.

Только жители местечка – и евреи, и христиане – приносили пленным немного хлеба. Они так обессилили от голода, что не могли стоять на ногах. Несколько человек умерли в монастыре. Они нашли в нашем местечке вечный покой. Нам приходилось передавать им хлеб через забор. Они хватали его, словно голодные звери. Те, кто был сильнее, получали больше хлеба. Слабые собирали крошки с земли.

Одним утром, в десять часов, их увезли из монастыря. Их выстроили в ряды. Многие прихрамывали. Некоторых вывели и уложили на телеги. Русские пленные между собой разговаривали о том, что все их беды из-за евреев, которые продали их немцам. Немецкий офицер взмахнул рукой в знак того, что пора двигаться.

Процессия молча потянулась. Пять тысяч обессиленных пленников солдат медленно плелись под песню «Deutschland, Deutschland über alles».

На улице вдалеке я увидел несколько человек с белым флагом – солдатской рубашкой, завязанной вокруг палки. Это были русские. Они спросили, где стоят немецкие офицеры. Я показал. Русские подошли туда. Один из них, полковник, представился и сказал, что они хотят сдаться в плен. Они положили винтовки на землю. Немец дал знак, чтобы они шли с ним. Этим пленным повезло больше. Их накормили и отослали.

Галицийский сидур⁹

Немцы продержались в местечке до 14 мая. В то утро они исчезли. Мы не поняли, что случилось. В середине дня мы увидели, как уезжают немецкие патрули. Я спросил одного солдата, почему они уезжают. Он ответил мне по-немецки: «Не бойтесь. Это военный маневр». Позднее мы увидели, как один немец забрался на дом и кричал второму внизу: «Быстрее, Фриц! Иди возьми яйца. Русские близко!» Не знаю, взял ли Фриц яйца, времени было мало.

И уже через несколько минут пришли русские. Был вечер субботы. Вокруг русских патрулей начали собираться литовские крестьяне и жаловаться на евреев. Русские смотрели на нас со злобой. Когда они видели на улице еврея, начинали кричать: «Убирайся, жид! Немецкий шпион!» Мы поняли, что литовцы приготовили для нас. Мы оказались меж двух огней. Неизвестно, что могло произойти дальше: нас считали шпионами.

Пожилой еврей, возвращавшийся из синагоги, в испуге подошел к моему дому: «Что тут творится?! Мы все пропали». Он

9 Сидур – сборник молитв и благословений.

рассказал, как русский солдат, завидев его, принялся кричать: «Беги отсюда, я тебя пристрелю, как собаку, ты, жид, немецкий шпион».

Я сказал ему, что сейчас нужно сидеть дома и не выходить на улицу. Мы должны это принимать с любовью, больше мы не могли сделать ничего, чтобы себе помочь. Никто не знал, что случится с ним в следующий час. Опасность была велика, и надо было надеяться на бога.

Тем субботним вечером царила гробовая тишина. Мы никого не видели – ни русских, ни немцев. На улице не было никого. От каждого шороха замирало сердце. Казалось, что вот-вот начнется перестрелка. Ночью мы не спали. Было очень темно. Мы сидели и ждали наступления нового дня.

В воскресенье, рано утром я издали увидел нескольких казаков на лошадях. Вокруг них крутились литовские крестьяне. Становилось все больше русских солдат. Их были тысячи, они заняли все окрестные дороги. С собой они везли пушки и пулеметы.

* * *

Ко мне в дом зашли два солдата-еврея с винтовками за спиной. После того, как я их увидел, мне стало радостнее на сердце. Я предложил им сесть, принес к столу чай. Они были для меня желанными гостями. Мы разговорились о войне, они рассказали, что их подразделение прибыло из Варшавы, чтобы выбить отсюда немцев. До этого они были на фронте в Галиции. Я рассказал о том, какие беды нам приносят крестьяне. Они клеветают на нас, что мы шпионим на немцев.

Солдат вынул из внутреннего кармана маленький сидур и показал его мне: «Этот сидур мне дала пожилая женщина в Галиции. Я храню его на память».

«Когда русские наступали в Галиции¹⁰, – начал он свой рассказ, – казаки первым делом принялись за евреев. Они вырезали целые местечки. Еврейская кровь лилась рекой. Не стоит и говорить о еврейском имуществе. Когда казаки въезжали в местечко и встречали евреев, то начали говорить с ними на русском. Евреи не понимали. Тогда казаки везли их к русскому коменданту и составляли рапорт, что нашли немецких шпионов. Комендатура не проводила большого расследования. Верили всегда казакам. Было приказано вывезти евреев в поле и рас-

10 Галиция, входившая в состав Австрийской империи, в годы Первой мировой войны была центром ожесточенных боевых действий. Русские войска захватили большую часть Галиции, включая ее столицу – Львов – к сентябрю 1914 года. Состав территорий, подконтрольных России, постоянно менялся в ходе военных действий. Россия повторно заняла большую часть Галиции в результате Брусиловского прорыва в 1916 году.

стрелять. Зачастую их тела не хоронили, и они оставались там лежать. Однажды утром мы шли с ротой и увидели трупы евреев, стариков и маленьких детей. Все мужчины были в талесах¹¹. Мужчины выглядели лет на 60–70, женщины были моложе. Мужчин от 18 до 50 не было видно. Рядом с трупами сидела старая женщина, уже готовая отдать богу душу. У нее не осталось сил плакать. Она сидела возле своего убитого мужа и стонала.

Мы спросили у старушки, почему она сидит возле трупов. Она рассказала, что казаки вошли в местечко три дня назад. Те, кто успел сбежать, спаслись, все те, кто остался, были арестованы. Ее муж в это время как раз возвращался в тфилине¹² и талесе домой из синагоги. Казаки его тут же арестовали. Когда две ее дочери увидели, что отца арестовывают, они выбежали на улицу. Их тоже арестовали и повели к коменданту. Она ждала их целый день. Наутро она пришла к коменданту. С ней пошел один христианин, который знал русский. Они спросили у коменданта, где ее муж и дочери. Она не получила прямого ответа. Из его слов она поняла, что ее родных уже нет в живых. Когда ее знакомый христианин ехал в село, он увидел, что муж и дочери старушки лежат посреди кучи еврейских трупов в пяти верстах от местечка. Он отвел туда старушку, и она их узнала.

– Евреи, сжальтесь надо мной! Похороните убитых по-еврейски, – попросила нас женщина.

Нас было двенадцать солдат-евреев. Мы смотрели на трупы своих единоверцев. Было невыносимо видеть, как эта старушка сидит у тел своего мужа и дочерей.

Там лежали 32 трупа. Запах от тел был ужасным. К ним было тяжело приблизиться. Мы попросили у командира разрешение похоронить убитых. Оно было сразу получено. Старушка сказала, что мы не можем везти трупы в местечко. Нужно похоронить их здесь.

Русские офицеры и солдаты не могли вынести горя этой женщины и жестокости казаков. Мы слышали, как один офицер сказал другому: “Нам должно быть стыдно. Какую страшную славу они создают русской армии! Они годны лишь на то, чтобы убивать женщин, детей и стариков”. Русские солдаты помогли нам захоронить трупы. Мы вырыли две большие могилы – для мужчин и для женщин. В их карманах были сидуры и тфилины, почти все они были пропитаны кровью. Окровавленные мы положили в могилы, а чистые взяли с собой. Старушка отдала мне сидур ее мужа и сказала: “Возьмите его с собой, пусть он будет у вас в кармане. Бог защитит вас на войне”.

11 Талит (в ашкеназском произношении – талес) – молитвенное облачение для мужчин, представляющее собой изготовленное особым образом прямоугольное покрывало.

12 Тфилин – элемент мужского молитвенного облачения, состоящий из пары кожаных коробочек с отрывками из Торы внутри, которые повязываются на лоб и ведущую руку.

ШИМОН АЙЗЕНБЕРГ

ПЫЛЬ ВОЙНЫ. ОТРЫВКИ
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБ ИСХОДЕ ЕВРЕЕВ...

Я принял его охотно, и это самая ценная вещь из тех, что я добыл в Галиции.

Старушка попросила сделать для ее мужа отдельную могилу. Он был большой знаток Торы и делал много добрых дел. Мы похоронили его отдельно. Женщина попросила отвести ее на могилу мужа. Она воткнула свою тросточку в землю в знак того, что тут лежит ее муж. Еле живую, мы отвели ее от могил. Один из солдат, по имени Арончик, прочитал за убитых поминальную молитву. Все мы горько плакали. Даже русские офицеры и солдаты сняли шапки...

Старушка лежала, она не могла говорить. Офицеры приказали отвезти ее в местечко. Мы положили ее на телегу. Я и еще один солдат сели рядом с ней. Через две версты старушка умерла на наших руках, оставив свою трость на могиле мужа.

Мы въехали в местечко, глядя по всем сторонам, не встретим ли мы какого-нибудь еврея. Но мы никого не встретили. Мы не могли долго оставаться со старушкой. Мы, все те же могильщики, привезли ее на еврейское кладбище, отдав ей последнюю честь.

Вы видите этот сидур? Я очень дорожу им. Это сидур из Галиции.

Продвигаясь в глубь Галиции, мы видели, как еврейские трупы валяются в грязи. Из-под сгнившей одежды проглядывали кусочки талесов. Ужасный запах доносился издалека. Мы не смогли их похоронить. С обливающимися кровью сердцами мы поехали дальше. В следующих местечках евреев мы уже не видели. Мы заходили в дома, где висели мезузы¹³. В иных домах была сломана мебель, на полу лежали разорванные книги. Мы сами не понимаем, за что галицийским евреям достались такие страдания.

Но здесь казаки не будут делать то, что они творили в Галиции. В основном беды чинят литовские крестьяне. Сегодня утром я спросил одного крестьянина, сколько верст до местечка. Он тут же начал рассказывать про то, что там живут евреи, которые шпионят для немцев. Когда я накричал на него за то, что он наговаривает на евреев, тот притих».

* * *

Мне удалось поговорить с солдатом-евреем совсем немного. Но на сердце стало легче. Когда слушаешь, какие беды происходят в других местах, кажется, что положение здесь не так уж и плохо¹⁴.

13 Мезуза – футляр для пергамента с текстом молитвы, который вешается на косяк дома, где живут иудеи. К нему принято прикасаться при входе и выходе из помещения.

14 Фигуры еврейских солдат вновь появятся в тексте книги в пятой главе, где главный герой от других людей узнает об их трагической гибели.

У НАС БОЛЬШЕ НЕТ ДОМА

ШИМОН АЙЗЕНБЕРГ

ПЫЛЬ ВОЙНЫ. ОТРЫВКИ
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБ ИСХОДЕ ЕВРЕЕВ...

Когда мы со своими оборванными вещами въехали в деревню, литовские крестьяне не хотели на нас смотреть: «Зачем вы сюда тащитесь! Казаки сказали нам не пускать евреев», – говорили они. Мы находились в отчаянном положении; мы лишние в этом мире.

Некоторые крестьяне говорили нам: «Евреи, для вас в деревне нет места. Вам будет намного лучше, если вы отсюда уедете. Вам нужно убираться подальше от полей сражений. Ваши жизни в большой опасности. Казаки каждый день ездят с криками “Тоните евреев”. Хорошего вам тут ждать нечего. Чем быстрее вы уйдете, тем лучше для вас. Мы и сами не знаем, что нас ждет дальше».

Мы осознавали свое положение. Не было никакого иного выхода, кроме как спастись от казаков.

Каждый день все новые еврейские семьи покидали деревню.

* * *

В понедельник, 17 мая, мы решили уехать из деревни. Я искал крестьянина, который доведет нас до местечка Покрой¹⁵, где у нас были друзья. Нам казалось, что там будет лучше.

Крестьяне не хотели нас везти, потому что на дорогах было беспокойно, и они не хотели рисковать, везя евреев, потому что дороги были полны казаков. Я нашел одного голя, желтокожего хитроватого юношу по имени Юргес. Я спросил, за сколько он довезет нас до Покроя.

– Я могу довезти вас до Покроя, но вы понимаете, насколько это опасная дорога. Я могу запросто получить пуля в голову – и на что мне тогда ваши деньги?

– Сколько ты хочешь? – спрашиваю я его. Юргес запросил так много, что на эти деньги можно было бы купить свою повозку с лошастью. Я торговался с ним, но он стоял на своем. В итоге Юргес согласился нас отвезти. Я дал ему столько денег, сколько он хотел.

Мы начали собираться в дорогу. Из каждой пары разорванных подушек мы сделали одну. У нас был красный петух, которого мы зарезали, думая, что его мясо в пути придется кстати и, может, еще останется на Шавуот. Шавуот выпадал на среду и четверг, 19-го и 20 мая.

Когда мы еще были в нашем местечке, наша община жила в единстве, словно одна семья. Но в то время, когда нам нужно

15 Совр. лит. Пакруоджис.

было бежать из деревни, мы были рассеяны. Мы не знали один другого. Как будто ветер раскидал нас, словно перья из подушки. Каждый одиноко блуждал по своему пути. Мы уезжали из деревни втайне от всех, будто стыдясь.

Перед отъездом я встретил только старого портного, реб Пецца. Он одиноко слонялся по деревне. Я часто видел, как он сидит у крестьянского домишка и читает псалмы. Глаза его не высохали. Он плакал о судьбе разрушенной синагоги и разорванных свитков Торы. Все его удовольствие состояло в чтении псалмов субботним вечером в синагоге, она была всей его жизнью. Кто еще был так счастлив, так воодушевлен, как он, когда читал псалмы в субботу после дневной молитвы. Сейчас он выглядел самым несчастным человеком на свете. Когда я попрощался с ним, он плакал как маленький ребенок: «Ох, кто знает, куда нас занесет судьба. Поезжайте с богом. Бог даст, мы победим и вернемся обратно в наше местечко».

Когда наше повозка начала двигаться из деревни, солнце скрыли темные облака. Выл сильный душераздирающий ветер. Он словно сочувствовал нам в нашей беде, рыдал над нашей судьбой. Он сопровождал нас, будто хотел сказать, что мы уезжаем из дома не на несколько дней, а на годы – годы боли, голода и нужды. Каждый шаг, который отдалял нашу повозку от деревни, ветер провожал стенаниями: «Несчастные евреи, ваши беды не заканчиваются, а только начинаются».

Юргес, наш возница, знал все дороги и тропинки до Покроя. Он завез нас в лес, потому что ехать по большой дороге было небезопасно: туда чаще прилетали шрапнели. Но в лес тоже падали снаряды. Казалось, что один из них вот-вот попадет и в нашу повозку. Когда рядом пролетал снаряд, мы сгибали головы. Казалось, что в таком случае смерть нас не настигнет. Все слезли с повозки и пошли сбоку. Рядом с нами снаряд попал в середину дерева. Послышался громкий удар. Дерево развалилось пополам. Верхняя часть с ужасающим звуком упала на землю. Звук падающего дерева раскидал нас. Мы разбежались в разные стороны. Лошадь перевернула повозку и наткнулась на дерево. Нас поразил смертельный ужас. Я закричал: «Шма Исраэль!»¹⁶, Юргес крестился.

Мы подняли повозку, заново уложили на нее вещи. Поехали дальше, но в страхе перед ударами пушек и гулом шрапнелей. Нужно было иметь железные нервы. По правде говоря, наши нервы уже закалились. Смерть была не страшна: один удар – и конец.

16 «Шма Исраэль» – один из центральных текстов в еврейской религиозной традиции, не являющийся молитвой в строгом смысле этого слова. Религиозные евреи читают данный отрывок утром и вечером, а также в случае опасности и угрозы жизни.

Наша повозка медленно и одиноко тащилась по лесу. Мы не встретили ни души. Мы хотели переехать через дорогу, которая ведет из Митавы в Ригу. На пути к ней располагалось местечко Мишкуч¹⁷, где стоял лагерь казаков. Нам было страшно натолкнуться на них. Не хотелось пасть от их рук.

Когда мы подошли к Мишкучу, было уже темно. Издалека слышались удары молотка. Там подковывали лошадей и полозья русских обозов. До Мишкуча я тащился позади повозки, но сейчас я взобрался на нее и уселся сверху. Медленно постукивал дождь. Мы укутались в рогожу, что была на повозке.

– Знаешь, – сказал Юргес, – сядь на телегу. Кто знает, что может случиться. Мы можем еще раз встретить русских солдат.

Он и вправду не ошибся. Когда мы въехали в Мишкуч, к нам подъехали несколько казаков на лошадях. Один из них спросил:

– Кто едет?

– Я крестьянин, – ответил Юргес казаку, – еду из деревни рядом с Груздом. Деревня сгорела. Я везу свою семью куда-нибудь подальше от боев к моему брату.

– Там еще есть жида? – спросил казак. – Их еще всех не перерезали? Их надо пристрелить как собак. Они продали нас немцам.

– В нашей деревне мы не впускаем евреев, – ответил Юргес. – Для нас, русских и литовцев, они самые большие враги. Все беды от них. Они посылают в Германию тонны золота.

– Ну, эти жида, – отозвался казак, – мешают нам воевать, они наши враги. Они творят такие вещи, что всех их нужно пристрелить.

– А что жида сделали в Кузе... – сказал другой казак. – Они прятали немцев у себя в домах. Мы с ними за это еще рассчитаемся. Если бы мне сейчас попался какой-то жид, я бы прирезал его как собаку.

– Я тоже, – ответил Юргес. – Хуже них нет никого на свете.

С этими словами он дал казакам прикурить махорку.

– Братцы, могу я ехать дальше этим путем? – спросил Юргес. – Или лучше свернуть на объездную дорогу?

– Можешь ехать по этой дороге, – ответили они, – прямо.

Казаки ускакали, довольные покуривая махорку.

Мы с женой и детьми были изнурены и измучены переживаниями этого дня. Сердце мое кипело, слушая разговор Юргеса с казаками. Будто повстречались старые друзья и разговорились о том, что они думают о евреях и что они с ними сделали бы. Нас пронзила сильная, глубокая боль, как если бы над

17 Совр. лит. Мешкуйчай.

нашими головами пронеслись снаряды. Когда снаряд попал в дерево, Юргес перекрестился, тогда мы все были равны. Но сейчас я понял, я ощутил, что мы находимся между двух огней.

Возможно, дружелюбие Юргеса, не выдавшего нас казакам, было вызвано тем, что он не мог сказать, что он, Юргес, везет на своей подводе жидов. Еврей – для всех козел отпущения, даже если он скитается по полям сражения с маленькими детьми, просящими есть и пить. Когда мы уходим оттуда, нам нужно скрываться. Нам нужно прикрываться рогожами, чтобы никто нас не видел.

Как только мы пересекли дорогу через Мишкуч, мы уже издалека услышали удары молотка по наковальне. Юргес подхлестнул лошадь и забормотал литовскую песенку. Он был доволен этой встречей. Он начал двигаться увереннее, чем раньше. Для него были открыты все пути и дороги. Если он кого-то встретит, это будут его братья. Ему повезло, что он не еврей. Это его друзья. Это его день, его ночь.

– Ну, – сказал Юргес, – как тебе понравилось, как я разобрался с казаками? Ну и злы же они на вас, евреев. – Он взмахнул рукой, будто имея в виду: они правы. – Я так заморочил им голову, что они даже не стали подходить к повозке. А если бы они нашли вас в моей телеге, было бы не до смеху, да?

– Юргес, ты очень умно повел себя с казаками, – ответил я.

И Юргес еще долго говорил о том, какой он хороший человек и как справедливо он с нами поступил. Да, наше счастье было в том, что казаки не стали подходить к телеге, не став унижать Юргеса подозрением, что он везет евреев.

Мы взяли путь на местечко Лигем¹⁸, что недалеко от Покроя. По пути мы встретили много повозок Красного Креста, везущих раненых солдат. Медленно и одиноко плелась наша повозка. Ночь была темной и дождливой. Издалека доносились звуки стрельбы.

ЛИГЕМ

По пути мы видели несколько повозок, обитых кожей и железом. Мы думали, что это русские обозы, но, когда мы подъехали ближе, я услышал слова на идиш... Я подошел и спросил: «Кто едет?» – но не тем тоном, каким казаки спрашивали Юргеса в Мишкуче...

– Евреи, евреи, – простонали в ответ.

– Откуда вы едете? – спросил я.

– Из Шавля¹⁹.

¹⁸ Совр. лит. Лигумай.

¹⁹ Совр. лит. Шяуляй.

– Как там сейчас в Шавле?

– Ничего хорошего, – ответили мне. – Всем евреям сказали уехать за 24 часа.

В Шавле тогда было около 15 тысяч евреев.

На повозках сидели матери с маленькими детьми. Мальчик кричал:

– Мама, я хочу есть.

– Уже скоро, моя радость, – отвечала мать, – приедем в местечко, и там все будет.

– Мама, когда мы поедем обратно домой?

– У нас больше нет дома, радость моя. Кто знает, где теперь он будет.

– Мама, но, когда папа вернется домой, он же не сможет нас найти. Почему мы уезжаем?

– Папа не приедет так быстро, радость моя. Он уже будет знать, что нас выгнали из дома.

– Мама, есть! – кричит маленькая девочка.

– Скоро, скоро, мы приедем, и вы поедите.

Я спрашиваю детей, хотят ли они есть. Молчат. Я достаю хлеб и даю детям. Те хватают его обеими руками...

Мать благодарит меня за хлеб:

– Мы уезжали из Шавля в огромной суматохе. Повозка не хотела нас ждать, и я не успела взять с собой хлеба.

– А где ваш муж? – спрашиваю я.

– Он получил ранение. Сейчас он в больнице в Харькове.

– Куда вы сейчас едете?

– Куда и все. Я сама не знаю, где мы остановимся, – отвечает она. – Мне нужно ехать к моему мужу в Харьков – а чем он может мне помочь? В Шавле у меня был какой-то заработок, я работала в швейной мастерской. На кусок засохшего хлеба хватало. А сейчас я не знаю, где мне жить.

Я пошел ко второй телеге. На железной повозке сидела пожилая пара. Железяки стучали одна о другую. Пара, покачиваясь, дремала.

Когда мы встретили евреев на своем пути, стало намного спокойнее. Некоторые сползли со своих повозок, и мы пошли вместе. Все рассказывали о том, что им довелось пережить в зоне военных действий. Мы тащились всю ночь, пока не дошли до Лигема в 4 утра.

Как же было бы хорошо, если бы нам удалось задержаться в этом местечке на Шавуот. Скитаться дальше не было сил. Мы бы смогли передохнуть.

Во всех домах горел свет. Я не понимал, почему его зажгли так рано. Может, приехали евреи из Шавля? Мне хотелось найти дом, где можно остановиться. Но потом я решил доехать до синагоги: вдруг там будет кто-то из Шавля. По дороге мы слышали

душераздирающие крики. Я спросил у проходившего еврея, не знает ли он, где можно переночевать. Я заплачу, сколько попросят. Мы очень измучены дорогой и едем из прифронтовой зоны.

– Что, – говорит мне еврей, – вы ищете, где можно переночевать? Нам тоже больше негде. Нужно уехать отсюда 18 мая на Шавуот, в 10 утра.

Наша повозка остановилась. Юргес дал лошади сено и куда-то исчез. Я бродил по местечку. Все евреи носились в поисках телег. Некоторые привели крестьян, чтобы те забрали еврейские дома и лавки. Другие относили вещи литовцам. В синагогу стекались старые евреи, чтобы попрощаться со своими святынями, излить богу свои сердца. На улице царила суматоха. Женщины ходили по местечку, громко причитая о своих несчастьях. Приехало много литовских крестьян, чтобы подзаработать на выселении евреев.

Мы уже не искали места для ночлега. Было ужасно тяжело видеть трагическое положение евреев. Все искали, на чем уехать. Все хотели опередить остальных. Вопли и плач в 4 утра разрывали сердце. Плакали в каждом уголке, в каждом доме. Рыдания и крики, темнота и разбушевавшийся ветер напоминали сцену дарования Торы...

Я уже не плакал над чужими страданиями, у меня не было сил держаться на ногах. Мы плелись, уставшие, истощенные. Не было ни капли теплой воды, чтобы смочить рот. Мы блуждали как тени. Не было видно конца нашему несчастью и боли, не было надежды, что станет лучше.

Пришел Юргес.

– Знаешь что? – сказал он мне. – Евреи просят, чтобы я довез их до Покроя. Найди себе другую телегу.

– Юргес, о чем ты говоришь? Почему я буду искать другую телегу? Я нанял тебя, чтобы ты довез нас до Покроя. Ты же честный человек. Почему ты со мной так поступаешь?

– Если я смогу получить больше денег, почему я буду отказывать? А ты вообще молчи. Если бы я тогда не обвел вокруг пальца казаков в Мишкуче, кто знает, что бы с вами было.

Юргес пошел скидывать с телеги наши вещи, сейчас он не хочет о них знать. У него появилась возможность заработать. Я видел, что Юргес повез бы нас дальше, если я дам ему еще денег. Он еще не выкинул из телеги наши пожитки. Довольный, он дал лошади овса. Как же он рад был видеть, что выгоняют евреев и что на этом можно заработать кругленькую сумму.

Я присел у телеги и закрыл глаза. Мои жена и дети сидели на телеге и тряслись от холода. Евреи проходили мимо, спрашивая Юргеса, не довезет ли он их до Вабольника²⁰. Я расслышал

бормотание Юргеса: «Если бы я мог получить с него несколько рублей, я бы имел с ним дело. Он просто морочит мне голову».

Каждый хотел вывезти как можно больше вещей. Я стоял у повозки и говорил всем, кто проходит мимо: «Евреи, не нанимайте эту телегу, я нанял ее в своем местечке». Это помогло, потому что Юргес снова хотел скидывать наши вещи.

Дети плакали. Я искал, где найти для них немного воды, но где в такой суматохе ее можно найти. Я сказал им: «Дети, мы скоро будем в Покрое. Там у нас будет все, что нужно. Там мы передохнем. Ведь вечером наступает Шавуот».

Предисловие и перевод Аси Лейдерман

ШИМОН АЙЗЕНБЕРГ

ПЫЛЬ ВОЙНЫ. ОТРЫВКИ
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБ ИСХОДЕ ЕВРЕЕВ...

ЭЛЛЕН
ЛА МОТТ

На отливе войны (фрагменты)¹

Эллен Ньюболд Ла Мотт (1873–1961) – американская медсестра, писательница, общественная деятельница.

Эллен Ньюболд Ла Мотт² (Ellen Newbold La Motte) родилась в 1873 году в Луисвилле (штат Кентукки, США) в семье потомков французских эмигрантов. Выучившись на медицинскую сестру, она работала в туберкулезном госпитале в Балтиморе, где, несмотря на сопротивление некоторых врачей, ввела серьезные новшества в лечение и содержание больных. Балтиморский опыт послужил основой для первой книги Ла Мотт «The Tuberculosis Nurse: Her Function and Her Qualifications» (1914). Так обрели черты три главных дела – и три главные страсти – Эллен Ла Мотт: медицина, писательство и общественная деятельность.

В 1915 году Ла Мотт поступила добровольцем на медицинскую службу – и работала во французском полевом госпитале, расположенном недалеко от линии фронта в Бельгии. Говорят, идею отправиться на войну подала ей американская писательница, классик высокого модернизма Гертруда Стайн, которая жила в Париже. Так или иначе, Стайн сыграла важную роль в жизни Ла Мотт – помимо связывавших их близких дружеских (и одно время любовных) отношений, именно ее проза стала литературным образцом для Ла Мотт, когда та решила писать очерки о повседневной жизни военного госпиталя, где работала. Книга «The Backwash of War: The Human Wreckage of the Battlefield as Witnessed by an American Hospital Nurse» вышла в 1916 году и наделала немало шума прямым, документальным изображением физиологического и нравственного ужаса войны. «The Backwash of War» возмутила блюстителей морали и певцов героизма; сразу после вступления США в Первую мировую она была запрещена в этой стране и переиздана лишь в 1934-м.

Это блестящая проза – и одно из самых страшных свидетельств о войне. Стилль Ла Мотт – экономный, объективный, отчасти отстраненный, почти лишенный эмоций, но отнюдь не формальный или холодный – напоминает раннюю прозу Эрнес-

- 1 Полный русский перевод книги Эллен Ла Мотт под названием «На отливе войны» готовится к выходу в издательстве Ивана Лимбаха. Мы благодарим главного редактора издательства Ирину Кравцову за возможность данной публикации. Перевод сделан по: LA MOTTE E. *The Backwash of War: An Extraordinary American Nurse in World War I*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018.
- 2 Сведения о жизни Эллен Ла Мотт достаточно скудны, более подробно о ее биографии можно прочитать в недавнем издании, которое подготовлено Синтией Уотчелл (Ibid).

та Хемингуэя, чьим литературным наставником, но уже в послевоенном Париже была та же Гертруда Стайн. В связи с этим существует даже мнение о чуть ли не эпигонстве Хемингуэя; вряд ли оно справедливо, но, в конце концов, литературная известность автора «Фиесты» затмила скромное писательство американской медсестры и госпитального администратора. Русско-му читателю стиль и особенно интонация «The Backwash of War» напомнят скорее «Колымские рассказы» Варлама Шаламова.

После Первой мировой Эллен Ла Мотт продолжила общественную деятельность, но уже в Юго-Восточной Азии. Она отправилась туда исследовать опиумную наркоманию в Китае, размах которой поражал современников (и в которой прежде всего были повинны западные державы, в середине XIX века насильно открывшие Поднебесную империю для запрещенного ее властями ввоза этого наркотика). Итогом пребывания в Китае (в котором в 1920-х – начале 1930-х шли гражданские войны) стали сразу шесть книг, последняя из которых, «Opium in Geneva: Or How the Opium Problem is Handled by the League of Nations» (1929), была посвящена попыткам недавно созданных международных организаций справиться с опиумной проблемой. В 1930 году гоминдановское правительство Китая наградило Эллен Ла Мотт памятной медалью Линя Цзэсюя.

После возвращения из Азии Ла Мотт продолжала общественную и литературную деятельность почти до самой смерти в 1961 году. В 2014-м и 2018-м вышли два переиздания «The Backwash of War» с комментариями³. В интернет-библиотеках можно скачать первые издания этой и других книг Эллен Ла Мотт⁴, однако ее жизнь и сочинения еще ждут своего исследователя. [Николаас Лукас]

ЭЛЛЕН ЛА МОТТ

НА ОТЛИВЕ ВОЙНЫ
(ФРАГМЕНТЫ)

ДЫРА В ЗАБОРЕ

Госпиталь стоял в поле возле деревни и был огорожен плотным, высоким, колючим забором. На его территории располагалась дюжина деревянных лачуг, выкрашенных зеленой краской и связанных друг с другом дощатыми дорожками. По эту сторону забора никто не знал, что происходило снаружи. Предположительно, война. До войны было десять километров, судя по карте и звукам выстрелов, которые в иные дни доносились настолько громко, что деревянные лачуги тряслись и дрожали, хотя

3 Помимо упомянутого издания Синтии Уотчелл см.: ИДЕМ. *The Backwash of War: The Human Wreckage of the Battlefield as Witnessed by an American Hospital Nurse*. London: Conway, 2014.

4 См.: www.gutenberg.org/ebooks/author/8965.

со временем привыкаешь и к этому – до известной степени. Госпиталь стоял очень близко к войне, так близко, что никто ничего о ней не знал, и поэтому жизнь в госпитале была ужасно скучна: ни новостей, ни газет – только дрязги и рутинная работа. Что до забора, то, если один из его колышков портился или отваливался, это место плотно заколачивали столбами или досками, так что госпиталь был настоящей тюрьмой для его обитателей. Официальный вход был только один – через большие двойные ворота с пропускной будкой, возле или внутри которой – в зависимости от погоды – день и ночь стоял постовой. Днем вялый французский флаг над воротами указывал путь санитарным машинам. Ночью той же цели служил фонарь. Ночной постовой часто засыпал, а дневной часто уходил с поста, и оба, когда считали нужным, записывали в журнал имена тех, кто появлялся на территории или покидал ее. Полевые санитарные машины приезжали и уезжали, машины госпиталя приезжали и уезжали, иногда приезжала и уезжала машина генерала, открыто сновали сквозь ворота и другие люди, связанные с работой госпиталя. Но совсем другое дело – те, кто выбирался через забор.

Время от времени в заборе обнаруживали дыры. Дыра появлялась под одним из колышков, размером не больше фута – как раз достаточно, чтобы проползти на животе. Через день, два или три ее заколачивали крепкими столбами и обвешивали ключей проволокой. А потом – скажем, через пару дней – в заборе появлялись новые дыры. И каждый раз, когда обнаруживали дыру, в госпитале происходили любопытные события.

Нескольких мужчин – санитаров или носильщиков – арестовывали. Например, медсестра из *Salle I*, палаты для *grands blessés*, приходила на утреннюю смену и обнаруживала, что одного из санитаров нет на месте. Пропал Фуке, который подметал палату, носил тапки, выдавал раненым завтраки. Без него работа в палате шла как попало. Пол был покрыт засохшими комками грязи, которую ночью притащили на ботинках носильщики. Пациенты орали, требуя внимания, которого не получали. Им раздавали не ту еду и не в то время. Медсестра выглядывала в небольшое квадратное окно палаты и видела, как Фуке бродит с веселой и дерзкой улыбкой на лице туда-сюда по деревянным настилам между *baracques*⁵, тягая на плечах восьмидесятифунтовый боекомплект. Он был «в тюрьме». Прошлой ночью он выполз через дыру в заборе, нахлестался в ближайшем *estaminet*⁶, а наутро смело прошествовал через ворота, чтобы его «посадили». Он и правда этого хотел. Потому что с него было довольно. Его все достало. Все. Достало рабо-

5 Бараки, деревянные хижины (фр.).

6 Забегаловка, таверна (фр.).

тать *infirmier*⁷, вытирать полы, носить ведра, нарезать жесткое мясо для поникших одноруких мужчин с *Croix de Guerre*, болтающимися на их заляпанных кофе пижамах. Ох, уж эти *Croix de Guerre* на запачканной яичницей потной пижаме!

Давным-давно, когда никто еще не думал о войне – ах, как давно это было, лет шесть назад, – Фуке знал одного депутата. И его отец знал этого депутата. И когда пришло время Фуке проходить службу, он стал *infirmier*. Медбратом, а не солдатом. Его научили управляться с носилками – с пустыми носилками. Подметал палаты – без пациентов. Отслужил два года, тренируясь на пустых кроватях и пустых носилках. Халявная служба ему досталась – благодаря депутату. Потом началась война, и все равно это была халява, хотя теперь в кроватях и палатах было полно народу. Все-таки не было опасности, не было окопов на передовой, потому что Фуке призвали *infirmier*, медбратом в военный госпиталь. Он был 25-летний парень крупного телосложения, румяный и сильный, к тому же шести футов ростом – а это много для француза. И он должен был ухаживать за маленьким крикливым мужичком ростом футов в пять, которому в обмен за оторванный нос вклеили на грудь *Médaille Militaire* и который орал ему: «Принеси тазик, *embusqué!*». И Фуке приносил. А если бы не принес, маленький крикливый безносый мужичок с плоской перевязкой поперек лица нажаловался бы на него *Médecin Chef*⁸ и со временем его могли перевести в окопы на передовой. Что угодно – только не окопы на передовой. Фуке знал это, потому что видел, как раненые злятся из-за того, что он не в окопах. Старики злились ужасно. К концу лета в их секторе сменили войска, и молодых зуавов заменили стариками 40–45 лет. Когда их доставляли в госпиталь после ранения, они выглядели намного старше: часто их бороды и волосы седели, и, кроме ран, на них оставляли отпечаток холодные зимние фламандские дожди. У одного из таких стариков, который почти всегда ругался, сын тоже служил в окопах. Этот старик люто ненавидел Фуке. И стар и млад – все его называли *embusqué*. Они завидовали, страшно завидовали ему, ведь он не был в окопах, и считали несправедливым, что у них среди знакомых не было депутата. Но Фуке все это достало. День за днем, восемнадцать месяцев подряд, с самого начала войны он ухаживал за ранеными. Он исполнял приказы простых солдат, исходив палату вдоль и поперек своими тяжелыми деревянными башмаками, натываясь ими на кровати, выслушивая обвинения в том, что даже неповоротливость его – преднамеренная. В госпитале было много священников, которые тоже служили медбратами. Они тоже бегали и носи-

ЭЛЛЕН ЛА МОТТ

НА ОТЛИВЕ ВОЙНЫ
(ФРАГМЕНТЫ)

7 Медбрат (фр.).

8 Главный врач (фр.).

ли, но казалось, что они с готовностью принимают эту участь. Только Фуке и еще несколько человек ее не принимали. Фуке не принимал ни войны, ни окопов на передовой, ни полевого госпиталя, ни раненых – ничего, связанного с войной. Его до смерти достала война. Дыра в заборе и *estaminet* были его спасением.

Был у них один священник с желтой бородой, который тоже пользовался дырой в заборе. Если появлялась дыра, он лазил в нее чуть не каждую ночь. Он проползал, выпивал, а потом шмыгал в деревню, чтобы провести ночь с девчонкой. Но он был ловкий и заползал обратно до рассвета, а утром выходил на службу. Да, он становился нервным и вспыльчивым, и пациенты в такие дни предпочитали скорее обходиться без некоторых вещей, чем что-то у него просить, и порой сильно от этого страдали.

Но с Фуке все было иначе. Тем утром он гордо прошел через ворота и сказал, что отсутствовал всю ночь без дозволения и что все это его до смерти достало. И *Médecin Chef* его наказал. Его арестовали, но, поскольку посадить его было некуда, он провел свой шестидневный срок на свежем воздухе. Ввалив на плечи восемьдесят фунтов боекомплекта, он ходил по дощатым дорожкам и по грязи вокруг *baracques* – у всех на виду, чтобы все могли лицезреть его унижение. Он больше не работал в палате, где недоставало его неохотной, неуклюжей услужливости.

Иногда мимо проходила *Directrice*. Он боялся с ней пересекаться, потому что однажды она пошла к *Médecin Chef* и добилась для него прощения. Его публичное унижение тронуло ее доброе сердце, наказание отменили, и после двух часов свободы на редком октябрьском солнце ему пришлось вернуться к работе, которую он ненавидел, к пациентам, которых презирал. С тех пор, если он издали замечал на одной из дорожек синий плащ *Directrice*, он старался не попасться ей на глаза. Женщины на фронте только мешали.

Он часто встречал мужчину, который подбирал бумажки, и искренне завидовал его простой службе. Его мобилизовали в *formation*⁹ госпиталя и поручили подбирать на территории клочки бумаги. У него была длинная палка с гвоздем на конце и маленькое ведро, потому что подбирать было особенно нечего. Он накалывал бумажки на свой гвоздь, так что даже наклоняться не приходилось. Он ходил на чистом, свежем воздухе, а когда шел дождь, устраивался у печи в аптеке. Этот сборщик бумажек был химиком; его предшественник был священником. Это было отличное место для дееспособного мужчины с достаточным образованием, и Фуке ужасно хотел бы получить эту

9 Войсковое соединение (фр.).

работу, только боялся, что недостаточно образован, потому что на гражданке всего лишь помогал на ферме. Так что, бродя туда-сюда по дорожкам, он с завистью глядел на мужчину, который собирал бумажки.

Так он ходил туда-сюда между *baracques* с полновесным боекомплектom, упрямый и гордый. Другие санитары и носильщики смеялись над ним, приговаривая:

– А вот и наказанный Фуке идет!

А пациенты, которым его не хватало, спрашивали:

– Где Фуке? Наказали?

А медсестра, которой тоже его не хватало, говорила:

– Бедный Фуке! Наказали!

Но Фуке, расхаживая туда-сюда у всех на виду, был доволен, потому что он отлично покутил предыдущей ночью, а на следующий день ему не надо было нянчиться с пациентами, и была только одна вещь, которую он любил в войне, – армейская дисциплина.

ЭЛЛЕН ЛА МОТТ

НА ОТЛИВЕ ВОЙНЫ
(ФРАГМЕНТЫ)

Один

Сегодня умер Рошар. У него была газовая гангрена. Осколок немецкого снаряда порвал ему бедро от колена до ягодицы. Это интересный случай, потому что заражение распространилось очень быстро. При том, что лечить его начали сразу – через шесть часов после ранения Рошар уже был в госпитале. Когда тебе оторвало бедро, получить первоклассную хирургическую помощь через шесть часов – это почти сразу. Но гангрена все равно росла, что лишний раз указывало на то, насколько ядовитыми были немецкие снаряды¹⁰. В полевом госпитале организовали школу хирургии, куда посылали молодых людей, которые только выпустились из медучилищ, и стариков, которые выпустились уже давно, чтобы они научились работать с ранеными. После двухмесячной практики военной хирургии их направляли в другие госпитали, где они продолжали работать самостоятельно. Так что все эти молодые люди, которые мало что знали, и все эти старики, которые почти ничего не знали, а что знали, забыли, учились в полевом госпитале. Это было необходимо, потому что хороших докторов всегда не хватало и, чтобы заниматься больными, приходилось прибегать к услугам юных и престарелых. Тем не менее *Médecin Chef*, который отвечал за госпиталь и школу хирургии, был блестящим хирургом и хорошим управленцем, и он многому научил своих студентов. Когда Рошара доставили в операционную, молодые

10 Газовую гангрену вызывало заражение ран бактериями, находившимися в земле окопов и полей боя.

и старые студенты собрались вокруг, чтобы рассмотреть его случай. Все правое бедро от колена до ягодицы было разорвано в клочья до самой кости и источало страшную вонь. Студенты подходили один за другим и робко надавливали пальцами на верхнюю часть бедра – на то, что от него осталось, – раздавалось слабое потрескивание, как будто лопались пузырьки. Газовая гангрена. Диагноз ставится очень просто. Кроме того, рядом как раз оказался бактериолог из другого госпиталя в регионе, который взял посев из раны и позже сообщил *Médecin Chef*, что нет никаких сомнений в том, что это газовая гангрена. Но *Médecin Chef* уже научил своих студентов распознавать газовую гангрену по потрескиванию, запаху и по тому факту, что пациент, как правило, вскоре умирает.

Ампутировать ногу было невозможно, как бы им этого ни хотелось. Инфекция настолько высоко забралась по бедру, что это было исключено. Кроме того, у Рошара был проломлен череп. Один из осколков пробил ему ухо и застрял в мозгу. Обе раны были смертельны, но газовая гангрена в разорванном бедре убивала его быстрее. Рана воняла. Запах стоял омерзительный. *Médecin Chef* взял кюретку, небольшой совок и соскребок мертвую плоть, мертвые мускулы, мертвые нервы, мертвые сосуды. И столько мертвых сосудов собрала острая кюретка, что трудно было понять, как в верхней части этого безжизненного бедра циркулирует кровь. Она и не циркулировала. Вглубь зияющей раны вложили компрессы из марли, пропитанной карболовой кислотой, которая прожигала микробы газовой гангрены, убивая вместе с ними здоровые ткани. Затем дымящуюся, пылающую рану накрыли абсорбирующей ватой, поверх наложили чистые аккуратные повязки, после чего позвали носильщиков, которые отнесли Рошара из операционной в палату.

Следующим утром ночная медсестра доложила, что он провел ночь в мучениях.

– *Cela pique! Cela brule!*¹¹ – кричал он всю ночь, ворочаясь с одного бока на другой, пытаясь облегчить боль. Иногда он лежал на здоровом боку, иногда на больном, и ночная медсестра переворачивала его с одного на другой, исполняя его просьбы, потому что знала, что ни одно из положений не облегчало его боль, если не считать того морального облегчения, которое приносили бесконечные повороты. Она послала одного из санитаров – Фуке – за *Médecin Chef*, и тот пришел в палату, поглядел на Рошара и сказал медсестре дать ему морфия – и давать ему столько морфия, сколько она посчитает нужным. Потому что только смерть может избавить от такой боли и только морфия, чуть раньше смерти, может ее немного облегчить.

11 Колет! Жжет! (фр.).

Ночная медсестра ухаживала за Рошаром всю ночь, без конца его переворачивала и давала ему морфий, как велел *Médecin Chef*. И всю ночь она слушала его крики, потому что морфий не помогал. Иногда морфий может облегчить боль этой жизни, но только смерть приносит абсолютное избавление.

Когда на следующее утро на смену пришла дневная медсестра, Рошар был в агонии.

– *Cela pique! Cela brule!* – кричал он.

И снова, и снова – все время:

– *Cela pique! Cela brule!* – имея в виду боль в ноге.

Из-за осколка снаряда, который пробил ему ухо и застрял где-то в мозгу, он был не вполне в своем уме. Да и невозможно быть вполне в своем уме с трехсантиметровым куском немецкого снаряда в черепе. А по словам рентгенолога, в черепе у Рошара, где-то в его мозгу, застрял трехсантиметровый кусок немецкого снаряда. Это был отличный рентгенолог и анатомист, и он внимательно работал с красивым дорогим аппаратом, который подарила ему – или госпиталю – мадам Кюри¹².

Всю ночь Рошар мучился и кричал, крутился и вертелся – сперва на оставшемся бедре, потом на бедре, которого уже не было, – и ни на одном из них, даже после многих ампул морфия, ему не становилось легче. А это доказывает, что морфию, как бы его ни хвалили, не потягаться со смертью. И, когда наутро пришла дневная медсестра, она увидела, что Рошар держался молодцом после ночи в агонии, после *picques*¹³ стрихнина, который давал его сердцу биться, а легким дышать, после многих *picques* морфия, которые не облегчили его боль. Наука исцеления была безоружна перед наукой разрушения.

Рошар умирал медленно. Он перестал бороться. Он бросил надежду найти облегчение, переворачиваясь с оставшегося бедра на то, которого уже не было. Он перестал кричать. На рассвете его мозг, в котором застрял осколок немецкого снаряда, казалось, начинал думать, становился разумным. Предыдущим вечером, после возвращения из операционной его наградили *Médaille Militaire*, которую ему вручил – *in extremis* – главный генерал региона. На медали, которую прикрепили к стене над его койкой, красовались слова: *Valeur et Discipline*¹⁴. Дисциплина торжествовала. Он лежал так тихо и спокойно, так послушно и дисциплинированно, что больше не тревожил палату своими стенаниями.

Малыш Рошар! Невысокий садовник 39 лет, вдовец с одним ребенком! Из-за осколка снаряда в черепе один его глаз пере-

12 Имеется в виду Мария Склодовская-Кюри (1867–1934) – выдающаяся французская ученая и общественная деятельница, получившая две Нобелевских премии (по физике в 1903-м и по химии в 1911 году) за свои открытия и разработки в области радиоактивности. Возможно, Ла Мотт встречала ее в Париже до войны.

13 Уколы (фр.).

14 Честь и Дисциплина (фр.).

стал видеть. Из-за кровоизлияния в глазное яблоко оно покраснело и впало, а веко над ним перестало закрываться, и красный глаз все глядел и глядел в пустоту. А второй глаз опускался все ниже и ниже, оголяя белок, и веко опускалось над ним, пока не остался виден только белок, а это значило, что он умирает. Но слепой, красный глаз глядел поверх всего. Упорно, не моргая он глядел в пустоту. Так что медсестра следила за тусклым белым глазом, в котором отражалось приближение смерти.

Никто в палате не любил Рошара. Он провел в ней не так много времени. Для всех он был чужой. Просто умирающий мужчина в полевом госпитале. Маленький чужак Рошар с одним слепым красным глазом, глядящим в ад, в ад, из которого он пришел. И с одним белым умирающим глазом, который показывал, что он жил – недолго, мимолетно, но жил. Медсестра ухаживала за ним очень внимательно, добросовестно, умело. Много раз заходил хирург, но он уже сделал все что мог, так что каждый раз он пожимал плечами и отворачивался. У подножья кровати, уперев руки в бока, расставив ноги, стоял молодой санитар Фукке, смотрел на Рошара и говорил:

– Ой-ой-ой!

И Симон, другой санитар, тоже иногда вставал у подножия кровати, смотрел на Рошара и говорил:

– *Ah! C'est triste! C'est bien triste!*¹⁵

Рошар умер чужаком среди чужаков. И многие ухаживали за ним, но никто его не любил. Все, что они знали, – это красный слепой глаз, тусклый белый глаз и мерзкий запах гангрены. И казалось, красный неморгающий глаз смотрит на что-то, чего госпиталь дать не может. И казалось, что белому остекленевшему глазу безразлично все, что госпиталь дает. А в воздухе над ним повис мерзкий запах гангрены, подобно ауре, в которую его заключили. И он был заперт, как в ауре, в этом мерзком запахе гангрены. И никто его не любил – никто не мог забыть о запахе.

В десять часов утра он погрузился в ступор и пролежал без сознания, пока медсестра не ушла на обед. Нужно было есть, хотя ей и не хотелось. Она сказала Фукке внимательно следить за Рошаром и позвать ее, если что-нибудь изменится.

После завтрака она поспешила проведать Рошара, открыть ярко-красные радостные ширмы, которые отделяли его от остальных. Рошар умер.

А на другом конце палаты сидели два санитары и пили вино.

Париж,
15 апреля 1915 года¹⁶

15 Ах, это грустно! Как это грустно! (фр.).

16 Это явно ошибочная дата. Как пишет Синтия Уотчелл, Ла Мотт прибыла в госпиталь только летом 1915-го, когда он открылся. Скорее всего глава была написана 15 апреля 1916 года.

БЕЛЬГИЙСКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ

ЭЛЛЕН ЛА МОТТ
НА ОТЛИВЕ ВОЙНЫ
(ФРАГМЕНТЫ)

Большая английская санитарная машина ехала по широкой дороге из Ипра¹⁷ в направлении французского полевого госпиталя в десяти милях от города. Как правило, эти машины не ездили во французский госпиталь, потому что всех раненых англичан возвращали обратно на их базы, так что, наверное, дело было исключительным. Так оно и было – в открытом кузове, занавешенным коричневым брезентом, лежал не английский солдат, а маленький бельгийский мальчик из гражданских, а бельгийские гражданские не были приписаны ни к французам, ни к англичанам. Да, на английской базе в Азбруке был госпиталь для бельгийских гражданских, и было бы логично отвезти пациента туда, но еще логичней было спихнуть его на французский госпиталь, который был ближе. Не из гуманных соображений, просто так было быстрее. На войне гражданские – дешевый материал, а ребенок, к тому же бельгиец, – дешевле некуда. Поэтому тяжелая английская машина вскарабкалась по грязи на холм, побуксовала в грязи перед воротами госпиталя, со скрежетом остановилась на выгаре у *Salle d'Attente*¹⁸, выгрузила свою ношу и уехала восвояси.

Хирург французского госпиталя сказал:

– А мы тут при чем?

И все-таки задумчиво посмотрел на пациента. Мальчик был совсем маленький. Кроме того, большая английская машина уехала, так что жаловаться было некому. Маленького пациента положили на одну из кроватей в *Salle d'Attente*, и французский хирург осмотрел его, раздумывая над тем, что ему делать. Раз пациент добрался до французского госпиталя, можно было считать, что он к нему приписан, а поскольку большой английской машины из Ипра уже не было, протестовать было бессмысленно. Французский хирург был раздосадован и раздражен. Типичный английский трюк, подумал он, сваливать на других свою работу. Если ребенка ранили на их направлении¹⁹, могли отвезти его в один из своих госпиталей или в госпиталь для бельгийских гражданских – да, там всегда полно народу, но уж для такого маленького место нашли бы. Хирург не на шутку завелся. Если что и есть у Антанты – так это взаимопонимание²⁰. Мысли в голове у французского хирурга надоедливо ходили кругами, все время возвращаясь к тому факту, что англичане уехали, пациент остался и что-то нужно было делать. Он стоял и думал.

17 Ипр был местом кровопролитнейших сражений Первой мировой войны, в ходе которых стали применяться отравляющие вещества, отсюда название одного из них – «иприт».

18 Приемный покой (фр.).

19 Ипр был в британской зоне ответственности.

20 Игра слов: Entente (фр.) – взаимопонимание, согласие; Антанта – тройственный союз Французской республики, Британской и Российской империй.

Бельгийский гражданский лет десяти. Приблизительно. Прострелен живот – приблизительно. Умирает – определенно. Как обычно, хирург принялся тянуть и закручивать длинные черные волосы на своих голых волосатых руках, раздумывая, что делать дальше. Подумав пять минут, он распорядился доставить ребенка в операционную и начал тщательно мыть свои волосатые руки, готовясь к тяжелой операции. Потому что бельгийскому гражданскому десяти лет распорол живот немецкий снаряд или его осколок и ничего не оставалось, кроме как его вытащить. В любом случае дело было безнадежное. Ребенок умер бы без операции так же, как он умрет во время операции или после нее. Французский хирург яростно мыл руки, потому что все еще был на взводе из-за англичан, которые бросили ребенка у него на пороге и уехали. Надо было везти его на одну из английских баз – в Сент-Омер или Азбрук, – а не обманом, так бесцеремонно втюхивать им, потому что «здесь» намного ближе.

– Халтурщики, – процедил сквозь зубы возмущенный хирург.

После кропотливой операции бельгийского гражданского отвезли в палату – выживать или умирать, как повезет. Очнувшись после анестезии, он стал вопить и звать маму. Ему было десять лет, разума он еще не набрался, и было невозможно остановить его вопли. Это сильно раздражало остальных пациентов, которые возмущались, что спокойствие и комфорт полезных солдат нарушают прихоти бесполезного гражданского, да еще и бельгийского ребенка. Медсестра этой палаты тоже вела себя глупо с этим гражданским, уделяя ему намного больше внимания, чем солдатам. Она была сентиментальна и повелась на его возраст – никакого чувства пропорций, никаких ценностей. В палату зашла *Directrice* и попыталась утешить мальчика, остановить его завывания, но только потратила час впустую и, в конце концов, решила, что нужно послать за его матерью. Он явно умирал, и нужно было послать за его матерью, потому что, видимо, все, кроме нее, ему было безразлично. И французская санитарная машина, которой не было никакого дела ни до бельгийских гражданских, ни тем более до Ипра, выехала поздним вечером, чтобы привезти его мать, о которой без конца вопил бельгийский гражданский десяти лет.

Наконец, она приехала – казалось, с неохотой. Было часов десять вечера, и только она вышла из посланной за ней большой машины, как начала жаловаться. Шофер сказал, что по пути она тоже не переставая жаловалась. Она спустилась с переднего сидения спиной вперед и на мгновение повисла на колесе, пока ее увесистая нога в скользком сабо судорожно пыталась нащупать землю. Солдат с фонарем равнодушно посмотрел, как она плюхается в лужу грязи, чего вполне мож-

но было избежать. Она продолжила жаловаться. Ее оторвали от мужа, от остальных детей, и казалось, ее мало волновал ее сын, бельгийский гражданский, который предположительно был при смерти. Но раз уж она здесь, раз уж проделала весь этот путь, она заглянет к нему, раз *Directrice* считает, что это так необходимо. *Directrice* французского полевого госпиталя была американка, но британская подданная по браку, и у нее были занятые, устаревшие представления о мире. Она полагала, что, когда ребенок умирает, мать должна быть рядом. У *Directrice* были трое детей, которых она оставила в Англии около года тому назад, когда приехала во Фландрию для жизни и приключений фронта²¹. Но она бы, ни секунды не думая, вернулась в Англию, если бы узнала, что один из ее детей умирает. У бельгийской матери был противоположный взгляд на дело: она считала, что ее место – в Ипре, у себя дома, с мужем и остальными детьми. Более того, эту бельгийскую мать насильно увезли из дома, оторвали от семьи, от обязанностей, которые она считала важными. Так что она горько жаловалась и с большой неохотой пошла в палату, чтобы увидеть своего сына, который предположительно был при смерти.

Она увидела сына, поцеловала его, а потом попросила отвезти ее назад в Ипр. *Directrice* объяснила ей, что мальчик может не пережить этой ночи. Бельгийская мать приняла к сведению это утверждение и снова попросила отвезти ее в Ипр. *Directrice* снова заверила бельгийскую мать, что ее сын не переживет этой ночи, и попросила ее провести эту ночь с ним в палате, чтобы присутствовать при его кончине. Бельгийская женщина сопротивлялась.

– Если мадам *Directrice* приказывает, если она настаивает, то я, конечно, подчинюсь. Я проделала весь этот путь, потому что она приказала, и, если она настаивает на том, чтобы я провела здесь ночь, так оно и будет. Но если она не настаивает, то я предпочла бы вернуться домой в Ипр к остальным детям.

И все-таки *Directrice*, которую охватило материнское чувство к умирающему, приказала и настояла, и бельгийка сдалась. Она всю ночь сидела с сыном, слушала его вопли и стенания и была рядом в три часа утра, когда он умер. После чего она попросила отвезти ее обратно в Ипр. Ее тронула смерть сына, но долг звал ее домой. *Directrice* пообещала, что на его похоронах прочитают мессу, и, услышав это обещание, женщина посчитала, что для нее нет причин оставаться.

– У моего мужа, – объяснила она, – небольшой кабачок на окраине Ипра. Пока нам очень везло. С самого начала этой долгой войны это первый раз, когда к нам в кухню залетает

21 У Мэри Борден, директрисы госпиталя, который описан в книге Ла Мотт, в Великобритании остались муж и три маленьких дочери.

снаряд, вот и сына нашего поранил, сами видели как. Но у нас есть другие дети, их тоже кормить нужно. Сейчас муж хорошо зарабатывает – продает выпивку английским солдатам. Я должна вернуться ему помогать.

И бельгийского гражданского похоронили на кладбище для французских солдат, но его мать уехала в Ипр задолго до этого. Шофер машины, который вез ее обратно в Ипр, побледнел, когда получил этот приказ. Все боялись Ипра и его опасностей. Это было место смерти. Только бельгийка, у которой муж держал кабачок и хорошо зарабатывал, продавая выпивку английским солдатам, не боялась Ипра. Они с мужем хорошо зарабатывали на войне, и эти деньги могли помочь им вывести детей в люди. Она с готовностью забралась в машину, хотя и была благодарна *Directrice*, которая обещала отслужить мессу по ее мертвому сыну.

– Ох, уж эти бельгийцы! – сказал французский солдат. – Как они разбогатеют после войны! Наживутся на американцах и на всех остальных, кто приедет поглазеть на руины!

И, будто про себя, тихо добавил:

– *Ces sales Belges!*²²

ХИРУРГИЧЕСКИЙ ТРИУМФ

В Латинском квартале, где-то возле перекрестка бульвара Монпарнас и улицы Ренн²³, – а может быть, дальше, за вокзалом Монпарнас или с другой стороны, там, где улица Вавен прорезает улицу Нотр-Дам-де-Шамп, – если вы знаете квартал, то знаете и это место, – жил маленький парикмахер по имени Антуан. Около десяти лет назад Антуан перебрался сюда с Монмартра²⁴, потому что был хорошим парикмахером, и к тому же экономным, и ему хотелось устроиться получше, а в то время лучшим вложением ему казался переезд в район, где заправляют американцы. Он слышал, что американские студенты вечно хотят вымыть голову – минимум раз в неделю – и что этим они отличались от русских, польских, румынских и других парижских студентов, и это побудило Антуана вести дела на Монпарнасе, а не в другой части квартала, скажем, возле Пантеона и церкви Сент-Этьен-дю-Мон. Он решил стричь по заниженным ценам, чтобы набрать популярность, а позже, когда дело пошло в гору, не стал повышать цены, чтобы не потерять клиентов. Ведь когда привыкаешь мыть голову за два франка, да

22 Ох, уж эти поганые бельгийцы! (фр.).

23 Ла Мотт жила в пансионате на бульваре Монпарнас в течение года перед началом войны.

24 Район Парижа на правом берегу Сены; во второй половине XIX – начале XX века был популярен среди художественной и артистической богемы.

еще и хорошенько, очень неприятно однажды обнаружить, что цена вдруг выросла до уровня бульвара Капуцинов. Так что целых десять лет Антуан продолжал мыть головы за два франка, заработав к тому же репутацию настоящего молодца во всем, что касается волнистых и кудрявых волос. Так что к тому моменту, когда началась война и американцы все бросили и убежали, он накопил себе приличную сумму и мог жить спокойно. К тому же он хромал на левую ногу, которая была на семь сантиметров короче правой из-за одного детского происшествия, и поэтому никогда не служил в армии. И хотя по возрасту он попадал под призыв, вероятность, что его призовут, была невелика. Так что он стоял в проеме своей опустевшей лавки, из которой призвали всех его помощников, завивщиков и шампунщиков, и оглядывал опустевшую улицу, поздравляя себя с тем, что оказался в более сносном положении, в финансовом плане и не только, чем многие из его соседей.

Рядом с его лавкой был ресторан, куда ходили студенты. До войны он славился дешевизной, и дважды в день его наполняла пестрая толпа скульпторов, художников, писателей и просто дилетантов, которые позже любили свысока похваливать его за то, они называли «местным колоритом». Видели бы они его сейчас, думал бережливый Антуан. Все сбежали, кроме дюжины непутевых студентов, у которых не было на это денег и которые по доброте душевной продолжали столоваться в ресторане «в кредит», чтобы владельцу было чем заняться. Даже такой дурак, как этот владелец, должен был рано или поздно понять, что с точки зрения выручки высокомерная похвала совершенно бесполезна и даже смехотворна.

Отдыхая на пороге, Антуан думал о своем сыне. О своем единственном сыне, который, слава богу, был слишком мал, чтобы идти воевать. Ко времени, когда он вырастет, война закончится – она не может продлиться больше шести недель или пары месяцев, – так что у Антуана не было поводов волноваться. Пацан был здоровый, крупный, с пробивающимися усиками, из-за которых он выглядел старше своих семнадцати лет. Он тоже обучился – на человеческих головах и не только – искусству мыть волос, завивки и покраски и умел обнадежить самых прихотливых клиентов, щелкая щипцами для завивки, так что Антуан рассчитывал на самое светлое будущее для сына. Война не сулила ужасов Антуану, и он мог свободно рассуждать о будущем сына, которое и вправду казалось светлым и замечательным, несмотря на все временные неурядицы. И, хотя он растерял и ассистентов, и клиентов, которых обслуживали эти ассистенты и он сам, ему не было нужды закрывать свое заведение. Потому что в Париже все еще оставалось достаточно американских голов, которые время от времени нужно было

ЭЛЛЕН ЛА МОТТ

НА ОТЛИВЕ ВОЙНЫ
(ФРАГМЕНТЫ)

мыть, – довольно отчаянных голов, авантюристских, любопытных, падких до сенсаций голов, которые остались в Париже поглядеть на войну, увидеть столько, сколько получится, чтобы обогатить личный опыт. Антуан не оспаривал ни одной из точек зрения, хотя некоторые из его сограждан по самым разным причинам хотели, чтобы надоедливые иностранцы убралась восвояси.

Тем не менее месяцы шли один за другим, и начало казаться, что его прозорливость и предпринимательская расчетливость на этот раз дали сбой. Его предсказания относительно длительности войны не сбылись. Она длилась недопустимо долго, и с каждым днем в ней появлялись новые фазы, для которых не находилось немедленных решений. Так прошел год, сыну Антуана исполнилось восемнадцать, и у него выросли такие внушительные усы, что отец приказал ему их сбрить. Прошло еще два месяца, и Антуан решил снова одеть сына в короткие штаны: хотя парень был крепким и толстым, ростом он не отличался, и в коротких штанах выглядел просто толстым парнишкой-переростком, и Антуан начал беспокоиться, наблюдая, как молодых призывников забирают в армию. Антуан знал, что в одной из мэрий Парижа – может быть, на Монмартре, откуда он был родом, или в *Préfecture de Police*²⁵, или в *Cité*²⁶ – есть запись о возрасте и навыках его сына, которая может в любой момент быть использована против него, поскольку недели перетекали в месяцы, и становилось ясно, что скоро мобилизация коснется парней того возраста, к которому относится и его драгоценный сын. Для Антуана начались ужасающие недели нервного ожидания и страха. С каждым новым днем его парнек становился все более ловким и умелым, начинал все лучше разбираться в профессии, стал все аккуратней и уверенней управляться с самыми непослушными волосами, научился тратить минимум газа на сушилке для волос и минимум мыльной пены и в целом стал достигать все лучших результатов, оставляя клиентов довольными, и с каждым новым днем росла опасность, что его оторвут от жизни и от всех перспектив, которые перед ним открывались, и заставят сражаться за славную родину. Бедный толстячок! По воскресеньям он расхаживал по бульвару Распай с немецкой овчаркой – два года назад ее купили как немецкую овчарку, но теперь она стала бельгийской, – разве мог он снять свои штанишки и стать французским солдатом! И все-таки с каждым днем вероятность такого исхода росла, и однажды, наконец, пришла повестка, парнишка уехал, а Антуан с отчаянием погрузился в траур и на целую неделю закрыл ставни. Он возненавидел Англию, которая не

25 Префектура полиции (фр.).

26 Центральная канцелярия (фр.).

сделала всего, что могла, не мобилизовала всех своих мужчин, продолжила вести дела, как и прежде, не попыталась остановить войну – и не собиралась этого делать, пока не истощится Франция. И он возненавидел Россию, которая погрязла в болоте политических интриг, которой не хватало организованности, вооружений и лидеров и которая была совершенно не способна потеснить фрицев на другом фронте, не говоря уже о том, чтобы разгромить их. По правде говоря, Антуан намного сильнее ненавидел союзников Франции, чем саму Германию. Его ярость и грусть значительно перевешивали гордость за сына или надежды на его достижения. Сам парень не особенно сопротивлялся, когда его позвали на войну, ведь он был молод, а потому несколько фаталистичен, и, кроме того, он не мог предвидеть того, что его ждало. Но у Антуана, у этого жалкого человечка, было богатое воображение, и он многое предвидел.

К счастью, он все-таки не мог предвидеть того, что в действительности случилось. Так что это стало для него настоящим шоком. Он узнал, что его сына ранили, и потянулись долгие недели, когда паренек лежал в госпитале, а чередой добросердечных девушек из Красного Креста писали Антуану, призывая его крепиться и держаться. Антуан, будучи – по парикмахерским меркам – богатым человеком, время от времени снимал со счета в банке значительные суммы и посылал их девушкам из Красного Креста, чтобы они покупали его сыну все, что может ему помочь поправиться. В одном из провинциальных госпиталей (а в то время большинство раненых помещали в госпитали в провинции, потому что боялись расстроить парижан, выпустив пациентов на улицы) ему сказали, что протезы ног стоят дорого. Так что ему пришлось смириться с фактом, что его сын будет куда более ужасающе хромым, чем он сам. Потом были, пусть и туманные, но разговоры о протезах рук, которые встревожили Антуана. Потом он узнал, что сын пережил чудесную операцию, которую называли «пластической» и с помощью которой ему восстановили недостающие участки лица, используя другие части тела. За все это время он не получил ни строчки от самого парня, и в каждом письме, которое тот надиктовывал девушкам из Красного Креста, он умолял, чтобы ни мать, ни отец не пытались навестить его в провинциальном госпитале, пока он не будет к этому готов.

Наконец, он был «готов». Он провел в госпитале четыре или пять месяцев, и лучшие хирурги страны сделали все что могли. Они не только спасли ему жизнь, но, благодаря отцовским деньгам, его снабдили определенными вспомогательными средствами для тела, которые значительно увеличили шансы на то, что его жизнь не станет невыносимой. Они остались исключительно довольны тем, чего им удалось добиться в случае

ЭЛЛЕН ЛА МОТТ

НА ОТЛИВЕ ВОЙНЫ
(ФРАГМЕНТЫ)

этого бедняги – да что уж говорить, они даже гордились им. Это был их хирургический триумф, и в таком качестве его и отправили обратно в Париж таким-то поездом в такой-то день. Антуан пришел встречать поезд.

В маленькой комнате за парикмахерской Антуан оглядел этот хирургический триумф. Этим триумфом был его сын. Эти две вещи здорово перемешались. Страстная любовь и страстная, яростная ненависть наполнили грудь маленького парикмахера. Рядом с парнем на диване лежали две очень дорогих, очень хороших искусственных ноги. Они были качественно слажены и стоили несколько сотен франков. У той же фирмы можно было бы купить две хороших искусственных руки, легких, настраиваемых, с отличными суставами. Ужасный дряблый мешок под названием «нос», который умело смастерили из плоти, взятой с груди, заменил маленький вздернутый нос, который помнил Антуан. Со ртом почти ничего не делали. Передних зубов не было, но со временем их наверняка можно было бы вставить. Верхнюю часть лица закрывала черная шелковая повязка, которую можно будет позже снять, а в кармане у парня лежала бумажка с адресом места, где можно приобрести искусственные глаза. Ему могли бы дать глаза в провинции, но в Париже их достать намного легче. Антуан посмотрел на грудку мяса, в которую превратился его сын, и эта грудка, не в силах оценить себя в качестве хирургического триумфа, плакала невидящими глазами, умоляюще дергала четыремя культями сразу и упрямилась в агонии:

– Убей меня, папа!

Но этого Антуан сделать не мог, ведь он был цивилизованный человек.

Перевод с английского Даниила Лебедева, вступление Николааса Лукаса, комментарии Синтии Уотчелл

Разноголосица восприятий: экскурс в современные прочтения (и недопрочтения) Корана¹

ШТЕФАН
ВЕЙДНЕР

1

Я хотел бы начать с представления личной точки зрения – и с маленькой исповеди: на самых первых порах моего знакомства с арабоязычным миром я делал все, от меня зависящее, чтобы никак не касаться Корана, ислама и религиозных тем вообще. Таким образом, история, которой я собираюсь поделиться, есть история обращения – но речь пойдет не о том обращении, с каким человек сталкивается, встретив какую-то очаровавшую его религию или догму. В ходе обращения, пережитого мной, я научился восхищаться культурной, духовной и, возможно, революционной мощью Корана, а также удивляться тем замысловатым и одновременно творческим способам, посредством которых Коран постигается людьми.

1 В основу настоящей статьи положена лекция, с которой автор выступил 20 сентября 2023 года в Государственной библиотеке в Берлине. Мероприятие было организовано Фондом аль-Фуркан – Лондон (Al-Furqan Islamic Heritage Foundation), Государственной библиотекой в Берлине (Staatsbibliothek zu Berlin) и Академией наук региона Берлин-Бранденбург (Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften). Лекция состоялась в рамках проекта «Corpus Coranicum». Текст и сопроводительные иллюстрации предоставлены «НЗ» автором и печатаются с его любезного разрешения. Все примечания сделаны переводчиком.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

Штефан Вейднер (р. 1967) – немецкий исламовед, писатель и переводчик, член исполнительного комитета Немецкой академии языка и поэзии, лауреат премии шейха Хамада за перевод и взаимопонимание между народами (Катар, 2018).

Позвольте сказать еще несколько слов о своем культурном бэкграунде. Я рос в западногерманском Кёльне, раскинувшимся по берегам Рейна. В то время это был город, истерзаный войной, поспешно и непривлекательно перестроенный и живущий под сильным католическим влиянием. Его самым известным сооружением и сегодня остается кафедральный собор, который входит в число наиболее величественных культовых зданий Европы и легко узнаваем благодаря своему двойному шпилю.

Башни, возведение которых началось в 1248 году, во времена высокого Средневековья и высокой готики, оставались незавершенными вплоть до XIX века. В последующий, романтический, период недостроенный собор служил символом неутолимого стремления Германии к национальному единству – яркой эмблемой немецкого национализма. Средства на завершение башен обеспечивались пожертвованиями, собираемыми во всех уголках Германии, включая и протестантские области: идея заключалась в том, чтобы порыв к национальному сплочению преодолел конфессиональные различия. Кроме того, имелась еще и потребность не выпускать католицизм из-под национального контроля, поскольку прусское государство видело в нем соперника. Иначе говоря, в самой широкой перспективе собор воплощал в себе всю сложность взаимодействия между *nation-state* и религией – взаимодействия, которое с XX столетия можно также наблюдать в арабском и исламском мире.

Националистическое присвоение незавершенного культового здания средневековой поры представляет собой креативную, но в то же время проблематичную реинтерпретацию религиозного произведения искусства. Подобные присвоения и реинтерпретации типичны для XIX века. С чем-то похожим мы столкнемся, когда обратимся к Корану.

2

В школьные годы я заинтересовался арабским сугубо из мальчишеского любопытства и жажды приключений. Ни я сам, ни мои предки никак не были связаны с арабским миром или исламом. Чуть позже, еще учась в школе, я отправился в путешествие по Северной Африке – на поезде. Мой интерес простирался далеко за пределы политики; меня завораживала повседневная жизнь людей, которая в то время казалась сплошной экзотикой.

Я столкнулся с достопримечательностями, людьми и обычаями, которые даже представить себе не мог. Я бродил по трущобам Касабланки и Марракеша, останавливался в небольших городках посреди пустыни и провел несколько дней со школьными учителями в крошечной деревушке на юге Ма-

рокко, где не было даже таких элементарных удобств, как водопровод и электричество.

А поскольку я был молод и открыт впечатлениям, путешествовал в одиночестве, свободно говорил по-французски и даже немного понимал по-арабски, мне удалось сблизиться с местными людьми – до такой степени, что внезапно я ощутил себя погруженным, причем с головой, в проблематику религии, ислама и Корана – просто из-за того, что она чрезвычайно волновала моих собеседников. Это стало полнейшей неожиданностью: вместо того, чтобы разговаривать о политике или футболе, мне приходилось целыми днями рассуждать о религии. Я был смущен и заморожен одновременно, так как понял, что никогда раньше не встречал настоящих верующих и уж тем более не дискутировал с ними. Наши беседы были дружескими, но это не мешало нам спорить: никто не хотел отступать от своей позиции. В итоге каждый неизменно оставался при своем мнении.

Африканские встречи произвели на меня колоссальное впечатление. Они поколебали мою веру в то, что посредством аргументов, кажущихся мне несомненными, можно склонить на свою сторону кого угодно – надо только представлять свою позицию предельно внятно. Они также пошатнули мое убеждение в том, что моя трактовка просвещенного и рационального является универсальной. Наконец, они разрушили мою веру в то, что людей можно приобщить к свету разума – то есть к тому, что я в свои юношеские годы наивно считал единственно возможным разумом. Причем, насколько я тогда понимал, этот разум, конечно же, должен быть критичным по отношению к религии.

Те памятные дискуссии 1985 года положили весьма амбивалентное начало моему знакомству с Кораном и исламом. Поскольку я был под впечатлением религиозного рвения моих собеседников, мне захотелось поближе ознакомиться с религией, которая столь ощутимо на них повлияла, и почитать Коран. На последние деньги, оставшиеся после семинедельной поездки, я приобрел в Тунисе прекрасное французско-арабское издание Корана. Книгу открывал подробный комментарий, который, как я надеялся, поможет во всем разобраться.

Что же, по-вашему, произошло дальше? Я отвечаю: начало моего изучения Корана одновременно оказалось и его концом – по крайней мере на какое-то время. В течение последующих десяти лет я больше никогда не брал Священной Книги в руки. Стоящие за этим причины могут показаться не слишком понятными для мусульман, хорошо знающих Коран с детства. Поэтому постараюсь кратко пояснить, в чем же заключалась моя проблема на тот момент.

Прочитав благочестивое предисловие на французском языке, я начал читать Коран в той же манере, в какой обычно читаю

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

РАЗНОГОЛОСИЦА
ВОСПРИЯТИЙ...

книги: то есть от начала до конца. Я начал с суры «Аль-Фатиха», затем перешел к суре «Аль-Бакара» и так далее. Очень скоро мне стало ясно, что я ничего не понимаю, хотя каждое слово французского перевода мне было известно. Слова были знакомы, но смысл в них отсутствовал. И поэтому, вместо того, чтобы рассеять мое замешательство, опыт чтения вопреки моим ожиданиям лишь усилил его.

Единственной подсказкой, как представлялось, оставались комментарии на французском, которыми была снабжена каждая страница. Вскоре я вообще прекратил заглядывать в непонятный мне текст, ограничиваясь только комментариями. Но в них, однако, аяты разъяснялись в том духе, в каком Коран интерпретировала организация «Братья-мусульмане»². Трудно было представить себе трактовку священного текста, наиболее далекую от меня и моих прогрессивных убеждений. Проявлялась она среди прочего в нападках на евреев, христиан, атеистов (то есть людей, похожих на меня) и в предъявлении им всевозможных обвинений.

Таким образом, я был обладателем самого изящного издания Корана с самыми подробными комментариями. Я потратил на него последние деньги, но книга лишь усилила мое недоумение и мои сомнения. И вскоре я отложил ее в сторону.

3

Надеюсь, вы не станете укорять семнадцатилетнего юнца за то, что его не увлек Коран. Ведь я по крайней мере сохранил верность арабскому языку и арабской литературе. В последующие годы я искал такие знакомства и интеллектуальные пространства, которые могли бы предложить мне более адекватный доступ к арабской литературе. Многие из тех, кого я встретил в этих поисках, вскоре стали моими друзьями; среди них хотел бы особо выделить молодых арабских поэтов-изгнанников, прежде всего иракцев, испытавших сильное влияние социализма и сюрреализма. Вместе мы переводили и публиковали современную арабскую поэзию.

А потом случилось нечто странное. В конечном счете, мои контакты с мусульманской религией, историей и Кораном удалось восстановить благодаря авангардной, модернистской и постмодернистской поэзии – именно она пробудила во мне интерес ко всем этим материям и предопределила мои дальнейшие исследовательские устремления.

² Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации на основании решения Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года № ГКПИ 03-116, вступило в силу 4 марта 2003 года.

Решающий толчок произвел сирийско-ливанский поэт Адонис – это псевдоним Али Ахмада Саида Избира (р. 1930), которому я посвятил важную часть своей литературно-критической и переводческой деятельности. Одно из важнейших обстоятельств, связанных с Адонисом, состоит в том, что в его трудах обнаруживаются противоположности, присущие арабской культуре и литературе с самого их зарождения. Внешне эти крайности кажутся непримиримыми, и все же они сходятся воедино в личности поэта и в его поэтическом видении.

Я затрону здесь лишь один аспект из многих, а именно: взаимоотношения поэта с Кораном, или, лучше сказать, вдохновляющее воздействие Корана на него. Уже само это в достаточной мере революционно. С одной стороны, Адонис резко критикует политический ислам, но, с другой стороны, он одновременно черпает в священных текстах этой религии поэтическое вдохновение – творчески взаимодействуя с религиозными понятиями, идеями и способами репрезентации.

Подход Адониса к Корану противоположен тому его прочтению, которое предлагается «Братьями-мусульманами» и с которым я в семнадцать лет столкнулся в Северной Африке. Обращаясь к названию исследования, написанного Адонисом, можно сказать, что в его трудах отражено «живое и меняющееся» (*al-Mutahawwil*) исламской культурной истории, в то время как догматическое понимание религии воплощает ее «окаменевшее и неизменное» (*al-Thābit*).

Адонис подключается к энергетике коранического языка и величественному социальному измерению Корана, стремясь активировать столь же революционную энергию нашей собственной эпохи – причем делается все это с помощью поэзии. Следовательно, вполне можно говорить о своеобразной перезагрузке коранической власти поэтическими средствами; подобно этому, сам Коран обращался к стилистическим приемам, использовавшимся в поэтическом творчестве. Поэт приобщается к ауре Корана, а то и к самому божественному языку, подобно Прометею, похищающему огонь у богов. Кстати, на такой эффект может рассчитывать лишь арабский поэт, поскольку только (литературный) арабский язык отличается столь невероятной преемственностью и сочетаемостью старейших и новейших слов, терминов, понятий.

Урок, извлеченный мною из всего сказанного, оказался следующим. Коран вовсе не такой потусторонний, неинтересный и непостижимый, каким он показался мне при первом знакомстве. Это по-прежнему пылающий текст. Дыхание поэта сдуло с него пепел и оживило пламя. Поэтому я решил вернуться к изучению Корана. Мне захотелось разобраться в секретах этих волшебных угольков и посмотреть, удастся ли мне

преуспеть если и не в раздувании огня, то хотя бы в приобщении к его теплу.

4

В эпоху модерна, особенно с распространением печатных изданий Корана, традиционные методы работы с текстом были дополнены другими способами, подобными тем, посредством которых немцы работают с Кёльнским собором, а Адонис взаимодействует с кораническим текстом. Этот инструментарий либо расширяет, либо сужает изначальный смысл Корана; оценивая его, один разглядит любопытные и новаторские подходы, в то время как другой скорее увидит лишь произвол и искажение.

В нижеследующих главках своего текста я хотел бы более пристально всмотреться в некоторые из новых рецепций и апроприаций – а также в свежие и зачастую отчуждающие смыслы, ими генерируемые. Чтобы позволить мне подступить к этой задаче, давайте представим, что вы оказались в музее, который скоро должен закрыться – и, поскольку времени у нас мало, я буду показывать вам лишь немногие из хранящихся здесь сокровищ. Причем, знакомясь с представленными артефактами, мы будем избегать искажающих, злонамеренных и антимусульманских интерпретаций, во множестве циркулирующих на современном Западе. Вместо этого, я остановлюсь на тех толкованиях, которые либо зародились в самом мусульманском контексте, либо же произросли из эмпатии к Корану и исламу, открыв тем самым возможность нового взгляда – возможность, о которой нередко забывают сегодня.

5

Первая диковина из нашего музея имеет домодерное и доколониальное происхождение, отсылая к миру, которому еще только предстояло пережить пришествие печатного станка. Еще до того, как первые копии Корана, напечатанные на арабском языке, в конце XVII века появились в Европе (их подготовили Абрахам Хинкельман в Гамбурге и Людовико Мараччи в Падуе³), а Коран – в качестве оригинального текста – был представлен в новой среде и новом контексте, в Индии, управляемой в ту эпоху династией Великих Моголов, происходили

3 Абрахам Хинкельман (1652–1695) – немецкий богослов-протестант и востоковед, в 1694 году издал текст Корана на арабском языке со своим латинским предисловием. Людовико Мараччи (1612–1700) – итальянский богослов-католик и востоковед, в 1698 году опубликовал собственный перевод Корана на латинский язык, сопроводив его параллельным арабским текстом.

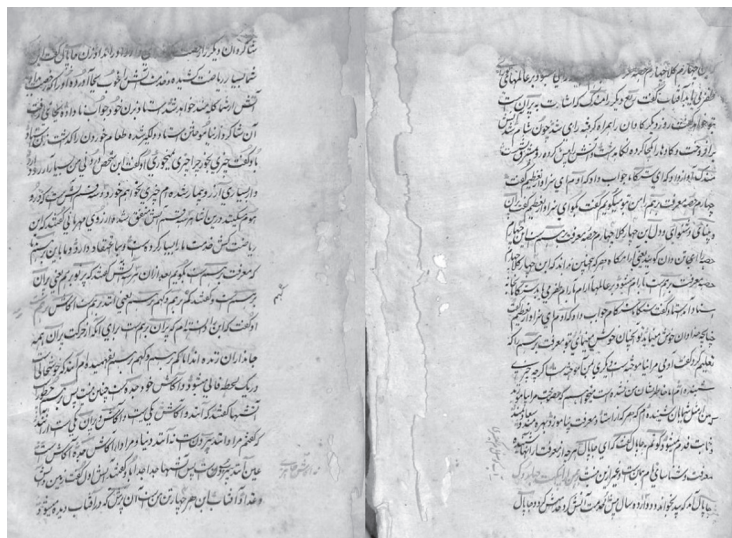

совершенно иные события, которые имели весьма долгосрочные последствия.

Со времен императора Акбара правящая династия славилась своей открытостью к религиям, практиковавшимся в Индии с древнейших времен. Грубо говоря, индуизм был наделен в государстве Моголов тем же статусом, каким обладали другие религии, признанные исламом, христианством и иудаизмом. Для индуистов были отменены налоговые и иные ограничения, действовавшие в прежние времена. Кроме того, интенсивный обмен велся на интеллектуальном и догматическом уровне; одной из его площадок стал, например, Ибадат-хана – Дом собраний в городе Фатехпур-Сикри, – где, как следует из его названия, богословы различных вероисповеданий могли встречаться и проводить публичные дискуссии.

Религиозно-политический курс, принятый Акбаром, был продолжен и достиг своего пика после его смерти в 1014 году Хиджры (1605), в правление его внука Шах-Джахана, отрекшегося от престола в 1068 году Хиджры (1657), – последний, среди прочего, прославился возведением комплекса Тадж-Махал. Расцвет ассоциировался с именем одного из сыновей Шах-Джахана, которого звали Дара Шукох, жившего в 1024–1069 годах Хиджры (1615–1659). Дара Шукох поддерживал контакты с суфиями, которые пользовались у Великих Моголов немалым авторитетом, но, кроме того, интересовался еще и индуизмом, приказав перевести важнейшие индуистские тексты с санскрита на персидский – официальный язык Могольской империи. Среди них были, в частности, Упанишады – одно из самых значительных собраний древнеиндийских религиозно-философских трактатов. Перевод был выполнен в 1067 году Хиджры (1657).

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР
РАЗНОГОЛОСИЦА
ВОСПРИЯТИЙ...

Илл. 1. Персидский перевод Упанишад, инициатором которого выступил Дара Шукох.

Заинтересованность в этих текстах была лишена филологической или политической подоплеки, поддерживаемой желанием завоевать сердца мусульман; именно так, кстати, действовала русская императрица Екатерина Великая, приказавшая в 1787 году издать Коран в Санкт-Петербурге. Дара Шукох обратил внимание на Упанишады по религиозным причинам – с намерением укрепиться в собственных взглядах, а именно: в суфийской интерпретации ислама посредством подтверждения их аргументами, заимствованными из другой религиозной традиции. Благодаря этому индуистский текст стал доступным для мусульман, говорящих по-персидски. Обращаясь к Упанишадам для укрепления своих религиозных воззрений, правитель стирал конфессиональные границы. Поступая подобным образом, он позволял древнеиндийскому литературному памятнику войти в текстуальный мир ислама на правах санкционированного государством религиозного материала для чтения. Такой жест, разумеется, не мог не повлиять на преобладающее восприятие ислама и Корана. Оправдывая свое начинание, Дара Шукох в предисловии к переводу писал (ниже цитируется немецкий вариант 1808 года):

«Дара Шукох [правитель пишет о себе в третьем лице] повелел доставить к себе священные книги иных религий, чтобы с помощью их познать слово Господа, который есть единственный источник истины, ибо у правителя нет сомнения в том, что базовые постулаты всех религий, представленные в одной книге в потаенной, невнятной и сокращенной манере, можно обнаружить в другой книге в более ясном, открытом, обстоятельном виде. [...] И теперь владыка самолично свидетельствует, что полученная им книга [то есть, Упанишады] идеальным образом согласуется со Священным Кораном и даже содержит уточнения некоторых его смыслов. А так как собрание Упанишад оказалось среди источников [sic!] Священного Корана, [...] вся почтенная ассамблея признала, что упомянутая книга принадлежит к числу самых мудрых и древних книг».

Эта цитата – первый экспонат нашего музея – весьма примечательна, и мы могли бы еще не раз к ней вернуться. К сожалению, здесь я готов затронуть только один ее аспект, который состоит вот в чем: Дара Шукох своим переводом заметно укрепил религиозную философию, берущую начало в творчестве Ибн Араби⁴ и его индийских последователей. Такой подход с легкостью можно было примирить с индийским религиозным разнообразием, но с традиционными убеждениями суннитских богословов он сочетался с большим трудом. Со временем последние сплотились вокруг Аурангзеба – брата и соперника

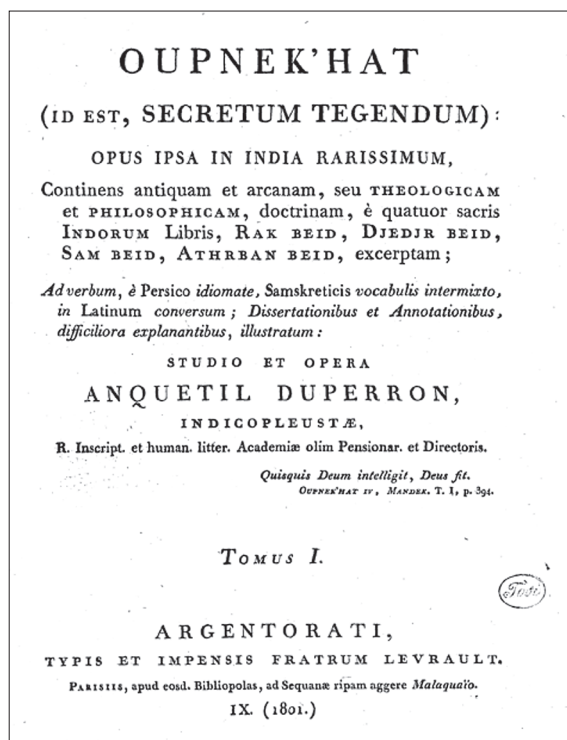
⁴ Ибн Араби (полное имя Абу Абдуллах Мухаммад ибн Али ибн Мухаммад ибн Араби аль-Хатими ат-Таи аль-Андалуси) (1165–1240) – мусульманский богослов, виднейший представитель суфизма.

правителя. В братоубийственной войне Аурангзеб победил – и Дара Шукох был казнен. Хотя религиозный синкретизм в Индии дожил до колониальных времен, государство Моголов уже никогда не продвигало его с таким усердием, как прежде.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР
РАЗНОГОЛОСИЦА
ВОСПРИЯТИЙ...

6

Весьма любопытно, что наибольшим успехом инициатива с вдохновленным суфиями переводом Упанишад, с которой выступил Дара Шукох, пользовалась в Европе. Через сотню лет после его смерти рукописный вариант перевода попал в руки французского ученого и путешественника по Индии Абрахама Гиацинта Анкетиль-Дюперрона (1731–1805). Он перевел его сначала на французский, а потом на латынь; процитированный выше немецкий перевод делался с латинской версии. Около 1813 года перевод Анкетиль-Дюперрона оказался у молодого немецкого философа Артура Шопенгауэра. Тексту суждено было оказать на немца такое влияние, которое сохранялось на протяжении всей жизни. А потом, будучи вплетенным в его философские теории, трактат в свою очередь повлиял на многих других мыслителей – практически на всю ту нить западной интеллектуальной истории, символом которой стал Фридрих Ницше.

Илл. 2. Титульный лист латинского перевода Упанишад, изданного Абрахамом Анкетиль-Дюперроном в 1801 году.

Кораническая, суфийская и исламская часть этого влияния, которую определенно обнаруживают Дара Шукох и Анкетиль-Дюперрон, была проигнорирована как Шопенгауэром, так и другими реципиентами этой философии. Вместо нее, на центральные позиции выдвинулся индуистско-индийский компонент – на пользу репутации буддизма и индуизма на Западе и в ущерб восприятию ислама там же.

Шопенгауэр натолкнулся на латинский перевод персидских Упанишад в Тюрингии, в городе Веймаре, где ему показали манускрипт в герцогской библиотеке. В Веймаре он также свел непродолжительное, но тесное знакомство с Иоганном Вольфгангом Гёте – немецким поэтом и автором известного (хотя и мало читаемого) «Западно-восточного дивана».

Встретившись с «Западно-восточным диваном» Гёте, мы оказываемся в том зале нашего музея, который посвящен немецкому восприятию ислама, восточной литературы и Корана. Этот зал богат экспонатами, особенно имеющими отношение к XIX столетию. В интересующем нас контексте я не стану останавливаться на Гёте и его восприятии ислама, о котором уже написано довольно много. Вместо этого, я хочу сфокусироваться конкретно на Коране, поэтическое восприятие которого в Германии достигло зенита с появлением на свет перевода, выполненного поэтом и востоковедом Фридрихом Рюккертом (1786–1866).

7

Сделанный Рюккертом перевод Корана, хотя и незавершенный, остается единственным, где переводчик, удлинняя отрезки текста, пытается имитировать поэтико-лингвистическую форму оригинала, воспроизводя его ритмы по-немецки. Рюккерт, таким образом, выступает зачинателем маргинальной, но устойчивой современной традиции чтения Корана эстетическим образом – то есть в качестве поэтического произведения. Эта традиция представлена среди прочих авторов у Адониса, а первые признаки ее присутствия в арабском мире обнаруживаются уже в творчестве аль-Джурджани – и в особенности в его книге «Далаиль аль-иджаз фи-ль-Куран»⁵.

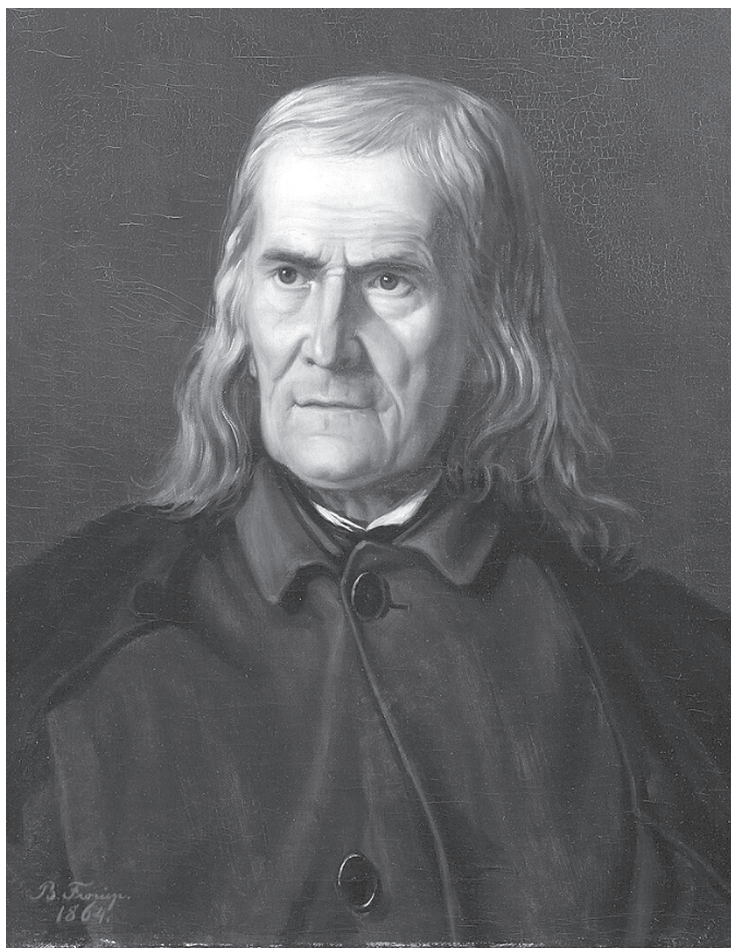
Понятно, что эстетически-поэтическое прочтение священного текста не содержит в себе ничего уничижительного. Напротив, его порой находят восхитительным – даже на Западе и даже немусульмане. Однако, если мы сталкиваемся с ним в Европе или, говоря шире, в современной культуре в целом (как в случае Адониса, который сравнивал Коран с произведениями

5 «Доводы в пользу неподражаемости Корана» (араб.). Абд аль-Кахир Аль-Джурджани (1010–1078) – персидский грамматист и богослов.

ми французского поэта Стефана Малларме), то оно скорее всего покажется нам странной и отчуждающей процедурой, ибо в этом занятии Коран изымается из привычного контекста и традиционной рамки восприятия.

В случае Рюккерта эстетическое прочтение Корана содержит очевидный элемент самореференции: ведь, как ни странно, его перевод в такой же мере связан с немецким национализмом, как и бесконечное строительство Кёльнского кафедрального собора. Более того, он прекрасно служит идеалам этого национализма, поскольку до образования в 1871 году Германской империи на карте присутствовало слишком много автономных немецких государств. Следовательно, Рюккерту, который был ярким националистом, до самой своей кончины так и не удалось стать свидетелем немецкого политического единения. Для него, как и для многих других людей его поколения, единство немцев было представлено исключительно немецким языком.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР
РАЗНОГОЛОСИЦА
ВОСПРИЯТИЙ...

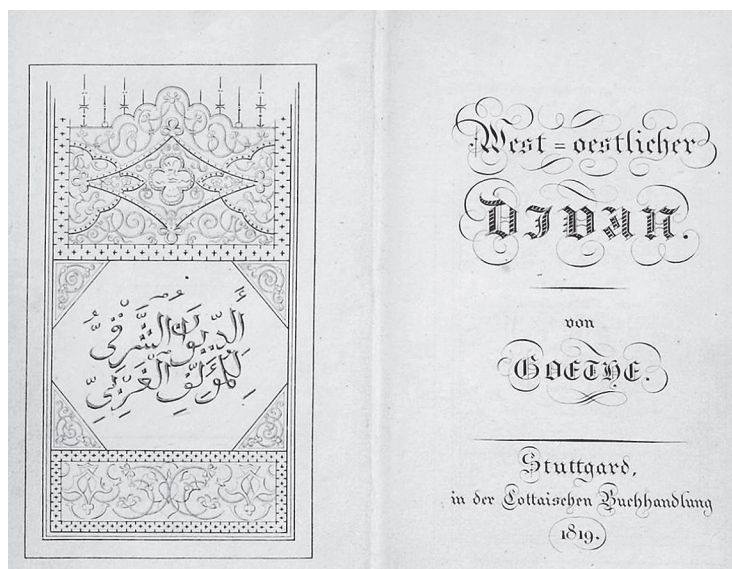

Илл. 3. Портрет Фридриха Рюккерта работы немецкой художницы Берты Флорип, 1864 год.

Илл. 4. Титульный лист и фронтиспис «Западно-восточного дивана» Гёте. Штутгарт, 1819 год.

При этом в глазах Рюккерта немецкий язык являлся не только символом единства Германии, но и наиболее выдающимся достижением немцев. По его мнению, этот язык даже оправдывал их превосходство над другими народами. Писатель считал: очевидным свидетельством верховенства немецкого языка выступает тот факт, что немцы способны абсорбировать и имитировать все другие языки и литературы, существующие в мире. Иначе говоря, немецкий рассматривался в качестве сверхязыка, делающего все прочие языки ненужными.

Многие авторы, представляющие европейские народы, стремились сделать свои языки столь же экспрессивными, как латинский и греческий. Достижение такого состояния можно было подтвердить прежде всего посредством переводов с классических языков: если они окажутся столь же прекрасными, как сами оригинальные произведения, то можно будет доказать, что национальные языки ничуть не хуже древних языков и что молодые европейские нации столь же величественны, как греки и римляне.

Обращение к подобному контексту позволяет понять, почему Рюккерт, занимаясь переводами с восточных языков, уделял такое большое внимание имитации поэтических форм и почему он остается едва ли не единственным переводчиком, попытавшимся оснастить Коран рифмой. Чем сложнее и чужероднее переведенное произведение, тем грандиознее свершение переводчика – и одновременно величие немецкого языка, демонстрируемое подобным образом.

Я не собираюсь принижать достижения Рюккерта, которыми восхищаюсь, но мне хотелось бы подчеркнуть, что Коран, да

и вся восточная литература использовались им и его единомышленниками в своего рода игре, не имевшей никакого отношения ни к Корану, ни к исламу. Здесь кроется одна из причин, почему бóльшая часть немецких переводов восточной поэзии, выполненных в XIX веке, сегодня едва ли читаема – и почему сейчас о них почти не вспоминают. А это в свою очередь объясняет, отчего в наши дни классические произведения восточной литературы в ареалах распространения немецкого языка в основном не известны – за исключением, разумеется, «Тысячи и одной ночи».

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР
РАЗНОГОЛОСИЦА
ВОСПРИЯТИЙ...

8

Помимо сказанного, в XIX столетии Коран и восточная литература в целом использовались, причем иногда превратно, и еще в одном ключе, который подразумевал симпатизирующее чтение, но тоже оказывался проблематичным. Я говорю о том, что ориентальные тексты характеризовались, оценивались, изображались и распространялись в Европе и Америке как символы антисовременности или контрпросветительства. Занимались всем этим люди, осуждавшие Просвещение и критиковавшие новые пути развития – то есть те, кто идентифицировал себя с искаженными воззрениями, которые они же сами и приписывали восточной литературе и Корану.

Именно из-за этого литература на языках мусульманских народов превратилась в духовное прибежище для разочарованных – критиков современного мира, отвергавших его индустриализацию, железные дороги, средства массовой информации, безоглядный оптимизм и веру в прогресс. Как писал Гёте в «Западно-восточном диване»: «На Восток отправься дальный / Воздух пить патриархальный»⁶.

Перед лицом пугающего нового мира ислам, его литература и даже сам Коран казались этим скептикам чем-то вроде последнего бастиона – бастиона, который уже подрывался колониализмом, прогрессом и современностью, но все еще отсылал к реальности, милой сердцу европейских ретроградов. Эту позицию хорошо запечатлело следующее четверостишие Фридриха Рюккерта:

Пусть сонною негой от века охвачен Восток,
А Запад пусть рвется вперед, волей крепок и рьян,
Куда поэтичней бегущих вагонов железных дорог
Останется мерно бредущий в песках караван.

⁶ Цит. по: Гёте И.В. *Западно-восточный диван*. М.: Наука, 1988. С. 5. Перев. В.В. Левика.

Нет нужды говорить, что ни Коран, ни восточная литература никоим образом не причастны к этим, бесспорно, западным и европейским дебатам о Просвещении и современности: ведь когда восточные тексты появлялись на свет, ничего подобного просто нельзя было предвидеть. И тем не менее в Европе из них извлекали идеи, направленные против модерна и Просвещения – подобно тому, как в наши дни Коран зачастую преподносится в качестве антимодерного или антизападного манифеста, причем иногда даже самими мусульманами.

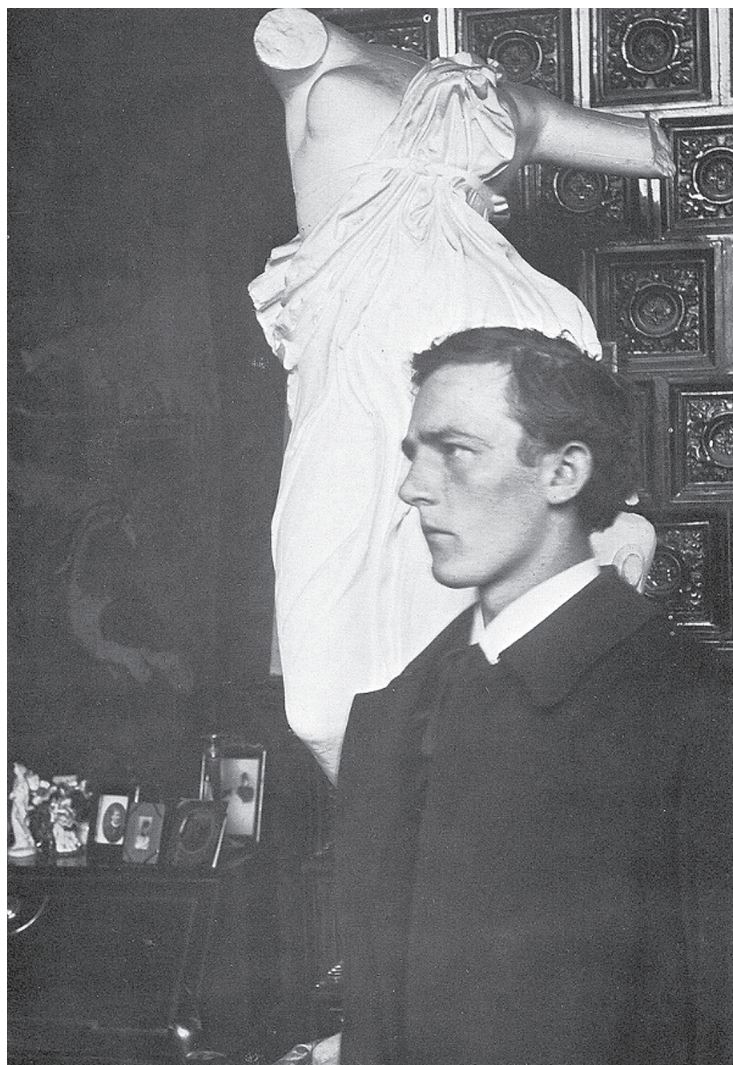
Если мы хотим понять, что происходило во взаимоотношениях Востока и Запада, или, говоря точнее, в рецепции Корана за последние 250 лет, нам обязательно надо принимать в расчет вышеупомянутую тенденцию. Следует помнить, что в XIX веке ислам был втянут во внутриевропейскую идеологическую борьбу, которая спустя несколько десятилетий, после Первой мировой войны, практически в том же виде была воспроизведена в мусульманском мире, расколов его точно так же, как прежде она расколола Европу. Причем не исключено, что и в нынешней Европе этот процесс повторяется; многочисленные подтверждения тому представляют, в частности, правые популистские движения.

9

Сказанное позволяет перейти к следующему разделу нашей импровизированной экспозиции, представляющему довольно типичный, но в то же время весьма крайний случай подобной апроприации, а именно: к творчеству писателя Людвиг Дерлета (1870–1948). Это был истовый, если не сказать радикальный, католик, который восхищался Кораном и исламом в целом за присущий им религиозный пыл. Дерлету хотелось использовать всю эту мощь во благо собственных религиозных и антимодернистских целей. Причем под впечатлением от его деятельности оказался не кто иной, как сам Томас Манн. Немецкий лауреат Нобелевской премии по литературе обстоятельно изобразил Дерлета в двух своих произведениях, включая великий роман «Доктор Фаустус».

Хотя сегодня о Дерлете мало кто помнит, в свое время он был влиятельной личностью. В частности, он долго оставался ментором Ольги Фрёбе-Каптейн⁷, которая вместе с психологом Карлом Густавом Юнгом основала в Швейцарии сообщество «Эранос», функционировавшее в виде регулярно проводимого симпозиума. На ежегодные встречи, организуемые «Эрано-

7 Ольга Фрёбе-Каптейн (1881–1962) – британская феминистка, последовательница спиритуализма и теософии.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР
РАЗНОГОЛОСИЦА
ВОСПРИЯТИЙ...

Илл. 5. Портрет Людвиг-га Дерлета работы неизвестного фотографа, 1900 год.

сом» в 1930–1970-х, собиралась блистательная когорта религиоведов, психологов, философов, включая и специалистов по исламу – среди последних были, например, Аннемари Шimmel и Анри Корбен (кстати, его иранский студент Дариуш Шаеган изучал в свою очередь деятельность Дары Шукоха)⁸. Мы не ошибемся, если маркируем представителей этого круга как критиков западной «современности» и ее последствий.

Дерлет представляет интерес по той причине, что он написал книгу, название которой не может не привлечь нашего

8 Аннемари Шimmel (1922–2003) – немецкая арабистка и переводчица, исследовательница суфизма. Анри Корбен (1903–1978) – французский философ-исламовед, специалист по иранским религиозным доктринам. Дариуш Шаеган (1935–2018) – иранский философ, занимался сравнительной эпистемологией Востока и Запада.

внимания: речь идет о «Франкском Коране». Мы лучше пойдем, что это значит, если переведем название на арабский: «Аль-Куран аль-фаранги» – Коран франков, христиан, европейцев. Книга объединяет в себе поэтические и публицистические произведения, а также памфлеты и манифесты, причем все это направлено против модерности. Ее содержание в сжатом виде можно свести к следующему тезису: автор завидует тому, что у мусульман есть Коран, и хочет создать столь же волнующую и воодушевляющую книгу для современного Запада. В отличие от Рюккерта, он не пытается имитировать форму или стиль Корана – его более интересуют убедительность Священной Книги и содержащаяся в ней критика современного безбожия. Вот показательный пассаж:

Блажен лишь тот, кто, почитая сам себя,
Отринет храм Господень и займется
Строительством того, что преходяще –
Приюта бренного для человека.

Книга вышла в 1933-м – в год, когда нацисты пришли к власти в Германии. Несмотря на реакционные политические воззрения Дерлета, нацизм всегда оставался для него чуждым и презираемым. Его произведение, в наши дни практически полностью забытое, да и в свое время почти не вызвавшее интереса, любопытно прежде всего как симптом: как обособленная кульминация перечитывания Корана в качестве воззвания, посвященного спасению от ненавистной современности.

У меня есть серьезные сомнения относительно того, сможет ли мусульманин осмысленно принять подобную апроприацию. В восприятиях или репрезентациях Корана, которые предлагает Дерлет, нет ничего негативного. Дело, однако, в том, что Коран предстает в них отстаивающим те установки, которые никак не могли содержаться в нем изначально. Более того, я почти не встречал среди последователей ислама те идеи, которые были вложены в Коран нашим автором, а когда подобное все-таки происходило, то они казались мне следствием не исконно исламских, а западных влияний, которые, однако, изображались, характеризовались или интерпретировались как изначально мусульманские.

Поэтому, несмотря на то, что Дерлет относится к Корану вполне положительно, он искажает его содержание; подобное явление, отметим, встречается и среди исламофобов. В обеих ситуациях нам предъявляют искаженный образ Корана – с той лишь разницей, что консерваторы типа Дерлета относятся к нему позитивно, а все прочие, будь то коммунисты, демократы или либералы, видят его негативно. Даже сегодня исследования Ко-

рана зачастую предпринимаются на фоне весьма причудливых идеологических констелляций, разобраться в хитросплетениях которых порой крайне тяжело.

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР
РАЗНОГОЛОСИЦА
ВОСПРИЯТИЙ...

Ни Коран, ни восточная литература никоим образом не причастны к западным и европейским дебатам о Просвещении и современности. И тем не менее в Европе из них извлекали идеи, направленные против модерна и Просвещения – подобно тому, как в наши дни Коран зачастую преподносится в качестве антимодерного или антизападного манифеста.

10

Но теперь давайте перейдем к нашему завершающему примеру и обратимся к последнему экспонату нашего музея нестандартных подходов к Корану. Он будет довольно самобытным, более позитивным в своей базовой тональности, но в то же время вполне типичным и характерным. Этот пример представлен Леопольдом Вайсом – он же Мухаммад Асад, – который перешел в ислам в Берлине в 1920-е, а потом сделал поразительную карьеру в качестве исламского писателя и мусульманского мыслителя-реформиста.

Леопольд Вайс родился в 1900 году в галицийском, а ныне украинском, городе Львове. Он был выходцем из благополучной еврейской семьи; оба его деда были раввинами, а отец, ассимилировавшись, сделался адвокатом. Во время Первой мировой войны семья переехала в Вену, где Вайс окончил школу. Вместо того, чтобы продолжать обучение, он решил, что станет писателем, отправился в Берлин и проводил время в кофейнях, заводя знакомства в журналистской и артистической богемной среде. А потом случилось нечто неожиданное. Его дядя, работавший в Палестине психиатром, позвал юношу в гости – и тот принял приглашение.

Пребывание в Палестине было отмечено тремя важными вещами. Во-первых, благодаря посредничеству голландского журналиста, Вайс начал писать для «Frankfurter Zeitung». Во-вторых, он проникся отвращением к сионизму, который был воспринят им в качестве разновидности национализма и колониализма. В-третьих, он попал под обаяние арабо-ориентального ритма жизни. И хотя сборник его статей, написанных на

Ближнем Востоке, позже оформился в книгу под названием «Восток без романтики», предлагаемый им образ Ближнего Востока никак нельзя назвать лишенным романтизма – напротив, он скорее несет на себе печать энтузиазма и идеализирования. Восток рисуется автором как антитеза материалистическому, с его точки зрения, Западу. Эта интерпретация представлена столь убедительно и с таким литературным изяществом, что мы и сегодня склонны ей верить. (Сказанное применимо также и к беллетризованной автобиографии Вайса «Путь в Мекку», опубликованной в 1954 году, согласно которой, от «Запада» осталось не так уж и много.)

После нескольких более продолжительных визитов на Ближний Восток в качестве корреспондента «Frankfurter Zeitung» Леопольд Вайс, обратившись в 1927 году в ислам, присоединился к мусульманскому сообществу Берлина под именем Мухаммад Асада. Затем он отправился в паломничество в Мекку, после которого в Германию больше не возвращался.

Илл. 6. Мухаммад Асад
(Леопольд Вайс) (1900–
1992).

В отличие от других наших персонажей, Вайс отнюдь не эксплуатирует ислам, желая укрепить его позиции в идейной борьбе на Западе; вместо этого, он делает из своей симпатии к исламскому миру практические выводы – и покидает Европу. Причина, по которой он не просто флиртует с исламом, но, в отличие от иных немецких мыслителей, упоминавшихся выше, всецело принимает его, может быть связана с его еврейским происхождением, а также с опытом эксклюзии, знакомым евреям немецкоговорящего мира. Как бы то ни было, его раннее обращение в ислам и последующая эмиграция спасли его от Холокоста, в котором сгинули многие его родственники.

Вместо того, чтобы взять мусульманские «ингредиенты», включая Коран и прочее, и приготовить из них «европейскую похлебку», Мухаммад Асад делает нечто противоположное: он готовит «исламский суп» из европейских составляющих. Спасаясь от гонений, спровоцированных восторжествовавшими в Европе тоталитарными идеологиями, Асад видит в мусульманстве единственно подходящий ответ на их идеологический натиск. Вместе с тем предлагаемая им реакция вбирает в себя многие аспекты и практики, присущие европейским идеологическим течениям, включая и тоталитарные: она инкорпорирует их в ислам, переосмысляемый заново. С 1920-х чем-то подобным занимались и другие мыслители исламского мира: среди них были, например, принадлежавшие к поколению Асада Абу-ль-Аля Маудуди, Хасан аль-Банна, Сейид Кутб⁹.

Впервые Асад изложил свою концепцию ислама в брошюре «Ислам на распутье», опубликованной по-английски в Дели в 1934 году и во многих отношениях пропитанной ваххабитским духом. Этому не стоит удивляться, поскольку прежде он долго жил в Саудовской Аравии и даже дружил с королем Абдулазизом бин Саудом. В работе ислам концептуализируется как идеологически целостное, холистическое мировоззрение, которое противопоставляется «чуждому», согласно авторской интерпретации, образу жизни, присущему современному Западу.

Обходя стороной вопрос о том, понимают ли сами мусульмане, что с ними происходит, Асад привлекает ислам к разрешению изначально европейской проблемы обретения спасения – бегства от сложностей современного мира и причиняемых им травм. Фактически, он по-своему воспроизводит уже цити-

9 Абу-ль-Аля Маудуди (1903–1979) – пакистанский богослов и политический деятель, основатель и идеолог исламистской партии «Джамаат-и-Ислами» (организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации на основании решения Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года № ГКПИ 03-116, вступило в силу 4 марта 2003 года), в 1940-е настаивавшей на конфессиональном разделе Британской Индии. Хасан аль-Банна (1906–1949) – египетский богослов и политический деятель, основатель международной организации «Братья-мусульмане». Сейид Кутб (1906–1966) – египетский богослов, писатель и философ, теоретик организации «Братья-мусульмане». Все упомянутые персонажи считаются основоположниками современного исламизма как политического течения.

ровавшийся призыв Гёте: «На Восток отправься дальный / Воздух пить патриархальный».

Разумеется, замысел Асада заключался не в том, чтобы спасти Европу или Запад – он задолго до этого списал со счетов и то и другое; он хотел, уподобляясь другим мусульманским наставникам, спасти исламский мир, единение с которым чувствовал, от грозящего ему импорта европейских проблем. Насколько нам известно сегодня, это обоснованное и величественное начинание не принесло плодов. Арабский и исламский мир с задержкой в несколько десятилетий столкнулся с теми же травмами и трудностями, с которыми до него столкнулась Европа.

11

В интересующем нас контексте Мухаммад Асад выступает знаковой фигурой, поскольку он подготовил собственный перевод Корана, снабженный детальным комментарием. Этот труд приобрел поразительную популярность и был в свою очередь переложен на несколько языков, включая немецкий.

Как мне представляется, в значительной мере перевод Асада привлек такое широкое внимание из-за сопровождающего его комментария. Это любопытный пример, бесспорно, мусульманского комментирования, который, однако, не воспроизводит ни традиционную, ни исламистскую модель. Следовательно, он особенно интересен для новообращенных, а также для тех мусульман, которые отделились от своей религии и хотели бы взглянуть на нее под свежим углом зрения.

Получилось так, что выполненный Асадом перевод Корана получил признание даже в Турции. Когда я спросил Мехмета Хакки Сучина – турецкого переводчика арабской литературы, – какой турецкий перевод Священной Книги он считает наилучшим, он рекомендовал именно этот «перевод перевода». К сказанному Сучин добавил, что буквально все иные турецкие переводы Корана – а их великое множество – кажутся недоброкачественными, особенно людям, тонко чувствующим турецкий язык. Не стану скрывать, что лично мне подобные оценки недоступны, но не доверять суждению турецкого коллеги, обладающего блестящей репутацией, нет никаких оснований.

Случай Мухаммада Асада примечателен не только из-за этой турецкой «изюминки». Изучая его, мы оказываемся на безумных американских горках перекодирования и реконтекстуализации. Взмывая на них вверх и скользя вниз, нам удастся почувствовать сразу несколько аспектов современной европейской, а также мусульманской (интеллектуальной) истории. Только представьте: еврей из австро-венгерского Лемберга переходит

ШТЕФАН ВЕЙДНЕР

РАЗНОГОЛОСИЦА
ВОСПРИЯТИЙ...

*Илл. 7. Мухаммад Асад,
представитель Пакиста-
на в ООН, первая полови-
на 1950-х.*

в Берлине в ислам из-за того, что его отвращает Европа и восхищает арабский образ жизни, а затем перебирается в Аравию и Британскую Индию, где – об этом еще не было упомянуто – его сподвижником оказывается религиозный реформатор и исламский мыслитель Мухаммад Икбал¹⁰. Обращение в ислам спасает его от Холокоста; со временем из ваххабитского мыслителя он превращает себя в умеренного реформатора-прогрессиста, выполнив перевод Корана на английский и откомментировав его. Тот же самый аннотированный Коран позже переводится на иные языки и, если верить моему турецкому источнику, в начале XXI века по-прежнему остается лучшим текстом Корана в турецком изложении. Разве вся эта история не поражает воображение?

12

Давайте подведем итоги всему сказанному. Несомненным фактом следует признать то, что колониализм и порожденная им интеллектуальная глобализация дали жизнь множеству оригинальных контекстов, позволяющих заново интерпретировать Коран. Однако, как можно было убедиться, анализируя случай с персидским переводом Упанишад, который заказал Дара Шукох, подобные констелляции уже складывались в раннемодер-

10 Мухаммад Икбал (1877–1938) – индийский и мусульманский философ, писатель, общественный деятель, теоретик всемирного мусульманского единства.

ные и доколониальные времена – причем в ситуациях, когда объектами деконтекстуализации выступали не Коран и ислам, а другие древние религиозные тексты. Более того, иногда инициаторами таких процессов выступали мусульмане, как это было в рамках религиозно-идеологической и политической борьбы в империи Великих Моголов в XVII веке.

Из всего этого видно, что искажающие способы прочтения важных текстов – отнюдь не европейская и не современная проблема. Такие ситуации возникают регулярно; это происходит в тех случаях, когда иноязычные или иные не слишком известные прежде тексты изымаются из своего естественного контекста благодаря переводам или развитию средств массовой информации, прочитываются вне породивших их условий, а потом встраиваются в новый контекст или вовлекаются в идейно-политические дебаты соответствующей эпохи. Разница между ситуациями, складывавшимися в империи Великих Моголов в XVII–XVIII веках и в Европе в XIX–XX веках, остается не качественной, а количественной. Она обусловлена сугубо типами распространения информации: в одном случае рукописи штучно переписывались от руки, в другом случае они массово изготавливались на печатном станке.

Огульное осуждение или высмеивание такого рода деконтекстуализаций не имеет смысла. Но выявление их и анализ порождаемой ими динамики кажутся весьма полезными. Если нам хочется знакомить широкую публику с результатами коранических исследований, довольно полезно разбираться в контекстах, в которых мы представляем свои исследования. Поэтому неплохо было бы рассматривать возможные деконтекстуализации, выработать свою позицию по отношению к ним и соответствующим образом готовиться – даже если пути запущенных ими процессов остаются непредсказуемыми.

Перевод с английского Андрея Захарова, доцента факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ

К истории «науки меньшинств»

Ян
СУРМАН

Статьи Славы Геровича и Гёктуга Ипека публикуются в «Неприкосновенном запасе» по следам конференции «Наука меньшинств» в коротком XX веке», состоявшейся весной 2023 года в Праге¹. Ее участники обсуждали альтернативный подход к изучению академической среды – с фокусом не на центральные ее фигуры, а на академические меньшинства и аутсайдеров. Шаги в этом направлении начали предпринимать еще в 1970-х, но в целом идея приживалась очень медленно; а состояла она в том, чтобы писать историю науки не как историю профессоров – преимущественно белых мужчин, – а как историю, включающую в себя целый хор голосов, объединяемых посредством универалистской риторики (и гораздо реже – универалистской практики) научного сообщества. Мы поставили себе цель говорить не об очередной «добавляющей истории»², наслаивая характеристику новой

- 1 «“Minority science” in the Short 20th Century: Imagining Science from the Margins of Academia» («Наука меньшинств» в коротком XX веке: представление о науке на задворках академических кругов), 30 марта – 1 апреля 2023 года. Организаторы: Ян Сурман, Галина Бабака, Институт имени Масарика, Архив Академии наук Чешской Республики (Прага). Конференция проводилась при поддержке стипендии «Lupina Quaeruntur» Академии наук Чешской Республики (LQ300772201), выданной под разработку темы «Образы науки» в Чехословакии: 1918–1945–1968 гг.».
- 2 Подробнее об этой концепции см. в: HÜSCHKER D. ET AL. *Stereotypes, Imageries and Hegemonies: Race, Gender and History of Science in East Central Europe* // SURMAN J. (Ed.). *Science Interconnected: German-Polish Scholarly Entanglements in Modern History*. Marburg: Verlag Herder-Institut, 2022. P. 327–339; DERRA A.,

НА КРАЯХ
МЕЙНСТРИМА:
СОЦИО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
КУЛЬТУРНОГО
И НАУЧНОГО
ВОСПРОИЗВОДСТВА

Ян Сурман (р. 1983) – польский историк науки, сотрудник Института имени Масарика и Архива Академии наук Чешской Республики (Прага). Автор монографии «Universities in Imperial Austria 1848–1918: A Social History of a Multilingual Space» (2019).

группы на неизменное «ядро» общепринятого нарратива о научных кругах, а пойти дальше и бросить этому нарративу вызов, описывая академическое сообщество гораздо более изменчивым и неоднородным, чем мы привыкли о нем думать. Тем не менее такой подход не должен игнорировать иерархические отношения внутри научного сообщества, которые сформировали в том числе его публичный образ и нарративы о нем; наша задача – эти отношения критически анализировать.

Концепция меньшинства является для этого идеальным инструментом – не потому, что она имеет четкое определение, а как раз потому, что не имеет. Таким образом мы хотели спровоцировать размышления о том, кого именно в конкретный момент времени и в конкретном месте можно назвать «меньшинством», а кто, напротив, будет считаться «большинством» и, что немаловажно, каковы могут быть критерии проведения такого различия. Очевидно, что правовые аспекты и социальное восприятие не могут выступать в этом вопросе единственными параметрами и необходимо также принимать во внимание представления самих ученых о своем месте. Последнее, конечно, целесообразно лишь до определенной степени: так, сейчас некоторые ученые высказывают мысль о том, что «культура отмены» приведет к вытравливанию всех белых мужчин из академического сообщества; и, хотя было бы интересно проанализировать подобные идеи и нарративы³, их будет уместнее отнести к теориям заговора, нежели к научной сфере. Тем не менее наш подход выявил в понятии «меньшинство» множество смысловых граней: применительно к национально-этническим и культурным группам, гендеру и сексуальной ориентации, а также академическим дисциплинам. Нередко включение в одну такую группу могло совпадать с исключением из другой. Не так давно резонанс в академических кругах вызвала лекция гарвардского историка науки и медицины Эвелин Хэммондс, которая на заседании Общества истории науки в Атланте в 2016 году говорила о том, что для цветных женщин путь в научную сферу долгое время был закрыт не только из-за расовой сегрегации и доминирования мужчин, но также и потому, что инициативы по позитивной дискриминации были нацелены либо на цветных мужчин, либо на белых женщин⁴.

KOLA A. M., PIASEK W. (Eds.). *Niewidzia(l)Ne: Kobiety i Historia Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2020.

3 Недавний журналистский анализ на эту тему см. в: MYSTAL E. *How Cancel Culture Became Conservative Academia's Favorite Grift* // *Balls and Strikes*. 2022. June 8 (<https://ballsandstrikes.org/legal-culture/georgetown-ilya-shapiro-cancel-culture-favorite-grift/>).

4 Лекция не была напечатана полностью, однако многое из того, что обсуждала Хэммондс, можно найти в: HAMMONDS E. M., TAYLOR V., HUTTON R. (Eds.). *Transforming Trajectories for Women of Color in Tech. Consensus Study Report of the National Academies of Sciences, Engineering, Medicine*. Washington, D.C.: The National Academies Press, 2022.

Хотя в разное время не допускались в науку и подвергались ущемлению разные социальные группы, не следует упускать из виду двух вещей. Во-первых, некогда притесняемые впоследствии могут сами прийти к власти и так же начать проводить дискриминацию – порой, действительно, так и происходит. Можно вспомнить, например, как польские ученые в (некогда австро-венгерской) Галиции, угнетаемые в рамках империи немецко-язычными учеными, после обретения Польшей независимости сами заняли руководящие посты и стали притеснять русинов/украинцев⁵. С дисциплинами тенденция в целом аналогичная: бывшие аутсайдеры, укрепляя границы новых дисциплин, порождают тем самым новых аутсайдеров, которым приходится отстаивать свои позиции – и, как только (и, разумеется, если) они это делают и занимают влиятельные позиции, история повторяется⁶. Ученые, которым в студенческие годы пришлось страдать от несправедливого обращения со стороны старших коллег, не упускают возможности, достигнув соответствующего положения, злоупотребить им в отношении младших коллег⁷.

Во-вторых – и на нашей конференции мы хотели подчеркнуть это обстоятельство, – «меньшинство» и «большинство» не находятся в совершенно изолированных друг от друга плоскостях, а зачастую делят одно и то же эпистемическое пространство. Поиск подобных пространств пересечения в сообществах, где присутствуют конфликт и напряженность, фактически является центральной темой проекта⁸, из которого изначально возникла конференция. Подобные пространства и сопряжения, конечно, также являются вопросом перспективы и масштаба: для историков науки с глобального Юга российская или советская наука будет считаться частью «западной» эпистемы, в то время как в самих постсоветских странах взгляд на это может быть совершенно иной. Вопрос, конечно же, заключается в том, как научное сообщество и университеты в целом воспринимаются со стороны.

Перевод с английского Марии Ермаковой

- 5 См. главы 5 (о периоде Габсбургской монархии) и 7 (о периоде после ее конца) в: SURMAN J. *Universities in Imperial Austria, 1848–1918: A Social History of a Multilingual Space*. West Lafayette: Purdue University Press, 2019 (<https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/24991>).
- 6 См., например: STICHWEN R. *Disziplinarität, Interdisziplinarität, Transdisziplinarität – Strukturwandel Des Wissenschaftssysteme (1750–2020)* // SCHMОНL T., PHILIPP T. (Eds.). *Handbuch Transdisziplinäre Didaktik*. Bielefeld: transcript Verlag, 2021. S. 433–448 (<https://doi.org/10.1515/9783839455654-039>).
- 7 См., например: VATANSEVER A., KÖLEMEN A. (Eds.). *Academic Freedom and Precarity in the Global North: Free as a Bird*. Abingdon: Routledge, 2023; PRITCHARD E., EDWARDS D. (Eds.). *Sexual Misconduct in Academia: Informing an Ethics of Care in the University*. Abingdon: Routledge, 2023.
- 8 «Образы науки» в Чехословакии: 1918–1945–1968 гг.», реализуемого при поддержке стипендии «Lumina Quaeruntur» (LQ300772201) Академии наук Чешской Республики (<https://imagesofscience.wordpress.com/>).

Турецкие университеты между демократизацией и гонениями на левых (1945–1950)¹

Гёктуг Ипек – турецкий историк, независимый исследователь.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на все усилия союзников по антигитлеровской коалиции, Турция не вступила во Вторую мировую войну – тем не менее она остро ощутила ее экономические и социальные последствия. Однопартийное правительство страны не могло решить эти проблемы. Фактически, оно использовало войну для продолжения политики тюркизации национальной буржуазии и экономики, которая внедрялась еще с 1910-х. Кроме того, Турция определяла свою внешнюю политику в зависимости от перипетий хода военных действий. С одной стороны, она поддерживала торговые отношения с Германией (к примеру – продавала ей хром и другие металлы), а с другой, периодически посылала антигитлеровской коалиции сигналы солидарности и поддержки.

Во внутренней политике власти пытались поддерживать баланс между правыми и левыми. Когда казалось, что войну выиграют немцы, власти опирались на туранистов-тюркистов². Фактически, многие депутаты и министры, включая премьер-министра Рефика Сайдама, были настроены прогермански. Ситуация начала меняться после Сталинградской битвы. Важной вехой в этом повороте стало судебное дело 1944 года; среди обвиняемых был известный националист, крайне правый литератор и публицист Нихаль Атсыз³. Поводом для юридического преследования Атсыза стал его конфликт с другим писа-

- ¹ Данная статья является расширенным вариантом доклада, который был прочитан в Праге на конференции «“Minority Science” in the Short 20th Century: Imagining Science from the Margins of Academia» («Наука меньшинств» в коротком XX веке: представление о науке на задворках академических кругов»), 30 марта – 1 апреля 2023 года; конференция организована Институтом имени Масарика и Архивом Академии наук Чешской Республики (Прага).
- ² Туранизм (часто используется термин «пантуранизм», или «пантюркизм», причем последний не совпадает с туранизмом по содержанию) – националистическое движение, основанное на псевдонаучных утверждениях об изначальной этнической и лингвистической связи многих народов Евразии, от турков и угрофиннов до монголов. Здесь и далее – примечания переводчика.
- ³ В русскоязычной литературе известен как «Процесс расистов-туранистов».

телем – Сабахаттином Али, – некогда его близким другом, но после ставшим одним из лидеров турецких левых⁴. Суд в итоге признал Атсыза виновным⁵, а вскоре и многие его сподвижники оказались в печально известном в те годы следственном изоляторе Стамбула, – позже их судили и приговорили к тюремному заключению. Однако через несколько лет, когда обстоятельства изменились, правых радикалов оправдали⁶.

После окончания Второй мировой войны у Турции был выбор: либо встать на путь демократии и показать, что она следует за такими странами-победительницами, как Великобритания и США, либо продолжать придерживаться авторитарного правления, характерного для предыдущих 23 лет. Турция предпочла первый вариант; на Сан-Францисской конференции в 1945 году она заявила о своем намерении установить демократический режим – еще до того, как об этом было объявлено внутри страны. Враждебное отношение сталинского СССР к Турции способствовало ее сближению с Соединенными Штатами.

В Турции усиливались антилевые настроения, а в конце 1945 года произошло важное для послевоенной истории страны событие. В Стамбуле 4 декабря манифестация праворадикальных студентов закончилась нападением на редакцию местной леволиберальной газеты «Tan»⁷. Полиция, которая присутствовала на месте событий, вмешаться не стала⁸. Следует заметить, что власти часто были причастны к подобным инцидентам, а иногда даже участвовали в их планировании.

Демонстранты разбили окна, сломали типографское оборудование. Когда им не удалось найти владельца «Tan», они разгромили несколько книжных лавок и редакций журналов, которые располагались в том же здании⁹. По мнению левой прессы, нападение было организовано полицией по приказу премьер-министра (и даже с ведома президента Исмета Инёню), поскольку хулиганов не задерживали и не привлекали к ответственности. Напротив, в тюрьму посадили владельцев и сотрудников подвергшихся нападениям изданий¹⁰.

4 Нихаль Атсыз (1905–1975) – турецкий литератор, политический и общественный деятель, идеолог турецкого национализма и пантюркизма. Сабахаттин Али (1907–1948) – турецкий писатель, поэт, журналист. В своих текстах и общественной деятельности пытался противостоять националистам. Подвергся преследованиям, неоднократно оказывался в тюрьме. Убит при попытке пересечь границу с Болгарией.

5 İPEK G. *Basında Sabahattin Ali-Nihal Atsız Davası* // Academic Sight. 2016. № 55. S. 272–287.

6 BAKILER Y.B. *1944–1945 İrkçılık – Turancılık Davasında Sorgulamalar Savunmalar*. İstanbul: Türk Edebiyatı Vakfı, 2010; BALI R.N. *Tabutluklar, Sansaryan Han ve İki Emniyet Müdürü*. İstanbul: Libra, 2011.

7 *Nümayiş esnasında 2 gazete idaresi ve 2 kitabevi tahrip edildi* // Akşam. 1945. 5 Aralık; *Üniversite gençliğinin tezahüratı* // Tanin. 1945. 5 Aralık.

8 SERTEL Z. *Hatırladıklarım*. İstanbul: Gözlem, 1977. S. 258.

9 VURAL M.K. II. *Dünya Savaşı Türkiyesi'nde Bir Muhalefet Örneği Olarak "Tan" Gazetesi* // Journal of Modern Turkish History Studies. 2008. Vol. 8. № 16. P. 392–393.

10 SERTEL Z. *Op. cit.* S. 259–260.

Это была первая серьезная атака на турецких демократов и левых после Второй мировой войны. Следующим ударом со стороны властей стал роспуск уже через полгода профсоюзов и левых партий, разрешенных в 1946-м в рамках демократизации, – и арест многих их членов¹¹.

Между тем и партийный ландшафт Турции не был в это время стабильным. Правящая партия раскололась, часть ее активистов при поддержке Исмета Инёню сформировала новую партию, названную Демократической. Примерно в это же время основатели этой партии, несколько бывших министров-либералов и некоторые левые, объединились и даже начали издавать журнал. Все это послужило для властей поводом для репрессий; в качестве обоснования выдвигались обвинения о связях демократов с коммунистами и СССР. Сам коммунизм был объявлен врагом номер один¹².

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ОХОТА НА ВЕДЬМ

В числе тех, кто писал или обещал писать для нового либерального издания (вышел всего один номер), были четыре преподавателя с факультета языка, истории и географии Анкарского университета¹³. Будучи первым учебным заведением, основанным с момента образования республики, Анкарский университет располагался в столице и находился в эпицентре власти. Во второй половине 1940-х в университете стали складываться различные идеологические группы и начали возникать конфликты как среди студентов, так и среди преподавателей¹⁴. После налета на редакцию газеты «Тал» некоторых преподавателей с этого факультета вызвали в Министерство образования для дачи показаний. Позже было решено создать комиссию по расследованию их деятельности и взглядов, и эти сотрудники университета были временно отстранены от работы. Спустя четыре месяца после того, как они подали апелляцию, Государственный совет принял решение восстановить их в должности¹⁵. Однако в начале 1947 года одна из этих преподавателей сама подала в отставку, осознав отсутствие перспектив в борьбе за свою должность.

Вскоре министр внутренних дел страны Реджеп Пекер выступил с речью в парламенте; он говорил о коммунистической

11 Коçак С. *Rejim Krizi*. İstanbul: İletişim, 2013. S. 247–248.

12 Ibid. S. 305.

13 Мумсү У. *40'ların Cadı Kazanı*. İstanbul: Tekin, 1993. S. 99.

14 Ак Г. *Türk Düşünce Hayatında Mediha Esensel (Berkes) ve 1948 DTCTF Tasfiyeleri İlişkisi Üzerine Bir İnceleme* // Journal of Modern Turkish History Studies. 2015. Vol. XV. № 30. P. 261.

15 Ibid. P. 273–274.

угрозе в Турции – совершенно безосновательно. Его выступление положило начало череде событий, приведших к окончательному увольнению остальных трех преподавателей. Вскоре после этого выступления несколько правых студентов факультета составили петицию и отправили ее премьер-министру Хансану Сака, в Министерство внутренних дел и Министерство образования. Она также была опубликована в проправительственном журнале. Петиция требовала увольнения все тех же трех преподавателей, якобы издававших в 1940-е коммунистические журналы. Через несколько дней после этого несколько студентов левых взглядов опубликовали ответную петицию в поддержку этих преподавателей¹⁶.

ГЁКТУГ ИПЕК

ТУРЕЦКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ
МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЗАЦИЕЙ
И ГОНЕНИЯМИ НА ЛЕВЫХ
(1945–1950)

Илл. 1. Карикатура на тему событий в университете. «Парламент потребовал чисток в Анкарском университете. Президент: Сынок, иди сюда, я вычищу паразитов из твоей головы!»
Источник: *Mizah*. Vol. 2. № 46. 1947. 23 Mayıs. S. 1.

16 Ibid. P. 277.

Инциденты происходили один за другим. 5 марта 1947 года один из этих преподавателей собирался начать читать на факультете серию открытых лекций. Однако было понятно, что правые националисты как внутри, так и за пределами университета этого не допустят. В результате ректор отменил лекции. На следующий день в университете собрались около тысячи человек. Они добивались уже даже не отмены лекций, а отчисления студентов левых взглядов и увольнения сочувствовавших им преподавателей. Затем праворадикальные демонстранты прошли маршем по улицам Анкары, исполняя государственный гимн, и попытались дойти до типографии, где печаталось одно из левых изданий, но сотрудники правоохранительных органов не дали этого сделать¹⁷.

Ученый совет университета собрался в тот же день и решил создать комиссию по расследованию произошедшего. На заседании на следующий день было решено начать проверку некоторых преподавателей на предмет их причастности к так называемым «иностранным идеологиям» и к тому, что произошло в университете после выступления министра внутренних дел в парламенте. На заседании четыре дня спустя совет объявил имена тех, кого именно собирались проверять на предмет «отравления умов турецкой молодежи путем распространения в университете иностранных идеологий». Этими преподавателями были Пертев Наили Боратав с кафедры фольклора, а также Ниязи Беркес и Бехидже Боран с кафедры социологии¹⁸.

Когда по итогам проверки их признали невиновными, Министерство образования поинтересовалось у ректора, не следует ли начать в их отношении дисциплинарное расследование. Ученый совет такое расследование инициировал. У следственной комиссии были два варианта действий: применить к трем преподавателям дисциплинарное взыскание либо запретить им пока вести занятия и исключить из преподавательского состава. Первое предложение было принято шестью голосами против пяти¹⁹.

26 декабря 1947 года совет собрался снова. На этот раз было решено отстранить Боратава, Беркеса и Боран от преподавания (и любых контактов со студентами) до окончания дисциплинарного расследования. Тем временем ректору университета сообщили, что на следующий день намечена несанкционированная студенческая демонстрация, организованная местной ячейкой правящей Республиканской народной партии. 27 декабря, когда правые демонстранты направились к факультету, полиция внезапно получила от губернатора приказ не вмешиваться. Толпа

17 ÇETİK M. *Üniversitede Cadı Avı*. İstanbul: Dipnot, 2008. S. 37.

18 Ibid. S. 38–39.

19 Ibid. S. 40.

атаковала ректорат и заставила ректора подписать заявление об увольнении. Полиция вмешалась лишь тогда, когда протестующие стали угрожать линчевать ректора²⁰.

Ученый совет собрался через двенадцать дней после этих событий и решил окончательно уволить всех трех преподавателей. Однако те не собирались сдаваться и обратились в межуниверситетский совет. В феврале 1948 года совет постановил, что никаких дисциплинарных мер не требуется²¹. После этого, не сумев избавиться от Боратава, Беркеса и Боран с помощью внутреннего расследования, власти решили действовать через общегосударственное законодательство²².

ГЁКТУГ ИПЕК

ТУРЕЦКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ
МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЗАЦИЕЙ
И ГОНЕНИЯМИ НА ЛЕВЫХ
(1945–1950)

Илл. 2. Демонстранты несут транспарант «Нам не нужен лектор-коммунист». Источник: *Ulus*. 1947. 28 Aralık. S. 1.

Вопрос о чистке поднялся во время обсуждения в турецком парламенте в 1948 году изменений в законодательстве об университетских сотрудниках. Здесь важно привести несколько примеров из этих дебатов, чтобы проиллюстрировать менталитет властей и их точку зрения по данному вопросу. Так, министр образования Шемсеттин Сирер заявил, что мнения участников дискуссии разделились потому, что сотрудники Анкарского университета наблюдали все события в непосредственной близости от себя, а сотрудники Стамбульского университета – на расстоянии. Говоря о Боратаве, Беркесе и Боран, из-за которых возник конфликт, он использовал медицинскую метафору, назвав их «чумой» и «заразой»²³. Один депутат в заявлении для газеты раскритиковал Стамбульский университет за распрост-

20 Ibid. S. 42; *Komünizmle mücadele* // *Akşam*. 1948. 28 Aralık; *Gençler dün komünistlik aleyhine bir toplantı yaptı* // *Ulus*. 1948. 28 Aralık.

21 ÇETİK M. *Op. cit.* S. 45–46.

22 Ibid. S. 48.

23 KARAASLAN ŞANLI H. *Basında ve Mecliste 1948 Tasfiyesine İlişkin Tartışmaların Söylemi* // *Culture and Communication*. 2011. Vol. 14. № 1. S. 114–115.

раненное среди его сотрудников мнение, что можно преподавать в высшем учебном заведении, будучи человеком левых убеждений. В каком-то смысле ущерб турецкому высшему образованию и науке был следствием и действий самих турецких ученых. Университетская автономия не могла оказаться превыше родины, народа и национального единства²⁴.

На вопросе университетской автономии в парламентских дискуссиях был сделан особый акцент. За два года до этого события те же самые правительство и парламент законодательно предоставили университетам автономию. Однако теперь утверждалось, что поднятый вопрос о кадровой чистке не имеет к этой автономии никакого отношения. Один депутат заявил, что даже в условиях университетской автономии ученые, работающие в высших учебных заведениях, которые были созданы и финансируются государством после создания Турецкой республики, не должны забывать о верности своей стране и народу. Другой депутат обратился с трибуны к своим коллегам в парламенте с такими словами: «Университеты – собственность нации и, следовательно, ваша собственность. Университеты всегда будут подотчетны парламенту, который призывает их к ответственности от имени нации»²⁵.

Разумеется, у депутатов тоже были свои представления о том, какими должны быть университеты и ученые. Один из них полагал, что университет засияет «турецким светом, погасшим после осады Вены»²⁶. Как он выразился, алчный взгляд коммунистов обращен на Турцию, которой необходимо национальное единение. Перед лицом этой ситуации долгом университета является напомнить молодым людям, что страну, за которую наши предки проливали кровь, мы будем защищать – снова проливая кровь, если потребуется. Другой депутат считал, что патриотическое рвение ничуть не менее важно, чем научные исследования. Быть способным умереть за свою страну столь же важно, как заниматься наукой²⁷.

Депутаты высказывались среди прочего по поводу университетских лекционных курсов. Один депутат выразил недоумение, что в университете вместо лекций на серьезные темы читают, например, курс о фольклоре (Пертев Наили Боратав

24 Ibid. P. 128.

25 *Minutes of the Grand National Assembly of Turkey. Vol. 11. Period VIII. Session 2. 03.05.1948. P. 252; Minutes of the Grand National Assembly of Turkey. Vol. 12. Period VII. Session 1. 06.07.1948. P. 803.*

26 В 1683 году войска Османской империи два месяца осаждали Вену. Подошедшая на помощь австрийскому императору Леопольду I армия Речи Посполитой под командованием короля Яна III Собеского разбила турецкое войско и освободила город от осады. События 1683 года положили конец османским завоеваниям в Европе; с конца XVII века Австрия (и позже Россия) начала вести многочисленные наступательные войны против Османской империи, которая оказалась в системном кризисе, закончившемся ее распадом в результате Первой мировой войны.

27 *Minutes of the Grand National Assembly of Turkey. Vol. 12. Period VII. Session 2. 05.07.1948. P. 754.*

был именно фольклористом). По его словам, преподавание этого предмета является пустой тратой денег. Высказываясь о другом преподавателе, который читал курс социологии, тот же депутат заявил, что при выборе темы и подхода к ее подаче необходимо учитывать потребности, традиции и социальные тенденции турецкой нации²⁸.

Летом 1948 года власти нашли лазейку в законодательстве и уволили Пертева Наили Боратава, Ниязи Беркеса и Бехидже Боран. Более того, всем трем ученым предстояло предстать перед судом. Их обвиняли в антитюркистских взглядах; контактах с коммунистически-настроенными художниками и писателями; намеренном занижении оценок студентам правых взглядов; изучении на занятиях «Манифеста Коммунистической партии» Маркса; определении таких держав, как США и Великобритания, в качестве «империалистических» и даже в том, что они, якобы, утверждали превосходство первобытных обществ над более поздними из-за отсутствия в первых собственности, классовой структуры и эксплуатации.

Тогдашний министр иностранных дел Неджметтин Садак, ранее преподававший в Стамбульском университете, так прокомментировал эти обвинения: «Когда я преподавал социологию в 1918 году, я без проблем рассказывал о “Манифесте Коммунистической партии”. Никогда бы не подумал, что через тридцать лет такие лекции запретят»²⁹.

В результате этих парламентских дискуссий и частичного изменения законодательства в конце 1948 года в Турции стали усиливаться преследования людей левых и коммунистических убеждений. Газеты сообщали о студентах, рисовавших на доске серп и молот; о радиоремонтниках, шпионивших с помощью передатчиков в пользу СССР, и даже о коммунистических пропагандистах в турецких портах. Все это должно было посеять в обществе страх перед коммунизмом и советским влиянием³⁰.

Но вернемся к суду над Пертевом Наили Боратавом, Ниязи Беркесом и Бехидже Боран. Он начался в июне 1948 года, и это был весьма необычный процесс. Между обвинением, свидетельствами и подсудимыми вспыхивали научные дискуссии, словно все это происходило в университетской аудитории, а не в зале суда. Обсуждалось влияние лекций Боратава, Беркеса и Боран на мировоззрение студентов. Об уровне доводов националистов может дать представление такой приведенный обвинением пример: однажды после лекции в университете некая студентка шла по улице, увидела нищего и подумала, что, живи

ГЁКТУГ ИПЕК

ТУРЕЦКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ
МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЗАЦИЕЙ
И ГОНЕНИЯМИ НА ЛЕВЫХ
(1945–1950)

28 *Minutes of the Grand National Assembly of Turkey. Vol. 12. Period VII. Session 1. 06.07.1948. P. 786.*

29 KARAASLAN ŞANLI H. *Op. cit.* S. 112.

30 ÇETİK M. *Op. cit.* S. 54–55.

ГЁКТУГ ИПЕК

ТУРЕЦКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ
МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЗАЦИЕЙ
И ГОНЕНИЯМИ НА ЛЕВЫХ
(1945–1950)

Илл. 3. Трое преподавателей в суде. «Суд признал виновными Бехидже Боран, Ниязи Беркеса и оправдал Наили Боратава. Слева направо Пертев Наили Боратав, Ниязи Беркес и Бехидже Боран в суде». Источник: Cumhuriyet. 1950. 11 Şubat. S. 1.

они в таком обществе, как описывал ее преподаватель, нищих бы на улицах не было.

Суд длился почти два года. В результате Пертев Наили Боратав был оправдан. Бехидже Боран и Ниязи Беркеса приговорили к трем месяцам тюремного заключения и лишили права занимать государственные должности. Боран и Беркес подали апелляцию и в результате повторного судебного разбирательства были оправданы³¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические события первого послевоенного пятилетия в истории Турции определяются двумя главными факторами. Первый – попытка демократизации однопартийной системы, отчасти из-за давления западных союзников Турции – США и Великобритании. Второй – начало «холодной войны», противостояние с СССР и его вассалами, полицейская охота на носителей коммунистической идеологии (а во многих случаях и на людей социалистических – и даже либеральных – убеждений вообще). В результате турецкий режим был вынужден – хотя бы формально – отказаться от однопартийности, но реальной демократизации власти Турции явно не хотели. Эта непоследовательность, а также ряд других факторов привели к нестабильности политической ситуации, в которой либеральные жесты соседствовали с жестокими преследованиями инакомыслящих.

Правящий турецкий режим, определив свое место по «западную сторону» от «железного занавеса», принял участие в ставших повсеместными гонениях на социалистов и комму-

31 Ibid. S. 59–60.

нистов. Власти недвусмысленно дали понять, что и только что созданная оппозиционная партия, и любые другие либеральные оппоненты окажутся под угрозой, если будут сотрудничать с левыми. Для турецкого режима не было разницы между коммунистами и социалистами – все они олицетворяли «красную угрозу» и считались изменниками. Эта политика помешала созданию настоящего широкого оппозиционного фронта из либералов и левых на антinationалистической платформе. В конце концов, после упразднения профсоюзов, левых партий и объединений настала очередь политической чистки университетов.

Власти пытались контролировать высшие учебные заведения еще во времена Османской империи. Начиная с XIX века многие преподаватели подвергались различным формам давления и запугивания. Такая политика не изменилась и в Турецкой республике. Преследования и увольнение Пертева Наили Боратава, Ниязи Беркеса и Бехидже Боран в 1948 году – а потом и суд над ними – яркий тому пример. Те же самые правительство и парламент, которые двумя годами ранее приняли закон, предоставивший автономию университетам, нанесли по этой автономии серьезный удар.

И хотя в итоге всех троих преподавателей оправдали, Бехидже Боран в 1950 году опять уволили из-за ее публичных высказываний против отправки турецких войск для участия в корейской войне. Ходатайства Ниязи Беркеса и Пертева Наили Боратава о восстановлении в должности были отклонены на том основании, что причины их увольнения не имели отношения к их оправдательному приговору. Беркес переехал в Канаду в 1952 году, где был принят на работу в Университет Макгилла; Боратав отправился в США преподавать в Стэнфордском университете. Оба прожили за границей до самой смерти. Бехидже Боран ушла из науки и образования в политику: в 1960-е она избралась в парламент от Рабочей партии Турции, а позже возглавила ее. В 1970–1980-х она несколько раз оказывалась за решеткой. В 1980 году Боран пришлось эмигрировать. Впоследствии она была лишена гражданства Турции и умерла за границей.

Перевод с английского и комментарии Марии Ермаковой

ГЁКТУГ ИПЕК

ТУРЕЦКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ
МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЗАЦИЕЙ
И ГОНЕНИЯМИ НА ЛЕВЫХ
(1945–1950)

Кухня и дача: продуктивные пространства советской математики¹

Слава Герович (р. 1963) – преподаватель Массачусетского технологического института, историк советской науки и техники, автор книг «From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics» (2002), «Voices of the Soviet Space Program: Cosmonauts, Soldiers, and Engineers Who Took the USSR into Space» (2014).

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

Выходя за пределы «лабораторной жизни» в официальных научных институтах, историки советской науки начали вовлекать в круг своих исследований более разнообразные формы бытования науки, включая повседневность, научный быт и частную жизнь ученых². Фокус внимания переносится на такие виды научной деятельности, как неформальные собрания, кружки, подпольные и домашние семинары, перипатетические дискуссии во время прогулок на природе. В таких ситуациях научные связи тесно сплетаются с дружескими и семейными отношениями, научным патронажем, социальной интеграцией учеников и соавторов. Обширные социальные сети соединяют специалистов из разных научных дисциплин, а их общение выходит за пределы чисто академических вопросов и касается широкого круга политических, социальных и культурных проблем.

Подобные параллельные формы научной жизни существовали всегда; два знаменитых примера: зарождение группы Бурбаки в парижском кафе в середине 1930-х и создание «Шотландской книги» задач группой математиков во львовском «Шотландском кафе» в 1930–1940-е³. В определенные исторические моменты эти формы приобретают настолько существ-

- 1 Авторский перевод статьи: GEROVITCH S. *The Kitchen and the Dacha: Productive Spaces of Soviet Mathematics* // *Studia Historiae Scientiarum*. 2024. Vol. 23 (DOI: 10.4467/2543702XSHS.24.004.19577). Статья написана на основе доклада, прочитанного в Праге на конференции «“Minority science” in the Short 20th Century: Imagining Science from the Margins of Academia» («“Наука меньшинств” в коротком XX веке: представление о науке на задворках академических кругов»), 30 марта – 1 апреля 2023 года; конференция организована Институтом имени Масарика и Архивом Академии наук Чешской Республики (Прага). Ранние версии этого исследования были представлены на нескольких форумах: Коллоквиуме по истории российской и советской науки (CHORUS) (май 2021 года, онлайн), 26-м Международном конгрессе по истории науки и техники (июль 2021 года, онлайн), конференции «История науки и техники. Музейное дело» (декабрь 2021 года, онлайн). Автор глубоко признателен участникам этих конференций и анонимным рецензентам за чрезвычайно полезные комментарии и предложения.
- 2 АЛЕКСАНДРОВ Д. *Историческая антропология науки в России* // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22; ROGACHEVA M. *The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- 3 BEAULIEU L. *A Parisian Café and Ten Proto-Bourbaki Meetings (1934–1935)* // *The Mathematical Intelligencer*. 1993. Vol. 15. № 1. P. 27–35; MAULDIN R.D. *The Scottish Book: Mathematics from the Scottish Café*. Boston: Birkhäuser, 1981.

венное значение, что начинают конкурировать с официальными институтами научного сообщества, подобно «Летучему университету» в Варшаве в конце XIX века, где преподавали запрещенные предметы и куда принимали тех, кто не имел доступа в обычные учебные заведения (например женщин)⁴.

В данной статье утверждается, что именно такая ситуация сложилась в советской математике, где возникшие неформальные сообщества, организационные структуры, формы образования, способы коммуникации и исследовательские программы во многом определили специфический характер позднесоветской математики и связанных с ней дисциплин.

Эта тенденция впервые возникла вскоре после смерти Сталина, когда научное сообщество начало самоорганизовываться, создавать междисциплинарные альянсы и пытаться реформировать сталинскую систему организации науки, реабилитируя ранее запрещенные научные теории, например, генетику и кибернетику, создавая сеть специализированных физматшкол и расширяя международные связи⁵.

Неформальные сообщества, организационные структуры, формы образования, способы коммуникации и исследовательские программы во многом определили специфический характер позднесоветской математики и связанных с ней дисциплин.

В конце 1960-х – начале 1970-х усиление борьбы советского режима с диссидентством и расширение политики государственного антисемитизма лишили многих математиков возможности учиться, публиковаться и работать в ведущих официальных учреждениях⁶. В ответ советские математики выработали ряд стратегий для преодоления этих препятствий. Благодаря местным инициативам, они существенно расширили сеть бесплатных кружков для школьников, организовали заочную математическую школу и многие новые специализированные

4 DOMORADZKI S., STAWISKA-FRIEDLAND M. *Transformation of the Warsaw Mathematical Community in the Aftermath of WWI* // VEČVÁŘOVÁ M. (Ed.). *The Development of Mathematics between the World Wars: Case Studies, Examples and Analyses*. London: World Scientific, 2021. С. 165–226.

5 GEROVITCH S. *From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics*. Cambridge: MIT Press, 2002; Майофис М., Кукулин И. *Математические школы в СССР: генезис институции и типология утопий // Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)* / Ред. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 241–313.

6 SHIFMAN M. (Ed.). *You Failed Your Math Test, Comrade Einstein: Adventures and Misadventures of Young Mathematicians*. Singapore: World Scientific, 2005.

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

матшколы и матклассы, предоставляя талантливым ученикам глубокое математическое образование. Создали разветвленную систему математических соревнований, предоставившую наиболее одаренным школьникам шанс поступления в ведущие вузы. Открыли бесплатные вечерние курсы для молодых людей, которых специально завалили на вступительных экзаменах в ведущие вузы. Талантливым ученым, кому была закрыта возможность работы в области чистой математики, вместо этого подбирали должности в вычислительных центрах и отраслевых НИИ. Открытые исследовательские семинары стали площадками для распространения новых идей и сотрудничества математиков независимо от их возраста и занимаемой должности⁷.

Вся эта деятельность привела к образованию социальной инфраструктуры, которая существовала параллельно официальным институтам, иногда пересекаясь с ними, а иногда обеспечивая функциональную альтернативу. Несмотря на официальные рогатки и препоны, эта инфраструктура оказалась удивительно эффективна в поддержании активной деятельности научного сообщества и привела к воспитанию большой группы математиков мирового уровня, включая нескольких лауреатов медали Филдса и других престижных международных премий. Данная статья фокусируется на одном из ключевых элементов этой параллельной социальной инфраструктуры – на перенесении основных форм научной деятельности из официальных учреждений, куда был закрыт или затруднен доступ для многих математиков, в private пространства семейных квартир и дач.

ТРАДИЦИЯ НАУЧНЫХ КРУЖКОВ

Позднесоветская «параллельная математика» заимствовала уже имеющиеся формы неформальной самоорганизации ученых, которые в свою очередь опирались на более длительные российские традиции политических и культурных собраний, или «кружков». Согласно определению Даниила Александрова, кружок – это «группа лиц, собирающаяся вне официальных стен, связанная дружбой и общими постоянно дебатлируемыми интеллектуальными интересами вне, сверх и помимо официальных предписаний»⁸. Подобные кружки возникли в середине XIX века в условиях самодержавия, и научные дискуссии

7 GEROVITCH S. *Creative Discomfort: The Culture of the Gelfand Seminar at Moscow University* // LARVOR B. (Ed.). *Mathematical Cultures: The London Meetings 2012–2014*. Basel: Birkhäuser, 2016. P. 51–70; ИДЕМ. “We Teach Them to Be Free”: *Specialized Math Schools and the Cultivation of the Soviet Technical Intelligentsia* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20. № 4. P. 717–754; Герович В. «Математический рай»: параллельная социальная инфраструктура послевоенной советской математики // *Логос*. 2020. № 2. С. 93–128.

8 АЛЕКСАНДРОВ Д. *Указ. соч.* С. 7.

в них с самого начала сочетались с политическими дебатами и обретали полуподпольный характер. «“Кружковая” организация повседневности создавала и воспроизводила стереотипы, которыми до сих пор живут русские ученые», – утверждает Александров⁹. Литературные кружки, в свою очередь подрывали жесткие социальные иерархии и облегчали установление как горизонтальных сетевых связей, так и вертикальных отношений патронажа¹⁰.

Неформальные научные кружки обычно формировались вокруг харизматичного лидера, привлекавшего последователей к новой области науки, еще не признанной академической элитой и, следовательно, не имевшей институциональной ниши. Например, в 1910-е Пауль Эренфест и Абрам Иоффе организовали в Санкт-Петербурге кружок для изучения новой физической теории – теории относительности. Они встречались на частных квартирах или же в одной из аудиторий Физического института, но втайне от профессоров Петербургского университета, занимавших враждебную позицию по отношению к новой физике. Приватность встреч участников кружка обеспечивалась негласным правилом: войти в кружок можно было лишь по рекомендации кого-то из его членов¹¹.

Другой пример – генетический кружок биолога Сергея Четверикова, организованный в Москве в 1920-е. Шутливо названная «Соор» («Совместное орание» дрозофилистов), эта группа была известна своими оживленными дискуссиями и презрительным отношением к казенной атмосфере официальных академических мероприятий. Четвериков намеренно выбрал для встреч частное помещение, чтобы «соединить... и научность, и систематичность обсуждаемой тематики, сохраняя при этом все положительные стороны непринужденной беседы не в холодных стенах учреждения, а в уютной обстановке домашнего очага»¹². Указание на «холодные стены», возможно, относилось не только к низкой температуре неотапливаемых общественных помещений в послереволюционной Москве, но и к недоброжелательной атмосфере в советских научных учреждениях, где все более доминирующую позицию начинали занимать партийные активисты. Чтобы, как выразился Четвериков, «посторонние Соору люди не мешали горячему обсуждению», в кружке царил дух исключительности, и прием в него новых лиц осуществлялся лишь при согласии всех участников путем тайного

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

9 Там же.

10 WALKER B. *Maximilian Voloshin and the Russian Literary Circle: Culture and Survival in Revolutionary Times*. Bloomington: Indiana University Press, 2005.

11 ALEXANDROV D. *The Politics of Scientific 'Kruzhok': Study Circles in Russian Science and Their Transformation in the 1920s* // *На переломе. Советская биология в 20-30-х годах* / Ред. Э. Колчинский. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. Р. 262.

12 Цит. по: АЛЕКСАНДРОВ Д. *Указ. соч.* С. 8.

голосования. Конфликт между группой Четверикова и молодыми партийцами и профсоюзными работниками, в конце концов, привел к аресту Четверикова и роспуску его кружка¹³.

Физический кружок Эренфеста–Иоффе в Петербурге включал в себя нескольких математиков, что стимулировало интенсивный интеллектуальный обмен между этими дисциплинами и внесло вклад в развитие теории расширяющейся Вселенной Александра Фридмана¹⁴. Наиболее влиятельное неформальное сообщество российских математиков, однако, возникло в Москве. В конце 1910-х там зародилась «Лузитания» – кружок учеников харизматичного профессора Московского университета Николая Лузина¹⁵. Дискуссии в «Лузитании» выходили далеко за рамки математики и затрагивали широкий спектр культурных проблем. Участник кружка Павел Александров вспоминал:

«На этих еженедельных собраниях на дому у Н.Н. Лузина... сначала была математическая часть в кабинете Николая Николаевича, очень уютной комнате. [...] Никогда не забуду тех насыщенных самой живой математикой разговоров, которые тогда происходили. Эти разговоры иногда затягивались за полночь, но, когда бы они ни кончались, за ними следовал чай с неизменным очень вкусным ореховым тортом. За этим чаем – уже не в кабинете, а в столовой квартиры Лузиных – разговоры принимали другой, нематематический, характер и касались самых различных вопросов культурной и общественной жизни»¹⁶.

В середине 1930-х некоторые ученики Лузина (включая Александрова) восстали против своего учителя и начали против него кампанию, выдвинув политические обвинения. Лузин был уволен и «Лузитания» распалась. Несколькими годами ранее другой популярный преподаватель и лидер Московской математической школы Дмитрий Егоров был арестован по сфабрикованному обвинению и вскоре умер в ссылке. Сама идея близкого общения профессоров и студентов вне учебных аудиторий стала выглядеть политически подозрительной¹⁷. Позднее, в 1956 году, Александров публично признал, что эта разделительная тенденция зашла слишком далеко:

«[Н]ужно, чтобы была прекращена та отчужденность между профессорами и студентами, которая существовала до революции, ко-

13 Там же.

14 ALEXANDROV D. *Op. cit.* P. 263.

15 Грэхэм Л., Кантор Ж.-М. *Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве*. СПб.: ЕУ СПб, 2011. Гл. 6 («Лузитания» и ее последствия).

16 Александров П. *Лузинская математическая школа* // Квант. 1977. № 10. С. 20.

17 Демидов С. *Профессор Московского университета Дмитрий Федорович Егоров и имяславие в России в первой трети XX столетия* // Историко-математические исследования. 1999. № 4(39). С. 123–155; *Дело академика Николая Николаевича Лузина* / Ред. С. Демидов, Б. Левшин. СПб.: РХГИ, 1999; Ford C. *Dmitrii Egorov: Mathematics and Religion in Moscow* // *The Mathematical Intelligencer*. 1991. Vol. 13. № 2. С. 24–30.

торая совершенно исчезла в первые послереволюционные годы и которая вновь возникла теперь.

Студенты объединялись в семинарах – Лузина, в моих семинарах, в семинарах Колмогорова, Тихонова и т.д. И эта большая группа студентов во главе с руководителем семинара, они образовывали коллектив. [...] Потом это совершенно прекратилось, объединение профессоров со студентами не поощрялось. Не рекомендовались посещения на дому, что было введено Д.Ф. Егоровым. Вместо этого произошло разделение студентов по группам»¹⁸.

Академическое начальство стало рассматривать частные кружки как угрозу идеологическому контролю. Математика Алексея Ляпунова, организовавшего в середине 1950-х домашний кружок по изучению генетики, подвергли суровой проработке на партийном собрании по месту его работы – в отделении прикладной математики Академии наук СССР. Директор отделения Мстислав Келдыш заявил: «Ошибка т. Ляпунова состоит в том, что он нарушил партийную этику, т.е. проводил занятия кружка молодежи у себя дома, вне контроля общественных организаций»¹⁹.

В конце 1960-х, с усилением давления на математическое общество из-за административных ограничений для «нежелательных» групп, в частности, диссидентов и евреев, сообщество обратилось к неформальной самоорганизации, знакомой многим математикам с юношеских времен, чтобы обойти барьеры, воздвигаемые в официальных учреждениях. В результате математическая деятельность начала сдвигаться из публичной сферы в «приватно-публичную» – в математические кружки, факультативы, неформальные семинары – или даже в сугубо приватную: на кухни частных квартир или на загородные дачи. Вместо того, чтобы быть местом отдыха от рабочих обязанностей, для многих математиков кухня или дача стали основным рабочим местом, где они вели исследования, встречались с учениками и обменивались идеями с коллегами.

МАТЕМАТИКА НА КУХНЕ

Советские математики часто встречались со своими учениками и соавторами у себя на квартире по самым разным причинам. Простейшая из них – недостаток рабочих кабинетов в научных учреждениях. Парадоксальным образом приход на работу в переполненное помещение приводил к тому, что ни-

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

18 Стенограмма общего собрания профессоров МГУ, 26 октября 1956 г. Центральный муниципальный архив Москвы. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 415. Л. 19.

19 Протокол заседания партбюро ОПМ МИАН, 27 сентября 1956 г. Центральный архив общественных движений Москвы. Ф. 8033. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.

какую работу сделать не удавалось; многие ученые более продуктивно занимались в спокойных домашних условиях. Математик Андрей Зелевинский объяснял это так:

«На службу никто почти не ходил, потому что там было очень плохо с офисным пространством. Это и мне потом было знакомо. Я работал в академическом институте. На службу ходили тогда, когда начальство звонит и говорит, что будет какая-то проверка; все чтоб приходили и были на своих рабочих местах. И тогда рабочих мест не хватало, потому что помещения всегда не хватало, и была просто какая-то толкучка. То есть те, кто хотел работать, всегда работали дома»²⁰.

Зелевинский писал диссертацию под руководством Иосифа Бернштейна, работавшего тогда в Межфакультетской лаборатории математических методов в биологии МГУ. Заодно с генетикой математическая биология нашла себе институциональную нишу под флагом биологической кибернетики и предоставила убежище небольшому числу «чистых» математиков, кого не брали на работу в учреждения, контролируемые математическим истеблишментом. Их шаткий статус в биологической лаборатории не обеспечивал им полноценного рабочего места. «С Иосифом [Бернштейном] как работали? Ведь у него не было официальной позиции нигде. Дома у него работали – где же еще?» – вспоминал Зелевинский²¹. Хотя официальным научным руководителем Зелевинского был профессор мехмата МГУ Александр Кириллов, неформальное руководство безо всякой оплаты осуществлял Бернштейн.

Помимо недостатка офисного пространства, другим важным фактором, благодаря которому математики предпочитали встречаться с учениками на своих квартирах, была приватная обстановка. Например, Дмитрий (Давид) Каждан, еще один сотрудник Межфакультетской лаборатории, так же не имевший там рабочего места, организовал у себя дома математический семинар. «Удобнее было это делать дома, – вспоминал один из участников семинара, – поскольку он не хотел, чтобы много людей участвовало – такой неофициальный семинар»²².

Бернштейн и Каждан получили работу в Межфакультетской лаборатории благодаря усилиям выдающегося математика Израиля Гельфанда – влиятельного лидера и покровителя научного сообщества, руководителя отдела Института прикладной математики и члена-корреспондента Академии наук. Работая над важными оборонными проектами, он обзавелся полезны-

20 ЗЕЛЕВИНСКИЙ А. Интервью в Кембридже, Массачусетс, США, 21 мая 2011 года (архив автора).

21 Там же. О советской биологической кибернетике см.: ГЕРОВИЧ С. *From Newspeak to Cyberspeak...* P. 211–214.

22 ДРИНФЕЛЬД В. Интервью в Кембридже, Массачусетс, США, 31 августа 2013 года (архив автора).

ми связями и приобрел влияние, позволившее ему создать целую сеть подобных нишевых лабораторий, чтобы давать работу «нежелательным» еврейским ученым, у которых не было возможности получить место в академическом институте. В то же время, работая в закрытом учреждении, он не имел возможности встречаться с учениками и соавторами у себя на работе. Вместо этого, он превратил свою квартиру в своеобразный рабочий кабинет. Его ученик Илья Захаревич вспоминает:

«У Гельфанда такая маленькая трехкомнатная квартирка и кухня. Если [жены и дочери] нет дома, то у него обычно бывает еще четыре соавтора, три в комнатах и один на кухне. Гельфанд идет на кухню, например, где я сижу, и мы минут 35 обсуждаем затыки в нашей теории, и, когда я уже совершенно без сил и ничего не соображаю, он переходит в другую комнату и продолжает со следующим человеком. Часа полтора я отхожу от такого интенсивного занятия наукой и что-то начинаю понимать немножко в тех местах, которые мы обсуждали. За это время он проходит круг, и возвращается ко мне, свеженький как огурчик, и идет следующий круг, и так за вечер круга три проходит»²³.

Некоторые математики вынуждены были работать из дома просто потому, что потеряли работу из-за своей диссидентской деятельности или намерения эмигрировать из СССР. В 1968 году видный математик Илья Пятецкий-Шапиро лишился работы в МГУ из-за подписи под письмом протеста, а в 1974-м был уволен из Института прикладной математики из-за намерения эмигрировать. В результате он мог руководить работами своих учеников лишь неформально. Будущий филдсовский лауреат Григорий Маргулис регулярно встречался с ним с конца 1960-х до момента эмиграции Пятецкого-Шапиро в 1976 году²⁴. Другой будущий филдсовский медалист, Владимир Дринфельд, вспоминал:

«Формально я был учеником [профессора МГУ Юрия] Манина. [...] Чтобы [теорию автоморфных форм] понять, нужен был живой человек, который это уже в какой-то степени понял. Таким человеком оказался Илья Иосифович Пятецкий-Шапиро. [...] В какой-то момент его уволили из университета... ни для него, ни для меня не было существенным, чтобы это взаимодействие с ним было оформлено»²⁵.

Встречи с иностранными визитерами в официальных учреждениях требовали специального разрешения. Чтобы избежать таких сложностей, многие математики предпочитали разгова-

23 ЗАХАРЕВИЧ И. Интервью в Кембридже, Массачусетс, США, 19 мая 2012 года (архив автора).

24 МАРГУЛИС Г. Интервью в Кембридже, Массачусетс, США, 31 августа 2013 года (архив автора).

25 ДРИНФЕЛЬД В. *Указ. соч.*

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

ривать с приезжающими в СССР зарубежными коллегами в частной обстановке – в своих квартирах или во время прогулок. Ленинградский математик Анатолий Вершик рассказывал:

«Приехал в Москву известный американский математик [Пауль Халмош. – С. Г.] как гость Академии наук и захотел поехать в Ленинград посетить семинар Рохлина. В.А. Рохлин попросил меня этим заняться, и все было организовано. Пришли на доклад сотни две человек, и все, казалось, нормально. Но, когда руководство университета узнало, что в университете был семинар, на котором американский ученый выступал без университетского разрешения, декан устроил ничего не подозревавшему Владимиру Абрамовичу скандал – оказывается, нельзя приглашать без спроса гостя Академии в университет! Для этого требуется предварительное решение известных служб. Интересно, что этот американец в своих воспоминаниях с удивлением пишет о странной неразговорчивости русских математиков и о том, что они предпочитали беседовать с ним не в зданиях, а гуляя по улице. Он так и не понял нашей жизни»²⁶.

Интервью и мемуары превращают события прошлого в складные истории; они часто окрашивают воспоминания ностальгией, в них иногда путаются детали (в данном случае Халмош не писал о «странной неразговорчивости» в своих мемуарах, а рассказывал об этом Вершику в частной беседе)²⁷. Но если в коллективной памяти профессионального сообщества в широком спектре источников возникают одни и те же темы, то эти «мифологии» начинают формировать самосознание членов сообщества²⁸.

Любопытно, что Халмош, видимо, настолько проникся этой перипатетической манерой математических обсуждений, что сделал из нее правило для краткого и ясного математического письма: «Вообразите, будто бы рассказываете все другу на какой-нибудь долгой лесной прогулке и у вас нет бумаги. Прибегайте к обозначениям только тогда, когда это необходимо»²⁹.

Встречаясь на частных квартирах, математики часто собирались на кухне, в неформальной обстановке, нередко сочетая математические разговоры с едой и выпивкой. Американский математик Роберт Макферсон, начиная с 1970-х часто приезжавший в Москву, вспоминает:

«Никаких рабочих кабинетов не было. [...] Люди собирались вокруг кухонного стола. Кухонные столы в Москве – самые гостепри-

26 ВЕРШИК А. *Как прорастает математика* // Polit.ru. 2013. 18 марта (<http://polit.ru/article/2013/03/18/vershik2/>).

27 HALMOS P. *I Want To Be a Mathematician: An Automathography*. New York: Springer, 1985; ВЕРШИК А. Интервью онлайн, 10 февраля 2024 года (архив автора).

28 GEROVITCH S. *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

29 ХАЛМОШ П. *Как писать математические тексты* // Успехи математических наук. 1971. Т. 26. № 5. С. 262.

имные места на земле. Всю вторую половину дня ты занимаешься за этим столом математикой, а потом наступает время ужина, и начинается этот невероятный русский пир, который трудно описать. Выставляется штук двадцать небольших блюд, каждое из которых – просто объедение. [...] Настроение сразу поднимается, разливают водку. [...] В каждой квартире был кухонный стол, и обычно это единственный стол в доме, за которым можно заниматься математикой, и именно за ним мы и занимались. Это очень дружеское место, очень теплое место. [...] С точки зрения общения и математики, это был суший рай»³⁰.

Данный феномен получил распространение далеко за пределами математики. Уход в частную сферу для уклонения от идеологического контроля оказался типичной, хотя и не всегда успешной, стратегией как в Советском Союзе, так и в странах Центральной и Восточной Европы³¹. В позднесоветский период кухни в домах интеллигенции приобрели особый мифологический статус. Песенный цикл Юлия Кима «Московские кухни» канонизировал этот образ как места свободомыслия, где «чай да сахар, да пища духовная»³².

«Кухня новой, односемейной квартиры была впоследствии мифологизирована как сердце “приватной” домашней жизни и уникальное место подлинных социальных связей; ее представляли себе как свободную от идеологии зону искренности и спонтанности, где можно было оставить за дверью все двуличие публичной жизни и окунуться в доверительный полуночный разговор»³³.

Мемуары ученых советской эпохи усеяны ностальгическими воспоминаниями об обстановке свободомыслия во время кухонных посиделок:

«Домашние семинары, составлявшие львиную долю самых интересных университетских (и не только) занятий в позднесоветскую эпоху, до конца 1980-х имели то преимущество, что на кухне можно было говорить о том, о чем не скажешь в аудитории даже при закрытой двери»³⁴.

Хотя подобные соображения были важнее для гуманитариев, чем для математиков, последние тоже любили поговорить неформально на более широкие темы, которые потенциально могли доставить им неприятности с властями. Например,

30 MACPHERSON R. *Interview by Robert L Bryant, May 30, 2012* (https://simonsfoundation.org/science_lives_video/robert-d-macpherson).

31 CROWLEY D., REID S. (Eds.). *Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc*. Oxford: Berg, 2002.

32 КИМ Ю. *Сочинения*. М.: Локид, 2000. С. 286.

33 REID S. *The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution* // *Journal of Contemporary History*. 2005. Vol. 40. № 2. P. 289.

34 ИВАНОВА Ю. *О своем учителе* // *Поколения ВШЭ. Ученики об учителях* / Ред. М. Юдкевич, Ю. Иванова и др. М.: ВШЭ, 2013. С. 60.

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

в 1968 году специалист по математической логике Сергей Маслов организовал междисциплинарный семинар по «общей теории систем» в Ленинградском университете, быстро вышедший за пределы изначального маленького кружка математиков. В итоге через несколько лет семинар переехал на квартиру Маслова, где сопровождался «теплым общением участников, подогреваемым непременно чаем»³⁵. Один из участников вспоминал:

«Круг рассматриваемых на семинаре тем был широк – от становления цивилизации Междуречья до почвенничества Достоевского, от теории эволюции Дарвина до расстановки сил в Политбюро ЦК КПСС 1970-х. Обсуждались проблемы литературы, искусства, философии, религии и многое другое. Запретных тем не было. Выступавшие говорили без оглядки на политическую цензуру, не прибегая к эзопову языку, на котором нередко изъяснялась в те годы интеллигенция»³⁶.

Уход в частную сферу для уклонения от идеологического контроля оказался типичной, хотя и не всегда успешной, стратегией как в Советском Союзе, так и в странах Центральной и Восточной Европы. В позднесоветский период кухни в домах интеллигенции приобрели особый мифологический статус.

ДАЧНАЯ МАТЕМАТИКА

Загородные летние дачи тоже часто становились местом регулярных встреч для математических занятий вне официальных институтов. В русской культуре дачи традиционно служили местом «восстановления духовных сил после тягот городской жизни, неформального дружеского общения, а также интенсивного интеллектуального и художественного творчества»³⁷.

Летняя дача была одной из привилегий, дарованных академической элите советским государством, чтобы добиться лояльности научно-технической интеллигенции. Первые дачи для академиков были построены на Николиной Горе, под Москвой, еще в середине 1920-х. В октябре 1945 года Совнарком из-

35 Давыдова И. Воспоминания о С.Ю. Маслове и его семинаре // МАТМЕХ ЛГУ, шестидесятые и не только. Сборник воспоминаний / Ред. Д. Эпштейн, Я. Шапиро, С. Иванов. СПб.: Копи-Р Групп, 2011. С. 147.

36 Долинин В. «Сумма» в контексте самиздата // «Сумма» за свободную мысль / Ред. А. Вершик. СПб.: Звезда, 2002. С. 26–27.

37 Lovell S. *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. Ithaca: Cornell University Press, 2003. P. 23.

дал постановление «О строительстве дач для действительных членов Академии наук СССР». Подписанный Сталиным документ предписывал построить для академиков за счет государства до 15 июня 1946 года 150 индивидуальных дач: 125 под Москвой и 25 под Ленинградом. После завершения строительства почти все они были безвозмездно переданы в личную собственность академикам³⁸.

К концу советского периода число дач в трех элитных подмосковных поселках – Луцино, Мозжинка и Абрамцево – выросло со 125 до 184; новые дачные комплексы были построены в Новодарьине (180 дач) и в Жуковке. В частности, после успешного испытания первой советской атомной бомбы в 1949 году дачами в Жуковке была награждена большая группа ведущих ядерных физиков и математиков, включая Николая Доллежала, Мстислава Келдыша, Юлия Харитона, Исаака Кикоина и Андрея Сахарова. Историк Евгения Долгова отмечает:

«[В] советской системе привилегий с ее весьма специфичными механизмами распределения и закрепления собственности обладание дачей превращалось в частный, но, возможно, самый показательный инструмент поощрительных, стратификационных, контролируемых практик советской модели управления наукой, построенной на манипулировании привилегиями, создании различий внутри научного сообщества, имущественной иерархии»³⁹.

Семьи многих профессоров мехмата МГУ проводили лето на дачах на Николиной Горе. Математик Владимир Арнольд вспоминал:

«Гораздо большее влияние оказало на меня то, что в течение более десяти лет мы ежегодно жили рядом на даче на Николиной Горе и часами разговаривали обо всем на свете, обычно гуляя по берегу Москвы-реки, часто в окружении других жителей Заречья – Ефимовых, Шиловых, Шура-Бура, Якобсонов, Кушниренко, Поманских. Синай приезжал с канистрой за водой, так как в соседнем Новодарьине тогда не было водопровода. [...] Берег Москвы-реки на Николиной Горе делался летом своеобразным филиалом мехмата»⁴⁰.

Математики старшего поколения часто приглашали своих учеников и коллег к себе на дачу. Например, два крупнейших математика – Андрей Колмогоров и Павел Александров – круглый год проводили большую часть времени на своих дачах в Комаровке, возвращаясь в Москву лишь на два–три дня в неделю

38 Долгова Е. *Дачи для академиков: практики распределения и организация пространства, 1930–1980-е гг.* // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 1. С. 152.

39 Там же. С. 162.

40 Арнольд В. *О Владимире Абрамовиче Рохлине* // В.А. Рохлин. *Избранные работы. Воспоминания о В.А. Рохлине. Материалы к биографии* / Ред. А. Вершик. М.: МЦНМО, 2010. С. 505.

для преподавания и выполнения других неизбежных обязанностей⁴¹. Они регулярно принимали целые группы аспирантов, проводивших у них на даче по нескольку дней. Дневные занятия математикой перемежались спортивными упражнениями, а вечера были заполнены культурными мероприятиями. Колмогоров вспоминал:

«В период расцвета Комаровского дома число гостей за обеденным столом после лыжного бега достигало 15 человек.

Примерный распорядок дня в Комаровке был такой. Завтрак в 8–9 часов. Умственная работа – с 9 до 2. Второй завтрак – около 2. Лыжный пробег или пешеходная прогулка – с 3 до 5. В период наиболее строгой организованности – предобеденный сон в течение 40 минут. Обед – в 5–6 часов. Потом – чтение, музыка, беседы на научные и общие темы. В самом конце – короткая вечерняя прогулка, особенно – в лунные зимние ночи. Сон в 10–11 часов.

Весь этот распорядок нарушался в двух случаях: а) когда научные поиски становились азартными и требовали неограниченного времени и б) в солнечные мартовские дни, когда лыжные прогулки делались единственным занятием»⁴².

В отличие от академической элиты, как правило, владевшей подаренными им государством дачами, простые ученые обычно лишь снимали дачи на летний сезон, часто – неподалеку друг от друга, используя эту возможность для создания неформального сообщества на лето. В то время, как для элиты дачи были приятным довеском к той власти и влиянию, которыми они пользовались на своих официальных должностях, для простых ученых, в особенности тех, кому был заказан доступ в ведущие научные учреждения из-за их национальности или диссидентской деятельности, летние дачи превращались в места активного научного обмена и сотрудничества.

Математик Марк Граев, которому было отказано в преподавании в МГУ, однажды встретил на соседской даче молодого математика, и их случайный разговор привел к написанию статьи, опубликованной в ведущем журнале⁴³. Другой математик, Владимир Ретах, вспоминает:

«Подружились мы [с Андреем Зелевинским] в Кратове, где снимали дачи на лето. Там же жил мой близкий друг Боря Фейгин. Мы все время что-то обсуждали. Тогда же, на даче, мы сделали нашу единственную совместную работу»⁴⁴.

41 Успенский В. *Колмогоров, каким я его помню* // *Колмогоров в воспоминаниях учеников* / Ред. А. Ширяев. М.: МЦНМО, 2006. С. 275.

42 HALMOS P. *Op. cit.* P. 310; КОЛМОГОРОВ А. *Воспоминания о П.С. Александрове* // *Успехи математических наук*. 1986. Т. 41. № 6. С. 194.

43 Демидович В. *Интервью с М.И. Граевым* // *Семь искусств*. 2016. № 4(73) (<https://7iskusstv.com/2016/Nomer4/Demidovich1.php>).

44 РЕТАХ В. *Воспоминания об А.В. Зелевинском*. 2013 (<https://sites.math.rutgers.edu/~vretakh/andrei.pdf>).

Все трое были сильными математиками, но ни один из них не имел академической позиции в официальных математических учреждениях. Зелевинский работал в Институте физики Земли, Ретах – в ЦНИИ Промзданий Госстроя, а Фейгин трудился программистом. Свои математические работы мирового уровня они делали в свободное от основной работы время, не получая за это никакого вознаграждения.

Для советской интеллигенции дачи служили частным убежищем от норм и условностей общественной жизни:

«Дачная жизнь связана с эскапизмом и отношениями граждан с государством. За городом москвичи ощущают себя самодостаточными. Там их не затрагивают политические столкновения и бюрократические препоны, которые наполняют их повседневную жизнь»⁴⁵.

«Дача – это санкция на некоторую приватность в условиях обобществления почти тотального. Это был поход из жизни общественной в частную. Дача – это не столько второе жилище горожанина, сколько увольнительная заключенного, что и делает ее советским феноменом»⁴⁶.

МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМ И ПРИВАТНЫМ

Для анализа переноса математической деятельности из официальной обстановки в частные пространства кухонь и дач необходима новая концептуальная оптика, выходящая за пределы знакомых бинарных оппозиций – частное/общественное, индивидуальное/коллективное и открытое/закрытое. В советском контексте, однако, эти оппозиции и так выглядят довольно проблематично. В типичной обстановке коммунальной квартиры или дачи уже обнаруживаются напряженные отношения между публичным и частным. В коммунальной квартире была возможна лишь «публичная частность», утверждает историк Стивен Ловелл:

«Если же обратиться к феномену позднесоветской дачи, то можно перевернуть эту формулировку и утверждать, что для садовых поселков была характерна более мягкая форма “частной публичности”»⁴⁷.

Историки и социологи предложили несколько понятий и моделей для того, чтобы описать размытость границы между публичным и частным в советском контексте. Елена Зубкова пишет:

45 CALDWELL M. *Not by Bread Alone: Social Support in the New Russia*. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 126.

46 ЗАБЕЛЬШАНСКИЙ Г. *Дача* // Проект Россия. 1998. № 9 (<https://prorus.ru/interviews/dacha>).

47 LOVELL S. *Soviet Exurbia: Dachas in Postwar Russia* // CROWLEY D., REID S. (Eds.). *Op. cit.* P. 119.

«Кухни» и «хаты», клубные кафе и «компании» 1950–1960-х гг., даже самиздатское сообщество – все это специфически советское выражение неформальной публичности, оппонирующей публичности официальной. [...]

Неформальная публичная сфера выступает в роли медиума и одновременно пограничного пространства между зоной официальной публичности и приватной сферой, и поэтому она может быть определена как «приватно-публичная сфера». В отличие от западных обществ, где граница между публичной и частной сферами достаточно строго обозначена и охраняется, в том числе юридической нормой, в советском обществе эти границы оказывались проницаемыми, причем, как правило, в одном направлении, когда официальная публичность в лице «общественности» или государства безапелляционно вторгались на территорию индивида»⁴⁸.

В рамках данной модели, случай «параллельной математики» выглядит особенно любопытно, ибо здесь направление пересечения границы меняется на противоположное: частная сфера, по сути дела, расширяется и включает в себя ученые занятия, ранее принадлежавшие сфере публичной. Два противоположных процесса – вторжение публичной сферы в приватную и расширение приватной сферы на область публичного – идут одновременно, подгоняя друг друга.

Другие исследователи описывали размытую границу между публичным и приватным в советском обществе в похожих гибридных терминах. Ингрид Освальд и Виктор Воронков писали о «приватно-публичной» или «второй» публичной сфере, регулируемой «неформальным правом обычая» и связанной с феноменом «интеллигентской кухни», где «обсуждалось практически все»⁴⁹.

Алексей Юрчак, напротив, критикует модель, четко разделяющую советскую повседневность на две сферы – «публичную» и «приватно-публичную», – где первая регулируется «писаными законами и правилами власти», а вторая – «неписаными культурными устоями и соглашениями»:

«В этой модели отрицается наличие в советской повседневности некой единой публичной сферы. Однако проблема такого подхода в том, что в позднесоветском обществе существовало множество публик, природа которых не определялась принципами публичности или приватно-публичности, они могли одновременно пере-

48 Зубкова Е. *Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения* // Российская история. 2011. № 3. С. 160–161.

49 Воронков В. *Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России* / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 192–194; см. также: OSWALD I., VORONKOV V. *The “Public-Private” Sphere in Soviet and Post-Soviet Society. Perception and Dynamics of “Public” and “Private” in Contemporary Russia* // European Societies. 2004. Vol. 6. № 1. P. 97–117.

секать обе эти “публичные сферы”. [...] Вообще понятие *публичности* в советском контексте постоянно подвергалось процессу *детерриториализации*, в результате которого имеет смысл говорить не о советской “публичной сфере”, которую якобы можно противопоставить “приватной сфере”, а об огромном множестве детерриторизованных *публик своих*, к которым относились советские граждане»⁵⁰.

Недавние исследования показывают, как на неофициальных домашних собраниях писателей и художников в Советском Союзе в 1950–1960-е возникали «альтернативные режимы публичности», приспособленные для неподцензурного культурного производства. Не имея возможности участвовать в официальных организациях, публикациях и выставках, эти интеллектуалы самоорганизовывались в группы, что облегчало активную социализацию, обмен идеями и взаимодействие с официальными институтами через кулуарные переговоры («бэкстейджи») ⁵¹. Организаторы таких собраний нередко служили «культурными менеджерами и агентами-посредниками» между официальными институтами и неформальными группами, становясь проводниками «взаимовлияни[я] по-разному институционализированных форм литературной коммуникации в позднем СССР, не всегда вписывающихся в дихотомическое разделение “официального” и “неофициального”»⁵².

Понятие «параллельной социальной инфраструктуры» советской математики вписывается в тот же аналитический контекст⁵³. Вместо того, чтобы рассматривать частные инициативы математиков в качестве полноценной альтернативы официальной научной инфраструктуре, более продуктивно говорить об их постоянном динамическом взаимодействии с официальными институтами в отношениях «напряженной взаимозависимости». Формальные структуры и неформальные механизмы не функционировали по отдельности; они зависели друг от друга для эффективной работы. Ученые, принадлежавшие к научной элите, также использовали приватные встречи на даче для продвижения своих интересов – например, для обеспечения желательного исхода академических выборов или положительного исхода защиты диссертации. Неформальные собрания «парал-

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

50 Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 252.

51 *Домашние интеллектуальные собрания позднесоветского времени* [сост. И. Кукулин] // Новое литературное обозрение. 2022. № 1(173). С. 122–172; Кукулин И., Майофис М., Четверикова М. *Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР* // Новое литературное обозрение. 2022. № 2(174). С. 81–101; № 3(175). С. 190–228; *Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России* / Сост. М. Велижев, Т. Атнашев, Т. Вайзер. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

52 Луккин М. *Домашние собрания, социальные сети и биографическая стратегия А.Г. Громовой (1916–1981)* // Новое литературное обозрение. 2022. № 1(173). С. 135.

53 Герович В. *Указ. соч.*

лельной математики» также могли проходить вечерами в пустующих аудиториях официальных учреждений.

Междисциплинарные инициативы тоже зачастую находили для себя нишу в полуприватных пространствах. Например, первая Школа по моделированию сложных биологических систем была проведена в 1973 году в академическом дачном поселке Мозжинке.

«Именно за пределами официальных структур, в коммуникативном пространстве самых разнообразных научных интересов возникали возможности для обсуждения и реализации межинституциональных и междисциплинарных проектов»⁵⁴.

Взаимозависимость двух социальных инфраструктур привела к тому, что они оказались гораздо более сходными, чем можно было ожидать. В итоге «параллельная математика» отчасти воспроизводила некоторые особенности системы, для противостояния которой она была создана.

ДАЧНЫЙ ХАРАКТЕР СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

Развиваясь в полуприватных условиях, «параллельная математика» обрела многие черты, привлекавших к ней ученых, но в результате возникла особая культура кружковой избранности. Платой за независимость была самоизоляция; отбор по способностям вел к культивированию духа исключительности. Свобода от институциональных ограничений означала и отсутствие институциональных гарантий: системные механизмы дискриминации были устранены, но их сменила произвольность частного приглашения на кружок. Григорий Маргулис отмечал:

«“Кружковость” склонна к вырождению. Скажем, были у какого-то выдающегося математика ученики, у этих учеников – свои ученики, но постепенно сообщество замыкается, люди со стороны не приходят, и творчество в “кружке” угасает»⁵⁵.

В мире «параллельной математики» бюрократическая иерархия была заменена на непререкаемый личный авторитет харизматичных лидеров. В то время, как неформальные собрания писателей и художников сравнивают с ризомой – оплетенной запутанными связями структурой без ясной иерархии и единого центра⁵⁶, – математики обычно формировали группы вокруг

⁵⁴ Долгова Е. *Указ. соч.* С. 160.

⁵⁵ Маргулис Г. *Мне не дали почивать на лаврах* // Огонек. 2016. 7 ноября (www.kommersant.ru/doc/3131344).

⁵⁶ Борис Гройс, цит. по: Белугина А. *Семинар М. Шейнкера и А. Чачко и институт эстетических дискуссий в неофициальной советской культуре 1970–1980-х годов* // Новое литературное обозрение. 2022. № 1(173). С. 164.

признанных лидеров, часто сочетавших огромный интеллектуальный авторитет с немалыми административными возможностями. В результате усилия исследователей зачастую концентрировались в областях, приоритетных для этих лидеров. Гельфанд, например, пользовался значительным влиянием в официальном мире и еще бóльшим – в рамках параллельной социальной инфраструктуры. Его ученики и соавторы зачастую сильно зависели от него при поиске работы и в других делах. От них требовались немалые усилия, чтобы добиться независимости и настоять на собственной научной программе. Некоторые так и остались в его тени и не смогли вести самостоятельные исследования⁵⁷.

СЛАВА ГЕРОВИЧ

КУХНЯ И ДАЧА: ПРОДУКТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

«Параллельная математика» отчасти воспроизводила некоторые особенности системы, для противостояния которой она была создана. Платой за независимость была самоизоляция; отбор по способностям вел к культивированию духа исключительности. Свобода от институциональных ограничений означала и отсутствие институциональных гарантий.»

Вместо формального статуса наиболее важным оказалось наличие неформальных связей. Необходимо стало выстраивать сеть знакомств, через которые можно было получить доступ в эксклюзивный неформальный кружок. Культивирование дружеских отношений среди соавторов приводило к размыванию границы между рабочим и личным. «Одомашнивание» рабочих отношений зачастую усугубляло гендерное неравенство, когда супруги рутинно исключались из профессионального общения. Профессорских жен нередко хвалят в мемуарах за поддержание «единственного культа» их знаменитого мужа-математика⁵⁸.

Интересно сравнить роль дач в советской математике с тем, что американский историк Давид Кайзер назвал «пригородным характером американской физики» в послевоенные годы. С ростом численности аспирантуры по физике, более широким вовлечением физиков в прикладные исследования и растущей привлекательностью потребительского образа жизни, замечает Кайзер, физики стали в массовом порядке покупать частные дома в пригородах, все более и более отчуждаясь от своих коллег. Физики старшего поколения стали поговаривать о потере

57 GEROVITCH S. *Creative Discomfort...*

58 БОБРЫНИНА Т. *Мудрость математика // Профессор. Книга воспоминаний о Я.И. Хургине / Сост. И. Хургина, П. ЧЕБОТАРЕВ. М.: Медиаколор, 2019. С. 176.*

дружелюбия, близости и тесного контакта, нередко обвиняя младшее поколение в том, что оно рассматривает занятие физикой как обычную работу, а не призвание⁵⁹.

Если американский пригород стал эмблемой человеческого отчуждения и безудержного потребления, советская дача в послевоенный период воплотила идею освобождения от городской рутины, вольного образа жизни и дружеской компании. Но вместо того, чтобы быть местом отдыха от рабочих обязанностей, для многих математиков дача стала основным рабочим местом, где они трудились над задачами, встречались с учениками и обменивались идеями с коллегами.

Перефразируя лозунг американских феминисток 1970-х «Личное – это политическое», можно сказать, что многие советские математики в те же годы придерживались принципа «Математика – это личное». Многие из них не получали зарплату за занятия «чистой» математикой; им приходилось зарабатывать другими занятиями. Посвящая свое свободное время математике, они ощущали себя частью сообщества единомышленников; тем самым их исследования обретали смысл. По словам Роберта Макферсона, «хорошие математики занимались этим как хобби, а не потому, что им платили»⁶⁰.

Этот феномен можно назвать «дачным характером советской математики». Возникло сообщество, для которого преданность математике выходила далеко за рамки формальных рабочих обязанностей и требований вузовского обучения. Для этого сообщества математика стала своеобразным «образом жизни», источником воодушевления, приносившим немалое вознаграждение. Но это была не обычная награда в виде высокого формального статуса, институциональной карьеры или материального достатка, а достижение иного рода – обретение высокой репутации среди коллег, тесно связанных с мировым математическим сообществом. Кухня и дача были убежищем от официальных ограничений и одновременно – порталом в интернациональный мир математики.

59 KAISER D. *The Postwar Suburbanization of American Physics* // *American Quarterly*. 2004. Vol. 56. P. 851–888.

60 MACPHERSON R. *Op. cit.*

«Начинка неузнаваемого»:

Игорь Кобылин беседует с уличным художником Синим Карандашом

Американский критик и историк искусства Дэвид Джослит, суммируя восходящий к Платону (а то и к более раннему времени) *commonsense* западной культуры в ее отношении к художественному образу, отмечает три устоявшихся там характеристики последнего: образ отмечен «вторичностью» (это всегда иллюстрация, чья значимость зависит от значимости иллюстрируемого), «тупостью» (образ – слишком смутный, слишком чувственный, слишком интуитивный и ненадежный – всегда эпистемологически проигрывает строгому понятию) и, наконец, «обманчивостью» (образы составляют материю видимости – в противовес сущности; иллюзии и кажимости – в противовес реальности):

«К образам относятся несерьезно, считая их чисто интуитивными – неспособными к строгой формализации, преобразующей визуальные данные в сообщаемое знание. [...] Как часть спектакля, образы противоположны знанию и являются олицетворением невежества»¹.

Эта краткая – безусловно, слишком краткая, чтобы быть абсолютной верной в деталях, но, кажется, вполне точно схватывающая сущностный настрой нашей культуры в целом – квалификация давнего и устойчивого отношения к эпистемологическим возможностям искусства активно ставится сегодня под вопрос. С одной стороны, современное искусство становится все более рефлексивным. Еще Гегель, диагностируя смерть искусства в качестве формы «высшей потребности духа», полагал, что после собственного конца искусство сменится искусствоведением:

«Теперь художественное произведение сразу вызывает в нас не только непосредственное удовольствие, но и оценку, так как мы подвергаем суду нашей мысли его содержание, средства изображения и соответствие или несоответствие обоих друг другу. Наука об искусстве является поэтому в наше время еще более настоятельной потребностью, чем в те эпохи, когда искусство уже само по себе доставляло полное удовлетворение. Искусство приглашает нас мысленно рассмотреть его, но не для того, чтобы оживить художественное творчество, а чтобы научно познать, что такое искусство»².

1 Джослит Д. *После искусства*. М.: V-A-C press, 2017. С. 14.

2 ГЕГЕЛЬ Г.В.Ф. *Лекции по эстетике*. М., 1999. Т. 1. С. 88.

Игорь Кобылин (р. 1973) – философ, историк культуры, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания РГГУ, преподаватель программы «Политическая философия» МВШСЭН, доцент Приволжского исследовательского медицинского университета.

Синий Карандаш – анонимный художник (Нижний Новгород), занимается текстовым стрит-артом и городскими интервенциями (телеграм-канал @bluepenciltoo).

Правда сегодня искусство, не доверяя этим внешним «нам», занялось научным *самоисследованием*, так что теоретическая ревизия собственного способа производства окончательно замкнулась на саму себя, вытеснив произведение куда-то на обочину. Вернее, произведением и стала теоретическая рефлексия, в то время как объект превратился в необязательное приложение к концептуально насыщенному тексту. Язык (искусства) и метаязык (критической теории) совпадают в ряде случаев настолько, что исследование условий возможности – трансцендентальных, политико-экономических, институциональных – художественного высказывания и является самим этим художественным высказыванием.

С другой стороны, престиж рационального знания – западного, подлинно научного, строго понятийного Знания с большой буквы – существенно покачнулся после индустриально организованных боен Первой и Второй мировых войн. По замечанию Жюлья Делёза, чудовищ рождает не сон разума, а непрерывно бодрствующая рациональность. В этом контексте интуитивное, чувственное, аффективное знание, производящееся искусством, получает шанс стать контрзнанием в духе Фуко – «малым знанием», бросающим вызов метафизическому насилию понятийных систем (оборачивающимся, в конечном счете, насилием вполне реальным); знанием, родственным «чувственному мышлению» колонизированных Других и вообще всех угнетенных, «не способных» к постижению высоких стандартов логической, дисциплинированной мысли. Демократизация знания, раскол единого *знания* на множество гетерогенных *знаний* с собственными историями реабилитировали искусство в качестве специфической познавательной практики.

Сегодня эпистемологический потенциал искусства не нужно лишний раз доказывать – так Лера Конончук, выступившая в качестве редактора-составителя недавнего специального номера журнала «Логос», посвященного художественным исследованиям, так резюмирует эпистемологический поворот в искусстве, фиксируемый актуальными историками и теоретиками искусства:

«Суть художественного исследования заключается в том, что это исследование чего-то внеположного искусству средствами искусства, через поиск соответствующего теме или направлению изысканий художественного метода, результатом которого также становится искусство, в свою очередь (в наиболее успешном случае) переопределяющее саму сущность того, чем искусство является»³.

3 Конончук Л. Станция «Дистанция». Диспозитив производства знания в ранних российских художественных исследованиях // Логос. 2024. № 1. С. 14. Речь идет о понятии произведения искусства как «теоретического объекта» (Юбер Дамиш), «эпистемической вещи» (Хенк Боргдорф), «эпистемического изобретения» (Ирит Рогофф). В последнем случае вопрос ставится о постоянном поиске формы: «Форма находится,

Поскольку настоящий блок статей посвящен производству знания на краях научного и культурного мейнстрима, мы решили обратиться к маргинальным формам и художественного знания, которое в целом в свою очередь может рассматриваться (до сих пор) в качестве маргинального по отношению к научному и философскому. Действительно, стрит-арт, о котором пойдет речь ниже, вполне можно определить как парадоксальную форму художественного производства: в некотором смысле для нее не важны ни творение (принципиально недолговечное, а в ряде случаев сводящееся лишь к кенотическому указанию на медиум), ни творец (как правило, анонимный, скрывающийся под ником, чье произведение часто сводится к нечитаемому тэгу-подписи)⁴; смешивающую интенциональное и неинтенциональное до такой степени, что одно уже неотличимо от другого; преодолевающую музейно-галерейные рамки, но не становящуюся, как это ни странно, более доступной – «рассеянный» (Вальтер Беньямин) взгляд горожанина редко фиксирует это искусство в качестве искусства (искусством стрит-арт становится на фотографиях в соцсетях художников или включаясь в специализированные городские экскурсионные маршруты). Парадоксы можно было бы множить. Но вместе с тем стрит-арт в его разнообразных вариациях является сегодня мощной исследовательско-урбанистической практикой, все познавательные возможности которой нам еще не очень известны и понятны.

ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

Стрит-арт можно определить как парадоксальную форму художественного производства: в некотором смысле для нее не важны ни творение, ни творец; преодолевающую музейно-галерейные рамки, но не становящуюся более доступной – «рассеянный» взгляд горожанина редко фиксирует это искусство в качестве искусства.

по Рогофф, через “эпистемические изобретения”: пропозициональные и фикциональные, через рассогласованные (*mismatching*) образовательные платформы, изобретенные архивы, через озвучание (*envoicing*), воплощение (*embodying*) и запуск в движение (*setting in motion*). Называемые ею художественные исследовательские методы – это среди прочего сотрудничество, разговор, обмен, коллективное и индивидуальное движение. [...] Такое размывание рамок не должно вводить в заблуждение: на деле Рогофф говорит о том же, о чем и Дамиш с Боргдорфом. Это будет очевидным, если слова “объект” и “вещь” заменить на “процесс” и “среда”, более актуальные для современного международного художественного диспозитива (Там же).

- 4 О смене исторических режимов искусства – от классического греческого, где важно творение, к нововременному, с его культом творца, см.: АГАМБЕН Дж. *Творение и анархия. Производство в эпоху капиталистической религии*. М.: Гилея, 2021.

Помня, что, в отличие от научного, художественное знание всегда лично и аффективно, мы решили поговорить о практиках артистической эпистемологии непосредственно с производителем такого знания – уличным художником, поэтом и урбанистом, работающим под ником Синий Карандаш⁵.
[Игорь Кобылин]

Игорь Кобылин: В одном из интервью вы очерчиваете поле своей деятельности как располагающееся, цитирую, «между искусством, городскими исследованиями, урбанизмом, изменениями городской среды, политическим активизмом»⁶. Как вы определяете для себя это «между»? Понятно, что это способ не быть ни художником, ни исследователем, ни урбанистом – и одновременно возможность быть ими всеми сразу. Что означает взаимная инфицированность этих позиций? Как меняется «художник», становящийся «исследователем», – и наоборот?

Синий Карандаш: Для точности – сейчас я для Синего Карандаша определяю несколько другие точки этого «между». Это тактический стрит-арт, поэтические высказывания, культурный и отчасти социальный активизм, личные отношения и городские исследования. Наверное, все это можно суммировать как «формулирование или артикуляция окружающего пространства».

Положение «между» можно сравнить с первыми постоянными человеческими поселениями. Как пишет антрополог Джеймс Скотт в работе «Против зерна»⁷, эти поселения возникали на пересечении нескольких экологических ниш (например заливные луга, появляющиеся на месте впадения крупной реки

- 5 Декларация (*artist statement*) Синего Карандаша: «Авторский стиль – лаконичные и остроумные надписи в публичном пространстве, комментирующие те или иные события, ситуации или состояния и предлагающие по-новому их осмыслить. В своих высказываниях исследует границы искусства, социального активизма, тактического урбанизма и поэзии. Шрифт художника легко узнаваем: прямоугольные вытянутые по вертикали буквы синего цвета. Надписи можно встретить в Нижнем Новгороде, Кулебаках, Москве, Берлине, Тегеране, Амстердаме, Коврове, Праге, Каше, Владивостоке, Петербурге, Суздале, Томске, Ширазе, Тбилиси, Калининграде, Красноярске, Екатеринбурге, Новгороде, Ереване и других городах. Всякие выставки: “799 или за год до 800”, “Арсенал” и галерея “Futuro minor”, Нижний Новгород (2020); “Выставка забытых слов”, Центр современной культуры “Terminal A”, Нижний Новгород (2021); “Место X Зарядье. Выставка Нижегородского уличного искусства”, Зарядье, Северный тоннель, Москва (2021–2022); “A War Is Not the Answer”, Street X Digital Art Exhibition at the Red Square in Metaverse (2022); “Хроника цветущих событий”, галерея “Триумф”, Москва, Центр современной культуры “Смена”, Казань (2023–2024)». См. также: Кобылин И. «Это мог бы быть ваш город», или Самодельный урбанизм Синего Карандаша // Новое литературное обозрение. 2022. № 2(174). С. 119–131.
- 6 #ЯизНижнего – Синий Карандаш // надписи на стенах и диалог с городом (www.youtube.com/watch?v=ThfSY3tR9Yo).
- 7 Скотт Дж. *Против зерна. Глубинная история древнейших государств*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.

в море), каждая из которых обладала самостоятельным набором ресурсов (растения, животные, моллюски, вода), доступ к которым имели все члены сообщества – ресурсы находились в общей собственности. Но важно, что это «между» не только перекресток экологических ниш, но своего рода маятник между оседлой жизнью в укрепленном «цивилизованном» поселении, полном дисциплинарных, закрепляющих жителей практик, и уходом/возвращением из него обратно в многонишевую «дикость», где обитают разные Другие. Эти трансверсальность и маятниковость – базовые принципы работы Синего Карандаша: тут пересечение, совмещение, рассредоточение – рабочая стратегия выживания, в которой появляется поле сибруковско-го культурного и социального «ноубрау»⁸. То там то тут, но ни там и ни тут, хотя высказывания Синего Карандаша оказываются более-менее понятны везде.

Наверное, «между» также можно назвать фронтиром – промежуточной зоной, обладающей определенной глубиной, прощупаемой и подвижной. Область пересечения разного.

С точки зрения научности исследований, это очень нишевое «между», в котором нет суровости метода, стремления к порядку, рационализации и абстракции, необходимой отчетности и как следствие – нет легитимности. Также междунахождение дает возможность использовать несколько (одновременно или попеременно) техник высказывания и технологий влияния, импровизировать, внимать полярности возможных взглядов, расширяет сеть контактов (влияя на их глубину) и одновременно затирает видимость деятельности в профессиональных полях. Исследование обычно унифицирует – даже тогда, когда ставит себе задачу поддержать разнообразие.

Есть еще простой апофатический способ определения «между»: в силу разных причин я не готов назваться ни правоверным художником, ни строгим исследователем, ни занимающимся только активизмом – в первую очередь из-за множества необходимых и системообразующих условностей в каждой из сфер.

Относительно изменений и взаимовлияний позиций художника и исследователя. Исследователь становится более образным, метафоричным и включенным. Художник же получает ограничения в том плане, что внешние обстоятельства и культурные конструкции влияют на содержание и формулировку. Эти ограничения во благо.

Множественность и одновременно нигдешность позиций расширяет чувственность, рецептивность пространства.

8 См.: Сибрук Дж. *Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры*. М.: Ад Маргинем; Музей современного искусства «Гараж», 2013.

**ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ**

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

Илл. 1. Воздух выпустили, а жизнь не закончилась. Улица Варварская. Нижний Новгород. Фасадная краска (2023).

И.К.: Являясь художником-исследователем, какой тип знания вы производите? Что вообще означает исследовать город, например, посредством (уличного) искусства?

С.К.: Я произвожу моментальный тип личностного знания, знания через отношение. В каком-то смысле его, наверное, можно считать сократическим, так как он обращен к зрителю, вопрошая его в конкретной точке пространства или сети и рассчитан на реакцию и внимание к той или иной теме-сюжету-объекту-ситуации. Чтобы репрезентировать действительность, ее проще над-писать.

Если вы хотите узнать степень научности этого знания, то она не претендует ни на что низка, как и степень академической или коммерческой художественности. Это не столько

производство знания, сколько обналичивание ощущений, которые висят в воздухе (физическом, социальном, символическом пространстве). Перевод суммы ощущений и пониманий в формулу, которая может быть записана и прочтена. Ощущения базируются и на приближение к реальности, и на воображении.

Исследовательские задачи Синего Карандаша в городе – это прежде всего экфрасис, но не только внешних форм пространства, а в том числе и внутреннего содержания. При этом исследовательские практики и техники Синего Карандаша довольно близки практикам и техникам социологических и антропологических работ «в поле» – наблюдение, визуальный анализ, считывание особенностей и закономерностей, интервью, включенное наблюдение. Особенно важно пространственное постижение – прохождение сквозь (дрейф, прогулка, интервенция) и натяжение сетки, исследование складок и подтоплений, углубление в поры, полные отпечатков и следов повседневных практик, ролевых ситуаций и знаков.

Практика надписей Синего Карандаша – это в том числе и художественное исследование возможностей зрения и способности смыслообразования у рандомного горожанина, и приглядывание (к пространству и за пространством), и пере-смаatrивание пространства, и порез кожи города, из которого на горожанина течет начинка неузнаваемого.

И.К.: Почему вы работаете исключительно в городском пространстве? Почему только там возникает, если воспользоваться выражением Джона Бёрджера, «импульс что-нибудь нарисовать»?

С.К.: Я бы сказал, что работаю не *в* городском пространстве, но *с* пространством, в том числе и с *городским*. Иногда все же это бывает пространство готового изображения (пейзажа, панорамной фотографии, видовой гравюры), референт которого слишком удален культурно и исторически, или виртуальная среда, воспроизводящая место, в котором я не могу или пока не готов делать надпись в реальности.

Городское пространство привлекательно своей вседоступностью и множественностью. В нем оказывается всякий – и такой, и другой, и богатый, и бедный, и начитанный, и насмотренный, и ненасмотренно-неначитанный, и властьвертикальдержущий, и бездомный диогеновского типа, никому не принадлежащий, и местный бандит, и заезжая звезда, и многие другие. Внешнее, публичное пространство городов максимально транзитивно, открыто и в этом смысле всеобщее, объединяет всех. В нем легко «попасться». И на вход в него из дома пока не поставлены разного рода ограничительные рамки –

**ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ**

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

культурные, религиозные, технологические, финансовые, национальные и так далее. Город – это первичный, самый базовый медиум. Как пишут географы Эш Амин и Нейджел Трифт: «Город сам является медиумом, непрерывно выкрикивающим свои истории». И в этом нойзовом крике – контрапункт Синего Карандаша.

Илл. 2. Еще не вечность. Закатное небо над Волгой в районе Нижнего Новгорода. Цифровая надпись на цифровой фотографии (2019).

И.К.: На каких уличных художников-исследователей – российских и/или зарубежных – вы ориентировались, когда начинали? Чей способ работы с городским пространством был для вас наиболее вдохновляющим?

С.К.: Я думаю, что статус «художник-исследователь» – это более-менее новейшая конструкция, не совсем корректная по отношению ко многим, кто важен для меня. Художественное исследование и исследование искусством для художников, работающих с пространством, звучит как нечто, сформулированное на языке институционального подхода. Мне же важны метаисследователи.

Например, Дмитрий Александрович Пригов – кажется, он просто увлеченно тестировал границы человеческих возможностей культурного производства, способы художественного приспособления под искусство всего вокруг и внутри себя, побочно рождая множество смыслов. В том числе он делал и уличные вещи. Меня очень вдохновляла и продолжает вдох-

новлять его акция середины 1980-х с расклеиванием по Москве обращений. Это называется «Каталоги обращений Дмитрия Александровича». Во время одного из расклеиваний его арестовали и пытались положить в психлечебницу. «Граждане! Разные мысли приходят в голову – не все могут быть поняты – оттого и смута выходит!» – всегда готов цитировать.

ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

Ричард Серра, трансформирующий своими скульптурами пространство и проверяющий некоторыми из них – например, «Опрокинутой аркой» – человеческое терпение⁹.

Работы самого, на мой взгляд, бескомпромиссного художника Сантьяго Сьерра, в которых он исследует ограничения, принятые в современных обществах¹⁰. Почти каждая из этих работ устроена как раскрывающаяся во времени метафора – при этом сохраняющая ситуативность и идейную связь с историческими, социальными и пространственными условиями места, в котором все происходит. Это важный принцип.

Илл. 3. В гробу заборов нету. Ограда митрополитской резиденции. Нижний Новгород. Цифровая надпись на цифровой фотографии (2020).

9 Ричард Серра (1938–2024) – американский художник, известный своими крупномасштабными абстрактными минималистичными скульптурами, созданными с учетом ландшафтной, городской и архитектурной специфики. Подчеркивает материальные качества своих работ и исследует отношения между зрителем, произведением и местом.

10 Сантьяго Сьерра (р. 1966) – испанский художник, работающий в жанрах акционизма, инсталляции, скульптуры и концептуальной фотографии. Формально продолжая традиции минимализма, лэнд-арта, арте повера и перформансов 1960–1970-х, все его работы так или иначе посвящены исследованию социально-экономического и физического неравенства людей в современном мире (www.santiago-sierra.com).

Также стоит назвать таких художников, как Альфредо Джаара и Дженни Хольцер, использующих различные способы присутствия текста в публичном пространстве – рекламные экраны, футболки, световые проекции, передвижные мониторы, диодные конструкции и иное¹¹. В их письмо всегда включен общественный аспект, связанный с умолчанием и подспудным присутствием этого умолчания в общественном сознании. Включенное умолчание. Такой чистый акт обнажения во имя надежды на оздоровительный эффект от произведения.

Городское пространство привлекательно своей всеобщностью и множественностью. В нем оказывается всякий – и богатый, и бедный, и начитанный, и насмотренный, и ненасмотренно-неначитанный, и властьвертикальдержущий, и бездомный диогеновского типа, никому не принадлежащий, и местный бандит, и заезжая звезда, и многие другие.

Ну и последовательные исследователи пространственного восприятия и изъятия из этого восприятия – Христо и Жанна-Клод¹². Они работают и с архитектурой в городе, и природными объектами в ландшафте, трансформируя то, что может не меняться столетиям и больше – типа горных ущелий.

Из тех, кто поколенчески близок, – художник Тимофей Радя из Екатеринбурга¹³. Его подход к уличному искусству довольно плотно описан в работе 2013 года «Все что я знаю об уличном искусстве», сделанной на бетонной стене ныне закрытого и снесенного завода полимеров, где какое-то время располагал-

11 Альфредо Джаар (р. 1956) – американский художник, архитектор и режиссер чилийского происхождения, работающий с болезненными темами сегодняшней жизни: голод, эпидемии, расизм, коррупция, военные конфликты и их репрезентация (www.alfredojaar.net). Дженни Хольцер (р. 1950) – американская художница-неоконцептуалистка. Главная цель ее работы – проекция идей в публичные пространства. Ее короткие, резкие и политически ангажированные текстовые заявления с конца 1970-х появляются на уличных плакатах, рекламных щитах, светодиодных вывесках, резных камнях, картинах, футболках, световых проекциях и многом другом по всему миру (www.projects.jennyholzer.com).

12 Христо Явашев (1935–2020) и Жанна-Клод де Гийебон (1935–2009) – американские художники, соответственно болгарского и французского происхождения. Создали собственную художественную технику – «ампакетаж», или «амбалляж», – суть которой заключается в обертывании предметов и объектов в различные материалы (ткань, бумагу, пленку). За свою карьеру «упаковывали» множество различных объектов – от пишущей машинки и автомобиля до здания Рейхстага и необитаемых островов Южной Флориды (www.christojeanneclaude.net).

13 Тимофей Радя (р. 1988) – российский уличный художник, поднимающий в своих городских интервенциях остросоциальные вопросы, но обращающийся при этом к поэтике повседневного языка. Живет в Екатеринбурге (www.t-radya.com).

ся музей стрит-арта¹⁴. Такая скрижаль честного с самим собой уличного художника. У Ради есть проект «Улучшения на районе» – просто классика вторжения в постсоветское городское пространство, где приемы нового урбанизма реализованы материалами жэк-арта и граффити.

Также важны московский художник и исследователь Игорь Поносов¹⁵ и так называемый «партизанинг», придуманный группой московских уличных художников, искусствоведов и исследователей. Партизанинг объединяет множество городских и общественных DIY-инициатив и идей, развитых или заброшенных потом капковской урбанистикой Москвы. Но там меньше про искусство, больше про горизонтальные связи, действия и взаимодействия, экономику шеринга и переработки.

И.К.: Ваши художественные практики можно квалифицировать не только в качестве визуальных, но и в качестве поэтических. Как соотносятся два этих регистра в конкретных работах?

С.К.: Одно из направлений подписей Синего Карандаша может быть охарактеризовано как поиск рифмы пространства и слова. Поэзия тут часто вшита в само пространство. Вшита: фактурно – это может быть кора мертвой, но еще укорененной в земле березы (илл. 4); ситуационно – когда это композиция случайно зашито фанерой окна или разбитое лобовое стекло брошенного автомобиля (илл. 5); ландшафтно – когда открывается завораживающий вид (илл. 6). Окружение задает поэтичность или то, что ею можно посчитать. Но «поэтичность» не равно «красивость». «Поэтичность» равно трезвой пронзительности.

Пейзаж не пишется, а подписывается, иногда поэтизируясь. И этим подписыванием городской пейзаж высвечивается, тем самым проявляясь, проясняя возможные смыслы или образуя позицию читающего (или человека, просто оказавшегося рядом) по отношению к этому пейзажу. Прояснение в моменте, создание контекста, дистанции (илл. 7).

Безусловно, есть вещи, которые растут скорее из поэтических интересов и опираются на опыт «культурной вменяемости», исходят из более широкого взаимодействия с языком через словообразование, через букву как форму, через произнесение звука. Последнее время – относительно поэтического – интересно создавать звуковые заклинания, находить звукозавораживающие фразы, которые я закликаю петлями с помощью голосового процессора и записываю:

¹⁴ См.: <https://all.t-radya.com/>.

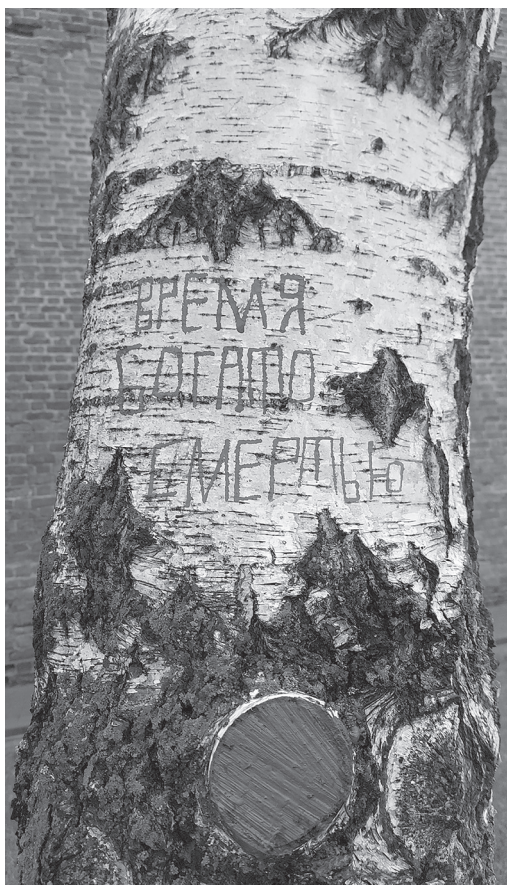
¹⁵ Игорь Поносов (р. 1980) – художник, куратор и теоретик уличного искусства. Автор книг «Искусство и город» и «Russian Urban Art: History and Conflicts».

**ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ**

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

*Илл. 4. Время богато
смертью. Тату на мерт-
вой березе. Кремлевский
бульвар. Нижний Новго-
род (2023).*

*Илл. 5. Одиночество.
Пустырь на улице
Провиантская. Нижний
Новгород. Индустриаль-
ный маркер (2019).*

Илл. 6. Неисчезаемое. Мостик над Почаинским оврагом. Нижний Новгород. Индустриальный маркер (2022).

Илл. 7. Что здесь будет через 1000 лет. Квартал Красный Просвещенец. Нижний Новгород. Акриловая краска, индустриальный маркер (2022).

ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ
«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

гладь тьмы
гладь тьмы
гладьтьмы
гладьтьмыгладьтьмыгла
дтьмыгладьтьмыгладьтьмыгладбть
мыгладьтьмыгладьтьтьмыМглатьмымглатьмымгла
тьмымглатьмымглатьмымглатьмы
мглатьмымглатьмымгла
тьмымглатьмымгла
тьмы мгла
тьмы мгла

всё
всё
всё
всё
всё ещё
всё ещё
всё ещё
всё ещё

Это такие вполне классические волноходы из комбинаторной поэзии или всеволодо-некрасовский минимализм. Но это интересно именно произносить и слушать, а не писать и читать.

Окружение задает поэтичность или то, что ею можно посчитать. Но «поэтичность» не равно «красивость». «Поэтичность» равно трезвой пронзительности.

Поэзия в моем понимании – это передний край языковых игр, чувствования происходящего и работы с аффектами. То, что начиная с 2010-х и по сегодняшний день «придумывают» с текстом уличные художники и паблик-артисты, в 1960–1970-е так или иначе было сделано концептуалистами, минималистами, конкретной поэзией, новыми композиторами, а еще раньше это прошло через леттризм, дада, ОБЭРИУ, будетлянство и так далее. Но поэзия как автономная сфера замкнута и существует в узких специальных нишах – в университетах, журналах, на сайтах и чтениях. Это, безусловно, скорее эзотерическое искусство, чем городское или публичное.

Периодически на улице находит место то, что я отношу к традиции моностихов или одностроков:

Ничегосамопосебенепроисходящсть
Письменная версия сердца
Всего не перемолчишь
Обыск смысла

**ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ**

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

*Илл. 8. Обыск смысла.
Лыкова дамба. Нижний
Новгород. Индустриаль-
ный маркер (2024).*

Но, наверное, самая трогающая меня и потому самая часто используемая поэтическая техника – это блэкаут. Зачеркивание слов и букв у уличных объявлений, рекламы, городского спама. Обычно это тексты с максимальной цепкостью и понятностью формулировок, отражающие реальные запросы социума. Через блэкаут они превращаются в алогизм, хармсовскую бессмыслинку, в сюрреалистично-кринжовое сообщение, замешанное на узнаваемых российских реалиях и вновь становящееся их частью.

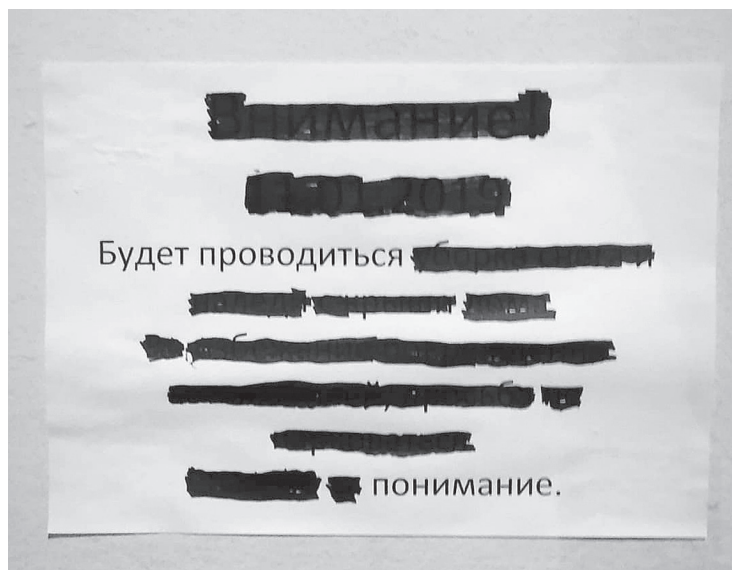

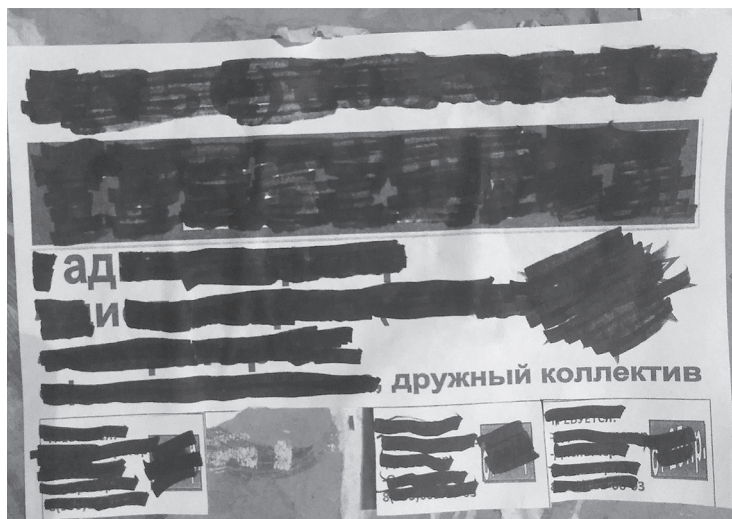
ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

И.К.: Исследовать – это делать неизвестное известным, двигаться от незнания к знанию. Но часто исследование приходится начинать с обратной процедуры: сначала необходимо сделать известное неизвестным, раз-узнать знаемое – например, превратить родной, с детства знакомый город в отчужденный (или остраненный) объект артистического изучения/освоения. Легко ли дается такое отчуждение и как в целом соотносятся для вас различные когнитивные карты города?

Илл. 9–10. Блэкаут.
Объявления на улицах
Нижего Новгорода,
Москвы и Санкт-
Петербурга. Черный
маркер (2019–2020).

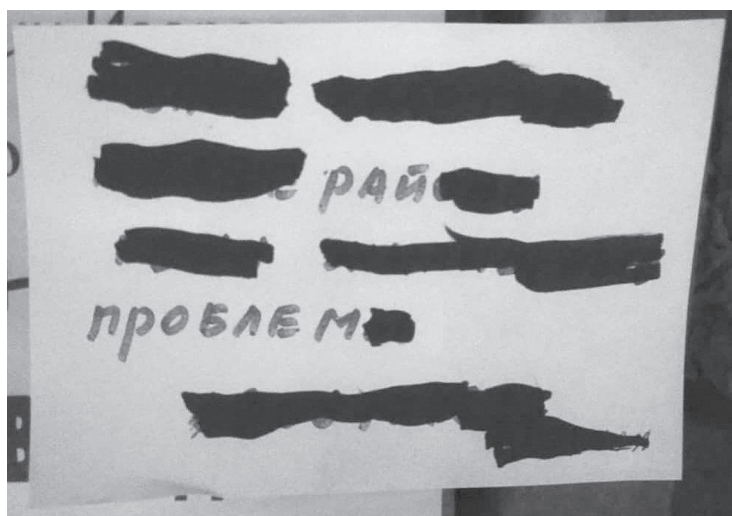

ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

*Илл. 11–12. Блэкаут.
Объявления на улицах
Нижнего Новгорода,
Москвы и Санкт-
Петербурга. Черный
маркер (2019–2020).*

С.К.: Остранить уже знакомое довольно легко. Нужно, например, просто представить, что ты находишься под толщей воды, на дне моря или большого аквариума. Или ощутить, что все вокруг прямо сейчас растет и меняет форму. Ощутить одновременную трансформацию всего – рост травы и деревьев, растворение облаков, движение скал и литосфер. Почувствовать, что все стремится вверх и одновременно испытывает на себе силу притяжения. Простой мысленный прием, создающий образ пространства, довольно легко производит эффект переощущения, по крайней мере на меня.

Но для опыта «артистического освоения» о(т)странение далеко не всегда необходимо, скорее в родном или просто про(об)житом месте важен гиперопыт, сверхчувствительность

и включение, так как они помогают найти проблемы, несоответствия, или, наоборот, подчеркнуть особенности, или просто промолчать.

Также хочу указать, что знакомого мне с детства города нет. Это иллюзия. Город постоянно меняется, даже в тех частях, которые входят в охранные зоны исторического центра. Нижний Новгород трансформируется, чтобы соответствовать нуждам глобальных (в прошлом), федеральных, а чаще всего локальных, местных бизнес-структур. Его организуют, реорганизуют, пере-реорганизуют под свои интересы жители, власть, бизнес разного уровня, и еще подключаются нацпроекты – например, по развитию спорта, туризма или комфортной городской среды. Что не растет, то в упадке. В городской ткани постоянно появляется новое, что-то разлагается, что-то стирается, что-то пере-осваивается. Город одновременно расцветает и зацветает, самоотчуждаясь, а заодно отчуждает и меня.

И.К.: Вы работали в разных городах – в том числе и в тех, по отношению к которым слово «исследование» может применяться буквально, без всякого преувеличения – в Тегеране, например. В чем специфика арт-исследования в городе, который радикально (или не очень радикально?) отличается от привычных российских или европейских городских территорий?

С.К.: Я бы не сказал, что у меня была цель как-то научно исследовать Тегеран. Это точно не исследование в духе Клиффорда Гирца. Когда я оказываюсь в незнакомых городах, хочется погрузиться во весь спектр социальной, а иногда и биологической жизни, увидеть разные места и события, оказаться внутри частного или в очень локализованном всеобщем. Увидеть и понять какие-то парадно репрезентирующие город, страну, политику, культуру пространства – главные площади, парки, центровые мечети, национальные музеи и так далее. Но и максимально типичные, повседневные, внутренние, транзитивные области, в которых условно нечего фотографировать и точек притяжения ноль. Увидеть случайно и намеренно.

Поэтому я не исследую, а скорее пристально, анархо-антропологически, в духе Джеймса Скотта, визионерски всматриваюсь в пространство. И в целом веду себя ситуационистски, заходя куда угодно, знакомясь, оказываясь где угодно и с кем угодно. Но оказываюсь с «леттристским» прицелом – так, чтобы «между чувствами и высказываниями образовывалось соединение в пространстве». Дрейф как одна из базовых практик Синего Карандаша всегда приводит в нужные места.

Возвращаясь к Тегерану. У него довольно типичная структура старого города, пережившего модернизации XX века: в цент-

ре лоскутные остатки домов исторического центра, и здания, и кварталчики, в основном связанные с правительственной, банковской, туристической, образовательной, музейной сферами. Сверху, на севере Тегерана, в предгорьях – районы для глобализированных, более богатых иранцев, разделяющих ценности и пользующихся технологиями мира, который можно назвать современным. Эти районы отделены от центра обширным ландшафтным парком, по ущелью которого проходит скоростная автострада. Внизу от центра, на юге более бедная и корневая иранская часть – с базаром, кварталами домов, собранных из базовых материалов по суровым правилам, и монументальный мавзолей Хомейни, являющийся местом постоянного паломничества. Слева и справа от центра – жилые районы, приросшие к Тегерану в разные десятилетия XX и XXI веков. Среди них есть величественный бруталистский микрорайон Экбатан середины 1970-х, рассчитанный на пятнадцать тысяч человек и запроектированный по ирано-американскому проекту сразу с самодостаточной и довольно разветвленной инфраструктурой, культурными и общественными пространствами, недвижимостью для малого бизнеса и иными передовыми на тот момент представлениями урбанистической науки.

Структурно Тегеран похож на Москву – все построено на разветвленной сети метро и кольцевых и радиальных дорог, обеспечивающих постоянные потоки машин, людей, товаров. Но если в Москве власть и деньги расходится кругами от Кремля ко МКАД, то в Тегеране власть и богатство размазываются сверху вниз, с севера на юг. Это очень легко проследить, пройдя город почти насквозь, по очень длинной улице Вали-Аср, которая пересекает весь город и объединяет рыночные трущобы бедных и таунхаусы богатых. Потратив на прогулку целый день, я понял, что она является своего рода позвоночником города, и создал карту, где география привязана к базовым качествам тех или иных городских областей и отражает специфику устройства Тегерана (или представление об этой специфике).

Отличия жизни городов интересно еще наблюдать в быстром, нервном, уличном слое – реклама, объявления, навигация, граффити и борьба с ним (бафф), уличное искусство и просто шалости детей. Очень любопытно попадать в города, стены которых реагируют на политическую и социальную реальность. Я сейчас нахожусь в Тбилиси, в котором был в последний раз пять лет назад и тогда сделал некоторое количество надписей в спокойном, почти девственном по чистоте городе. Сегодня, в 2024-м, в столице Грузии максимально насыщенная городская визуальная и языковая среда, в которой присутствуют как минимум четыре языка – картули, английский, русский и укра-

ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ

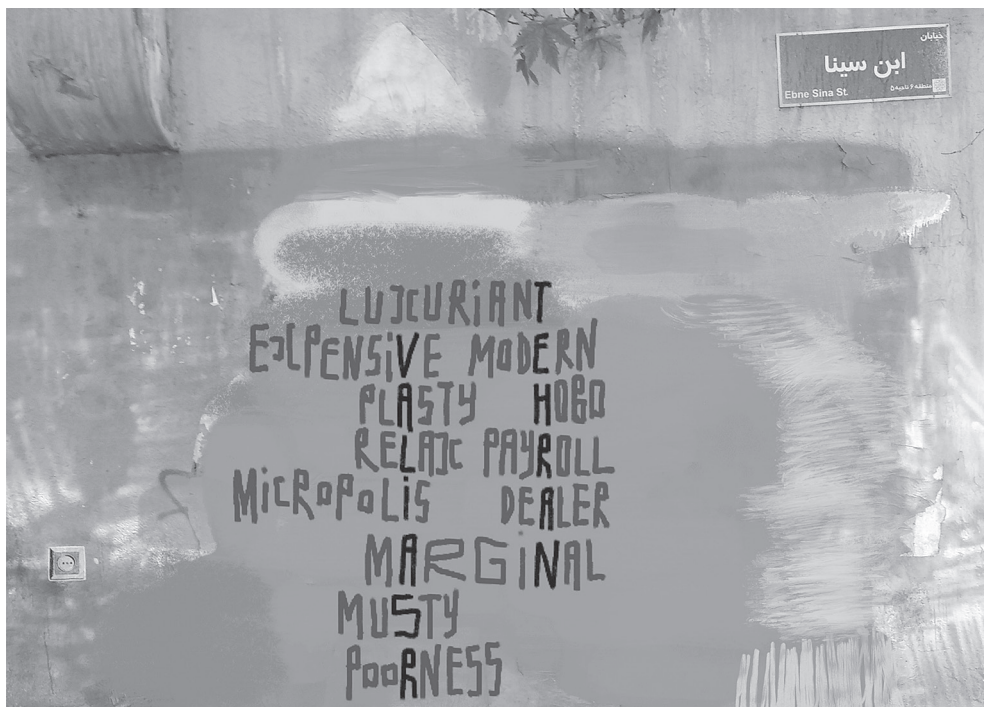
«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

инский. Город переживает не просто бум граффити. И это не просто столица эмиграционного стрит-арта из России и Беларуси. Сегодня Тбилиси – это арена для подлинной лозунговой войны, в которой надписи, символы, флаги выражают радикальные позиции поддержки, осуждения, призывы и констатации, исправления и дописки. Город чрезвычайно заряжен – что сегодня тут на стенах, послезавтра тут на улицах.

Илл. 13. Карта Тегерана.
Улица Ибн Сины. Тегеран.
Акриловая краска (2019).

Подлинно научными исследованиями подобной эпиграфики занимаются городские фольклористы и антропологи. Синему Карандашу гораздо интереснее погружаться в прощупывание языка противостояния, языка выяснения отношений, работать с ним, чем находиться в стерильных столицах восточных диктатур разного типа.

И.К.: Современное искусство, как принято считать, является искусством рефлексивным – оно исследует не только мир, но собственный способ производства (и в этом смысле действительно следует предсказанию Гегеля, писавшего, что, исчерпав свои духовные возможности, искусство превратится, в конечном счете, в искусствоведение). Является ли ваше художественное исследование города еще и рефлексивной ревизией средств производства – и если да, то как именно эта ревизия проводится?

С.К.: Если под средствами производства понимать не только, чем я пользуюсь, а и то, что предоставляет город в качестве свободных поверхностей, то ревизия происходит постоянно. Например, в какой-то момент исчезли фальш-фасады, но появились трафареты с рекламой магазинов из даркнета, и это стало полем для высказывания – блэкаутов.

**ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ**

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

И.К.: Артистическая деятельность – это еще и производство знания о себе самом, в некотором смысле самоисследование художника. Насколько этот момент вами рефлексирован и насколько для вас вообще важно такое самоисследование?

С.К.: Обычно самоисследование в артистической деятельности Синего Карандаша касается границ собственного страха, уместности высказывания и точности формулировки, умения действовать в меняющихся обстоятельствах.

Но если смотреть на Синего Карандаша отстраненно, как на некоторого персонажа, у которого есть свои собственные, отличные от «моей», линия, голос и карьера, то самоисследование, например, структурирование архива, обычно приводит к новым идеям, не испытанным ранее формам и расширениям.

**Для «артистического освоения» важен гиперопыт, }
сверхчувствительность и включение, так как они }
помогают найти проблемы, несоответствия, или, }
наоборот, подчеркнуть особенности, или просто }
промолчать.»**

И.К.: Сегодняшний субъект – это не столько активный субъект рационального покорения мира, сколько субъект пассивный, покоренный, охваченный чувствами, аффектами, страстями – субъект-жертва, субъект-пациент. И самопознание – основа любой «заботы о себе» – носит сегодня прежде всего медицинский характер. «Я» бесконечно увеличивает список собственных уязвимостей, травм, шрамов, и главное знание – это, конечно, знание о том, какую терапию необходимо выбрать в каждом отдельном случае. Насколько важен для вас терапевтический эффект искусства в эпоху аффективной гегемонии?

С.К.: Аффект, конечно, сегодня очень популярен и влиятелен как объяснение причин происходящего, как популярна и работа с ним – его преодоление, продолжение, отрицание, наслаждение им и прочее. Если присмотреться, все действительно повреждено, над-сколото, а иногда рас-колото. Социальные

ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

Илл. 14. Идеального нету. Задняя правая дверь Volkswagen Polo. Улица Большая Покровская, дом 35 Д. Нижний Новгород (2020–2022).

аффекты везде – оскорбление чувств, геополитический ресентимент, депрессивные эпизоды, просто личная встреча или разговор по зуму.

Я провозгласил для себя в качестве терапии от травм два постулата: «Криво это новое прямо» и «Идеального нету».

Самотерапевтичным, наверное, можно назвать отдельную линию надписей #ясерия, в которой местоимение «Я» я вписываю в очень разные пространства. «Я» влезает везде – в любую щель или пятно. Отчасти это взаимодействие с граффити-культурой, которой на улице все-таки невозможно не замечать. Тэг это базовое действие любого граффитчика. Но я не граффитчик – и более того, я сознательно избегаю прямых высказываний, местоимений, побуждений, повелительных накло-

нений и тем более не подписываюсь на улице как «СК». И «Я» из #ясерии в каком-то смысле стало тэгом появления и присутствия в граффити-слое. Это, пожалуй, одно из немногих соприкосновений с граффити-культурой в моей практике. #ясерия делает «Я» не только личным, но и общим местоимением, так как каждый, кто натывается на этот тэг, автоматически прочитывает и, может быть, внутренне произносит, и его «Я» появляется внутри него.

Какой терапевтический эффект производят надписи Синего Карандаша на зрителей – сложно сказать. Даже если практика искусства терапевтична для зрителей, для меня это не цель, а косвенное следствие. Хотелось бы больше отрезвляюще, конечно.

Апрель 2024 года

**ИГОРЬ КОБЫЛИН –
СИНИЙ КАРАНДАШ**

«НАЧИНКА
НЕУЗНАВАЕМОГО»

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

От математики и кино до Агамбена:

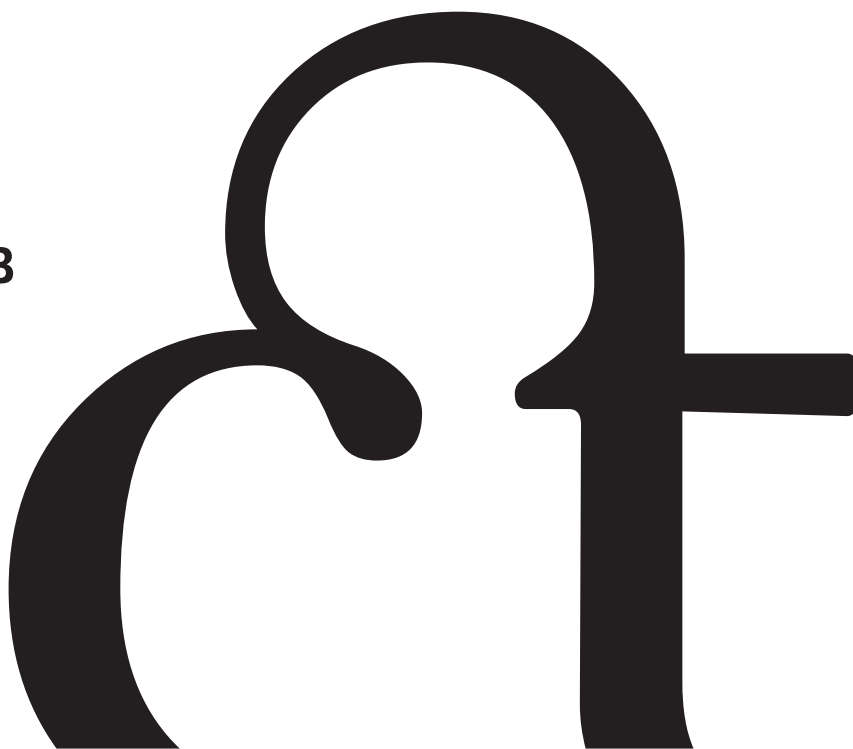
обзор российских
интеллектуальных журналов

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Попадавшие в этот раз в обзор журналы продолжают нелегкий интеллектуальный труд вопреки слишком многому. В центре внимания «Художественного журнала» – пространства и художественные сообщества, ищущие убежища. «Versus» обсуждает теоретическое ядро философии Агамбена и маргиналии киновосприятия. «Логос» проделывает путь от философии математики через подозрение к теологическим подоплекам социальной теории. «Ab Imperio» же изучает политики именования в контексте формирования исторических групп.

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

ПРОСТРАНСТВА И ПОБЕГИ

«Художественный журнал» (2024. № 124) обращается к актуальному положению искусства в стране и посвящает номер «Производству пространства». В условиях прекращения «транснационализации» (с. 92) современного искусства, закрытия многих возможностей и тем в России встал вопрос о переустройстве художественных пространств. Речь прежде всего о выделенных социальных и антропологических пространствах, в которых возможно производство искусства и в целом жизнедеятельность. Поэтому авторы часто обращаются к проблематике побега и исхода, а также производства новых идентичностей и сообществ.

Зачастую поиск новых пространств ведется через погружение в историю и восстановление отвергнутых ранее форм. Так, Юлия Тихомирова и Арсений Жилаев тематизируют *домашний салон* как медиум, опираясь на богатую историю художественных прецедентов. Такой салон ближе к *show* как ситуации, в которой субъект присутствует и показывает интермедийные объекты, но не претендует на кураторскую власть (подробнее о тематизации

показывания как антропологического действия можно посмотреть в статье Тристана Гарсии в этом же номере). Одновременно салоны открыты только для определенного круга посетителей, попасть туда можно лишь «по знакомству», и это их защитная функция:

«Салон во времена перемен становится защитой, комфортным пространством, которое позволяет развивать опасные темы, спорить и дискутировать. [...] Это колокол, в котором можно дышать на глубине, [...] сопротивление мысленному анабиозу, оцепенению, кататонии» (с. 30, 31).

По сути, такая модель – это внутренняя миграция, *побег* от публичной действительности. Однако побег амбивалентен: это освобождение, грозящее обернуться эскапизмом, ядром которого является несвобода. Размышлениям об онтологии побега посвящен текст Влада Капустина, развивающего эскейпологию, которая как раз тематизирует разницу между побегом как освобождением и как несвободой. Побег может рассматриваться как проявление воображения, а потому сопряжен с поиском и изобретением новых, свободных пространств. Собственно, искусство эскейпологии и состоит в поиске таких пространств.

«Для этого необходим анализ существующего мира и современного человека. Это даст нам возможность увидеть, какие формы побега у нас остались» (с. 61).

Интересная рифма выстраивается между рассуждениями Капустина и эссе философа Тристана Гарсии об экспонировании, в котором выставка определяется следующим образом:

«Это направленное отношение между субъектом, готовым к собственному отсутствию (тем, кто расставляет вещи), и присутствующим объектом (расставленными вещами). [...] Как только живое существо начинает что-то выставлять, независимо от того, что

именно, оно готовит собственное исчезновение в глазах других» (с. 76–77).

Минимальный онтологический побег, словом, встроен в выставку как частичный перенос между субъективностью и объективностью. Это обстоятельство в трактовке Гарсии объясняет неуспешность партиципаторного искусства:

«Либо выставка терпит поражение, порождая жест, ее отменяющий, удерживающийся до тех пор, пока есть субъект, который здесь и сейчас его осуществляет; либо выставка сохраняется, и тогда она не может претендовать на спонтанность жеста: она терпит поражение, потому что все равно зависит от механизмов медиации и ритуализации, поддерживающих ее в пространстве и времени за пределами жеста» (с. 82).

Здесь нет места спонтанности и непосредственности, и, в конечном счете, «хорошая выставка – это продуманное и сконструированное откровение» (с. 84).

Отдельный сюжет номера – самоорганизованные и «низовые» некоммерческие пространства. Сергей Гуськов настроен по отношению к ним скептически и призывает к откровенности: независимых арт-пространств не существует (с. 35). По его мнению, такие формы сопряжены неолиберализму и только закрепляют логику прекаризации, не предлагая реальных альтернатив. Они карьерный трамплин для начинающих, пространство эксперимента и часть экологии художественного мира. Впрочем, с ним не согласен Дима Филиппов. В автобиографической статье о ситуативности и контингентности коллективной художественной работы с пространством он пишет, что «в сегодняшней действительности способность существовать автономно представляется важной ценностью, к которой пришли альтернативные художественные пространства и организующие их художники» (с. 136). Соглашаясь с ним, Юлия Тихомирова отмечает рост числа не-

коммерческих пространств в московском художественном мире (с. 29). В них произведения не рассматриваются в отрыве от самого физического пространства, которое, таким образом, становится медиумом.

Это размышление переключается с идеями Татьяны Мироновой о месте или ситуации как продукте современного искусства (с. 144). Примером может послужить проект «Будьте осторожны! Ваша неосмотрительность может быть чревата последствиями» в галерее «Тихая», анализируемый в эссе Евгения Кузьмичева и Артема Филатова. Другой пример – проекты Института коинцидентологии, разбираемые Алексом Петуком. Продолжая тему низовых сред, Мария Калинина описывает контекст и задачи работы шведского сельского сообщества «Культиватор» на острове Эланд – «переплетения искусства, фермерства, лесничества и множества других параллельных явлений в особый художественный биом» (с. 40). Это выход за пределы устоявшейся системы искусства и одновременно переосмысление опыта пребывания на периферии.

Но что объединяет участников любых сообществ? Борис Гройс пишет:

«Сегодня “идентичность” парадоксальным образом понимается не как то, что идентифицирует отдельного индивида, а скорее как то, что этот индивид делит с членами сообщества, к которому принадлежит» (с. 19).

Переход от индивидуализма к такому пониманию Гройс связывает с натурализацией (у разных людей разное «естество», отсюда принципы многообразия и терпимости) и анимализацией человека. Окультуренное тело гораздо инертнее души, а значит, нынешние сообщества на основе расы и гендера, по Гройсу, более строги. Он считает, что необходимо политизировать «естественные» идентичности, поскольку «идентичность становится воп-

росом технологического изобретательства и политического выбора» (с. 23). Тем самым он выступает не за индивидуализацию идентичностей, но за общность на уровне *режимов производства* новых, искусственных идентичностей. Предельной солидарностью в таком случае оказывается солидарность разрыва с «такими же», то есть со старой идентичностью.

Продолжая тему производства, Николай Ухринский переключает внимание на производство пространства в марксистской концепции Анри Лефевра. Он показывает, что в пространстве неявно содержится возможность искусства. Среди трех производящих сил – пространственных практик, репрезентации пространства и пространств репрезентаций – освободительным потенциалом обладает третья:

«Это пространства отдыха, удовольствия, телесности и игры. [...] В теле содержится некий несводимый к рациональной дискурсивности остаток, поэтому из этой точки может возникать освобождающее искусство, основанное на игре» (с. 48–49).

Идея спасения, бегства неотделима от вопроса о том, делается ли это поодиночке или вместе. Распространена идея, что современный российский субъект унаследовал от позднесоветского цинизм. Алексей Юрчак повторяет свою критику данного тезиса и подчеркивает:

«Чисто формальное участие в советских ритуалах позволяло сохранить важность многих социалистических ценностей и оставаться в принципе приверженным им. Поэтому советские люди могли одновременно критиковать государственную номенклатуру и продолжать относиться вполне серьезно ко многим этическим нормам социалистического общества и действовать соответственно им» (с. 107).

Идея, что смысл жизни связан с неким общим благом, лучшим будущим, сохраняла тогда свою силу в качестве основы

нравственной ткани общества. И только впоследствии стала доминировать идея «свободы от ответственности за других». По замечанию Ильи Будрайтского, это только отчасти повторяло западный неолиберализм, поскольку в последнем важно не просто быть лично свободным, но и «воспроизводить условия свободы, ненасилия и невмешательства» (с. 109). В противовес этому, по Будрайтскому, в постсоветском пространстве считается, что если за идеей стоит определенный и частный интерес, то это придает ей истинность, так как она соответствует чему-то реально существующему. Это оправдывает любые средства и применимо как на индивидуальном и групповом уровне, так и на уровне государств и идеологий, что объясняет особенности политики последних лет.

С беседой Ильи Будрайтского и Алексея Юрчака переключается текст Анатолия Осмоловского, который предлагает вспомнить уроки модернизма, который, по сути, был рефлексией материальности (в противовес постмодернизму и метамодернизму):

«Забвение материальности, непонимание своих возможностей – фатально и довольно быстро может привести к коллапсу и смерти. [...] Там, где есть ограничение, там всегда есть недостаток, а где недостаток – там возникают политика, социальность и культура» (с. 7).

Впрочем, материальность материальности рознь. Материалистическая критика часто опознается призывом пережить болезненное столкновение с реальностью. Его важно не перепутать с идеологическим навязыванием материалистического сознания – например, неолиберального. Алексей Юрчак в этой связи утверждает:

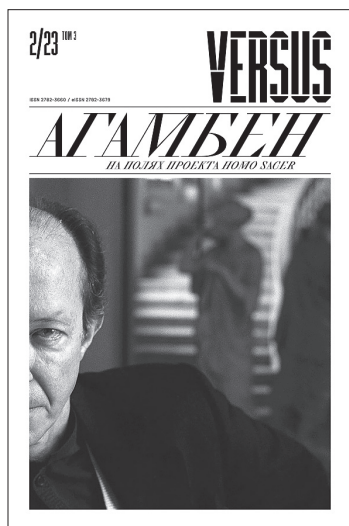
«В текущих условиях главное, что художник может делать – это поддерживать пространства и виды публичности, [которые не сводятся к неолиберальному нарративу]. Так или иначе эти социальные

пространства сохраняются в музеях, выставочных залах, в виде общественных мероприятий и дискуссий. Необходимо не дать исчезнуть пространствам для совместного критического рассуждения (например просто обсуждения художественных проектов или текстов), в которых могут формироваться общие этические ценности, не совпадающие с доминирующей точкой зрения, согласно которой каждый человек ответственен лишь за себя и является носителем predetermined сущности» (с. 114).

ПОТЕНЦИИ АГАМБЕНА

«*Versus*» (2023. № 2) посвящен идеям итальянского философа Джорджо Агамбена. В номер вошли как переводы его работ, так и оригинальные статьи отечественных и зарубежных исследователей. Общая тематическая рамка – размышления Агамбена о человеческой жизни и природе.

Открывается номер тремя текстами Агамбена, важными для понимания больших пластов его философии. Первый – доклад «Потенция мысли», прочитанный в 1987 году и посвященный двум понятиям Аристотеля – потенция (*dynamis*) и акт (*energeia*), – прочитываемым в качестве элементов археоло-

гии субъективности (с. 10–11). Ведущий вопрос, который ставит автор: «Что мы имеем в виду, когда говорим “я могу”, “я не могу”?» (с. 9). В центре размышлений Агамбена находится апория, согласно которой всякая способность/потенция – это одновременно и неспособность/импотенция: «человек же есть животное, которое *способно к собственной неспособности*» (с. 17). Решение данной проблемы Агамбен связывает с разработкой такой модальности бытия, которая удерживает потенцию от ее полного исчерпания в действии. Посредством теоретического освоения рассматриваемой категории Агамбен перформативно исполняет то, к чему устремлены усилия его мысли, а именно: возвращение мысли на территорию потенции. Дарья Фарафонова подробно комментирует использование Агамбеном понятия потенции в своей статье.

В следующей статье, «Дело человека» (2004), Агамбен переносит вопрос о потенции в контекст вопроса о *природе человека*, поставленного в терминах деятельности и бездеятельности. Если человеку по сути или по природе присуще некоторое призвание, то как понимать опыт сущностного безделия?

«Под вопросом здесь оказывается сама природа человека: он представляется живущим без дела, то есть лишенным специфической природы и назначения» (с. 27).

«Если отдельными видами человеческой деятельности (игра на кифаре, изготовление башмаков, высечение изображений) не исчерпывается дело человека вообще, это не означает, что это дело нужно обязательно искать в сфере жизни. Если дело человека (от выявления которого зависит установление цели “политической науки”) определяется как некая форма жизни, это свидетельствует о том, что связь между политикой и жизнью с самого начала была частью того, как греки мыслили *polis*» (с. 29).

Аристотелевское понимание человека оставляет нас с двумя альтернативами по-

литики: либо политика связана с неким неназначаемым делом, отличным от конкретных деятельностей, либо единственное определение человека – биополитическое (с. 31). Агамбен предполагает, что сущность человека не исчерпывается никакой идентичностью или делом, а значит, необходимо пересмотреть понятия западной традиции, в которой человек задается его связкой с действием. Опираясь на работу Данте «Монархия», Агамбен показывает, что человеческая мысль в силу своего устройства открыта возможности собственного отсутствия и бездействия. Отсюда открытый вопрос: возможна ли политика, которая соответствовала бы отсутствию у человека дела и не была биополитикой (с. 37)?

Третий текст Агамбена – «Я, глаз, голос» (1980) – посвящен предельному опыту языка и проблематике раскола субъективности на опыт зрения и опыт слуха. Здесь философ анализирует персонажа Поля Валери, господина Тэста, как продолжение и радикализацию картезианского жеста самообоснования субъекта через опыт *cogito*.

Александр Погребняк открывает обсуждение идей Агамбена статьей о неприсваиваемости пейзажа, который оказывается наиболее комплексной формой неприсваиваемого (другие примеры – язык и тело), включающей в себя отношение как к языку, так и к телесности. Обнаружение этой изначальной сферы опыта возможно через раз-учреждение инстанции «Я».

Агата Билик-Робсон продолжает обсуждение человеческой жизни в понимании Агамбена, но уже в более критическом ключе. Для этого она противопоставляет его Канту, указывая, что если последний считал благом выход человека из добровольной незрелости, то Агамбен оставляет его в *преднамеренной незрелости*. Билик-Робсон проблематизирует то, как итальянский философ понимал «просто человеческую жизнь», и путем сопоставления с

идеями других авторов показывает, что «агамбеновский фантазматический биоморфизм рисует образ жизни, которого ни одна живая или признаваемая живой жизнью поддерживать не в состоянии» (с. 108).

Агамбен выписывает целую серию инстанций по ту сторону закона. Помимо «просто человеческой жизни», это мессианское событие – его анализирует Георгий Лайус. В мессианизме Агамбена заключено ядро его политической программы (с. 118). Центральным событием, на котором выстраивается эта концепция, является упразднение диспозитива закона, которое открывает время аномии. Мессианское событие должно быть освобождено от гнета традиции, оно разобрано (с. 131) и не захватывает, а бездействует и не может служить основанием для позитивной исторической силы. Как критически замечает Лайус, такое понимание мессианского события ограничивает политический потенциал мессианизма и упраздняет будущее, заставляя упускать его.

Завершается номер уже традиционно – публикацией очередного фрагмента из «Пассажей» Вальтера Бенямина. На сей раз это «Конволют F: Железная конструкция», посвященный преимущественно архитектуре города.

КОГДА КИНО НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВИДЕТЬ

Следующий «*Versus*» (2023. № 3) переносит читателя в область медиа и кино. Он посвящен стратегиям, направленным против *оптикоцентризма*. Как отмечают в предисловии редакторы-составители Ольга Давыдова и Нина Савченкова, «теория кино то и дело стремилась отказаться от парадигмы оптикоцентризма и пробовала мыслить кинематограф в категориях, внеположенных видимости» (с. 7). Это предполагает понимание кино вне дискурса репрезента-

ции и мимесиса. Оно актуализирует такие темы, как перформативность кино, телесность и материальность кинообраза, самостоятельность кино как инстанции жеста, высказывания, говорения, производства опыта, чувственности, интересубъективное взаимодействие фильма и зрителя, предполагающее синестезию восприятия и телесные реакции. Кино тогда понимается как институция и культурная индустрия, а не система репрезентации – и все это ведет к пересмотру позиции субъекта в кино.

«Решаемый в этой связи спектр вопросов охватывает институциональные, фанатские, архивные и кураторские практики; стратегии канонизации или маргинализации фильмов, стилей и тенденций; распределение отношений власти и капитала в рамках киноиндустрии» (с. 7).

Номер открывается переводом статьи Патрисии Пистерс о переменах кино в условиях дигитального поворота. В центре внимания исследовательницы – *нейрообраз*, основанный на логике базы данных (с. 27) и связанный с третьим синтезом времени, по Делёзу, говорящим из будущего.

«Отправная точка для нейрообраза – такое изменение в кинематографе, в результате которого мы постепенно переходим от того, чтобы следить за действиями персонажей (образ-движение), к тому, чтобы видеть через них мир (образ-время), а затем – непосредственно переживать их ментальные ландшафты (нейрообраз)» (с. 16).

Кино, пишет Пистерс, становится все более ментальным (с. 30), сталкивая зрителя с образом *из будущего*. Яркий пример – флэшфорварды и фильмы, в которых мы в буквальном смысле попадаем в голову героя.

Развернувшаяся далее дискуссия стартует с философско-теоретических перспектив осмысления кино вне авторитета визуального. Возможна ли онтология кино без огляд-

ки на оптику? Может ли кино не быть инструментом контроля и индивидуализации?

Нина Савченкова на нескольких примерах прослеживает, как кино сопротивляется контролирующим стратегиям взгляда. В центре ее внимания – идея апперцептивной мысли, осваивающей пространство *близкого* и противоположной мысли-представлению:

«Если стратегии рефлексивного мышления ориентированы на установление связи всеобщего и единичного, то апперцептивная мысль не интересуется ни презентацией, ни репрезентацией, она безразлична к представлению и его границам. То, на что она нацелена, – это вибрация смысла, логическая определенность тона, здесь важен не ответ на вопрос “что есть?”, а интерес к способу бытия того или иного сущего. [...] Апперцептивное мышление интересуется деталью, разворачивая ее историю и сплетая контекст так, что смысл целого становится очевиден без того, чтобы видеть, что это целое собой представляет» (с. 44).

Олег Горяинов критически переосмысляет выходящее за рамки логики репрезентации понимание кино как жеста, основанное на идеях Агамбена. Он показывает, что дви-

жение в основе жеста все же несводимо к движению кинематографическому.

Участники дальнейшей дискуссии акцентируют внимание на отдельных функциях кино и элементах кинематографа как медиа. Так, Лариса Муравьева предлагает нарратологическое прочтение видимости вне оптического представления о ней. Дискутируя с Жаном-Люком Нанси, она показывает, что в фильмах Аббаса Киаростами есть «невидимый нарратор» (с. 87, 108), позволяющий зрителю осциллировать между реальностью и вымыслом:

«И монтажные рассогласования кадров, и необъяснимые скачки точки зрения между внутренней и внешней объясняются присутствием визуального нарратора, обладающего “тотальной” перспективой, но остающегося невидимым. Его осязаемое присутствие в мире истории репрезентируется через целый ряд субъективных кадров, которые не могли бы принадлежать никому, кроме него. Его роль не сводится ни к функции соглядатая, ни к функции “всевидящего ока”. Он – рассказчик этой истории, выбирающий, что именно ввести в поле репрезентации, а что оставить невидимым» (с. 108).

Что происходит, когда кино буквально плохо видно и необходимо всматриваться? Этому необычному вопросу посвящена статья Марии Грибовой. Она анализирует «кино-ноктюрны», в которых мерцание видимого и невидимого – сознательный прием режиссера. Зрительский взгляд сталкивается с кажимостью, что позволяет зрителю ощутить материальность собственного взгляда.

«Эта (дис)функциональная процедура разрушает [...] сенсорную монополию смотрения, не изменяет ключевой канал восприятия – ибо глаза, а вслед за ними и взгляд, адаптируются к просмотровым условиям и оптике всматривания, – но она открывает зрителя самому же себе в качестве проживающего в теле, предстоящим

перед обособленно существующим кино, которое не обязано это тело удовлетворять или вовлекать в проживание, у которого нет нужды идентифицироваться с человеческой телесной схемой и о котором в итоге можно ничего не узнавать» (с. 131).

Далее в номере обсуждаются конкретные кейсы. Ольга Давыдова обращается к фильмам немецкого режиссера Кристиана Петцольда, описывая их специфику через понятия разрыва, зияния и лакуны. Подобные зоны производят опыт присутствия свидетелей чужой *травмы*. Травма оказывается одним из способов помыслить кино вне оптического. Дарина Поликарпова анализирует Фестиваль невидимого кино (любительского) с точки зрения маргинальных кинематографических практик. В фокусе ее внимания – невидимость как новый кинематографический диспозитив.

УРОКИ МАТЕМАТИКИ

«Логос» (2023. № 4) обращается к теме, далекой от насущных реалий, – философии математики. Номер в основном подготовлен участниками Московского семинара по философии математики в МГУ. Несмотря на специфику темы, материалы рассчитаны на широкий круг читателей и скорее представляют собой введение в проблематику области. Ее базовым координатам посвящено краткое предисловие Елены Косиловой, редактора-составителя номера.

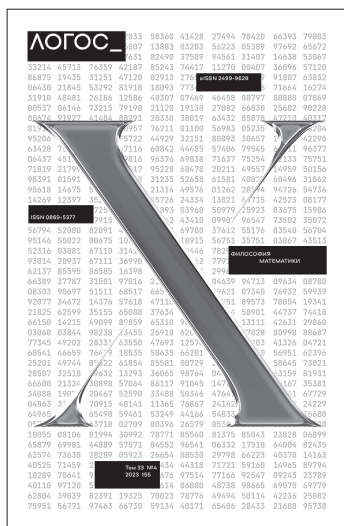
Обсуждение открывает статья Владилева Шапошникова: в центре его внимания – рождение чистой математики в XIX веке и стирание границы между ней и прикладной математикой в XXI веке. Кроме того, опираясь на историю того, как математику толковали физики, историки науки и сами математики, Шапошников показывает неустранимо *двойственную* природу этой науки, одновременно укорененной в бытовом и в человеческом:

«У математики как бы два лица: одно из них обращено к воспринимаемому чувствами человеческому миру, другое – к миру умопостигаемому и божественному. Математика – посредник между двумя мирами, связующий их мост. [...] Математика как бы не имеет своего собственного лица, оно постоянно ускользает от нас; лицо математики оказывается то лицом метафизики, то лицом физики» (с. 9, 12).

Прикладному аспекту посвящен материал Алексея Барабашева: он обсуждает применение математики в социальных науках, опираясь на обширный обзор различных дисциплин. Вопросы фундаментальных математических обоснований отходят здесь на второй план: важна прежде всего инструментальность математики в качестве совокупности методов, помогающих получать результаты. При этом «социальная онтология истолковывается как гомогенная структура, составленная либо из количественно измеримых сущностей (эссенциалистский вариант), либо из особых рациональных сборок, которые количественно представимы» (с. 142–143).

Иной аспект прикладной математики затрагивается в статье Алексея Сухно и Вячеслава Гулина – о природе физического

закона. Вступая в полемику с Квентином Мейясу, они доказывают, что стабильность физических законов в условиях контингентности сущего обусловлена математизированным характером научных суждений – в частности, аппаратом дифференциальных исчислений. Закон природы, сформулированный посредством дифференциальной зависимости между физическими величинами, описывает не регулярные, повторяемые процессы, а фиксирует произвольные изменения сущего, не нарушая этой зависимости.

Елена Косилова продолжает дискуссию, переключаясь на судьбу созерцания (интуиции) в математике. Исторически оно удостоверяло истинность математических идей и форм, подкрепляя их очевидность, однако в результате критики и усложнения математических объектов уступило свои позиции сомнению. Ниспровержение созерцания происходит в работах Ханса Хана, Людвиг Витгенштейна, Дэвида Блума и современных номиналистов (например Хартри Филда). В перспективе это означает, считает Косилова, что математика будет все больше пониматься как дискурсивная практика и даже как *игра по произвольным правилам*.

«Только одно во всем этом остается непонятно. Как математика, будучи игрой – человека, а со временем и компьютера, – умудряется быть эффективной в физике?» (с. 67).

Анатолий Кричевец, соглашаясь с Косиловой, считает, что эта непостижимость не риторическая фигура, а совершенно принципиальное обстоятельство, свидетельствующее об особом онтологическом статусе математики. В фокусе внимания этого автора – системный характер математических понятий, рассматриваемый на примере динамики Ньютона и истории идеи комплексного числа.

Завершает дискуссию статья Зинаиды Сокулер о многообразии и связи типов ма-

тематической рациональности и социальных институтов. Сокулер отмечает, что сегодня в философии математики «абстрактные идеи начинают прочитываться как производные от человеческих практик и интересов, за абсолютным прочитывается релятивное, а за автономными идеальными сферами – социальность» (с. 148). Автор анализирует исторический кейс социального конструктивиста Дэвида Блура и связанный с его именем сюжет из истории аэродинамики и конкуренции британских математических физиков и немецких инженеров. Разница между ними в понимании инструментальности математики обусловила неудачу одних и создание классической аэродинамики другими. Первые искали истинную теорию, тогда как вторые были настроены создавать удобные для инженеров вычислительные инструменты. Это расхождение определялось различиями в системах образования в Великобритании и Германии. Важный вывод из этого примера состоит в том, что инструменталистский подход не всегда будет эффективнее реалистского, а инженеры – лучшими прикладными математиками, чем математические физики. «Однако всегда будут установки и предпосылки, связанные с бэкграундом, окружением, локальными научными культурами и традициями» (с. 168).

Трудности подозрения

Следующий номер «Логоса» (2023. № 5) обращается к теме подозрения и его обновленного места в современной эпохе. Модерн был периодом критики, а значит – и подозрения, которое, однако, уживалось с доверием к определенным нарративам. Что стало с подозрением сегодня, в эпоху, по мнению одних, позднего модерна, а по мнению других, постпостмодернизма, когда общества захватило недоверие к социальным институтам – от СМИ и науки до вы-

боров, а ни прозрачность, ни солидарность, ни рациональность росту подозрения не препятствуют?

«Кризис доверия, о неизбежности которого так долго говорили мыслители-алармисты всех мастей, наступил. Причем на этот раз он, кажется, стал по-настоящему глобальным. [...] Вступаем ли мы в ту самую эпоху “постправды”, которая всего за несколько лет из публицистического клише превратилась в статью обвинения и повод для “отмены”? Или же мы просто переходим от стадии отрицания к стадии принятия?» (с. 1).

Предыдущая эпоха подозрения, связанная с критикой структурализма в 1960-е, завершилась «глобалистским оптимизмом и карнавальными поминками по концу истории». Этот неолиберальный порядок в свою очередь начал разрушаться по мере усиления мер безопасности после 9 сентября 2001 года ростом экономического неравенства и популизма к концу 2010-х.

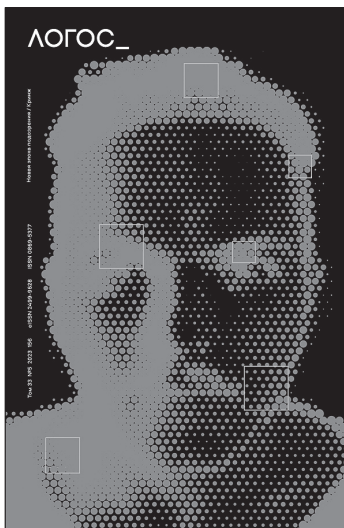
«Завершающим этапом стал санитарный кризис 2020–2022 годов, в значительной мере подорвавший доверие к научным институтам, а также конфликт на Украине, поставивший под вопрос функциональность международных институтов.

Останется ли мир прежним, когда я выключу экран своего цифрового устройства? Что придет на смену доверию и солидарности? Каковы механизмы веридикции в современном обществе? Почему выдохлась критика, а скептицизм подвергается стигматизации?» (с. 2).

В открывающей дискуссию статье Игорь Чубаров разбирает конкретный случай кризиса экспертного знания, связанный с полемикой вокруг вирулентности вируса SARS-CoV-2 и возможных способов лечения. В разгар пандемии COVID-19 французский микробиолог Дидье Рауль предложил лечить болезнь при помощи давно известного и дешевого лекарства от малярии. Его публичные выступления с критикой действий

правительства вызвали массовые выступления и падение доверия населения к политическим и научным институтам. И хотя его выкладки оказались ошибочными, Рауль лишь частично признал свою неправоту. Важно здесь то, что отлаженные и, казалось, надежные механизмы коммуникации между фундаментальной и прикладной наукой и обществом дали сбой и из эффективного и демократически легитимного способа принятия политических решений стали причиной серьезной дисфункции системы. В духе Бруно Латура Чубаров отмечает, что «и левая, и правая, и позитивная, и критическая позиции» беспомощны по отношению к нечеловеческим акторам (в данном случае – SARS-CoV-2), поэтому таких акторов требуется «приглашать к столу переговоров» (с. 22).

Дискуссию продолжает классическая статья Латура о кризисе критики. Он диагностирует инфляцию подозрения и «безотлагательный ревизионизм», когда факты не успевают состояться и подвергаются разрушительному сомнению. «Старая» критика не справляется с новыми вызовами. Выход из антитезы радикального релятивизма и некритического реализма Латур видит в переходе от «фактов» (*matters of fact*)

к «вопросам, вызывающим озабоченность» (*matters of concern*). Новый подход позволит одновременно принимать в расчет сложную процедуру производства новых сущностей и взаимодействие различных человеческих и нечеловеческих акторов.

Сергей Шевченко возвращает обсуждение к конкретным реалиям. В фокусе его внимания – социальные фобии и тревоги, связанные с редактированием генов. Восприятие последнего интерпретируется им в рамках «поругания сакрального» из социологии Эмиля Дюркгейма. Представленная за пределами сакрального эволюция генома человека – лишь один из эпизодов эволюционного соревнования «эгоистичных генов».

Многое в подобных дискуссиях зависит от современного понимания природы. Этому уделяют внимание и Латур, и Шевченко. Подробнее о понятии природы, причем в компаративистской перспективе, пишет Валентин Матвеевко. Отталкиваясь от латуровской реконструкции природы в западном модерне, он сравнивает ее с традиционным китайским пониманием природы. Человеческое существование в нем представляет собой саморазвертывание взаимодействия внутри природы, а отношения между природой и обществом коррелятивны и продиктованы стремлением понять связь и моральную цельность всего сущего, привести управление в соответствие природным циклам без надления человека привилегированным положением. Матвеевко показывает, что такое понимание близко латуровскому толкованию антропоцена, раскрывающему сложную динамику связей между человеческими и нечеловеческими акторами и возможность их объединения в *общем мире*.

«Возможно, именно привнесение морали как основы в наши отношения с природой является перспективой, которую еще только предстоит осмыслить, однако именно благодаря которой до сих пор пустой “договор

с природой” сможет обзавестись преамбулой, утверждающей его фундаментальный смысл» (с. 117).

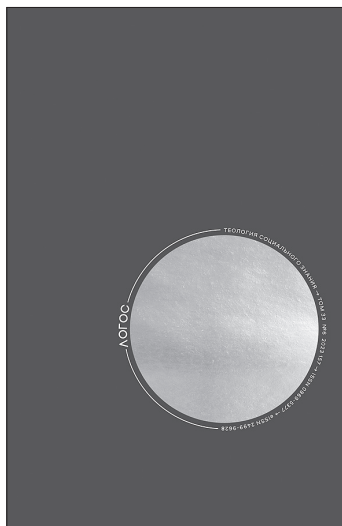
Так или иначе, с уходом «старой» критики новая еще не состоялась. Общественное отношение колеблется между тотальным подозрением, которое может быть вызвано «как самим “ревизионизмом”, так и многочисленными попытками его стигматизировать» (с. 5), и сакрализацией общественного консенсуса по ограниченному списку тем. Будет ли обозначенное авторами направление, которое связано с включением нечеловеческих акторов в контур дискуссий, продуктивным, покажет время.

Вторая часть номера носит экспериментальный характер и посвящена понятию *кринжа*, условно означающего неловкость, стыд за кого-то другого. В предисловии к блоку отмечается, что это трудноопределимое и многозначное понятие, зависящее между этикой (стыдно за другого) и эстетикой (это именно впечатление, чувство). Авторы блока проводят различие между кринжем и китчем (Марина Васильева), интерпретируют кринж как остранение и форму освобождения от привычного (Любовь Михайлова), как политическое чувствование (Максимилиан Неаполитанский), как выражение гиперэстезии (Артем Радеев).

Вопросы эсхатологической науки

Авторы «*Логоса*» (2023. № 6) обсуждают связи между теологией и социальным знанием в современности. Общий горизонт дискуссии – «теоретическая исчерпанность понятия секуляризации и поиск новых возможностей тематизации связи социальной теории и теологии средствами онтологии, этики, социологии и экономической теории» (с. 29). Словом, выяснение эсхатологического потенциала социальной теории в совре-

менности. (При этом, оговоримся, политическая теология остается за кадром, что делает это номер по-своему уникальным.)

Идентификации современности посвящена статья Николая Афанасова, открывающая номер. Социальная теория перестала быть проективной, какой она была в эпоху модерна, и стала рефлексивной, более фрагментированной и локальной. Теперь ее задача не переустройство мира, а ориентация в усложняющемся мире. В то же время историческая событийность *ускоряется*, а теория взваливает на себя задачу соответствовать этому ускорению. Однако она обречена на запаздывание, что порождает депрессивную социальность.

«Вопрос об ускоренной рефлексивности в современности – это не только вопрос о побочных эффектах социальной дифференциации. К наиболее значимым из них принадлежат девальвация экспертного мнения, паралич способности к действию, снижение возможностей адаптации к сложностроенному обществу. Это прежде всего вопрос о границах самой современности» (с. 22–23).

Установочной статьей «теологической» дискуссии можно считать текст Ирины Дуденковой и Артема Космарского, посвящен-

ный эсхатологическим, и в этом смысле теологическим, установкам социальной теории. Теологический след они обнаруживают в понятии отчуждения (с. 31). Дело в том, что отчуждение предполагает *автономию*, которая и является эсхатологическим горизонтом социальной теории, оказывающейся, таким образом, эсхатологической наукой. Наиболее явно эта связь прослеживается у Якоба Таубеса и Жан-Пьера Дююи.

Впрочем, нередко социальная теория сопротивлялась вскрытию своих теологических посылок. Так, Джорджо Агамбен стремился нейтрализовать теологию в политической и социальной мысли, чтобы занять позицию «по ту сторону теологического разума». Олег Горяинов показывает методологические затруднения, с которыми сталкивается итальянский философ. Критикуя теологические корни европейской философии, он одновременно использует теологию как ресурс. Принимая посылки постсекулярности, он одновременно критически относится к религии и теологии. Поэтому Горяинов ставит вопрос: возможна ли в постсекулярной ситуации последовательная *атеистическая* философия, автономная по отношению к религии и теологии? В случае Агамбена ключ к его позиции кроется в особом употреблении языка в форме профанации и пародии.

«Профанация и пародия представляют собой опыт слова, который, не впадая в соблазн утраченного единства, должен являть “возможно, самый древний из диспозитивов”, то есть язык, разъятый со своей оперативной функцией, лишенный способности к действию и удержанный в режиме потенциальности. Лишь так появляется шанс лишить действительности теологический диспозитив: постсекулярный атеизм должен начинать свою критическую процедуру не с критики институтов религии, а с опыта языка» (с. 57).

Несколько текстов посвящены обнаружению теологических истоков секулярных

понятий. Так, Виктория Файбышенко обращается к интерпретациям мифа об Эдипе в трансцендентальной философии. Она показывает теологичность автореференции и автономии как разделенного внутри себя желания. Дмитрий Кралечкин обращается к проблеме меритократии и понятию признания у Макса Вебера. Опираясь на Августина, он выявляет теологические корни признания в концепции предназначения, а затем предлагает концепцию действия, дистанцирующегося как от постхристианской меритократии, так и от дохристианских подходов к оценке достоинства каждого, всегда определявших иерархическую структуру общества.

Поиски теологической подоплеки не обошлись и без старого теологического понятия *трансценденции*. Кирилл Маркин анализирует попытку Томаса Лукмана реабилитировать его. При этом трансценденция понимается не как поиск значений за пределами повседневности, а как придание неоспоримой значимости повседневной жизни.

«Организм всегда стремится в полной мере реализовать свой человеческий потенциал, то есть трансцендировать себя в социальный порядок повседневной жизни, в этом смысле любой социализированный актер *a priori* религиозен» (с. 134).

С точки зрения Лукмана, религия не институт, а неустранимый аспект опыта. Поэтому за интерпретацией опыта трансцендентного индивид обращается к наиболее авторитетной для себя сфере повседневности, в том числе к науке. В таком случае институты, давно отделенные от религии, по крайней мере в западном обществе, могут обретать религиозное измерение.

«Наиболее подходящим примером такой трансформации (помимо давно описанных гражданских религий) является движение за популяризацию науки, вполне мыслимое как религиозное измерение научной институции» (с. 135).

Дискуссию продолжает Бруно Латур, переосмысляющий религию по ту сторону модерна. Завязкой его рассуждений является запрет на мышление абсолюта, ставший теологической ловушкой современного мышления. Если поборники религии утратили дух инновации и перестали переводить сообщение религии на живой язык повседневности, то социальные науки ложно понимают религию как верование и воплощение иррациональности. Чтобы спасти знание от науки, а веру от религии, необходим шаг ирредукции, противоположный модернистской секуляризации. Религия не сводится ни к личному опыту, ни к социальному установлению. Идея Латура состоит в том, чтобы предложить такое определение религии, которое станет шагом к уже упоминавшемуся в предыдущем номере «Логоса» общему миру. Для этого необходимо осмыслить религию как особый религиозный режим высказывания, противоположный режимам высказывания нововременной науки.

ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН

Очередной «*Ab Imperio*» (2023. № 3) – журнал, к слову, в 2024 году отмечает 25-летие – посвящен теме «Переосмысление политики наименования и логики группности». В предисловии отмечается:

«Рассматриваемая в этом номере как исследовательская проблема, неадекватная логика группности и сегодня является экзистенциальной угрозой свободе и даже жизни. Политический национализм и обслуживающий его методологический национализм общественников несут ответственность и за возникновение самых затяжных и кровопролитных конфликтов, и за их принципиальную неразрешимость в рамках все еще преобладающего нациецентричного подхода к восприятию и рационализации реальности» (с. 13).

Большой блок материалов посвящен истории Карабаха и обстоятельствам, сделавшим неразрешимой проблему координации его неоднородного многокультурного общества.

«Ключевую роль играет именно гомогенизирующая политика наименования и группности, исключающая возможность поиска политических форматов сосуществования и разрешения имеющихся противоречий иначе, чем через геноцидальные этнические чистки» (с. 13).

Дело в том, что спор за Карабах стал главным фактором национальной мобилизации и в Армении, и в Азербайджане, а сама мобилизация – основой политических моделей обеих стран. Отказ от территориальных претензий означал бы крушение этих моделей, и потому разрешение конфликта невозможно без изменения социального воображения обществ.

Один из обсуждаемых в номере курьезов именованья связан с национальными воинскими формированиями в российской армии в период Первой мировой войны. Наиболее известное из них – Дикая дивизия. Климентий Федевич прослеживает процесс их создания и показывает, что привычное именование армии как «русской императорской» воспроизводит миф о ее однородном моноэтническом составе. На деле же таких формирований было много, и сам факт их существования противоречил установке военного руководства на создание «русской национальной» армии после катастрофы русско-японской войны (с. 40). Первая мировая быстро заставила скорректировать идеологию этнической гомогенности. Быстрая гибель довоенного кадрового костяка к осени 1915 года запустила «национализацию» армии, несмотря на опасения, что это подготовит национальные вооруженные формирования и приведет к послевоенной федерализации. Опасения оправдались: «русская национальная

армия» трансформировалась в «многонациональную российскую», федерализация империи стала неизбежной.

Схожий кейс читатель найдет в статье Юрия Радченко о трудностях идентификации «славян караимского вероисповедания» («субботников») советскими и нацистскими властями (с. 79–80). В советскую современную классификацию они не вписывались из-за игнорирования ею конфессионального фактора. Нацистская же политика обнаруживала по отношению к ним антииудейскую религиозную подоплеку, а непоследовательность репрессий в отношении этих славян – иллюзорность претензий на построение единого современного государственного аппарата. В свою очередь трудности с распознаванием этой группы испытывали и ученые, поскольку преобладающая в среде карта группности располагала, например, к выделению иудеев и православных славян, но не иудеев-славян, да еще и караимского толка.

Бывает и так, что ошибку именования совершают сами исторические акторы. Это хорошо видно по исследованию Фабрицио Фенги, посвященному литературной группе «Петербургских фундаменталистов» во главе с Павлом Крусановым. Исходно эти деятели совмещали фашизм на эстетическом уровне с поисками на концептуальном уровне нового инклюзивного универсализма взамен скомпрометированного советского. Однако постепенно поддавшись господст-

вующей нациецентричной эпистеме, они пришли к особо реакционной форме национал-империализма: концептуальная суть оказалась подменена эстетической формой. Вместо того, чтобы выработать новый язык группности, «Петербургские фундаменталисты» стали заложниками избранной ими художественной формы.

В отдельном материале редакторы осмысляют путь, проделанный журналом за четверть века, его научную парадигму и задачи, представляя в том числе новшества в работе с материалами – например, короткие интервью с авторами в режиме послесловия к статьям.

«За прошедшие 24 года журнал сформулировал исследовательскую парадигму новой имперской истории – исследования общества как сложной открытой системы в состоянии неустойчивого равновесия. В отличие от доминирующей национальной историографии, эта история не описывается одним нарративом. Парадигма новой имперской истории является постнациональной, постимперской и гибридизирующей, а потому дистанцируется от любых гранд-нарративов» (с. 27–28).

Жизнь в интеллектуальной периодике идет своим чередом. Темы сменяют друг друга, как если бы ничего не происходило. Надолго ли? Эта нормальность – лишь видимость, и, чем она обернется, станет понятно весьма скоро.

Затруднения с политической ангелологией: дружеские разногласия с Владимиром Шалларем¹

АНТОН
СЮТКИН

Ангелы и способы производства

ВЛАДИМИР ШАЛЛАРЬ

Эгалите: Неверленд, 2024. – 186 с.

Вечность пришла, мы бессмертны, как ангелы,
Пальцы сомкнувши на горле мгновения,
В облаке ветра взмываем над скалами –
Единосущны, единобезвременны...

СЕРГЕЙ КАЛУГИН. «Гимн»

Книга «Ангелы и способы производства» Владимира Шалларя является одним из важнейших интеллектуальных событий последних лет в России. Можно сказать, что в некотором смысле оно определяет дух эпохи в современной российской философии. Дело в том, что Шалларь не является в строгом смысле академическим философом. Насколько я знаю, он не преподает в университете и не занима-

1 В данной работе использованы результаты проекта «Природа в оптике цифровой культуры: парадоксы, гибриды, фантазмы», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2024 году.

Ф

НОВЫЕ
КНИГИ

205

АНТОН СЮТКИН
ЗАТРУДНЕНИЯ
С ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АНГЕЛОЛОГИЕЙ...

Антон Сюткин (1988) – старший преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Лаборатории критической теории культуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

ет позицию научного сотрудника какого-либо академического института. Его публичная деятельность сводится к редактированию сайта «Предание»², ведению телеграм-канала и сообщества ВКонтакте под названием «либертарная теология»³, а также к многочисленным выступлениям на ютуб-канале Алексея Чернова «По следам Пеликана»⁴. Иными словами, его можно назвать философским блогером и публицистом, а не академическим мыслителем в строгом смысле слова.

Тем не менее именно Шалларь пишет философский трактат, одновременно предлагающий собственные решения вечных онтологических проблем и дающий ответы на вопросы, возникающие в историко-политической ситуации после событий 2022 года. Иными словами, в «Ангелах и способах производства» он занимается философией как таковой, а не только изучением истории мысли или эссеистикой на философские темы. Отчасти подобное соединение параакадемичности, медийной активности и стремления заниматься «первой философией» роднит его с представителями спекулятивно-реалистического движения позапрошлого десятилетия. Поэтому на российской почве его предшественниками можно назвать Йоэля Регева и Михаила Куртова, которые так же в какой-то момент своего философского пути были связаны с обобщенным спекулятивным реализмом.

В качестве вспомогательных инструментов для собственной философской работы Шалларь одновременно использует традиционную христианскую теологию, наследие российской религиозно-философской мысли, классическую и современную левую критическую теорию, различные актуальные проекты «нечеловеческих» антропологий. В итоге Иоанн Златоуст, Сергей Булгаков, Ален Бадью и Вивейруш де Кастру совершенно неожиданно обнаруживают себя по одну сторону своеобразного теолого-философского фронта. Таким образом, Шалларь на практике утверждает универсальность философского мышления по ту сторону дисциплинарных, конфессиональных и партийных границ. Вместе с тем подобный универсализм в отношении истории философии приводит Шалларя к созданию теоретического синтеза (назовем его условно «политической ангелологией»), в той или иной степени неприемлемого для большинства возможных читателей его трактата. Для православных теологов политическая ангелология является соблазном, а для левых критических теоретиков – безумием.

Надо признаться, что для меня самого книга «Ангелы и способы производства» так же является большим затруднением.

2 См.: <https://blog.predanie.ru/article/writer/shallar-vladimir/>.

3 См.: https://t.me/libertarian_theology.

4 См.: www.youtube.com/@pelicania.

Разделяя множество философских и этико-политических установок Владимира Шалларя, я не могу согласиться с основными выводами его работы. Так же, как Шалларь, я полагаю, что современные попытки обновления марксистской философии должны иметь дело с борьбой за христианское наследие, если пользоваться выражением Славоя Жижека⁵. Однако для меня «рациональным зерном» христианства является идея исправления мира, которая после смерти Бога на кресте возлагается на человеческое сообщество. Такая задача предполагает, что мы живем в принципиально несовершенном и незавершенном мире, лишенном божественных онтологических гарантий. Шалларь, напротив, видит «рациональное зерно» христианства в утопии изначально совершенного мира, в ангелической предустановленной гармонии. Поэтому в данной рецензии, рассматривая основные положения книги «Ангелы и способы производства», я буду сопровождать их своими контраргументами. Дело в том, что, на мой взгляд, важность и серьезность философской работы Шалларя требует не нейтрального академического описания, а внимательного картографирования принципиальных теоретических расхождений.

АНТОН СЮТКИН

ЗАТРУДНЕНИЯ
С ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АНГЕЛОЛОГИЕЙ...

ЗАТРУДНЕНИЯ С СОВРЕМЕННОСТЬЮ

Исходным пунктом расхождений политической ангелологии и христианского атеизма является отношение к современности и секуляризации. В книге «Ангелы и способы производства» Шалларь предлагает собственную версию постсекулярного поворота к теологии. Он отождествляет секулярную современность с атеистическим материализмом и капитализмом. Таким образом, в марксистских терминах, которые использует Шалларь, материализм оказывается всего лишь идеологической надстройкой для капиталистического базиса. В этом смысле марксизм, если он хочет быть не только внутренней самокритикой капитализма, но и политикой Истины, неизбежно должен обращаться к теологии. Сначала это обращение может быть риторическим и метафорическим, потом теология начинает рассматриваться в качестве ресурса, своеобразного теоретического «ящика с инструментами», и, наконец, на финальной стадии марксизм просто осознает себя в качестве теологического проекта. Однако та теология, которой в итоге должен стать марксизм, с точки зрения Шалларя, отличается от идеологической надстройки для феодального базиса.

5 Жижек С. *Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие?* М.: Художественный журнал, 2003.

Насколько я понимаю, следуя за Алексеем Лосевым⁶, Шалларь отождествляет феодальную теологию с наследием античного неоплатонизма, а теологию, имеющую освободительный потенциал, – с христианским переосмыслением этого наследия. Лосев видит такое переосмысление прежде всего в отождествлении Абсолюта не с безличной бездной, а с Личностью с большой буквы. Шалларь же обнаруживает ее в демократизации ангелологических представлений. Демократическая ангелология так же остается идеологической надстройкой, как и все другие идеологические феномены, но связанной не с феодализмом, а с базисом в виде городских коммун и крестьянских восстаний. Проблема заключается в том, что эпоха городских коммун, возникающая в результате кризиса средневекового феодализма, исчезает вместе с наступлением господства капиталистической современности. Поэтому современность оказывается для Шалларя не преодолением феодальной консервативности и иерархичности, а их катастрофическим воспроизводством в других исторических условиях.

В представлении о секуляризации как катастрофе Шалларь довольно неожиданно сближается с Джоном Милбанком и другими представителями движения радикальной ортодоксии⁷. Все они связывают секуляризацию с тайной победой номиналистов в схоластическом споре с реалистами: отказ от универсалий, связывающих Бога и мир в единую «великую цепь бытия», неизбежно ведет к нигилизму. Мир, лишившийся разумной причастности к Богу через универсалии, превращается в безбожное пространство борьбы всех против всех и невожатой частной конкуренции. Иными словами, крушение универсалий ведет к появлению секулярной капиталистической современности, плохо отличимой от ада.

Альтернативу номиналистической секуляризации, осуществляемой Реформацией, Милбанк находит в католическом ренессансном панентеизме. Не отказываясь полностью от «великой цепи бытия», ренессансный панентеизм производит ее демократизацию. Кажется, что различие между Милбанком и Шалларем состоит только в радикальности политических выводов из «демократической» версии христианского неоплатонизма позднего Средневековья и Ренессанса. Милбанк связывает демократический неоплатонизм с коммунитаристской политикой, которая в обстоятельствах родной для него Великобритании означает лейборизм с консервативными ценностями. Шалларь же обнаруживает в нем утопическую надежду на мир по ту сторону государства, семьи и частной собственности.

6 Лосев показывает различие между христианским и античным неоплатонизмом в: ЛОСЕВ А. *Самое само*. М.: Мысль, 1994.

7 См.: МИЛБАНК Дж. *По ту сторону секулярного порядка*. М.: Издательство ББИ; Теозстетика, 2023.

Тем не менее возможно совершенно иное понимание секуляризации. Множество мыслителей, в той или иной степени продолжающих традиции немецкого идеализма, отождествляют секуляризацию с историческим осуществлением христианства, с Третьим заветом Иаохима Флорского. Процесс секуляризации можно рассмотреть в рамках гегелевского трехтактного диалектического движения⁸. На первом такте трансцендентный иудейский Бог расколдовывает мир, изгоняя из него всех остальных богов с маленькой буквы. На втором такте, имеющем дело с христианской новозаветной историей, этот трансцендентный Бог воплощается в человеке, проходит через множество мучений и умирает на кресте. Гегель полагает, что эта смерть на кресте является смертью самого трансцендентного Бога. Следовательно, с исчезновением божественного трансцендентного гаранта расколдовывание мира продолжается. Наконец, на третьем такте Бог воскресает в святом Духе – в благодати сообщества верующих, берущих ответственность за существование мира в собственные руки.

АНТОН СЮТКИН

ЗАТРУДНЕНИЯ
С ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АНГЕЛОЛОГИЕЙ...

Мир, лишившийся разумной причастности к Богу через универсалии, превращается в безбожное пространство борьбы всех против всех и невоздержанной частной конкуренции. Крушение универсалий ведет к появлению секулярной капиталистической современности, плохо отличимой от ада.

Эрнст Блох утверждает, что подлинны христиане являются атеистами, а подлинны атеисты – христианами⁹. В гегелевской диалектической перспективе первая часть этого утверждения кажется понятной: христиане являются атеистами, потому что сам Бог, умирая на кресте, свидетельствует о собственном не-существовании. Однако вторая часть остается немного загадочной: почему подлинным атеистам требуется быть христианами? На этот вопрос существуют два ответа. Во-первых, только христианско-атеистическое знание об Абсолюте, отрицающем самого себя, позволяет не возводить в Абсолют ничего другого, не создавать для себя новых идолов и фетишей. Во-вторых, парадоксальным образом только такой атеистический Бог, воскресающий лишь в сообществе верующих, в подлинном смысле становится абсолютным. Расколотый, отрицающий себя

8 Наиболее явно эта схема описывается в: Жижек С. *Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом*. М.: Европа, 2009.

9 Bloch E. *Atheism in Christianity: The Religion of the Exodus and the Kingdom*. London; New York: Verso, 2009.

Абсолют впервые не поглощает все конечное и относительное и не отделяется от него на безопасное трансцендентное расстояние, а напротив, включает все в себя, по крайней мере потенциально. Поэтому, в отличие от панентеизма Милбанка (и отчасти Шалларя), диалектическое снятие христианства в секуляризации предполагает философскую позицию, которую можно назвать панатеистической: Бог является всем во всем, когда и если его не существует.

С христианско-атеистической точки зрения, следовательно, капитализм предполагает не расколдовывание мира – а напротив, его фетишистское отрицание. «Невидимая рука рынка» Адама Смита представляет собой номиналистическую версию предустановленной гармонии: изгнанные из мира боги возвращаются в магической силе капиталистической прибавочной стоимости. Таким образом, антикапиталистическая политика должна состоять в продолжении и усилении расколдовывания мира. Политическая ангелология Шалларя, говорящая об изначальном совершенстве мира, может быть рассмотрена в качестве попытки его обратного заколдовывания, снимающего с человека этико-политическую ответственность.

ЗАТРУДНЕНИЯ С ЧЕЛОВЕКОМ

Здесь мы подходим к следующему принципиальному расхождению – по поводу проблемы человека. Одним из главных лейтмотивов книги «Ангелы и способы производства» является юмористическое переверачивание постгуманистической критики антропоцентризма. Шалларь полагает, что постгуманистическое противопоставление человеку Ктулху, грибов на краю света и мыслящих лесов недостаточно радикально. Все это в той или иной степени может быть принято и присвоено капиталистической идеологической надстройкой – либо в виде романтизации нечеловеческого ужаса, либо в рамках экологической повестки. Действительным противопоставлением антропоцентризму, совершенно неприемлемым в рамках современной чувственности, с точки зрения Шалларя, могут быть только ангелы.

В онтологической конструкции, создаваемой Шалларем, Бог находится по сторону всех возможных измерений: поскольку о нем невозможно говорить, о Боге остается только апофатически молчать. Тем не менее Бог присутствует в мире с помощью ангелов, индивидуальных и персонифицированных сущностей, составляющих идеальное содержание мира. Идеальность ангелов, однако, не означает, что они не материальны – просто ангельская идеальная материальность отличается от грубой отчужденной вещественности нашего мира, лежащего во зле.

В рамках русской религиозно-философской традиции такую ангельскую материальность можно было бы назвать «софийностью мира». Но Шалларь, хотя и ссылается на Сергея Булгакова, занимаясь онтологическими проблемами, предпочитает опираться на достижения другого отечественного религиозного мыслителя начала XX века – Николая Лосского¹⁰. Мир, будучи сотворенным, все же обладает собственным внутренним движением, которое направлено к ангельскому идеальному совершенству. Таким образом, ангельский мир оказывается, как говорит Шалларь, своеобразным «аттрактором» материальной эволюции мира.

Проблема заключается в том, что в мире существует другая тенденция, противоположная ангельской бесконечной открытости. Ее Шалларь связывает со стремлением к замыканию своего мира в том состоянии, в каком он существует здесь и сейчас. Именно такое нарциссическое стремление является одновременно, говоря на языке христианской теологии, источником греха и, пользуясь марксистской терминологией, источником отчуждающего овнешнения. Более того, Шалларь фактически отождествляет это греховное нарциссическое стремление с сексуальностью.

В результате возникает следующая бинарная оппозиция. С одной стороны, мы имеем дело с ангелами, бесполовыми идеальными сущностями, живущими в мире между собой. Ангельский мир можно даже назвать анархо-коммунистическим царством божиим, в котором предельная индивидуальность сочетается с предельной коллективностью и нет места для частной собственности, семьи и государства. С другой стороны, мы имеем дело с человеческим миром сексуально озабоченных животных, постоянно воюющих за свои частные интересы, объективирующих и угнетающих друг друга. Такой мир, по большому счету, неотличим от ада на земле.

Соответственно, задача человека состоит в собственном замыкании навстречу ангельской открытости: насколько я понимаю, обожение, с точки зрения Шалларя, неотличимо от становления ангелом. Только в таком становлении происходит преодоление греховности и отчуждающего овеществления. Однако вместе с тем возникает вопрос: не означает ли преодоление овеществления в данном случае необходимости перестать быть человеком, развоплотиться? В перспективе политической ангелологии Шалларя само событие воплощения Христа, как кажется, служит только для того, чтобы сломать непреодолимую стену между ангельским и человеческим миром. Тем не менее, видимо, оно не затрагивает слабости и несовершенства челове-

10 Лосский Н. *Мир как осуществление красоты*. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

ческой природы, которые должны быть подвергнуты аскетическому устранению в процессе ангелического обожения.

Надо отметить, что немецкий идеализм и лакановский психоанализ позволяют рассмотреть проблему человеческого несовершенства и сексуальности в совершенно другом ключе. Шеллинг, опираясь на кантовское представление об этике, связывает возможность человеческого свободного действия, а следовательно, спасения (и если мы чуть-чуть усилим этот тезис – обожения), с человеческим несовершенством¹¹. Дело в том, что человек, согласно Канту, является эмпирическим существом, находящимся в зависимости от множества внешних обстоятельств, и трансцендентальным субъектом, свобода которого заключается в следовании моральному Долгу. Как эмпирическое существо, человек похож на мыслящее животное, которое так же вынуждено адаптироваться к среде. Однако, как субъект морального Долга, человек не может быть отождествлен с ангелом, поскольку в таком случае он был бы марионеткой ноуменального Абсолюта. Таким образом, условием возможности свободного этического действия для человека является его несовершенство, его неспособность автоматически следовать категорическому императиву. Шеллинг подвергает кантовскую этическую теорию последовательной онтологизации: для того, чтобы человек мог быть свободным субъектом, в самом Абсолюте должно быть место для слабости и несовершенства. В противном случае из свободного субъекта человек превращается в одну из модификаций самодостаточного и всемогущего Абсолюта. В диалектической перспективе немецкого идеализма событие воплощения и вочеловечивания Христа является процессом становления субстанции субъектом, то есть – стирания непроходимой границы между божественным совершенством и человеческим несовершенством.

Как ни странно, сексуальность в лакановском психоанализе связана именно с этим фундаментальным несовершенством человеческой природы. Лакановская формула, согласно которой «сексуальных отношений не существует», означает прежде всего несводимость человеческой сексуальности к биологическим инстинктам. Само биологическое воспроизводство человеческого рода может происходить только благодаря дополнительной фантазматической любовной рамке. Иными словами, сексуальность в лакановском психоанализе представляет собой концептуализацию несовершенства животной природы человека. Точно так же, однако, сексуальность не позволяет человеку адекватно вписаться в символический порядок и заставляет его испытывать в нем неудобство. Поэтому сексуальность яв-

11 Шеллинг Ф.В.И. *Философские исследования о сущности человеческой свободы* // Он же. *Сочинения*. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 86–158.

ляется препятствием для становления человека ангелом (или кибернетической машиной, если мы имеем дело с акселерационистской философией). Таким образом, вопреки ангелическому марксизму Шалларя, сексуальность не тождественна греховному нарциссическому замыканию. Напротив, с точки зрения лакановского психоанализа, сексуальность может быть понята в качестве негативного основания универсального человеческого сообщества. Поскольку человек не может адаптироваться ни к биологической, ни к культурной партикулярной среде, возникает сама возможность универсального сообщества без предзаданной идентичности. В этом смысле подлинное универсальное сообщество для христианского атеиста – это не ангелический мир, а историческое объединение людей, развивающееся в результате их совместной работы над собственным фундаментальным несовершенством.

АНТОН СЮТКИН
ЗАТРУДНЕНИЯ
С ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АНГЕЛОЛОГИЕЙ...

Идеальность ангелов не означает, что они не материальны – просто ангельская идеальная материальность отличается от грубой отчужденной вещественности нашего мира, лежащего во зле.

Затруднения с политикой

Следующее принципиальное расхождение касается проблемы политики Истины. Шалларь переносит онтологическую оппозицию между ангельским и человеческим миром в политическую область с помощью противопоставления Империи и Пустыни, заимствованного у Сергея Хоружего¹². Вся человеческая политическая жизнь, неразрывно связанная с греховным стремлением к самоутверждению, является имперской в самом своем основании. В этом смысле одно из главных достоинств книги «Ангелы и способы производства» заключается в последовательной критике превращения христианской теологии в ресурс для легитимации имперской и империалистической политической практики. С точки зрения Шалларя, имперская идея не может быть христианской, поскольку внутренне она неразрывно связана с языческим (или даже антихристианским) способом мышления – с онтологией нарциссического самоутверждения.

Однако если я правильно понимаю, то в каком-то смысле Империя оказывается неустранимой: греховный мир невозможно изменить политическими средствами. Единственная возможность борьбы с ней – это духовный путь становления ангелом,

¹² Хоружий С. *Исихазм в Византии и России* // Он же. *О старом и новом*. СПб.: Алетейя, 2000. С. 207–261.

предполагающий бегство в Пустыню от мира сего. Среди человеческих сообществ к воспроизводству гармоничного ангельского мира приближается только монашеское общежитие. Следовательно, левые критики капитализма и империалистической политики должны образовывать коммуны монашеского типа, отказывающиеся принимать участие в безумной войне всех со всеми. Отчасти подобный ход напоминает политику великого отказа, разработанную в середине прошлого века Гербертом Маркузе¹³. Однако основанием такой политики у Шалларя является не сексуальная, а аскетическая антисексуальная революция: не эрос, а агапе.

В истории левой политической мысли был пример обращения к англологии, который заслуживает внимания в контексте книги Шалларя. В 1970-е после поражения «красного мая» Кристиан Жамбе и Ги Лардро пишут политический манифест под названием «Ангел: онтология революции»¹⁴. Анализируя опыт поражения, они находят его источник в отождествлении революции с желанием, а следовательно – с дискурсом и господством. В итоге революция либо проигрывает, захлебнувшись в собственном нарциссизме, либо предает себя после победы и превращается в репрессивное государство. Для того чтобы избежать поражения, необходимо разорвать связь между революцией и желанием: революция должна стать духовным опытом очищения. Сначала Жамбе и Лардро находят такую духовную революцию в китайском маоизме, тем самым оправдывая его радикальные террористические практики. Однако после действий Пол Пота в Кампучии они разочаровываются в левой радикальной политике и переходят на позиции новых философов. Духовную революцию они теперь ищут – вслед за своим учителем Анри Корбеном – в мистическом опыте иранского неоплатонического ислама.

Таким образом, в случае Жамбе и Лардро ангелическая революционность находится в маятниковом колебании между двумя полюсами: террористической политикой очищения и мистическим восстанием духа, не имеющим отношения к реальной политике. Шалларь в своей политической англологии, как кажется, отрицает оба эти полюса (он не является ни сторонником террористической политики, ни термидорианцем) и одновременно утверждает их оба: мистическое восстание духа и является для него наиболее радикальным опытом левой политики. Коммунистическая политика Истины, предполагающая, согласно Алену Бадью, преодоление неолитической констел-

13 МАРКУЗЕ Г. *Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда*. Киев: ИСА, 1995.

14 LARDREAU G., JAMBE C. *L'Ange. Ontologie de la révolution*. Paris: Figures Grasset, 1976. Подробное описание политической англологии Жамбе и Лардро на английском см. в: HALLWARD P. *Fallen Angel: Guy Lardreau's Later Voluntarism* // *Radical Philosophy*. 2018. № 203. P. 43–60.

ляции частной собственности, семьи и государства¹⁵, происходит для него в монашеском общежитии. Однако это преодоление имеет место только в очень локальных сообществах, не изменяющих мир, а уходящих от него. Как признается в конце книги Шалларь, изменять мир не нужно, мир сам по себе совершенен – бороться стоит только с собственным грехом. Иными словами, в онтологической конструкции Шалларя радикальная политизация и деполитизация сходятся, но ценой сознательного отказа от реальной политики, которая неизбежно связана с принятием разного рода несовершенств.

Однако в самом марксистском требовании изменения мира из 11-го тезиса о Фейербахе также можно найти христианское содержание. Наиболее отчетливо оно проявляется в отношении к проблеме теодицеи, которая хорошо формулируется Квентином Мейясу в статье «Дилемма призрака»¹⁶. Мейясу показывает, что ни традиционная теология, ни вульгарный атеизм не могут предложить внятных объяснений существованию зла. Традиционная теология, утверждающая всемогущество Бога, неизбежно возлагает на него ответственность за зло и делает его неотличимым от гностического Демиурга. Вульгарный атеизм, напротив, отрицая существование Бога и чего-либо идеального, делает зло неустранимым и тем самым так же, как традиционная теология, отождествляет мир с гностической «железной клеткой». Мейясу приходит к выводу, что для решения проблемы теодицеи Бог должен не существовать здесь и сейчас, но иметь возможность случайным образом возникнуть в будущем.

В перспективе христианского атеизма, немного отличающейся от того, что предлагает Мейясу, мы должны мыслить Бога слабым, воплощающимся в мире, претерпевающим зло наравне со всем сущим и умирающим на кресте. Такой слабый Бог совсем не является гностическим Демиургом, но также его нельзя назвать полностью бессильным. Дело в том, что, преодолевая дистанцию между абсолютным и относительным, совершенным и несовершенным, он дает надежду на исправление мира человеческими руками. Да, мир здесь и сейчас лежит во зле, но он не является гностической «железной клеткой», и за него стоит бороться. Поэтому проблема теодицеи и оправдания Бога зависит от того, насколько мы будем успешны в этой борьбе. Более того, в текущей историко-политической ситуации именно эта надежда на исправление мира, будучи, может быть, чуть менее яркой, чем становление ангелом, является более радикальной. Поскольку ее труднее себе вообразить.

15 О коммунизме как преодолении неолита Ален Бадью говорит в: *Alain Badiou on the Russian Revolution of October 1917* (www.versobooks.com/en-gb/blogs/news/3325-alain-badiou-on-the-russian-revolution-of-october-1917).

16 Мейясу К. *Дилемма призрака* // Логос. 2013. № 2. С. 70–80.

АНТОН СЮТКИН
ЗАТРУДНЕНИЯ
С ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АНГЕЛОЛОГИЕЙ...

БОРИС
СОКОЛОВ

Юлиан Семенов и его мифы

Семнадцать мгновений весны. Кинороман с историей

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

М.: Вече, 2023 – 608 с.

КАК РОЖДАЛСЯ ШТИРЛИЦ

*Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог, член
ассоциации ПЭН-Москва.*

В новый сборник произведений Юлиана Семенова включены ранее не публиковавшийся литературный сценарий телесериала «Семнадцать мгновений весны», из которого вырос одноименный роман, и киноповесть «Исход» – о походе барона Романа Унгерна в Монголию в 1920–1921 годах (соответствующий роман Семенов так и не написал, одноименный же советско-монгольский фильм вышел на экраны в 1968 году). Также в сборник вошли другие произведения, предназначавшиеся для экранизации, но в итоге ставшие материалом, из которого развился замысел «Семнадцати мгновений весны». Речь идет о повестях «Господин большевик», «Одиссея 44-го года», «49 часов 25 минут» и нескольких ранее не публиковавшихся рассказов. Кроме того, в книгу включены материалы из архива писателя, так или иначе связанные с фигурой Штирлица, в том числе интервью Семенова с Отто Скорцени, Карлом Вольфом и Альбертом Шпеером. Открывает издание весьма информативное предисловие составителя Алексея Репина и факсимильная подборка документов, связанных с созданием сериала «Семнадцать мгновений весны».

Из предисловия мы узнаем, что история о тайной войне Штирлица с нацистской верхушкой первоначально являлась сценарием, на основе которого позднее был написан роман. Здесь надо принять во внимание, что гонорар за сценарий сериала был существенно выше, чем можно было получить за роман, да и успех сериала гарантировал бы роману дополнительные тиражи. «Семнадцати мгновениям весны» предшествовали два семеновских киноромана – «Пароль не нужен» (1965) и «Майор Вихрь» (1966). Кинороман у Семенова – это «произведение художественной прозы, не требующее дополнительной адаптации для кинематографа» (с. 5). Иными словами, сначала создается литературный сценарий, из которого потом возникает режиссерский сценарий, с одной стороны, и роман, с другой. Советский разведчик, работающий в спецслуж-

бах нацистской Германии в годы Второй мировой войны, впервые появляется в романе «Майор Вихрь». Это герой романа «Пароль не нужен» – чекист Всеволод Владимиров, работавший под маской белогвардейского журналиста Максима Исаева. Именно он во втором киноромане перевоплотился в Штирлица. В «Майоре Вихре» писатель первоначально планировал ввести в число действующих лиц просто полковника абвера Исаева:

«Максим Максимович [Исаев] не легендировался под немца, а служил в абвере под своим именем, как и некоторая часть эмигрировавших офицеров белых армий. Но затем пришла идея “внедрить” его не в абвер, а в СД – и именно как немца, что давало более серьезные возможности для персонажа и простор для авторской фантазии, выводило сюжет на верхи “третьего рейха”» (с. 11).

Это свидетельство помогает понять генезис образа Штирлица. Действительно, в вермахте служили белоэмигранты, главным образом в качестве переводчиков. Но в абвере только один русский белоэмигрант имел чин полковника германской армии – это Борис Смысловский (1897–1988), бывший капитан Вооруженных сил Юга России и Русской армии Врангеля, в Германии также известный под именами «Артур Хольмстон» и «фон Регенау». 4 апреля 1945 года, в самом конце Второй мировой войны, Смысловский, начавший службу еще в рейхсвере, был произведен в генерал-майоры вермахта и назначен командующим 1-й Русской национальной армией. До того он командовал Особой дивизией R, состоявшей преимущественно из советских военнопленных, тогда как офицерами были эмигранты. Дивизия насчитывала несколько тысяч человек и занималась тактической разведкой на Восточном фронте и борьбой с партизанами и советскими разведывательно-диверсионными группами. Ее части в виде двенадцати разведывательных школ (учебных батальонов) были разбросаны по всему фронту. Реально под командованием Смысловского в апреле 1945 года находилось не более батальона, так как вывести части дивизии с фронта и сконцентрировать их в одном месте не было ни времени, ни возможности.

Смысловский хорошо известен тем, что в мае 1945-го сумел вывести остатки дивизии в Лихтенштейн и избежать принудительного возвращения своих подчиненных в СССР. Этот эпизод отображен во франко-швейцарском фильме «Ветер с востока» («Vent d’Est», 1992), где Смысловского сыграл британский актер Малкольм Макдауэлл. В 1948-м Смысловский с частью своих сослуживцев эмигрировал в Аргентину, в 1956-м переехал в США, а в 1968-м вернулся в Лихтенштейн. Он активно сотрудничал с западными спецслужбами, а в 1966–1973 годах, по

БОРИС СОКОЛОВ
ЮЛИАН СЕМЕНОВ
И ЕГО МИФЫ

некоторым данным, был советником бундесвера¹. Вполне вероятно, что первоначальный замысел образа будущего Штирлица был подсказан кем-то из знакомых Семенова в КГБ. Ведь в этом случае прототип легко высчитывался – и одним из побочных эффектов могло бы стать недоверие к Смысловскому со стороны западных спецслужб.

Но, очевидно, писатель очень скоро понял, что гораздо интереснее сделать своего героя «немцем», служившим в СД, в связи с чем возникала важная тема перевоплощения советского разведчика-коммуниста в убежденного германского нациста. Да и в КГБ, вероятно, поняли, что представить Смысловского в роли советского агента вряд ли получится.

Отмечу, что Смысловский, по всей вероятности, послужил одним из прототипов начальника немецкой разведгруппы Мищенко в пятисерийной телевизионной экранизации романа Владимира Богомолова «Момент истины (В августе сорок четвертого...)» под названием «Операция “Неман”» (2023, режиссер Сергей Виноградов). Там Мищенко (Алексей Кравченко) – полковник абвера и, как и Смысловский, женат на немке. А поскольку у сериала открытый финал – Мищенко на экране не погибает, – то теоретически «Операция “Неман”», снятая в жанре «экшен», может прирасти новыми сезонами о послевоенном противостоянии Мищенко-Смысловского и советской контрразведки.

Но один эпизод биографии Смысловского Семенов, возможно, своему Штирлицу все-таки приписал. С конца 1943 года командир дивизии *R* находился под домашним арестом, и против него велось следствие по обвинению в несанкционированных связях с Народно-трудовым союзом, а также с польскими и украинскими подпольными организациями. Обвинения не подтвердились, и в конце апреля – начале мая 1944 года Смысловский был освобожден и даже награжден крестом 2-го класса ордена Заслуг германского орла². Этот орден вручался по большей части иностранцам из числа союзников Германии (первым его получил Бенито Муссолини). Крест за заслуги 2-го класса с мечами вручался военным в чинах, соответствующих генерал-майору и генерал-лейтенанту германской армии, так что Смысловский получил этот орден авансом. А в «Семнадцати мгновениях весны» Мюллер открывает следствие против Штирлица, в котором подозревает советского шпиона, но, в конце концов, послед-

- 1 Историю Смыловского и подчиненных ему частей см.: Грибков И.В., Жуков Д.А., Ковтун И.И. *Особый штаб «Россия»*. М.: Вече, 2011.
- 2 Там же. С. 236–244, 254–255. Юлиан Семенов мог почерпнуть все эти сведения из многочисленных автобиографических публикаций Смыловского, вышедших после Второй мировой войны, в том числе на русском языке, например: Хольмстон-Смыловский Б.А. *Избранные статьи и речи*. Буэнос-Айрес, 1953; Он же. *Война и политика. Часть первая: Партизанское движение. Часть вторая: Мысли солдата*. New York: Всеславянское издательство, 1957.

нему удается выкрутиться. Здесь важен сам факт подозрения в связях с кем-то за пределами конкретной институции, а не то, с кем именно эти связи предполагаются.

Весной 1967 года Юлиан Семенов подал заявку на новый роман в «Воениздат», и одновременно на сценарий (кинороман) – на «Ленфильм». Первоначальный замысел существенно отличался от итогового результата. Действие должно было происходить в Берлине и Праге в последние дни войны, поэтому роман и сценарий назывались «Семнадцать мгновений апреля». В финале, согласно первоначальному замыслу, Штирлиц вместе со своим сыном Александром Исаевым (он же Коля Гришанчиков), одним из главных героев романа и сериала «Майор Вихрь», должны были найти (и захватить) секретные архивы СС. Семенов в заявке на сценарий писал:

«Исаев не только сумел похитить секретные архивы СД, касающиеся агентуры СД и СС, оставленной в наших тылах, но и открыл код “Вервольфа”, подпольной гитлеровской организации, призванной поднять “партизанское движение” против советских войск» (с. 61).

Этот сюжет был не нов. Еще в фильме Михаила Ромма «Секретная миссия» (1950, сценаристы Михаил Маклярский и Константин Исаев) предшественница Штирлица, штурмбаннфюрер СС Марта Штирке (она же советская разведчица Маша Глухова) ценой своей жизни добывает копии архивов СД – списки германской агентуры в СССР и странах Восточной Европы, – которые, кстати сказать, руководители германских спецслужб собираются передать американцам. В семеновских заявках на роман и сценарий уже присутствовала тема сепаратных переговоров Гимmlера с Западом, но довольно отдаленно. В заявке на сценарий отмечалось:

«Исаев через Берга (завербованного еще в «Майоре Вихре» полковника абвера. – Б. С.), вхожего к Фегеляйну, [...] выходит на сепаратные переговоры между Гимmlером и представителями Шведского Красного Креста о заключении одностороннего договора с западными союзниками» (с. 61).

В заявке же на роман говорилось только о получении Исаевым-Штирлицем «через Фегеляйна, косвенным путем [сведений] о переговорах Гимmlера с западными союзниками о заключении сепаратного антибольшевистского перемирия» (с. 60). Группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС Герман Фегеляйн, муж сестры Евы Браун и офицер связи Гимmlера в ставке Гитлера, в первой заявке на роман и фильм был представлен как советский агент: «Фегеляйн оказал помощь нашей разведке и за это был казнен» (с. 61) (в действительности Фегеляйн был расстрелян в ночь на 29 апреля 1945 года за попытку бегства

из бункера рейхсканцелярии). В случае с Фегеляйном Семенов ссылался на сведения, полученные от генерал-лейтенанта Рудольфа Бамлера, бывшего высокопоставленного сотрудника абвера, позднее – одного из создателей Штази.

Непосредственно к работе над литературным сценарием и романом писатель приступил только осенью 1968 года и сразу же изменил основной сюжет: теперь речь шла о действиях Штирлица в связи с попытками руководства «третьего рейха» заключить сепаратный мир с западными странами («первый черновой вариант рукописи – это уже почти общеизвестный ныне текст», с. 24).

Можно догадаться, что побудило Семенова изменить сюжет. Как раз в 1968 году в ГДР на телеэкраны вышел третий сезон сериала «Тайный отряд» – двухсерийный «Тайный отряд: Шпрее» («Geheimkommando Spree») режиссера Хельмута Кретцига. Действие происходит в апреле 1945 года; главные герои – бывший фельдфебель вермахта Тони Буриан (Хорст Вайнхаймер), ставший антифашистом и членом комитета «Свободная Германия», и лейтенант «Смерш» Борис Быков (Гюнтер Шосс) – помогают работающему на советскую разведку обер-лейтенанту абвера Бернду Роланду (Отто Мейлис) войти в доверие к окружению главы Имперского главного управления безопасности (РСХА) Эрнсту Кальтенбруннеру (абвер в то время контролировался РСХА) и сорвать сепаратные переговоры между абвером и англо-американским командованием.

Не исключено, что, принимая во внимание тесные связи советских и восточногерманских кинематографистов, создатели сериала «Тайный отряд» узнали о заявке Юлиана Семенова, где одной из сюжетных линий, пусть не главной, была тема сепаратных переговоров вождей «третьего рейха» с Западом, предотвращенных советским разведчиком, – и решили снять фильм на эту тему. Но доказательств этому нет. Во всяком случае Семенов наверняка видел «Тайный отряд», и скорее всего под влиянием этого фильма в «Семнадцати мгновения весны» появился образ солдата войск СС Гельмута Кальдера, который ценой своей жизни спасает радистку Кэт (Екатерина Градова). В телесериале Кальдера играет исполнитель роли Бернда Роланда – Отто Меллис (в титрах назван «Отто Мелиесом»). Он также озвучивал Штирлица для показа «Семнадцати мгновений» в ГДР (очевидно, учли, что он сыграл кинопрототипа главного героя).

Составитель книги Алексей Репин упоминает, что, поскольку восточногерманский минисериал «Тайный отряд» так повлиял на замысел семеновского романа и сценария, было вполне логично планировать совместную постановку с киностудией ГДР DEFA, партнером которой с советской стороны должно было выступить творческое объединение «Экран» на

базе «Ленфильма». Однако это сотрудничество не состоялось: переговоры с DEFA затянулись, и в апреле 1970 года Семенов предпочел вернуть аванс и разорвать договор с «Экраном», заключив новый договор на сценарий с Киностудией имени Горького (с. 32–33). В отличие от «Тайного отряда», у Семенова в романе непосредственно действуют первые лица «третьего рейха», включая Гитлера, Геринга, Геббельса, Гимmlера, Бормана, Кальтенбруннера и других, характеристики которых писатель почерпнул главным образом из мемуаров Шелленберга. Репин также пишет:

БОРИС СОКОЛОВ
ЮЛИАН СЕМЕНОВ
И ЕГО МИФЫ

«[Маловероятно, что] Юлиан Семенов изучал агентурное дело Вилли Лемана – агента “Брайтенбаха”. Материалы о нем были рассекречены Службой внешней разведки после 1998 года. [...] Можно встретить информацию, что о Лемане якобы написано в “Лабиринте” Шелленберга, – однако это неверно, упоминаний о Лемане там нет (ни в русском переводе, ни в английском оригинале). Шелленберг (или авторы его мемуаров), проводя линию намеков “работы Мюллера на русских”, не оставил бы в стороне эту историю» (с. 20–21).

Действительно, в «Лабиринте» – переводе мемуаров Шелленберга на английский язык, вышедшем в США в 1956-м, – никаких упоминаний о деле Вилли Лемана нет³. Однако в немецком переиздании мемуаров Шелленберга (1959) читаем:

«Еще один удар удалось Советам нанести мне в области промышленного шпионажа. В нашем отделе, ведавшем этой работой, служил пожилой, тяжело больной сахарным диабетом инспектор Л., которого все на службе за его добродушие звали дядюшкой Вилли. Он был женат и вел скромную жизнь простого бюргера. Правда, у него была одна страсть – лошадиные бега. В 1936 году он впервые начал играть на ипподроме, и сразу же его увлекла эта страсть, хотя он проиграл большую часть своего месячного заработка. Знакомые дали потерпевшему неудачу новичку хорошие советы, и дядюшка Вилли утешился возможностью вскоре отыграться. Он сделал новые ставки, проиграл и остался без денег. В отчаянии, не зная, что делать, он хотел тут же покинуть ипподром, но тут с ним заговорили двое мужчин, которые явно видели его неудачу, “Ну, и что ж с того? – произнес тот, кто назвал себя Мецгером. – Со мной такое раньше тоже случалось, так что нечего вешать голову”. Мецгер проявил понимание к страстишке дядюшки Вилли и предложил ему в виде помощи небольшую сумму денег с условием, что он будет получать пятьдесят процентов от каждого выигрыша. Дядюшка Вилли согласился, но ему опять не повезло, и он проиграл. Он получил новую субсидию и на этот раз выиграл. Но эти деньги ему теперь были крайне необходимы для семьи. Теперь Мецгер

3 SCHELLENBERG W. *The Labyrinth: Memoirs of Walter Schellenberg, Hitler's Chief of Counterintelligence*. Cambridge: Da Capo Press, 1956.

предъявил ему счет. Он потребовал вернуть все полученные на игру деньги, и, поскольку дядюшка Вилли не в состоянии был расплатиться, тот пригрозил заявить об этом вышестоящему начальству. Во время этого разговора Л. был под хмельком и согласился на условия своего сердобольного “друга”. За предоставление новой ссуды он обещал передавать ему информацию из центрального управления нашей разведки. Отныне он состоял на службе у русских. В течение нескольких лет его так умело использовали, что со стороны никто не заметил появления у него нового источника доходов. Он мог теперь удовлетворить свою страсть к игре на скачках, но при этом тщательно следил за тем, чтобы его образ жизни остался прежним. Его растущий банковский счет был так тонко устроен, что здесь не могло возникнуть никаких подозрений. В качестве промежуточного лица здесь действовал Мецгер, который брал со счета необходимые суммы.

За время своего сотрудничества с русскими Л. передал им столько обширного и важного материала, что мы вынуждены были во многих областях провести серьезную реорганизацию. На допросе он признался, что передавал своим партнерам не только устную информацию, но и важные документы. Бумаги он обычно носил за подкладкой шляпы. “Хозяин” Мецгера, имевший внешность преуспевающего человека, носил такую же шляпу. Когда он выходил из ресторана, где происходила встреча, они незаметно обменивались шляпами. Сведения в тот же вечер переправлялись в Москву из дома, расположенного в глубине двора, где советские агенты оборудовали свою радиостанцию. Сам радист был коммунистом, обучавшимся в Москве, который состоял не только в КПГ, но и в НСДАП, и в прочих нацистских организациях. Соседи и сослуживцы знали его как ревностного национал-социалиста. Но как-то он заболел и вынужден был лечь на операцию. Под наркозом он начал говорить о необходимой перемене шифра и несколько раз вскрикивал: “Почему Москва не отвечает?” Врач, оперировавший его, сам пошел к Мюллеру и сообщил о случившемся. Обнаруженное таким образом шпионское кольцо включало в общей сложности шестнадцать человек, к которым принадлежал и дядюшка Вилли. Вместе с другими восемью обвиняемыми он по приговору суда был расстрелян. Так как Гиммлер приказал держать все это дело в тайне, на службе у дядюшки Вилли мы распространили известие, что он во время служебной поездки в Варшаву, по всей вероятности, во время приступа сахарной комы, выпал из поезда и разбился насмерть. Я думаю, что до сих пор никто, кроме тогдашних участников дела, ничего не узнал о действительной подоплеке событий»⁴.

Конечно, Семенов вряд ли знал, что Вилли Л. носил фамилию Леман, и наверняка не знал про его оперативный псевдоним «Брайтенбах» (своего Штирлица писатель наградил псевдонимом «Юстас»). Но из мемуаров Шелленберга он по-

4 Шелленберг В. *В паутине СД*. М.: Вече, 2012. С. 140–142.

нял, что в его отделе еще с довоенных лет работал советский агент, занимавший достаточно высокую должность, чтобы получать очень ценную информацию. А немец-радист, проговорившийся под наркозом о своей тайной миссии, но на чистом немецком языке, превратился в «Семнадцать мгновений» в «русскую пианистку Кэт», которая во время родов кричит по-русски и тем выдает себя.

В романе и фильме «Пароль не нужен» есть эпизод вербовки Исаевым адъютанта главы Временного Приамурского правительства Спиридона Меркулова, поручика Фривейского. Он в точности повторяет эпизод вербовки Вилли Лемана, который тоже очень любил играть на бегах, а когда основательно проигрался и влез в долги, то предложил свои услуги советской разведке. Из этого можно сделать вывод, что во время работы над романом «Пароль не нужен» в 1964-м писатель уже был знаком либо с немецким оригиналом издания мемуаров 1959 года, либо с его не предназначавшимся для печати переводом на русский язык.

Репин упоминает о встречах Юлиана Семенова с советскими разведчиками-нелегалами Норманом Бородиным (по свидетельству генерал-майора КГБ Вячеслава Кеворкова, «Юлиан очень подробно расспрашивал Бородина о жизни во Франции», с. 18) и Кононом Молодым (в записных книжках Семенова упоминается встреча с человеком, который стал «прототипом героя “Мертвого сезона”», с. 17), справедливо оговариваясь, что они все же мало чем могли помочь при создании образа разведчика-нелегала, работающего в спецслужбе нацистской Германии. Тот же Молодой в годы Великой Отечественной войны был успешным фронтовым разведчиком, ходил за «языками», получал награды, но о жизни разведчика-нелегала в нацистской Германии и вообще о жизни в «третьем рейхе» он мало что мог сказать создателю Штирлица. Такая же ситуация была с Бородиным, который работал нелегалом во Франции, а не в Германии. Молодой и Бородин помогли писателю понять психологию разведчика-нелегала вообще, но не конкретно в нацистской Германии. От исторического прототипа, Вилли Лемана, писатель взял место работы в отделе внешней разведки у Шелленберга, а также обстоятельства его провала, связанные с радистом. Но никаких качеств «дядюшки Вилли» в изложении Шелленберга Семенов своему герою не передал. Штирлиц совсем не выглядит добродушным дядюшкой, не страдает диабетом, не увлекается игрой на скачках и не бывает под хмельком.

Что же касается основной интриги фильма – переговоров Карла Вольфа с Алленом Даллесом, – то они действительно имели место, но их инициатором был не обергруппенфюрер Вольф, а фельдмаршал Альберт Кессельринг – главнокоманду-

ющий германскими войсками в Италии, скептически относившийся к их успеху и записавший в мемуарах:

«Весной 1944 года без ведома Верховного командования вермахта – хотя позже я доложил о своих действиях Гитлеру – я преодолел угрызения совести и вступил в контакт с американскими посредниками в Швейцарии через генерала СС Вольфа, поскольку считал, что война должна быть закончена путем переговоров на дипломатическом уровне. Я рассматривал этот шаг не как прелюдию к капитуляции войск в моей сфере ответственности, а как помощь правительству в налаживании переговорного процесса. [...]

Я не мог разделить веру Верховного командования в то, что западные союзники России, осознавая угрозу коммунизма, продвигаются вперед и создадут фронт, направленный против советских войск, хотя генерал СС Вольф, ведя переговоры в Швейцарии, с которыми ассоциировалось мое имя, и предлагая американцам заключить перемирие, понимал, что Рузвельт был убежден в «двуличности политики Советов»⁵.

Переговоры Вольфа с американцами в Швейцарии начались весной 1944 года, накануне высадки союзников во Франции. На определенном этапе в известность о них был поставлен Гитлер. Когда это произошло, Кессельринг прямо не пишет. Но из следующего его свидетельства можно заключить, что это случилось после того, как англо-американские союзники освободили Францию:

«Рассуждения о том, было ли успешное вторжение противника в Нормандии окончательным решением нашей судьбы, казались мне неуместными в обстановке, когда крах нашей обороны на Западном фронте убил последнюю надежду на возникновение тупиковой, патовой ситуации, а мы оказались в отчаянном положении. Именно по этой причине начиная с осени 1944 года я поддерживал план генерала СС Вольфа, состоявший в установлении контакта с американцами в Швейцарии. Как солдат я убедил себя, что на данном этапе войны политические переговоры с противником были неизбежными и необходимыми»⁶.

Гитлер об инициированных Вольфом и Кессельрингом переговорах с американцами в Швейцарии знал, а вот Гиммлер – нет. Поэтому рейхсфюрер в последние дни войны пытался установить контакт с США и Англией через главу Международного Красного Креста, шведского графа Фольке Бернадота. Будь он осведомлен о переговорах Вольфа, необходимости бы в этом не было. Карл Вольф был начальником личного штаба Гимmlера в 1936–1943 годах. Однако потом его отношения

5 Кессельринг А. *Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала третьего рейха. 1933–1947*. М.: Центрполиграф, 2003. С. 453, 432.

6 Там же. С. 436–437.

с рейхсфюрером испортились в связи со скандальным разводом и новым браком Вольфа, против которого возражал Гиммлер. В результате обергруппенфюрер был сослан в Италию начальником войск СС и полиции при главнокомандующем на Юго-Западе, то есть при Кессельринге. И Вольф не сообщил Гиммлеру о своих переговорах в Швейцарии.

Семенов же заставил Вольфа действовать по поручению Гиммлера – это была чистой воды писательская фантазия. Как явствует из первоначальной заявки, автор «Семнадцати мгновений весны» прекрасно знал (очевидно, из книги Шелленберга) о переговорах Гиммлера через Шведский Красный Крест в конце войны. А следовательно, должен был догадаться, что рейхсфюреру незачем было бы искать каких-то новых посредников для переговоров, если бы у него уже был установлен контакт по линии Вольф–Даллес. Публикуемый же в рецензируемой книге литературный сценарий «Семнадцать мгновений весны» содержит следы более ранней редакции, в которой действие происходило весной 1944 года. Штирлиц говорит в беседе с пастором Шлагом: «Мы пришли к власти в 1933 году. Сейчас 1944-й. Чего же вы хотите от нас? Мы живем одиннадцать лет, насилуя инакомыслящих!» (с. 110). В другом разговоре со Штирлицем пастор говорит: «Мне было страшно все эти одиннадцать лет вашего пребывания у власти» (с. 158). Поскольку нацисты пришли к власти в январе 1933-го, одиннадцать лет однозначно указывают на 1944-й как время действия. А Карл Вольф рассказывает Вальтеру Шелленбергу, что именно он собирается предложить Аллену Даллесу: «Речь идет о том, чтобы Запад мог взять под контроль Северную Италию, Францию и – определенным образом – Швейцарию. Так и только так выстроится баррикада против коммунизма» (с. 125). Но к весне 1945 года США и Англия уже давно контролировали территорию Франции, и глупо было предлагать Даллесу установить над ней контроль. Зато для весны 1944-го такое предложение соответствовало реалиям: Франция была оккупирована немцами, и союзники только готовились высадиться на нормандском побережье. Получается, что в этой редакции действие начиналось еще до событий, описанных в «Майоре Вихре».

В сценарии инструкции Вольфу дает Шелленберг – и обергруппенфюрер (полный генерал) покорно слушает наставления бригадефюрера (генерал-майора). Очевидно, Семенов почувствовал нелепость происходящего, и в опубликованном тексте романа, и в сериале инструктирует Вольфа уже сам Гиммлер. В реальности же обергруппенфюрера насчет переговоров с американцами инструктировал его непосредственный начальник – фельдмаршал Кессельринг.

В первоначальном сценарии, как и в романе, и в сериале «Семнадцать мгновений весны», немало ошибок в изображении реалий «третьего рейха». Начнем с формы СС. В сценарии, романе и фильме она черная, чего не могло быть в то время, когда разворачивается действие. Вероятно, Юлиан Семенов, а потом Татьяна Лиознова смотрели фильм Лукино Висконти «Гибель богов» (1969), события которого происходят в 1933–1934 годах, накануне и во время «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 года, когда эсэсовцы по приказу Гитлера уничтожили руководство штурмовых отрядов (СА). Там чины СС одеты в черные мундиры, что абсолютно соответствует исторической истине. Но действие «Семнадцати мгновений весны» относится не к 1934-му, а к 1945 году. А в 1939-м, после начала Второй мировой войны, цвет формы СС радикально поменялся – с черного на светло-серый. Оставшиеся запасы черной эсэсовской формы использовали для обмундирования вспомогательной полиции на оккупированных восточных территориях. На фронте же войска СС носили либо мундиры вермахта цвета фельдграу, но со знаками отличия СС, либо камуфляж. Например, часть бойцов дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» в сентябре–октябре 1943 года участвовала в разоружении капитулировавшей итальянской армии, и потом многие бойцы дивизии щеголяли в трофейном итальянском камуфляже. Конечно, замена формы произошла не в один день. Например, на фото посещения Гиммлером и Кальтенбруннером концлагеря Маутхаузен в апреле 1941 года оба они одеты уже в серые мундиры. При этом Гиммлер одет в брюки от полевой формы и ботинки. Комендант лагеря, штурмбаннфюрер Франц Цирайс, носит полевую форму фельдграу, а гауляйтер и рейхсштатгальтер Обердонау (Верхний Дунай), бригадефюрер СС Август Айгрубер, предпочитает старую черную форму. Но к 1945 года уже все эсэсовцы переоделись либо в новую серую, либо в полевую форму.

Точно такую же ошибку сделала Лилиана Кавани, ориентирующаяся на фильм своего учителя Лукино Висконти «Гибель богов», одев в «Ночном портье» (1974) эсэсовцев периода Второй мировой войны в анахроничные черные мундиры. И именно черный мундир стал важным элементом своего рода культурного мифа об СС не только в СССР, но и в других государствах Антигитлеровской коалиции; СС часто именуют «Черным орденом». Очевидно, здесь была прямая ассоциация с многочисленными преступлениями («черными делами»), совершенными этой организацией.

Другие ошибки в романе и фильме связаны с топографией Берлина. IV отдел РСХА (гестапо) Генриха Мюллера и VI отдел РСХА (внешняя разведка) Вальтера Шелленберга, в отличие от того, что мы видим в романе и фильме, никогда не нахо-

дились в одном здании. Ведомство Мюллера располагалось на Принц-Альбрехтштрассе 8 и 9, а ведомство Шелленбрга – на Беркаерштрассе 32. Расстояние между этими зданиями составляет более десяти километров. В январе 1945 года британская авиация разбомбила здание гестапо, после чего его отдельные подразделения были разбросаны по всему Берлину. Возможно, Семенов просто списал столичную топографию германских спецслужб с КГБ СССР, где почти все главные управления и управления располагались в комплексе зданий на Лубянке⁷.

Также у Семенова есть ошибки, связанные с разделением компетенций между различными управлениями РСХА. Так, уже в первом варианте сценария пастор Шлаг освобожден из тюрьмы по распоряжению Шелленберга: «Была только устная директива Шелленберга – выпустить пастора под наблюдение Штирлица» (с. 160). Эта же нелепость сохранилась в окончательном тексте романа и в сериале. В реальности такого быть не могло. Отдел Шелленберга не обладал правом производить аресты. Шлаг мог быть арестован только гестапо, как это и происходит в романе и фильме. Но в таком случае он мог быть освобожден только по распоряжению либо Мюллера, либо главы РСХА Эрнста Кальтенбруннера.

Также Мюллер не мог арестовать шофера Мартина Бормана, заместителя Гитлера по партии, так как гестапо было запрещено предпринимать какие-либо действия против сотрудников партийной канцелярии. Такой арест мог произойти только с санкции самого Бормана. Шелленберг не мог приказать расстрелять собственных адъютантов. Он не имел на это полномочий. Да и не было во внешней разведке СД практики убирать ненужных свидетелей из числа своих сотрудников. Здесь писатель скорее воспроизводит практику НКВД, нередко ликвидировавших проштрафившихся агентов и резидентов, а также опасных свидетелей⁸. А весь эпизод с убийством адъютантов введен для того, чтобы Шелленберг не выглядел таким «чистеньким» нацистом, не причастным ни к каким преступлениям. Точно так же Штирлиц не мог иметь своего личного агента Клауса, поскольку внешняя разведка не имела права иметь агентуру внутри Германии. Убийство Клауса Штирлицем не мотивировано сюжетом и скорее всего вызвано желанием писателя покарать подлеца.

В первом варианте сценария Мюллер вначале ошибочно именуется обергруппенфюрером, но ближе к концу Семенов понизил его до его настоящего звания – группенфюрер. Штирлиц в одном месте в сценарии назван оберштурмбаннфюрером (с. 144). Это может быть следом более ранней редакции, где

7 Райхель Ю. *Проколы Штирлица* // Днепр Вечерний. 2018. 31 октября (<https://dv-gazeta.info/vechyorka/politic/prokolyi-shtirlitsa.html>).

8 Там же.

действие начиналось весной 1944 года и Штирлиц тогда мог быть еще в указанном чине, который предшествовал штандартенфюреру.

В первой редакции сценария в финале содержался намек на скорую гибель Штирлица: «Наступала весна, великая весна мира. Она наступила для земли, для травы, для деревьев, для людей этой земли. Она наступила для всех – для всех, кроме Максима Исаева» (с. 298). Однако и в романе, и в сериале гораздо более оптимистический финал без какого-либо намека на близкую смерть главного героя. Писатель раздумал убивать столь перспективного персонажа и посвятил ему еще много романов, в том числе таких, где действие происходит уже в послевоенное время.

Несмотря на ряд неточностей и ошибок, Юлиан Семенов и Татьяна Лиознова (при этом их отношения между собой были далеки от идеальных, о чем подробно говорится в предисловии Репина) создали мощный миф о великом советском разведчике-нелегале Исаеве-Штирлице, миф, переживший Советский Союз. По количеству анекдотов с «Семнадцать мгновений весны» может соперничать разве что фильм братьев Васильевых «Чапаев». А «штирлиц» стало нарицательным обозначением не только советских, но и российских разведчиков-нелегалов. Этому способствовала, конечно, огромная популярность сериала – и образа, созданного актером Вячеславом Тихоновым на основании текста Юлиана Семенова. Как говорил Семенов во время прямой линии с читателями «Комсомольской правды» в 1986 году, в образе Исаева-Штирлица он стремился «создать героя чистого, смелого, доброго и его глазами рассмотреть те периоды нашей истории, которые прежде всего волнуют меня, – это [...] Революция, наше сражение против нацизма и атомной маниакальности» (с. 365).

ЮЛИАН СЕМЕНОВ И ОТТО СКОРЦЕНИ: БЫЛА ЛИ ВСТРЕЧА?

Из публикуемых в рецензируемой книге интервью Семенова непосредственное отношение к теме «Семнадцати мгновений весны» имеют интервью с Отто Скорцени (с. 326–351) и Карлом Вольфом (с. 351–356)⁹. Сразу скажу, что в плане аутентичности первое из них никакого доверия не вызывает. Со Скорцени в Мадриде в 1974 году Семенов якобы беседовал целых восемь часов: «Мы встретились в семь часов вечера, а расстались в три

⁹ Отто Скорцени (1908–1975) – оберштурмбаннфюрер СС, диверсант, прославившийся несколькими дерзкими операциями, в частности, похищением арестованного после свержения Бенито Муссолини в 1943 году. Карл Вольф (1900–1984) – один из высших офицеров СС.

часа утра», причем Скорцени называл советского писателя не иначе как «дорогой друг» (с. 327). Интересно, а Семенов тоже называл бывшего нацистского диверсанта «дорогим другом»? Но, несмотря на теплый восьмичасовой разговор, писатель так и не догадался сделать историческое фото с собеседником. И почему-то Семенов так и не спросил у Скорцени, в каком чине тот закончил войну, потому что называет его штандартенфюрером СС. Но Скорцени окончил войну оберштурмбаннфюрером и штандартенфюрером никогда себя не называл. По этому поводу он иронически писал в мемуарах:

«Служба радиоперехвата сообщила мне [...] информацию Би-би-си, согласно которой Гитлер [во время их встречи в конце марта 1945 года. – Б. С.] произвел меня в генерал-майоры и назначил на важный пост в руководстве обороной Берлина. Би-би-си сообщало, что я якобы буду проводить чистки. В действительности Гитлер вручил мне Дубовые листья к Рыцарскому кресту за оборону Шведта и поздравил меня»¹⁰.

Также писатель утверждал, что Скорцени был хорошо знаком с его творчеством, поскольку тот сразу же спросил Семенова: «Кто-то из десяти самых близких к фюреру людей передавал в Берн по радио вашему Шандору Радо – через Ресслера – самые секретные данные. Кто эти люди? Почему вы ни разу ни писали о них?» (с. 327). Подобное заявление предполагает практически тотальное знакомство Скорцени с творчеством Семенова. Между тем реальная известность автора «Семнадцати мгновений весны» ограничивалась территорией Советского Союза и стран-союзниц СССР.

В изложении Семенова интервью со Скорцени выглядит как пространственные семеновские монологи, сопровождаемые короткими репликами Скорцени. Кроме того, писатель включил в очерк об этом интервью свои обширные воспоминания о встречах с Шандором Радо и другими людьми, размышления о Мартине Бормане, Гиммлере и других главарах «третьего рейха». Получается, что за восемь часов беседы Скорцени наговорил едва на пару страниц книжного текста.

В этом тексте есть явные нелепости, которых сам Скорцени никогда не сказал бы. Так, перед первой встречей Скорцени с Гитлером в июле 1943 года Борман будто бы просил будущего освободителя Муссолини не говорить фюреру «правды о положении на фронтах, о настроении солдат, о скудном пайке, о том, что карточная система душит нацию, о том, что люди устали» (с. 330). Но ни Борман, ни Скорцени не были глупы. К тому времени Скорцени последний раз был на фронте в декабре

10 СКОРЦЕНИ О. *Неизвестная война*. Минск: Попурри, 2012. С. 515.

1941 года под Москвой. Так что спрашивать его о положении на фронте и настроениях солдат было бессмысленно: в июле 1943-го они были совсем иные, чем декабре 1941-го. А в качестве офицера СС Скорцени получал вполне приличный паек. Еще Семенов вложил в уста Скорцени следующий пассаж о лидере украинских националистов Степане Бандере:

«Скорцени много рассказывал о своем “друге” Степане Бандере, банду которого он выводил зимой 1945-го с Украины.

– Это был легендарный рейс. Я вел Бандеру по “радиомаякам”, оставленным в Чехословакии и Австрии, в тылу наших войск. Нам был нужен Бандера, мы верили ему, он хорошо дрался на Восточном фронте. Гитлер приказал мне спасти его, доставив в рейх для продолжения работы, – я выполнил эту задачу» (с. 341).

В действительности Степан Бандера после 1940 года на Украине больше не появлялся и на Восточном фронте никогда не сражался. В первой версии мемуаров Скорцени (1950) имя Бандеры вообще не упоминалось. Там говорилось только о связи Скорцени с УПА¹¹:

«Осенью 1944 года я поручил гауптману К. провести на Украине специальную операцию и проверить правильность [...] слухов. С группой немецких солдат в составе восьми человек и оснащенной радиосредствами гауптман К. через Карпатский фронт просочился в глубь Карпатской Украины, а затем направился на восток. Операция длилась три недели, во время которых группа совершила рейд по глубоким тылам русских войск. После благополучного возвращения этой группы мы получили достаточно полную картину сложившейся ситуации.

УПА действительно смогла сформировать отряды, насчитывавшие порой более тысячи человек, и взять под контроль целые районы. Ее борьба с тыловыми частями русской армии осуществлялась методом “наскока”. Оружие, боеприпасы и иное оснащение членам УПА приходилось добывать в ходе нападений на советские подразделения. Гауптману К. удалось лично переговорить с некоторыми руководителями УПА и выяснить, что немецкие солдаты на самом деле сражались в рядах украинского освободительного движения и в основном выполняли роль младших командиров. Руководство УПА было готово обменять немецких солдат на поставки вооружения и другого оснащения. Ими были подготовлены даже аэродромы, на которых можно было забрать раненых и больных немецких солдат. Однако положение дел, связанное со снабжением фронтов бензином, настолько осложнилось, что на подобные операции просто не хватало горючего»¹².

11 Организация «Украинская повстанческая армия» (УПА) на территории Российской Федерации признана экстремистской и запрещена.

12 Скорцени О. *Секретная команда. Воспоминания руководителя спецподразделения немецкой разведки. 1939–1945*. М.: Центрполиграф, 2019. С. 349; нем. оригинал: SKORZENY O. *Geheimkommando Skorzeny. Autobiografie*. Hamburg: Hansa Verlag Toth, 1950.

В последнем же варианте своих мемуаров (1975) Скорцени написал о Бандере достаточно подробно – прежде всего в связи с его убийством советским агентом в Мюнхене в 1959 году. Рассказывая о событиях осени 1944-го, Скорцени указывает, что операция по установлению контакта с УПА называлась «Бурый медведь», а гауптман К. – это капитан Керн, ранее служивший в армейском спецназе «Бранденбург»:

«Подразделение Керна перешло линию фронта в декабре 1944 года в Восточной Чехословакии. Через две недели я в первый раз наладил закодированную связь с капитаном Керном по радио. Он встречался с Бандерой, солдаты которого удерживали достаточно обширную лесистую горную местность, размерами пятьдесят на двадцать километров. [...] Бандера согласился эвакуировать раненых немецких солдат, и его люди соорудили посадочную площадку в лесу. Однако на момент окончания работ в остающейся под моим командованием части Люфтваффе “Бомбардировочной авиационной эскадре 200” уже не было топлива! Мы смогли лишь сбросить на парашютах врачей с медицинским снаряжением, лекарства, оружие и боеприпасы. Керну и его людям я приказал, чтобы они пробивались назад.

Солдаты, участвовавшие в операции “Бурый медведь”, прорывались через линию фронта в марте 1945 года в необыкновенно трудных условиях, так как спецподразделению требовалось преодолеть фронт, удерживаемый армиями Украинского фронта генерала Ивана Петрова. Несмотря на это, Керн потерял только пять человек; ни один русский не дезертировал»¹³.

По поводу разного рода мифов о себе Скорцени писал в последней редакции своих мемуаров:

«Тридцать лет существует что-то вроде “мифа Скорцени”. Мне не удалось бы привести даже сотой части абсурдных публикаций, чаще всего недоброжелательных, на тему моих мнимых подвигов. Признаюсь, что до 1960 года я старался просматривать публикации подобного рода, у меня даже хранятся тысячи газетных вырезок, рассказывающих о моих небывалых приключениях. Дело даже не в том, что у борзописцев иссякла фантазия, просто все эти байки надоели мне. [...] Мировая пресса в водовороте горячих и холодных войн не сомневалась в том, что именно я подготовил кое-где несколько революций и организовал “Нацистский интернационал”, или “Паука”, – таинственную мафиозную организацию, занимающуюся различной преступной и подрывной деятельностью»¹⁴.

В случае с Бандерой Скорцени ошибся. Сам он никогда напрямую не работал с украинскими националистами, этим занимались другие структуры. Скорцени не знал, где именно находился в конце 1944 года Бандера, и решил, что после осво-

13 Скорцени О. *Неизвестная война*. С. 454.

14 Там же. С. 554.

бождения из Заксенхаузена он отправился к отрядам УПА в Карпаты, чтобы непосредственно принять командование. Поэтому фразу из мемуаров 1950 года о встрече Керна с руководством УПА он теперь расшифровал как встречу капитана с Бандерой. Но ни о какой эвакуации Бандеры немцами в начале 1945 года Скорцени ничего не писал и вряд ли мог рассказать подобное Семенову.

В тех же случаях, когда Скорцени в интервью говорит правду – то есть примерно то же самое, что он писал в своих мемуарах, – это можно объяснить тем, что Семенов был знаком с этим источником, впервые опубликованном на немецком языке в 1950 году. Думаю, что на самом деле либо интервью Семенова со Скорцени вообще не было, либо их беседа длилась считанные минуты и говорили они совсем не о том, о чем написал автор «Семнадцати мгновений весны» в очерке. В любом случае текст Семенова об интервью со Скорцени – скорее художественное произведение, замаскированное под интервью.

В романе «Семнадцать мгновений весны» Скорцени – эпизодический персонаж. По поручению Гимmlера и Мюллера он пытается получить архивы Бормана – захватить удастся лишь небольшую часть, но там обнаруживается анонимное письмо Штирлица Борману, после чего Гимmlер понимает, что в отделе Шелленберга есть предатель. В сериале же от Скорцени вообще отказались – по вполне понятным причинам. К моменту премьеры фильма Лиозновой (1973) Скорцени был еще жив и в случае, если бы сериал стал известен на Западе, легко мог поднять скандал, без труда доказав, что похищением архивов Бормана никогда не занимался. Это грозило судебными исками к создателям сериала, в том числе к Студии имени Горького и Государственному комитету СССР по телевидению и радиовещанию, что потенциально угрожало советскому имуществу за границей. Поэтому из сериала Скорцени предпочли убрать, а свою встречу с ним Семенов провел (или выдумал) уже после выхода «Семнадцати мгновений» на экран, и рассказ о ней стал частью мифа о главном диверсанте Гитлера.

При своей жизни Скорцени появился в советских кинофильмах только однажды – во втором фильме «Прорыв» (1968) киноэпопеи «Освобождение» Юрия Озерова. Его играл румынский актер Флорин Пьерсик. Но в том фильме требовалось показать похищение Муссолини немцами в сентябре 1943 года, а снять эту сцену без участия Скорцени было весьма затруднительно. Более того, она была снята в точном соответствии с мемуарами Скорцени и не могла вызвать претензий с его стороны.

Карл Вольф в момент публикации романа и выхода на экраны фильма «Семнадцать мгновений весны», как и Скорцени, был еще жив. Но без его образа не только в романе, но и в се-

риале никак нельзя было обойтись. Однако сам факт переговоров Вольфа с Даллесом был хорошо известен, никогда Вольфом не отрицался и не мог его скомпрометировать. А никаких экстравагантных поступков вроде похищения архивов Бормана Семенов обергруппенфюреру не приписывал. Может быть, еще важнее был тот факт, что, в отличие от Скорцени, Вольф в 1961 году был арестован, а в 1964-м приговорен к пятнадцати годам заключения за соучастие в отправке евреев в концлагеря. Его освободили только в 1971-м по состоянию здоровья. Так что в тот момент, когда писались сценарий и роман «Семнадцать мгновений весны», Вольф еще находился в тюрьме. Да и в дальнейшем, учитывая обвинительный приговор по делу о преступлениях против человечности, исков от него можно было не опасаться. С Вольфом Семенов встречался (если встречался) в 1980 году, через семь лет после выхода на экраны телесериала, и беседовал главным образом о перемещенных культурных ценностях.

БОРИС СОКОЛОВ
ЮЛИАН СЕМЕНОВ
И ЕГО МИФЫ

УНГЕРНИАНА ЮЛИАНА СЕМЕНОВА

Киноповесть Юлиана Семена «Исход», как и «Семнадцать мгновений весны», так и не превратилась в беллетристическое произведение, реализовавшись лишь в виде одноименного советско-монгольского фильма 1968 года режиссеров Анатолия Бобровского и Жамьянгийн Бунтара, причем соавтором Юлиана Семенова по сценарию стал монгольский историк Базарын Ширендыб. Второй вариант киноповести публикуется в рецензируемом сборнике (с. 521–576).

В киноповести «Исход» впервые на советском киноэкране в качестве главного персонажа появился генерал-лейтенант, барон Роман фон Унгерн-Штернберг, ставший одним из главных героев (точнее, антигероев) белой эмиграции. До 1968 года барон Унгерн уже дважды появлялся в советских фильмах, но только в качестве второстепенного героя. В советско-монгольской картине «Его зовут Сухэ-Батор» (1942) Александра Зархи и Иосифа Хейфица Унгерна, одного из антагонистов Сухэ-Батора, играет Николай Черкасов. В разгар Великой Отечественной войны немецкая фамилия барона пришлась кстати. Унгерну в фильме приписывают массовые казни монголов, чего в реальности не было, поскольку репрессии Унгерна в Монголии ограничивались русской колонией и пленными китайцами. В картине Зархи и Хейфица войско Унгерна громит главным образом монгольская Красная армия, правда, при содействии русских красноармейцев (в реальности все было наоборот). Эпизод же пленения Унгерна остался за пределами фильма, возможно, по-

тому что пленил Унгерна, а потом передал его красноармейцам монгольский дивизион, входивший в состав унгерновской Азиатской дивизии. Вероятно, по политическим соображениям нельзя было признавать, что часть монголов сражалась на стороне русских белогвардейцев.

Второй раз персонаж, восходящий к Унгерну, появился в экранизации романа Александра Фадеева «Разгром», осуществленной в 1958 году Михаилом Каликом и Борисом Рыцаревым под названием «Юность наших отцов». У Фадеева есть эпизодический персонаж – казачий офицер в черной бурке, убивший Метелицу, а потом возглавивший неудачную атаку на отряд Левинсона¹⁵. Возможно, режиссеры заметили связь этого персонажа с Унгерном и не случайно пригласили на эту роль актера немецкого происхождения Николая Граббе. В «Исходе» Граббе играет одного из чекистов. В «Юности наших отцов» эпизод, где офицер в бурке во главе эскадрона атакует отряд Левинсона, явно отсылает к соответствующей сцене из фильма «Чапаев» (1934). Точно так же финальная сцена с казачьим пулеметом, который расстреливает отряд Левинсона, намеренно вызывает в памяти гибель переплывавшего Урал Чапаева.

Семенов первоначально хотел сделать главным героем «Исхода» красного разведчика в штабе Унгерна Максима Исаева, произведя его в полковники. Но выяснилось, что хронологически поход Унгерна в Монголию совпадает с пребыванием Исаева во Владивостоке в семеновском киноромане «Пароль не нужен». Поэтому в «Исходе» появился двойник Исаева – чекист Прохоров, проникший в унгерновский штаб под видом полковника Андрея Сомова¹⁶ (Владимир Заманский). Тем самым запускаясь в оборот версия, что кто-то из окружения Унгерна был советским агентом, что могло вызвать соответствующие версии в эмигрантских кругах. Правда, к тому времени мало кто из бывших соратников Унгерна оставался в живых.

Но что еще интереснее – Юлиан Семенов создал миф о конце Унгерна, продержавшийся до конца СССР, и для которого была необходима фигура чекиста-разведчика Сомова. В «Исходе» при содействии Сомова монголы организуют заговор и восстают против Унгерна (Александр Лемберг), берут барона в плен и передают Красной армии:

15 Партизанский отряд Фадеева освобождал в Забайкалье те места, где ранее был Унгерн, и он много слышал о «черном бароне». В «Разгроме» офицер в черной бурке представлен как человек «с таким противноспокойным, обрюзглым лицом, в неопрятной рыжеватой щетине» (ФАДЕЕВ А.А. *Разгром // Он же. Собрание сочинений: В 4 т.* М.: Правда, 1979. Т. 1. С. 170).

16 Не исключено, что фамилию Сомов писатель позаимствовал у Сергея Сомова (1879–1967) – полковника, участника русско-японской, Первой мировой и гражданской войн на Юге России на стороне белых, в 1920 году эмигрировавшего в Париж. См.: ПAVЛЕНКО А.П. *Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак на страницах мемуаров полковника С.Н. Сомова // Исторический ежегодник.* 2013. Вып. 7. С. 224–240. В «Исходе» настоящий полковник Сомов приезжает на Дальний Восток из Парижа.

«Несутся Ванган и Унгерн. Ванган снимает с руки лассо и ловко швыряет его. Падает конь Унгерна, попав ногой в петлю. Летит на землю Унгерн; спрыгивает с седла Ванган – яростно дерется с Унгерном, – это его последний бой, – валит барона, вяжет его, бросает его поперек седла как пушинку и спрашивает:

– Куда его везти, Мунго?

Мунго, не отрывая взгляда от Унгерна, говорит:

– На север, к красным. К Сомову» (с. 576).

В фильме вместо этой финальной сцены дана другая: уже связанного Унгерна передают красноармейцам на пограничной реке, а Мунго (Лайхансурэнгийн Лхасурэн) посылает привет Сомову.

В действительности после неудачного похода против Советской России Унгерн думал вести Азиатскую дивизию в Урянхай (Тыву), а потом в Тибет. Но перспективы тяжелого перехода через пустыню Гоби не вызвали энтузиазма среди офицеров и казаков; кроме того, что еще более важно, их недовольство вызвали жестокие репрессии Унгерна против своих подчиненных. Поэтому дивизия восстала против командира и двинулась в Маньчжурию. После неудачной попытки бывших соратников его убить Унгерн сбежал в монгольский дивизион и попытался с его помощью усмирить бунтовщиков. Но монголы предпочли связать его и выдать красным¹⁷. Близко к действительности история пленения Унгерна описана в романе Константина Седых «Отчий дом» (1957), который является продолжением другого его романа «Даурия» (1948). Там о финале похода Унгерна рассказывает бывший унгерновец, подхорунжий Петр Кустов:

«Пустили на нас сибирских да забайкальских партизан, потом еще целую бригаду кубанцев. Тут-то и припекло нас так, что хуже некуда. Едва вырвались мы на монгольскую сторону.

Отдышался Унгерн и начал доискиваться, кто в нашей беде виноват. Первым обвинил командира бригады, полковника Казагранди. Он ему поручил Иркутск захватить, а тот даже до Тунки не дошел. Снес ему Унгерн шашкой голову, потом других шерстить принялся. Приказал расстрелять полковников Масальского-Сурина и Свенцицкого, есаула Копейкина и князя Гаджибеклинского. Так обращался он с офицерами. А о нас, грешных, и говорить нечего. Чуть что – и голова долой.

Тогда-то и подбили нас полковники Хоботов и Новицкий бросить Унгерна ко всем чертям и уйти от него. Хотели они на это дело и генерала Резухина подбить, да тот не согласился. Закололи его тогда офицеры у него же в палатке, а нас подняли в полночь с бивака, и пошли мы на юг. Унгерна оставили спать в шатре под охраной монгольского дивизиона, на который он больше всего полагался.

Проснулся он и видит: нет дивизии, снялась и ушла. Он тогда на коня да за нами в погоню. Когда стал нас догонять, наши по нему

17 См.: Соколов Б. В. *Барон Унгерн и Гражданская война на Востоке*. М.: Вече, 2022. С. 237–257.

из пулеметов хлестнули. В него не попали, а от конвоя и половины в живых не оставили. Повернул наш Унгерн назад и унесся в степь. В тот же день, как я слышал потом, оставшиеся с ним монголы связали его и передали красным... Туда ему и дорога, проклятому. Я сперва верил в него, как в бога. Думал, что это самый лучший семеновский генерал, а потом убедился, что это просто помешанный»¹⁸.

Юлиан Семенов наверняка читал роман Седых, равно как и эмигрантские мемуары об Унгерне. Однако в фильме предпочел вовсе не упоминать о восстании унгерновцев против своего предводителя, которое и погубило «черного барона». Согласись Унгерн вести свою дивизию в Маньчжурию (с возможной последующей переправкой ее в белое Приморье) – остался бы жив и писал бы в эмиграции мемуары. Задачей Семенова было приписать заслугу пленения Унгерна Красной армии – и особенно ее монгольским союзникам.

История пленения Унгерна, разработанная в «Исходе», была в общих чертах повторена в фильме «Кочующий фронт» (1971) (режиссер Барас Халзанов, он же автор сценария вместе с Михаилом Колесниковым). Фильм рассказывает о красном командире Петре Щетинкине (1884/85–1927) – бывшем штабс-капитане царской армии. Именно отряду Щетинкина монголы сдали плененного Унгерна. В последней части фильма Щетинкин (Петр Глебов) ведет борьбу с Унгерном (Афанасий Кочетков). Барон говорит, что солдаты и офицеры бросили его и ушли, а солдаты еще к тому же убили его соратника, генерала Резухина.

Здесь надо учитывать, что Барас Халзанов был первым бурятским режиссером. Буряты служили в дивизии Унгерна, его история в Бурятии была хорошо известна, и поэтому режиссер не мог слишком далеко отходить от истины. Но эпизод с концом Унгерна фактически повторяет версию «Исхода». Унгерн с оставшимся отрядом казаков направляется искать убежища к монгольскому князю Сундуй-гуну – реальному лицу (его играет сам режиссер), действительно командовавшему отрядом монголов, захватившим Унгерна. Делает он это по совету есаула Григория Самбурского (Леонид Кулагин), ранее завербованного красными. Самбурской выступает явным аналогом Сомова. И, когда барон прибывает к Сундуй-гуну, его там уже ожидает Щетинкин со своими людьми и арестовывает его. Как и в киносценарии Семенова, в захвате Унгерна решающую роль играет агент красных.

«Кочующий фронт» примечателен еще тем, что в нем Юрий Соломин играет единственную отрицательную роль в своей кинокарьере. Его корнет Шмаков (в конце фильма – штабс-

18 Седых К.Ф. *Отчий край*. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1961. С. 416.

капитан) – законченный подлец, которого настигает заслуженное возмездие¹⁹. Вероятно, кинематографическое начальство испугалось, что исполненная Соломиным в другом фильме, сериале «Адъютант его превосходительства» (1969, режиссер Евгений Ташков), роль капитана Кольцова – хоть и советского разведчика, но носящего мундир капитана белой армии – выглядит слишком привлекательно, и решили так снизить этот образ. Вот только по популярности «Адъютант его превосходительства» далеко превосходил «Кочующий фронт».

БОРИС СОКОЛОВ
ЮЛИАН СЕМЕНОВ
И ЕГО МИФЫ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юлиан Семенов самым активным образом участвовал в создании трех советских мифов: о разведчике-нелегале Исаеве-Штирлице, об Отто Скорцени и о бароне Унгерне. Он писал преимущественно в массовом жанре политического детектива, и оба произведения, которые создали мифы о Штирлице и Унгерне – «Семнадцать мгновений весны» и «Исход», – были экранизированы.

До наших дней дожил только миф о Штирлице из «Семнадцати мгновений весны», тогда как тот же герой, Исаев, но времен гражданской войны в памяти поколений не отложился, хотя фильмов по этим романам было снято немало, в том числе в последние годы. Сыграло свою роль, что фильмы про гражданскую войну в 1960-е воспринимались уже как архаические. С тех пор сильно изменился быт – даже одежда, которую носили люди, была иная. А вот штатские костюмы Штирлица в «Семнадцати мгновениях» вполне можно было встретить в Москве 1970-х. Да и автомобили, которые показаны в сериале, москвичи еще помнили. Штирлиц-Тихонов поэтому воспринимался как современник даже в 1990-е. Казалось, что именно так должен выглядеть разведчик-нелегал во все времена. Еще более важным фактором долговечности образа стало то влияние, которое КГБ и его преемники имело и имеет в советском и постсоветском обществе. Чекисты были заинтересованы в поддержании мифа о Штирлице, который помогал забыть об их преступлениях и укрепить авторитет спецслужб – тем более, что зрители после появления на экранах «Семнадцати мгновений весны» и его сокрушительного успеха не сомневались в реальности существования этого обаятельного шпиона.

19 Мария Колесникова, жена соавтора сценария фильма «Кочующий фронт» Михаила Колесникова, утверждает, что Шмаков – это реальное лицо, только погиб он не в 1921-м, а в 1934 году от рук монгольских пограничников, когда пытался найти на территории Монголии оставленный Унгерном клад золота и драгоценных камней. Шестнадцать «кладоискателей» были задержаны на китайско-монгольской границе, и во время перестрелки единственный человек, который знал, где спрятаны сокровища, Шмаков, был убит (Колесникова М.В. *Чудо революции. Роман о партизанах и чекисте Щетинкине*. М.: Воениздат, 1990 (<https://coollib.com/b/556843/read>)).

Рецензии

ПРОЖАРКА С КРОВЬЮ

Как накормить диктатора

Витольд Шабловский

М.: CORPUS, 2023. – 272 с. – 1500 экз.

Серия «100%.doc»

Им бы, гипсовым, человечины...

Александр Галич

Польский журналист, попробовавший себя как в бумажных, так и в электронных СМИ – среди его работодателей были такие почтенные информационные ресурсы, как польская «Gazeta Wyborcza» и американская CNN, – решил осветить популярную сегодня тему функционирования авторитарных режимов с довольно неожиданного ракурса. В течение четырех лет он договаривался о встречах, а потом записывал персональные интервью с поварами(!), которые обслуживали правителей-диктаторов, в последние десятилетия мучивших

людей в разных частях света. Итогом нелегкой, а иногда и откровенно опасной, работы стал интереснейший политико-гастрономический экскурс, в котором образы тиранического правления дополняются картинами пиршеств тиранов. Как известно, пищевые и властные ресурсы во все времена человеческой истории были взаимосвязаны между собой, а потому меню, представленное на столе деспота, способно многое рассказать о хозяине застолья – тем более, что пищевые предпочтения великих людей порой бывают весьма необычными. Скажем, можно ли было не задать повару Иди Амина, ужасного владыки Уганды и «последнего короля Шотландии», вопрос о том, вкушал ли его хозяин человечину? Понятно, что едва ли:

«Видно, что он ждал этого вопроса. С минуту он думает, сидя на ящике под большим деревом, где мы ведем наши многочасовые беседы. И, наконец, произносит: “Конечно, я слышал сплетни. Меня не раз спрашивали, готовил ли я для него человеческое мясо. Нет, такого никогда не было”» (с. 118).

Собственных подданных, однако, можно «потреблять» по-разному – и, как показывает история XX века, орудовать для этого ножом и вилкой совсем не обязательно. Собеседники польского журналиста рассказывают ему и об этом тоже.

Среди героев повествования прямо-таки отборная компания великих деятелей прошлого (и немножко нынешнего) столетия: помимо Иди Амина, здесь оказались Саддам Хусейн, Энвер Ходжа, Фидель Кастро и Пол Пот. Договариваться о встречах Шабловскому было нелегко – некоторые из его собеседников даже спустя десятилетия после смерти хозяина предпочитают скрывать

свои имена. (Так, повар, кормивший вождя албанских коммунистов, наотрез отказался не только сфотографироваться с автором, но и назвать свое имя; похоже, в высокой кулинарии, как и в разведке, «бывших» не бывает.) Другие были более разговорчивыми, охотно вспоминая обыкновения и привычки своих прежних нанимателей. В итоге, как выразился, ознакомившись с книгой, рецензент одной из британских газет – его слова украшают обложку русского издания, – «диктаторы из мифологизированных персонажей превращаются в людей из плоти и крови». Плоти в книге действительно много. И крови, понятное дело, тоже.

Автор заинтересовался своей будущей темой, увидев как-то документальный фильм под названием «Военный повар», в котором снялся Бранко Трбович – личный повар маршала Иосипа Броз Тито, всевластного правителя Югославии:

«В моей голове что-то щелкнуло. Я задумался: а что могут рассказать об истории те, кто в ключевые ее моменты стоял у плиты? Что булькало в кастрюлях, когда судьбы мира висели на волоске?» (с. 19).

Позже многочисленные вопросы стали облекаться в более конкретные формы. Чем обедал Саддам Хусейн, когда отдавал приказ отравить газом десятки тысяч курдов? Чем питался Пол Пот, проводя свою «санацию» кхмерского общества? Что заказывал Фидель Кастро в дни Карибского ядерного кризиса? «Выхода у меня не было, – продолжает автор. – Вопросов набралось так много, что пришлось разыскивать настоящих поваров диктаторов» (с. 20). В конечном счете, по его словам, удалось повторить уроки истории XX века, подсматривая в щелку кухонной двери – причем пытливому взору открылось многое, ибо виртуозы кухни действительно оказались весьма знающими людьми.

Повариха Йонг Мыан, которая бесшумно обслуживала Пол Пота, начиная еще

с партизанских баз в джунглях, рассказала автору, что в те дни один из гнуснейших палачей XX века носил прозвище «брат Поук», что по-кхмерски означало «брат Матрас». Девушка была озадачена, поскольку никто из коммунистов не знал, откуда взялась эта кличка:

«Только много месяцев спустя кто-то из товарищей объяснил мне, что Матрасом его прозвали потому, что он всегда старался все смягчить, уладить. Он был мягкий, и в этом заключалась его сила. Когда другие ссорились, Пол Пот разминивал их и помогал договориться» (с. 12).

О том, что в повседневной жизни вождь «красных кхмеров» был милейшим человеком, вспоминали и другие общавшиеся с ним люди. Под стать кротости и покладистости были и пищевые привычки диктатора, который не допускал за столом никаких излишеств: так, на обед Пол Пот получал в основном только суп, иногда жареную или сушеную рыбу, а единственным мясом, которое разрешали ему китайские доктора, долгие годы оставалась черная курица. Суп из нее в Юго-Восточной Азии считается чудодейственным; недаром он успокаивал вечно расстроенный желудок вождя. Впрочем, Пол Пот только выпивал бульон, а мясо доставалось его приближенным. Эти охранники – по сравнению с другими гражданами Демократической Кампучии – были счастливцами, поскольку после 1975 года уцелевшие подданные коммунистов ели в основном крыс, лягушек, кузнечиков, сверчков, червей, муравьев. Но, как свидетельствует Йонг Мыан, даже в самые тяжелые дни с лица Пол Пота не сходила улыбка:

«Столько лет я каждый день смотрела, как он смеется; слушала, как он шутит; готовила ему. Ты спрашиваешь, любила ли я его? [Но] ответь себе сам: разве можно было его не любить?» (с. 262).

Действительно, что за странный вопрос – в особенности, когда речь идет о человеке, погубившем не десять или пятнадцать миллионов, а только лишь два и всего себя отдавшего победе коммунизма?

Не все венценосные работодатели поваров, представленные в книжке, были столь сговорчивыми и великодушными, как брат Матрас. Отонде Одере, долгие годы обслуживавшему угандийского деспота Иди Амина, многократно пришлось бы позавидовать кхмерской девушке Йонг Мыан, знай он о ее существовании, поскольку ему с начальством повезло гораздо меньше. Сам официальный титул хозяина Уганды, зачитывавшийся по национальному радио всякий раз, когда упоминалось имя великого человека – «Его Превосходительство Пожизненный Президент, Фельдмаршал, аль-Хаджи, Доктор, Повелитель всех зверей на земле и рыб в море, Кавалер орденов “Крест Виктории”, “Военный крест” и “За боевые заслуги”» (с. 110), – зывал к максимальной серьезности.

«Теперь от моего мастерства зависела моя жизнь», – говорит Одера, вспоминая первые кухонные дни после переворота 1971 года (с. 107). И, хотя чревоугодник Амин, утвердившись в президентском кресле, первым делом повысил жалование своему дворцовому повару (тот мгновенно стал зарабатывать больше всех сотрудников президентской администрации), подарил ему новенький «Мерседес» для поездок на рынок и за каждой трапезой несколько раз благодарил за приготовленную еду, шеф каждый день нервничал, поскольку знал, что тела убитых, имевших несчастье перейти дорогу национальному лидеру, в Уганде даже не хоронят, а просто выбрасывают в Нил на съедение крокодилам.

«Все во дворце знали, что мы работаем на безумца, который может расстрелять нас от нечего делать. Ты спрашиваешь, как я мог готовить для такого чудовища. У меня были четыре жены, пятеро детей. Амин

привязал меня к себе так, что я не мог уйти; я даже не заметил, как он это провернул» (с. 115–116).

Без денег президента Одера не выжил бы; как и вся остальная челядь, он зависел от диктатора целиком и полностью, и тот знал об этом. Вместе с тем даже такая диспозиция не уберегла острожного повара: обвиненный по анонимному доносу в намерении отравить великого человека, он оказался-таки в камере смертников. Шефа, однако, по какой-то неизвестной ему причине не расстреляли, а лишь выдворили из страны: отобрав паспорт, его с семейством отвезли в соседнюю Кению.

В середине 1980-х, вернувшись в Уганду после свержения диктатора и немного поработав на новые власти, Одера перебрался в родную деревню. Ему за восемьдесят, разваливающаяся хижина требует ремонта, последняя из оставшихся жен лишилась рассудка, а еды на кухне зачастую нет. «Мог ли ты подумать, что так живет человек, который готовил для президентов, – риторически вопрошает он своего гостя, – которому жали руку и полковник Каддафи, и император Хайле Селассие?» (с. 126). На склоне лет Одера, ранее прошедший по личному указанию мусульманина Амина обряд обрезания, стал истовым христианином и теперь горячо надеется, что Иисус примет его.

Великий вождь албанского народа Энвер Ходжа всю жизнь страдал от диабета, и по этой причине ему всегда приходилось ограничивать себя в пище. Его установленный медиками энергетический потолок составлял всего тысячу двести калорий в день и не предполагал никаких исключений. Господин К., десятилетиями обслуживавший владыку Албании и пожелавший остаться анонимным, полагает, что из-за скудной диеты Ходжа постоянно испытывал раздражение, что напрямую отражалось на его политических решениях. Повару приходилось

демонстрировать чудеса кулинарной эквилибристики, насыщая диктатора, и он, похоже, преуспевал в этом:

«Ходжа много раз садился за стол раздраженным, а вставал в прекрасном расположении духа и даже шутил. Кто знает, скольким людям я спас тем самым жизнь?» (с. 147).

Конечно, Албания не совсем Уганда, но и здесь с кормильцами первых лиц не церемонились: первая повариха лидера албанских коммунистов покончила с собой, один из его поваров бесследно пропал, причем интересоваться его судьбой строжайше запрещалось, и потому в годы социализма господин К. хлопотал у плиты в состоянии перманентного ужаса, усугублявшегося вечным дефицитом самых элементарных продуктов. «Весь персонал боялся, что однажды Энвер встанет не с той ноги и велит отправить нас в лагерь или убить», – вспоминает он (с. 155). Но все обошлось. Сегодня бывший шеф президентской кухни держит маленький ресторанчик в убогом квартале одного из приморских городков Албании и больше всего хочет покоя. За всегдатаи его заведения – рассказывает Шабловский – рабочие со стройки, расположенной по соседству. Но повар доволен, поскольку знает: для него все могло обернуться гораздо хуже.

«Своими пухлыми пальцами, которые трудились для Энвера Ходжи, он лепит точно такие же котлетки, как когда-то лепил человеку, запретившему своим подданным верить в Бога и безраздельно правившему Албанией на протяжении почти полувека» (с. 137).

Пожалуй, самым непривередливым и всеядным единоличным правителем, представленным на страницах книги, можно считать Фиделя Кастро. Его повар Эрасмо Эрнандес поначалу служил в охране лидера «барбудос», но позже по указанию

руководства переквалифицировался. Ныне он владеет модным рестораном в Гаване, причем его посетителями по большей части являются приезжающие на Кубу иностранцы. Эрнандес, узнав в свое время о кончине команданте, плакал как ребенок; он и сегодня, вопреки своему вполне буржуазному образу жизни, продолжает боготворить вождя. По его воспоминаниям, Фидель, несмотря на широко известное пристрастие к хорошему алкоголю и дорогим сигарам, неизменно ел только то, что едят простые кубинцы. Конечно, рассказывает повар, после своих знаменитых рыбалок вождь революции мог собственноручно поджарить на гриле омаров или креветок, но в целом его пищевые предпочтения на протяжении всей жизни оставались самыми неприятельными: достаточно сказать, что все остальным блюдам он предпочитал спагетти, искусством варки которых «овладел в совершенстве» (с. 180).

Вождь кубинской революции отличался также особым пристрастием к молоку и сырам: на протяжении многих лет он лично курировал надои коровы-рекордсменки по кличке Убре Бланка, о достижениях которой регулярно писала партийная газета «Грапта» и которая даже попала в Книгу рекордов Гиннеса. Считая, что кубинцы едят слишком мало молочных продуктов, великий человек неустанно пропагандировал их потребление, на разные лады рассказывая партийцам и прочим согражданам о своей чудо-корове. Правда, когда рекорды внезапно прекратились, а корова-чемпионка превратилась в самую заурядную корову, Фидель в 1985 году лично приказал усыпить не оправдавшее партийного доверия животное:

«Убре Бланка, дававшая все меньше молока, не помогала Революции. Хуже того: Убре Бланка позволила бы империалистам утверждать, будто Революция остановилась» (с. 197).

А после того, как с конца 1980-х Куба перестала получать помощь из СССР, весь кулинарный фронт революционеров просел, пищевые новации властей пошли прахом, а кубинцам пришлось сесть на весьма скудную карточную диету.

В целом история о Фиделе Кастро получилась настолько благостной, а кубинский руководитель предстал перед читателем до такой степени скромным и непохожим на своих собратьев из других стран, что автор, по-видимому, сам удивился; в ткани повествования возникал явный неполадок и, вероятно, желая сгладить политическую неловкость, Шабловский вводит в повествование еще одного повара Фиделя: опустившегося и выжившего из ума Флореса (на этот раз без фамилии), живущего в грязной лачуге на окраине города, который, делясь обрывками воспоминаний о вкусах команданте, постоянно ждет, что за ним самим вот-вот придут. Без него, в принципе, вполне можно было бы обойтись, но жанровые требования – вещь серьезная. Зато в рассказе, скажем, о питании Саддама Хусейна подобные трюки и не могли понадобиться, ибо иракский президент идеально укладывался в стандартный архетип авторитарного самодура.

Абу Али, личный повар Саддама, много лет опасался мести американцев и потому ни с кем не хотел делиться фактами из жизни своего начальника. Его пришлось уговаривать на интервью целый год, и это не удивительно: поступая в свое время на службу, повару пришлось подписать бумагу, что он не имеет права никому рассказывать об увиденном в доме президента Ирака – причем там было указано, что если повар нарушит слово, то карой станет смертная казнь через повешение.

«Работа на Саддама во многом заключалась в том, чтобы почувствовать, когда у него хороший день, и тогда приготовить что-нибудь, что он особенно любит, а в другие дни просто не стоять у него на пути» (с. 43).

Если же выдавался плохой день, то Саддам, будучи не в настроении, запросто мог потребовать вернуть деньги за непонравившиеся ему мясо или рыбу в кассу президентской администрации. Подобное случалось часто, но зато, оригинальным образом возмещая своим поварам понесенный моральный ущерб, диктатор раз в год покупал каждому из них новый автомобиль. В диетических обыкновениях палача иракских курдов не было ничего особенно: он очень любил рыбу, блюда на гриле, супы, кебаб, шаурму. Имелась, конечно, и протокольная специфика – например, любую приготовленную для главы государства пищу, оставшуюся непотребленной, в обязательном порядке полагалось выбрасывать, что в голодающей стране нередко оборачивалось неизбежными казусами. В частности, касаясь быта одного из президентских дворцов, которыми Саддам застроил весь Ирак, повар говорит:

«Это была еда президента, предназначенная только для него. Ее нельзя было трогать. Еды было очень много, и местные бедняки вычислили, куда ее выбрасывают. Они стали шастать на помойку и забирать еду себе. Через несколько дней их всех арестовали и избили» (с. 66).

Главной проблемой в пятнадцатилетнем сотрудничестве Абу Али с главой государства была непредсказуемость босса: теоретически, президент Ирака в любой момент мог снести голову любому из своих поданных. Истомившись от многолетнего стресса, повар после нападения Ирака на Кувейт попросил об увольнении с государственной службы, и, как ни удивительно, диктатор отпустил его. При этом, правда, Абу Али предъявили важное условие:

«Саддам очень любил мою бастурму, вяленую говядину, и попросил, чтобы раз в год – бастурму всегда готовят зимой – я приезжал и готовил это блюдо специально для него» (с. 67).

Так оно и продолжалось на протяжении еще нескольких лет. Когда американцы взяли Багдад, повар испытал ужас, представляя себя в оранжевой робе узника Гуантанамо, но чудесным образом все обошлось.

«О том, как я уговаривал поваров довериться мне, я мог бы написать еще одну книгу», – рассказывает автор (с. 20). В каждом из случаев получить согласие на интервью было трудно. Одни так и не смогли преодолеть травму работы на тирана, который в любой момент мог расправиться с ними; другие, ощущая себя связанными с поверженным самодержцем, до сих пор не готовы раскрывать его тайны, пусть даже и кухонные; третьим же просто не хочется заново проживать не самые приятные моменты собственной жизни. Кроме того, особой проблемой был, как и следовало ожидать, факт-чекинг: рассказы поваров приходилось сверять не только с историческими хрониками, но и с их собственными нарративами, ранее уже предлагавшимися другим журналистам. Естественно, порой в повествованиях возникали противоречия – человек широк, причем не только русский, – и их так или иначе приходилось снимать, уточняя нюансы. Тем не менее в итоге у Витольда Шабловского все получилось – и на свет родилась очень и очень познавательная книга.

Юлия Крутицкая

Сколько стоит человек

Евфросиния Керсновская
М.: Колибри; Азбука-Аттикус, 2022. –
800 с. – 4000 экз.

Евфросиния Керсновская (1907–1994) оставила человеческий документ потрясающей силы. Эта 800-страничная книга воспоминаний с рисунками автора включает в себя двенадцать тетрадей дневников и представ-

ляет ту часть истории страны, которую сегодня не изучают в школах – истории страданий большого народа, а также народов малых в годы сталинских репрессий. Свой огромный труд Керсновская приняла после смерти матери – именно та ее об этом и попросила. Рецензируемое издание, несмотря на объем, является сокращенным; целиком же воспоминания опубликованы в 2000–2001 годах в шеститомнике издательства «Можайск-Терра».

Керсновская прошла сталинские лагеря, каторгу, тюрьмы и ссылки. В силу характера и высоких нравственных качеств, привитых родителями (это была дворянская семья), ей удалось в тяжелейших условиях отстоять свое человеческое достоинство. Возможно, благодаря этому, она сохранила жизнь и память. А память у нее беспримерная: она удержала не только канву событий, но и огромное количество значимых подробностей – имена людей, населенных пунктов, маршрутов и, самое главное, множество пронзительных человеческих историй, из которых складывается картина террора сталинской власти против собственного народа.

Работа над воспоминаниями стала для Керсновской подлинной миссией, она счи-

тала это своим долгом перед будущими поколениями, видя, как в угоду идеологии написанная кровью и страданиями история страны редактируется, фальсифицируется, «подгоняется под ответ». По идеологическому заказу работали и советский худлит, и советский кинематограф, которые, действуя на чувства, отключали коллективный разум.

«Разумеется, у человека есть ум. Ум – это память, логика и опыт, свой и чужой, приобретаемый ценой ошибок и оплаченный страданием. Не задумываясь, ставлю я на первое место память» (с. 533).

Попытки отнять у людей память, заменить логику покорностью, извратить уроки истории Керсновская считала преступными. Поэтому о цели своих мемуаров (которые сама называла «набросками прошлого») она говорит так:

«Еще несколько лет, и мы, последние очевидцы и революции, и нэпа, и коллективизации, и сталинского террора, – мы умрем, и некому будет сказать: “Нет! Было вовсе не так!”. Поэтому я и пытаюсь “сфотографировать” то, чему я была очевидцем. Люди должны знать правду, чтобы повторение таких времен стало невозможным» (с. 533–544).

В 1919 году семья Керсновских, спасаясь от большевиков и гражданской войны, бежала из Одессы в Бессарабию (в то время территория Румынии), в родовое имение Цепилово. Евфросиния получила ветеринарное образование и, фактически взяв на себя управление имением, с увлечением трудилась на своей земле. Керсновская упрекает себя в наивных надеждах и политической близорукости, помешавшей присмотреться, особенно в 1937 году, к непонятному восточному соседу.

Счастливым для нее время жизни закончилось летом 1940 года, когда исходя из секретного протокола Молотова–Риббентропа

СССР аннексировал Бессарабию, образовав Молдавскую ССР. Керсновскую вместе с матерью вышвырнули из фамильного дома как помещиков-эксплуататоров. Мать удалось переправить в Румынию. Евфросиния могла бы уехать вместе с ней, но осталась, потому что верила, что в Советском Союзе умеют ценить труд, что там есть где применить свои силы, что она станет «полноправным полезным гражданином своей страны» (с. 55).

Через год, за десять дней до вторжения Гитлера в СССР, Керсновская вместе с другими жителями бывшей Бессарабии подверглась депортации. Всего из Молдавии в Сибирь, по имеющимся данным, выслали почти тридцать тысяч человек. Об этих событиях известно меньше, чем о массовых депортациях из стран Балтии и республик Закавказья, а также высылке поволжских немцев; тем более ценны эти дневники. Казалось бы, путешествие в Сибирь в вагоне для скота должно было навсегда избавить Керсновскую от иллюзий. Но, возможно, оптимизм был изначально свойствен ее натуре, сформировавшей в любящей семье: даже на спецпоселении в Нарымском крае (ныне север Томской области), на лесоповале она верила, что ее «откровенность и добрая воля, честное отношение к труду и [...] искренняя любовь к родине» выведут ее на прямую дорогу (с. 158).

Переселенцы работали в каторжных условиях, попав туда без суда и следствия. Начальником Суйгинского леспромхоза был садист Дмитрий Хохрин: он самолично поднял норму выработки с 2,5 до 12 кубометров древесины на человека, что было непосильной нагрузкой для голодных людей, к тому же уроженцев юга. А когда количество норм приближалось к отметке, которая давала право на дополнительную оплату, он переводил человека на другую работу, тем самым обнуляя счетчик. Он также запретил взаимопомощь в бригадах.

Когда Хохрин лишил Керсновскую, открыто выступавшую против его произвола, хлебного пайка и даже баланды и она умирала от истощения, узница решилась на побег.

Около полугода, весной и летом 1942 года, Керсновская ходила по Западной Сибири, перебиваясь случайными заработками, пока некая комсомольская активистка не сдала ее властям. Суд приговорил Евфросинию к расстрелу – за побег из мест поселения и клевету на жизнь трудящихся (п. 10 ст. 58 Уголовного Кодекса РСФСР): оказалось, что Хохрин написал на нее более сотни доносов. Вместо прошения о помиловании она начертала на чистом листе бумаги: «Требовать справедливости – не могу, просить милости – не хочу». Расстрел, однако, заменили десятью годами лагерей. Через два года ей дадут новый срок – те же десять лет лагерей – якобы за критику антирелигиозной поэзии Маяковского. Выдаст ее женщина-ветеринар, обязанная ей головой: Керсновская спасла от падежа около двухсот свиней на запущенной свиноферме и наладила там работу. В силу природной честности она отказывалась списывать здоровых свиней как павших, чтобы обеспечить мясом начальство, за что ей и отомстили.

На стройке жилого дома Керсновская повредила ногу и оказалась в центральной лагерной больнице, где ее по выздоровлении оставили работать медсестрой. В больницу люди попадали в основном из-за голода, но диагноз «истощение» ставить запрещалось. Евфросиния училась у опытных врачей, заключенных и вольных, и успела стать хорошим диагностом. Даже последующий период работы в морге она называет «идиллией». Если она и не удержалась на работе, о которой заключенные могли только мечтать, то опять же из-за своей принципиальности и честности. «Слишком много факторов было против меня, а за было только одно: я поступала так, как повелевала мне совесть. А этого, как известно, никогда не прощают» (с. 550).

В 1947 году Керсновская попросилась на угольную шахту Норильска, где освоила все шахтерские профессии, включая самые тяжелые и опасные. Она была скреперистом, бурильщиком, взрывником, и популярные ныне феминитивы в данном случае были бы неуместны, потому что она выполняла самую что ни на есть «мужскую» работу. Неоднократно она спасала своих товарищей-шахтеров от неминуемой гибели. «Каким утешением было для меня, что я полюбила шахту – работу в ней, моих товарищей! [...] Во всех испытаниях у меня был спасательный круг и в самой кромешной тьме светил маяк – шахта» (с. 583). Она проработала там до окончания лагерного срока в 1952 году, а потом осталась как вольнонаемная.

В 1957 году, поехав в отпуск, она посетила Цепилово, найдя свое имение разграбленным и запущенным. Но счастливый случай помог узнать, что ее мать в Румынии, она жива и разыскивает дочь. Через год женщины встретились. Евфросиния проработала на шахте до 1960 года, чтобы получить шахтерскую пенсию. Но органы госбезопасности задумали уволить ее незадолго до срока выслуги, чтобы лишить полноценной компенсации. Ей устроили «гражданскую казнь» – так называемый «товарищеский суд» по надуманным обвинениям, но собрание шахтеров отказалось одобрять ее увольнение и даже осуждать ее. Обвинитель, полковник КГБ Кошкин, напоследок отомстил: он заставил редактора «Заполярной правды» опубликовать две клеветнические статьи против Керсновской. Однако шахтерская пенсия была сохранена и ее хватило, чтобы купить половину дома в Эссентуках для них с матерью (та умерла в 1964 году). Сама Евфросиния Керсновская прожила долгую жизнь, увидела распад СССР и кусочек новой России.

«Сколько стоит человек» – это ответ Керсновской на вопрос, возможна ли литература после ГУЛАГа, и если да, то какой

она должна быть. Вопрос этот в своих эссе ставил Варлам Шаламов и сам же отвечал: новая проза должна быть документом и даже чем-то бóльшим, чем документ. «Собственная кровь, собственная судьба – вот требование сегодняшней литературы», – пишет он в своем манифесте «0 прозе»¹. Право писать и судить дают писателю ад и рай в его собственной душе, считал он. «Нужно и можно написать рассказ, неотличимый от документа, от мемуара», – утверждает Шаламов в том же эссе. О своих «Колымских рассказах» он говорит, что это «судьба мучеников, не бывших, не умевших и не ставших героями». То же можно сказать и о героях воспоминаний Керсновской: это мученики, которые не канули в полную неизвестность только благодаря ее тетрадям. Ее проза – тоже выстраданный кровью документ души, освященный не только талантом, но и высочайшими моральными качествами: «Какое это счастье, когда не испытываешь колебаний, прислушиваешься к голосу своей совести и подчиняешься только ее приказаниям!» (с. 570).

Думается, в споре Шаламова с Солженицыным Керсновская была бы на стороне Шаламова, который считал лагерь с начала до конца отрицательным опытом для человека. (Солженицын же находил, что этот опыт способен духовно возвысить.) Назначение системы так называемых исправительных или трудовых лагерей Керсновская видит в следующем:

«Изможденная голодом тень человека покорна и вполне безопасна. Отсюда прямой расчет: надо было заставить человека потерять силы, волю, достоинство и даже облик человеческий» (с. 533).

Свой лагерный срок она хоть и называет «университетами» – но в горько-ироническом смысле. Керсновская провела ревизию своего «архива иллюзий», но высокой ценой,

и признается, что несколько раз стояла на грани самоубийства, когда казалось, что смерть – наименьшее зло.

Книга Керсновской «неотличима от документа, от мемуара», потому что это и есть документ и мемуар. В книге мало оценок событий, потому что простого и внятного изложения фактов оказывается достаточно. Факты не просто говорят за себя, они вопиют и корчатся от боли. Писательский стиль Керсновской прост и прозрачен, она не нагнетает страсти, а просто документирует события и осмысливает их, но ее дневники представляют собой нелегкое чтение – из-за концентрации в них человеческого страдания. Ярких, значимых эпизодов так много, что даже трудно выбрать что-то для цитирования. Автор рассказывает, как выглядит голод и на что человек способен пойти ради куска хлеба или миски баланды; дает образцы и человеческой низости, и духовных высот; описывает постыдные случаи доносов и, наоборот, открытых выступлений в ее поддержку, когда эта поддержка требовала от людей мужества. Так что эпиграфом к книге можно было бы поставить строки из стихотворения Роберта Рождественского «Случай»: «Какое это чудо – Человек! Какая это мерзость – человек!»

Откуда Евфросиния брала силы, когда они, казалось, были полностью исчерпаны? Что спасало от смерти, насильственной или добровольной? Нередко – чистая случайность. Иногда – встреча с порядочным человеком, придававшая веру. Минуты созерцания красот природы. Возможно, у Керсновской был велик изначальный запас прекрасных иллюзий о жизни и человеке. Согласно Виктору Франклу, в концлагере выживали те, кто обладал индивидуальным смыслом жизни. Керсновская неоднократно пишет о своей любви к осмысленному труду. Она искала смысл даже в каторжном труде заключенного, превра-

1 Шаламов В. *Все или ничего. Эссе о поэзии и прозе*. СПб.: Лимбус Пресс, 2016.

щала его в труд осознанный, всегда выполняла свою работу добросовестно, что также делало ее «инородным телом» в среде заключенных и начальства. Но иначе она не могла. Отсутствие страха, которое она демонстрировала на допросах, в столкновении с заключенными-уголовниками, на тяжелой и опасной работе, она объясняла своей твердой уверенностью, что из-за нее никто из близких не пострадает. В минуты отчаяния она также поддерживала себя иррациональной надеждой: «Человек надеется на лучшее исходя из того, что хуже быть не может!» (с. 110).

Не исключено, что спасительными были и дневниковые записи, которые она начала делать еще в заключении, будучи медсестрой лагерной больницы, и карандашные рисунки – ее большое увлечение и своеобразный графический дневник. В издание «Сколько стоит человек» вошли более тридцати цветных вкладок с этими рисунками, а всего их существует более семисот. Часто их сравнивают с лагерными комиксами или русским лубком. Многие впервые узнали о Керсновской благодаря публикации ее рисунков и фрагментов воспоминаний в постперестроечной печати. В 1991 году издательство «Квадрат» выпустило альбом ее рисунков под названием «Наскальная живопись». На сайте Музея истории ГУЛАГа есть альбомная версия воспоминаний Керсновской: двенадцать тетрадей и 680 рисунков с подписями. Как написано в музейной аннотации, Керсновская сделала три рукописные копии тетрадей, полностью повторив рисунки, и в целях безопасности отдала их на хранение разным людям. Хотя она не была профессиональной художницей, рисунки ее при их наивно-лубочном стиле очень точны и являются органической частью ее письменных воспоминаний.

В своем повествовании Керсновская неоднократно подчеркивает, что в самых тяжелых обстоятельствах, когда ложь, казалось бы, могла облегчить ее участь, она предпо-

читала говорить правду. В мирной жизни она всегда была честна, чтобы не впасть в противоречия. Пройдя лагерные университеты, она приобрела новый мотив для правды: «Правду говорю я из гордости и оттого, что не могу побороть брезгливого отращения ко лжи и трусости» (с. 293). О своем поведении на допросах она говорит так:

«Я твердо верила в то, что называется “академической свободой”: каждый имеет право думать, говорить, писать или читать то, что он считает правдой, и имеет право убеждать каждого в том, что он считает разумным и справедливым» (с. 312).

Нетрудно предположить, что люди, обладающие такой свободой, были обречены стать инородными телами как в сталинском СССР, так и позже.

У Евфросинии Керсновской есть еще одно качество, которым можно только восхищаться. В ее записках нет обиды на страну, которая оказалась к ней так жестока (что, кстати, объединяет ее с другими известными мемуаристами и писателями, бывшими узниками ГУЛАГа).

«Никогда, ни на одно мгновение, мне не приходило в голову, что за все эти безобразия, несправедливость, тупость и прочее ответственность ложится на Россию, мою родину, чей путь был всегда непомерно труден и тернист» (с. 312).

Лояльность Керсновской стране, где ее заставили пройти круги ада, просто удивительна. Вряд ли это можно объяснить ее политической близорукостью, в которой она признавалась в начале мемуаров, – скорее она отделяла страну от правящей диктатуры.

Последняя фраза воспоминаний Керсновской – прямое послание потомкам, предостережение: «Все может повториться. И лучше видеть опасность, чем идти с завязанными глазами» (с. 793).

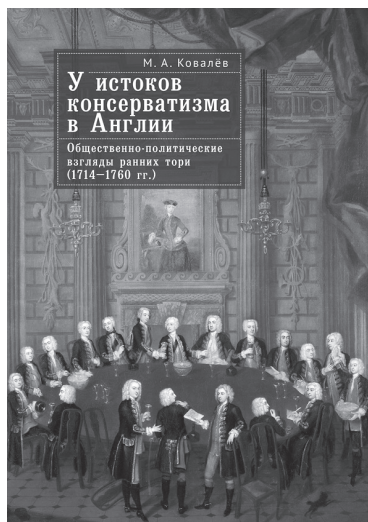
СЕРГЕЙ ГОГИН

**У истоков консерватизма в Англии.
Общественно-политические взгляды
ранних тори (1714–1760 гг.)**

МАКСИМ КОВАЛЕВ

СПб.: Алетейя, 2024. – 360 с. – 500 экз.

Новая книга серии «Pax Britannica» посвящена зарождению консерватизма как общественно-политического течения. Его историю принято отсчитывать от работы Эдмунда Бёрка «Размышления о революции во Франции» (1790), где консерватизм впервые предстал в качестве полноценной систематизированной идеологии. Однако идеям Бёрка предшествовало не одно десятилетие плодотворных политико-философских дискуссий, которые велись в среде британских интеллектуалов. Именно этому периоду и посвящено исследование историка Максима Ковалева (Владимирский государственный университет), подготовленное на основе его кандидатской диссертации, которая была защищена в Институте всеобщей истории РАН в 2017 году.

Зарождение «эмбрионального» консерватизма автор связывает с окончательным поражением якобитских сил в борьбе за британский престол, после которого тори, опиравшиеся на крупную земельную ари-

стократию и выступавшие за сильную королевскую власть, на полвека оказались в оппозиции. В то время в рамках молодой политической силы сосуществовало множество групп, нередко конфликтовавших друг с другом, но обладавших рядом общих признаков, в силу которых автор совокупно зачисляет их в разряд «предшественников консерватизма».

Носителем и распространителем консервативных идей стал довольно широкий круг интеллектуалов-просветителей, очерченный автором уже во введении. В нем можно найти таких «стоцентных» тори, как Генри Болингброк, Джордж Литтлтон, Генри Филдинг, Тобиас Смоллетт, Джонатан Свифт, Александр Поуп и другие скриблерианцы – члены кружка Мартина Писаки (Scriblerus Club), созданного в начале XVIII века в противовес либеральному кружку «Кит-Кэт». Сюда же попадает и беспартийный Дэвид Юм, важность которого для становящегося консерватизма вполне убедительно доказывается на протяжении всей книги. Кроме того, к тори примыкают и так называемые виги-«патриоты»: к числу последних автор относит Филипа Честерфилда, Сэмюэла Джонсона, а также молодого Эдмунда Бёрка.

Книга представляет собой подробный и всесторонний анализ произведений перечисленных выше авторов, причем разброс их жанров предельно широк: скажем, наряду с философскими трактатами Юма в поле авторского внимания оказываются относительно небольшие стихотворения Поупа и памфлеты Свифта. Реконструируя социально-политические взгляды ранних тори, автор не стесняется использовать художественные произведения: в свете того, что в системной репрезентации их идей долгое время сохранялись обширные пробелы, такой подход кажется более чем уместным. Он помогает не только разобраться во мнениях исследуемых мыслителей относительно партий-

ной системы или королевской власти, но и выявить их этические и эстетические предпочтения, в которых с легкостью можно отыскать корни современных консервативных доктрин. В этой связи, кстати, уместно подчеркнуть, что если в вопросах этики и эстетики все торийские просветители удивительно единодушны, то о вопросах политики, истории и экономики ничего подобного сказать нельзя.

Повествование разбито на четыре главы. Первая из них посвящена историческому контексту и философским веяниям эпохи. Лейтмотивом этой части работы можно назвать доказательство того, что ранняя консервативная мысль Англии была неразрывно связана с Просвещением. Вместе с тем, вобрав в свои доктрины универсальные особенности просветительской мысли – такие, например, как эмпиризм и гуманизм, – английские авторы в гораздо большей степени, чем иные просветители, акцентируют проблематику естественных прав, общественного договора, частной собственности, разделения властей и сопротивления тирании: весь тот набор, который послужил основой многих идеологий модерны.

Особое место в идейно-философском своде британских просветителей отводится скептицизму, главным защитником которого выступает Юм. В картине мира, разделяемой его последователями, познание оказывается сложной комбинацией чувственных ощущений и работы разума, чья роль сводится к «пассивному созерцанию абстракций». Такая установка предполагает наличие «среднего арифметического», объединяющего рационализм и иррационализм. Видное значение здесь приписывается категории здравого смысла, не отождествляемого ни с одним из видов знания. По мнению автора, именно такая гносеология, отмеченная еще и пессимизмом, «подготовила предромантические искания Бёрка» (с. 75).

Исторический контекст, в котором создавались изучаемые в книге тексты, характеризуется двумя ключевыми особенностями. Во-первых, их авторы либо сами активно занимаются политикой, либо широко сотрудничают с теми, кто это делает. Во-вторых, все они уже длительное время остаются в оппозиции, из-за чего тори как политическая сила переживают глубочайший идейный кризис. Полувековая гегемония вигов, на которую опираются первые правители Ганноверской династии, приводит к расцвету торговли и городской культуры и, как следствие, влечет за собой относительный упадок аристократии и ее системы ценностей.

В писаниях торийских авторов все это оборачивается сильнее всего неприятием английской социально-политической реальности и выраженным критическим настроем. Новая культура, в том числе политическая, кажется им наглухо погрязшей в пороке. Обращаясь к методу контент-анализа, автор выделяет наборы человеческих качеств, осуждаемых и одобряемых просветителями-тори: если в число первых попадают плутовство, неверие, жадность, хитрость и тщеславие, то среди вторых можно найти благовоспитанность, открытость, простоту и умеренность. Иначе говоря, этические и эстетические принципы, присущие английским тори первой половины XVIII века, не слишком увязывались с нарождавшимися буржуазными ценностями.

Вторая глава посвящена политическим концепциям ранних консерваторов. Рассматривая их воззрения относительно идеальной формы правления, автор сравнивает два текста: эссе Юма «Идея совершенного государства» и трактат Болингброка «Идея о Короле-патриоте». Первый представляет собой описание аристократической и патриархальной федеративной республики, в которой действует что-то вроде разделения властей, а во втором представлена

апология «народной монархии», где король черпает свою легитимность в нации, свободу которой он, выступая для нее моральным авторитетом, обязан защищать. Несмотря на непохожесть двух концепций, автор находит в них похожие основания: во-первых, забота об общем благе выступает базовой целью идеальной политической системы; во-вторых, источником власти представляется волеизъявление народа, а священность королевской персоны есть скорее метафора; в-третьих, власть оказывается так или иначе разделенной. Интересно, однако, что если Болингброк выводит последний пункт из традиционных «англосаксонских свобод», то Юм в его обосновании предпочитает опираться на античные авторитеты, ссылаясь на рассуждения Цицерона и Тацита о конкуренции интересов как истоке общественного благополучия.

Хотя описанные проекты не мыслились их создателями в качестве конкретных политических программ или проработанных концепций, на их примере хорошо видно, насколько сильно воззрения вигов влияли на тори. Принципы конституционализма, общего блага, защиты народных прав, которые составляли основу мировоззрения старых вигов и которые защищал Джон Локк, теперь стали общераспространенными: в интерпретации первых консерваторов именно на них базировалась апология умеренной конституционной монархии, которая представлялась идеальным воплощением «золотой середины» между абсолютной монархией и демократической республикой. В рамках такой концепции партии не являются самостоятельными политическими единицами; они лишь инструменты, позволяющие объединять аристократию вокруг монарха. Кроме того, они используются для консолидации конкурирующих интересов крупных собственников на «общей платформе гражданских и умеренно-монархических ценностей» (с. 144), не перенося борьбу принципов в политическую конку-

ренцию и ограничивая ее материальными вопросами.

Автор отмечает недовольство английских интеллектуалов первой половины XVIII века гегемонией вигов, которые «узурпировали» механизм разделения властей, превратив парламент в «рассадник коррупции». Интересно, что оппозиционные тори и виги-«патриоты» в этом отношении были единодушны: тех и других объединяет неприятие традиционно конфликтного деления правящего класса на соперничающие группы. В частности, Бёрк, продолжая подобную линию, в своем памфлете «Защита естественного общества» доходит до отрицания политики как таковой.

Партийность подвергается жесточайшей критике, причем в глазах атакующих ее мыслителей аристократическое и демократическое правление отмечены одними и теми же недостатками. Осуждая сложившийся порядок вещей, и Болингброк, и Поуп, и Бёрк указывают на одно и то же: на искажение принципа конституционализма денежным интересом, из-за чего страдает интерес национальный. Из этой констатации, однако, отнюдь не делается вывод о том, что от конституционализма следует отказаться – напротив, она стимулирует поиск решений, позволяющих усовершенствовать конституционный строй. Подобные предложения автор делит на радикальные и реформистские; к радикалам он относит Поупа и Болингброка, «чья стратегия напоминает революцию сверху», а к реформистам – Бёрка и Юма, предлагающих путем реформ укрепить аристократические начала в конституции. При этом, по мнению автора, тори очевидно эволюционировали, переходя от яростного противопоставления себя вигам к идейному синтезу, в рамках которого «гражданские свободы закрепляются в виде “традиционной ценности”, а старые общественные учреждения переосмыляются как либеральные по духу» (с. 161).

В следующей главе рассматриваются воззрения ранних консерваторов на прошлое и настоящее человеческого сообщества. Их экономические взгляды отличаются крайней бессистемностью и затрагивают в основном локальную проблематику; здесь интересен, пожалуй, лишь авторский анализ работ Юма, в которых отбрасывается меркантилистская трактовка экономики и закладывается фундамент для более поздних изысканий Адама Смита.

Более любопытным представляется анализ ранними тори религиозных противоречий, раздиравших в ту пору английское общество. Большинство авторов, независимо от своих личных религиозных ориентаций, закрепляли за религией функцию важного социального регулятора, который, однако, не должен становиться наиглавнейшим. В публичном пространстве порядочный гражданин должен уважительно относиться к церкви и религии, причем независимо от собственных убеждений на этот счет. Согласно консолидированному мнению всех рассматриваемых мыслителей, религиозную дискриминацию необходимо было смягчить, а инициированные предыдущими монархами религиозные гонения признать ошибочными.

В своих исторических и внешнеполитических взглядах тори первой половины XVIII века, как полагает автор, «всецело унаследовали от своих предшественников социальные предрассудки “помещика средней руки”» (с. 212). Исторический процесс в их работах предстает в виде не закономерного явления, развивающегося по объективным законам, а набора случайных обстоятельств и личных выборов. Свергнувшие Стюарты вызывают у них симпатию, а нарушение законности предстает чуть ли не главным злом истории, но вместе с тем абсолютистские наклонности монархов порождают просветительское раздражение. В конце этой главы Ковалев делает интереснейшее наблюдение: поскольку

консерватизм, создаваемый тори, был вынужден опираться не только на земельных собственников, но и на новый средний класс, он воспринимался не как «осмысленные унаследованные ценности», а как продаваемый идеологический товар – иначе говоря, его деятельность хорошо вписывалась в обозначенный Эриком Хобсбаумом процесс изобретения традиций, которые «реставрировались на новой методологической основе и в интересах новых слоев» (с. 212).

Последняя глава, целиком посвященная анализу художественных текстов, оказывается едва ли не самой интересной частью книги. Ее большая часть посвящена творчеству Свифта, в сатире которого обличались практически все слои и институты британского общества, не исключая и самого короля. В этой связи автором исключительно подробно рассматриваются социально-политические аспекты «Путешествий Гулливера». Затрагиваются также поэзия и публицистика с присущим им фундаментальным обоснованием христианской этики с позиции разочаровавшегося в обществе писателя, причем автор видит в этом «свидетельство тупика торизма как общественно-политической идеологии» (с. 244). Последующие мыслители искали и предлагали выходы из этого тупика: например, скриблерианцы и романисты-реалисты разделяли социально-критическую иронию Свифта, находя утешение в деревенской пасторали и морализаторстве.

В этой же главе прослеживается художественная и интеллектуальная эволюция ранних консерваторов от осмеяния любых убеждений (в том числе и собственных, не прошедших проверку историей) к «адаптации вигских идей о личном интересе и о праве, призванном его охранять» (с. 318). В констатации этого примирения и заключается основной вывод автора. Торизм, по его мнению, не отверг идей вигов, а твор-

чески интегрировал их в свое мировоззрение путем «фундаментального теоретического синтеза в новое целое» (с. 319). Тем самым был сформирован идейный багаж, послуживший основой как для поздних работ Бёрка, так и для всего консерватизма XIX века. Подобный подход позволяет также объяснить глубокую внутреннюю

связь между классическими вариантами либерализма и консерватизма, которые по мере эволюции политических идеологий все заметнее сближались и в современных условиях стали практически неотличимыми друг от друга.

АНТОН КУТЕЕВ

Summary

Most of the materials in the 154th *NZ* issue cluster around three main themes that are extremely relevant today.

The first thematic block is called “AUTHORITARIAN TRANSFORMATION: FROM «STATE CAPTURE» TO A REVOLUTION IN LEGISLATION”. The texts collected here talk about various cases of “appropriation of the state” that externally maintain a pretence of keeping the preexisting form of government and even a considerable part of the legislation, and, conversely, they bring up other examples, ones involving decisive transformations of a state’s governance structure and body of laws with the aim of strengthening the new regime.

The block opens with a translation of the speech that the French lawyer and statesman Jean-Baptiste Treilhard (1742–1810) gave at a meeting of the Corps législatif in 1808. Treilhard presents here the new Code of Criminal Procedure, which by that time had been developed by a special committee of the French Council of State by order of Emperor Napoleon Bonaparte. The committee produced both the Code of Criminal Instruction of 1808 and the Penal Code of 1810, which remained in force until 1958 and 1994, respectively. Treilhard explains the reasoning behind and main provisions of the Code of Criminal Instruction, demonstrating the historical logic behind the country’s new legislation that proved to be one of the most important results of the revolution of 1789–1799, but, at the same time, served to strengthen

Napoleon’s regime and promote a kind of “national reconciliation” within the emperor’s domain.

The topic of a “stabilizing” legislation, which in itself is a revolutionary concept in legal practice, is further developed in the *NZ ARCHIVE* section. It offers an excerpt from the book by the French jurist Maxime Leroy (1873–1957), entitled “*L’esprit de la législation napoléonienne esquisse d’une étude critique*”, with a historical and legal overview of the French Penal Code of 1810.

The first thematic block continues its exploration of how democratic forms of government and authoritarian mechanisms can coexist (sometimes conflicting, but often working together) by offering the readers a fragment of the memoirs of the Syrian politician Khalid al-Azm (“*Mudhakkirāt Khalid al-Azm, al-mujallad al-thānī*”), who repeatedly served as minister and head of government after the Second World War. The chosen excerpt refers to the early 1950s, the short period of parliamentarism in Syrian history, when elections held in the country were at least partially democratic. Al-Azm clearly shows how the party system and the electoral landscape in Syria were shaped by the interests of certain ethnic and religious groups, powerful clans, tribes, state institutions, and social classes. The short and turbulent era of parliamentarism in Syria ended with the 1963 coup d’état, which brought the Ba’ath Party to power. Khalid al-Azm was forced to flee the country; he died in exile.

The thematic block ends with the article by Anastasia Kirichek entitled

“*Seize the Day – Capture the State*”: *Politics and Corruption in Theory and in Practice*”, in which the author examines several methods and mechanisms of “state capture” by authoritarian regimes or even organized criminal groups, that have emerged in post-war practice.

The exploration of the dialectical relationship between democratic forms of government and authoritarian tendencies and practices concludes with the new instalment of Tatiana Vorozheikina’s column **THE REVERSE OF THE METHOD**. This time, Vorozheikina is looking at Argentina in the late 1950s and early 1960s – the “democratic era” between the overthrow of Juan Domingo Perón in 1955 and the next military coup after that. The author demonstrates how the apparently democratic politics of this period were in fact the result of a power struggle between the political successors of the first dictatorship of Perón, and the authoritarian tendencies of the highest ranks of the military.

The second thematic block of the 154th *NZ* issue is called “**IN THE MARGINS OF MAINSTREAM: SOCIOPOLITICAL CIRCUMSTANCES OF SCIENTIFIC AND CULTURAL PRODUCTION**”. Most of the texts published here are materials from the conference “*«Minority Science» in the Short 20th Century: Imagining Science from the Margins of Academia*”, held in Prague in the spring of 2023 by the Masaryk Institute and Archives of the Czech Academy of Sciences.

The collection opens with a short introduction by one of the event organizers, Jan Surman. Then the Turkish researcher Göktuğ İpek offers a historical overview of the persecution of left-wing academics at Ankara University during the late 1940s, at the very time when “democratization” had been announced in Turkey and the country was allegedly transition-

ing to a multi-party system. The author’s chosen topic, that is extremely relevant to today’s Russia and some other post-Soviet countries, is the process of transforming mainstream humanities scholars and sociologists into outcasts through the efforts of their ideological opponents and the state itself. A process that culminates in their forced displacement and emigration (which allowed the scholars from İpek’s article to stay in academia and have rather successful careers).

The piece by the American science historian Slava Gerovitch, “*The Kitchen and the Dacha: Productive Spaces of Soviet Mathematics*”, is devoted to the functioning of one of the most flourishing sciences of the Soviet era, mathematics, in the period between the 1960s and the early 1980s. Gerovitch shows how formal academic spaces (research institutes, higher education institutions, the academy of sciences) combined with informal ones characteristic of the Soviet intelligentsia of that era (the kitchen, the dacha).

The block wraps up with a discussion concerning the margins of cultural (rather than scientific) mainstream. In a conversation with the Nizhny Novgorod-based street artist Siniy Karandash (Blue Pencil), Igor Kobylin brings up the not so distant past when street art was close to becoming a mainstream cultural phenomenon in Nizhny Novgorod (referred to as the “capital of Russian street art” in the 2000s and early 2010s), and considers how nowadays this movement is being rapidly marginalized.

In the third main theme of the 154th issue 154 – “**WORLD WAR I: JUST BEHIND THE FRONT LINE. EYEWITNESS ACCOUNTS**” – we look at what happens in the “intermediate” zone between military the front lines and the rear. It is here that the biggest humanitarian catastrophes of the modern wars have taken place

(and are still taking place): hostilities and policies of the belligerent states bring devastation to the local civilian population, and the main medical treatment facilities for the primary victims of war (wounded military personnel) are also located in this very area.

The former of the two issues is represented with an excerpt from Shimon Eisenberg's book of memoirs written in Yiddish "*Dust of War. Memoirs of a Refugee from Lithuania, 1915–1917*" (1935). In 1915, the Russian Empire authorities, faced with a series of military failures on the German front, decided to deport the Jewish population from the territory of present-day Lithuania and Latvia to the central governorates of the country. The local Jewish communities found themselves under triple threat at once – vulnerable to the advancing German army, the anti-Semitic local peasantry, and the equally hostile Cossacks from the Russian army. Eisenberg himself was able to save his family, taking them first to Moscow, and then to South Africa, where they ended up settling. His completely forgotten book is an invaluable account of an episode from the history of World War I that is not very widely known.

The second publication in this section is no less historically important: it is an excerpt (translated into Russian for the first time ever) from the non-fiction book by the American Ellen La Motte entitled "*The Backwash of War: The Human Wreckage of the Battlefield as Witnessed by an American Hospital Nurse*", that

caused a stir soon after its release in 1916. Before World War I, La Motte worked as a tuberculosis nurse; in 1915, following the advice of her friend, the classic modernist writer Gertrude Stein, she volunteered to serve as a war nurse at a French military hospital in Belgium. Her book is about this experience; for La Motte, the catastrophe of war is not solely about the havoc it wreaks on the human body, she also interprets war as a mental and social disease. This excellent piece of writing (some critics consider La Motte's style to be the precursor of Ernest Hemingway's "iceberg theory") was banned by American censors after the United States entered the war in 1917, and republished only in 1934.

Some of the other noteworthy materials in this issue include a translation of a public lecture given by the German orientalist, essayist and translator Stefan Weidner, entitled "*Conflicting Perceptions: A Journey through Modern (Mis)Readings of the Qur'ān*", and a detailed historical analysis of the main plot points of Yulian Semyonov's spy novels, undertaken by Boris Sokolov in light of the most recent editions of Semyonov's books being released (complete with documents related, in particular, to the television series "Seventeen Moments of Spring"). The 154th NZ issue also contains other book reviews, as well as the latest instalments of the Alexei Levinson's regular column SOCIOLOGICAL LYRICS and the RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS REVIEW by Alexander Pisarev.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com **eurozine**

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс П3832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, 8 +7 495 789-35-91

«Фаланстер» М. Гнездиновский пер., 12/27 +7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе) 4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод) +7 495 926-30-42

«Циолковский» Пятницкий пер., 8 +7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства Лиговский пр., 27/7 +7 812 579-50-04 +7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский» ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж») +7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский» ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр») +7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» ул. Б. Покровская, 46 +7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский» ул. Ленина, 54 +7 342 243-03-51